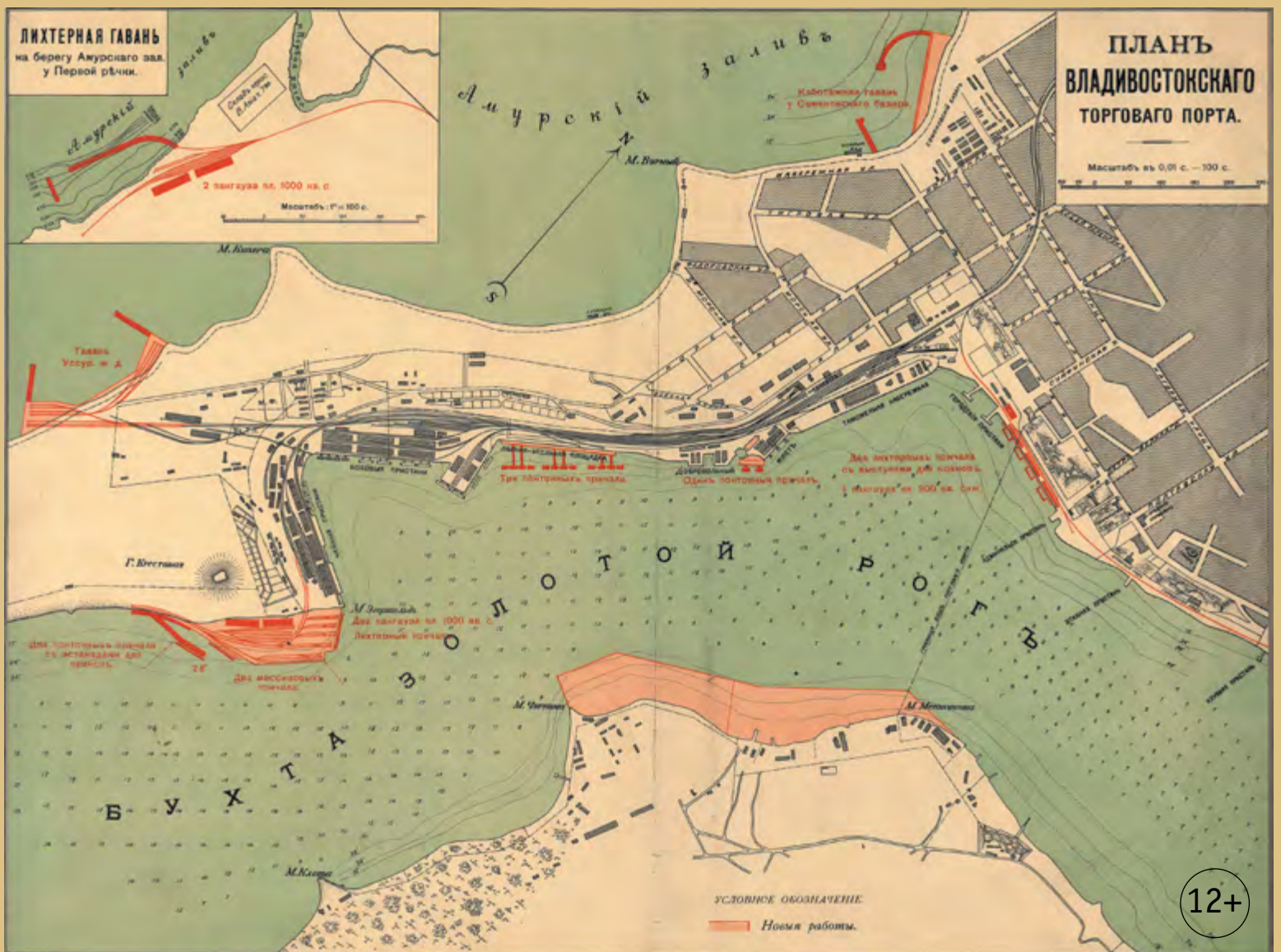

2023 / 2(76)

регионы. окраины и центры /
regions. peripheries and centres

проект
байкал /
project
baikal

VI ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

2023

Тема: «Архитектурное и градостроительное наследие, как стратегический ресурс социально-экономического развития территорий России»

8 — 10 июня
г. Самара

Фестиваль «Архитектурное наследие» это:

- Уникальная коммуникативная площадка для профильных специалистов и представителей органов исполнительной власти в области охраны памятников культуры, научной реставрации, приспособления и регенерации памятников архитектуры и садово-паркового искусства;
- Тематические конкурсы среди реставраторов и архитекторов;
- Выставка достижений регионов России в сфере сохранения и развития объектов архитектурного, градостроительного, инженерного и ландшафтного наследия, рационального использования памятников архитектуры и садово-паркового искусства;
- Выставка строительных материалов и технологий;
- 3 дня деловой программы с ведущими отечественными и зарубежными спикерами;
- Официальный каталог по итогам фестиваля, который распространяется среди архитектурного и реставрационного сообщества России.

Ждём Вас на фестивале!

www.archnasledie.ru

Организатор: При поддержке:

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИНИСТРОМ
РОССИИ

ПРАВИТЕЛЬСТВО
МОСКВЫ

КОМИТЕТ
ПО АРХИТЕКТУРЕ
И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВУ
ГОРОДА МОСКВЫ

ПРАВИТЕЛЬСТВО
САМАРСКОЙ
ОБЛАСТИ

АДМИНИСТРАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ОКРУГА
САМАРА

Весна этого года получилась насыщенной событиями.

В апреле были названы победители открытого архитектурного конкурса на реконструкцию здания Красноярского государственного театра оперы и балета имени Д. А. Хворостовского (16). В Москве прошло годовое собрание Российской академии архитектуры и строительных наук (7–15). Среди многих серьезных мыслей о роли архитектора в контексте сегодняшнего непростого времени в программной статье академика Дмитрия Швидковского звучит особо актуальная для исторических городов (к коим имеет честь принадлежать Иркутск): жизненно необходимо как внутри градостроительного сообщества, так и среди деятелей соответствующих ветвей власти стремиться сформировать абсолютно уважительное, заинтересованное или хотя бы толерантное отношение к отечественному наследию – для укрепления патриотизма и чувства Родины у граждан России. Необходимо сохранение традиционных пространств и типов зданий и восстановление их, где это возможно (8).

Об актуальной выставке «Восстановление разрушенных городов» рассказывает ее идеолог и автор академик Дмитрий Буш (12).

Ну а главная тема посвящена регионам и меняющимся отношениям центров и окраин. В этом тысячелетии начинает бурно развиваться сетевая модель мировосприятия, и в Дискуссионном клубе ПБ, модерлируемом Константином Лидиным, мы говорим о многомерном пространстве, в котором одновременно существует множество центров и, соответственно, множество периферий. Понятие центра, таким образом, становится относительным: любое место можно назвать центром, если подобрать к этому подходящую плоскость, в которой расположена подходящая сеть.

В теоретических статьях наших постоянных авторов обсуждается развитие традиционных понятий – центра и периферии, «сердца» города, национальной архитектуры. На конкретных примерах поселений Арктической России и старинного Курска рассмотрены новые смыслы, делающие эти места центрами внимания.

Елена Григорьева

This year, the spring is full of events.

In April the winners of the open architectural competition for the reconstruction of the D.A. Hvorostovsky Krasnoyarsk State Opera and Ballet Theatre were announced (16). The annual meeting of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences was held in Moscow (7-15). The program article of academician Dmitry Shvidkovsky contains many serious thoughts about the role of the architect in the context of these difficult times, among which is one that sounds particularly relevant for historic cities (to which Irkutsk has the honour to belong): it is vitally important both for the urban planning community and the representatives of corresponding branches of government to seek to form an absolutely respectful, interested or at least tolerant attitude to the national heritage in order to strengthen patriotism and the sense of homeland among Russian citizens. Traditional spaces and building types need to be preserved and restored where possible (8).

The topical exhibition “Restoration of Destroyed Cities” is described by its ideologist and author, academician Dmitry Bush (12).

The main theme of the issue is devoted to the regions and the changing relationship between centres and peripheries. In this millennium, the network model of world perception begins to develop rapidly, so in the Discussion Club moderated by Konstantin Lidin we talk about the multidimensional space in which there are many centres and, consequently, many peripheries. Thus, the notion of the centre becomes relative: any place can be called a centre if we find a suitable plane with a suitable network to match it.

The theoretical articles of our regular contributors discuss the development of traditional notions of centre and periphery, of the ‘heart’ of a city, of national architecture. Specific examples of settlements in Arctic Russia and old Kursk are used to explore the new meanings that make these places centres of attention.

Elena Grigoryeva

Журнал зарегистрирован
Восточно-Сибирским
управлением Федеральной
службы по надзору
за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного
наследия.
Свидетельство
ПИ №ФС13-0180 от
16.11.2007

**учредитель,
главный редактор**
Е. И. Григорьева

12+

**корректоры,
литературные редакторы**
Марина Ткачева,
Инесса Бражникова,
Анна Стародубцева
дизайн, верстка
Татьяна Анненкова
**заместитель
главного редактора
по международной
деятельности**
Анна Григорьева
на обложке План
Владивостокского
торгового порта. 1915
4 обложка Вверху –
придомовые пирсы жилой
застройки острова Борнео.
Фото К. В. Камаловой.

Внизу – Рим эпохи империи. Изменение структуры
города после пожара при Нероне. Макет
адрес издателя, редакции
664025, Иркутская обл., г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com
адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
664043, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Сергеева, 5/5
Тираж 100 экз. Заказ 207
Подписано в печать 18.05.2023
Журнал №2(76) от 30.05.2023
Использование текстовых и фотоматериалов,
опубликованных в настоящем издании, допускается только
с письменного разрешения редакции. За содержание
рекламной информации редакция ответственности не
несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением
авторов.
Периодичность 1 раз в квартал. Цена свободная

Золотая медаль Международной
академии архитектуры
«Интерарх-2009» в номинации
«Периодические издания» /
Golden medal of the International
Academy of Architecture
“Interarch-2009” in “Periodicals”
category

76

регионы, окраины
и центры / regions,
peripheries and centres

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс **Академии Google (Google Scholar)**
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**

2
2

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
	Дмитрий Буш	Конкурс на медали и дипломы РААСН 2023	7
	Дмитрий Швидковский	Восстановление России.....	8
	Дмитрий Буш	Восстановление разрушенных городов. 1943–2023.....	12
	Сергей Ямалетдинов	Итоги архитектурного конкурса в Красноярске.....	16
фотогалерея	Ольга Головчанская Елена Григорьева	50 лет открытию специальности АРХИТЕКТУРА в Иркутске.....	18
коротко	Елена Григорьева	20
РЕГИОНЫ. ОКРАИНЫ И ЦЕНТРЫ		21
	Андрей Боков, Александр Гимельштейн Елена Григорьева Константин Лидин Андрей Макаров Сергей Маяренко	Регионы. Окраины и центры. Сети городов. Дискуссионный клуб ПБ	22
	Петр Капустин	Апология периферии	30
	Леонид Салмин	Концепт сердца в символической анатомии города	39
	Александр Раппапорт	Заметки о русской архитектуре	46
	Елена Багина	О русском и русском стиле.....	50
	Дмитрий Соловьев Любовь Шилова Сергей Гулев	Проблемы энергообеспечения удаленных территорий Российской Арктики.....	60
	Ольга Воличенко Татьяна Цурик	Визуальная навигация и пешеходные пространства	66
дальний восток и сибирь	Елена Григорьева	73
	Антон А. Ким Михаил Базилевич	Торговый порт Владивостока в проектах первых зодчих	74
	Михаил Базилевич Екатерина Глатоленкова	Вокзал Владивостока: проекты и реконструкция начала XX века	82
	Алина Иванова	Военные инженеры и А. И. фон Гоген – создатели Порт-Артура.....	86
	Яна Чуй, Клавдия Камалова Ирина Кукина	Методы реконструкции жилых территорий массовой застройки.....	94

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva

proofreaders, literary editors
Marina Tkacheva, Inessa Brazhnikova, Anna Starodubtseva
upmaking
Tatyana Annenkova
associate editor-in-chief for international activity
Anna Grigorieva
front cover image
Vladivostok Commercial Port Master Plan. 1915
back cover image

Top: Adjacent piers of the residential development of the island of Borneo. Photo by K. V. Kamalova.
Bottom: Rome in the Age of Empire. The changing structure of the city after the fire under Nero. Model

address of the publisher and the editorial board
664025, 1a Cheremkhovsky Pereulok, Irkutsk, Irkutsk Region, Russia
tel. +7 3952 332839,
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

printed by
000 "Tipografia Print Line"
664043, 5/5 Sergeeva Street, Irkutsk, Irkutsk Region, Russia
print run 100, order 207
passed for printing: 18.05.2023
issue 2(76) of 30.05.2023

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors
Quarterly publication. Free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (DOAJ)
- the Avery Index to Architectural Periodicals
- Google Scholar
- Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (OAI)
- JournalTOCs
- SHERPA/RoMEO
- PKP index
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI) database
- Since 2019 the journal has been indexed in SCOPUS
- included in the List of Refereed Publications recommended by the State Commission for Academic Degrees and Titles

12+

- база данных PKP index
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
- с 2019 года индексируется в SCOPUS
- входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов:
Architecture MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA и Kaira Looor, архитектурных фестивалей «Зодчество в Сибири» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the Architecture MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA and Kaira Looor, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

	Клавдия Камалова Елена Логунова Ирина Кукина	Конверсионные территории – катализатор городского развития	102
	Андрей Бодэ Светлана Петрова Марина Салимова Алексей Салимов	Петропавловская церковь в Нагорном Иштане Томской области	112
	Роман Малинович Александра Чичкань	АрхБухта. Преломление/23.....	118
	Валерий Козлов Иван Хомутинников	Зимник-2023: градостроительное наследие и трансформация Усожья-Сибирского.....	122
		Команда «Melh»	124
		Команда «Моногорожане»	125
		Команда «3»	126
		Команда «Кирзавод»	127
		Команда «5»	128
		2024 – юбилей градостроительного семинара	129
	Елена Евсеева Валерий Цой	АРХИГЕШ-2023.....	130
зарубеж	Елена Григорьева Константин Лидин	133
	Лариса Копылова	Новый урбанизм в Европе и США: национальные школы	134
	Фирас Гандах Майсолин Аль-Адайлах Омния Шейха	Урбанизация исторических мест: пример крепости Ас-Села.....	148
	Али Салем Альшурман РаЕд Какиш	Акустика традиционного жилища и музыка Иордании	156
	Моайяд Шафик Хамза	Пространство театральной сцены на Востоке и на Западе	164
	Адилет Кожаметов Инам Асим Алексей Абилов	Роль общественных пространств мирового класса в Кардиффе.....	171
	Ольга Баева	Ани: градостроительная идея Нового города и ее преемственность.....	184
наследие	Ирина Грин	Городские сервитуты Древнего Рима и их влияние на развитие города	190
авторы		196

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
	Dmitry Bush	RAACS 2023 Competition for Medals and Diplomas.....	7
	Dmitry Shvidkovsky	Restoring Russia	8
	Dmitry Bush	Reconstruction of destroyed cities. 1943-2023	12
	Sergey Yamaletdinov	Results of the architectural competition in Krasnoyarsk	16
photo gallery	Olga Golovchanskaya		
	Elena Grigoryeva	50th anniversary of the opening of the specialty Architecture in Irkutsk. A-73-1, 2, 3	18
in brief	Elena Grigoryeva	20
REGIONS. PERIPHERIES AND CENTRES		21
	Andrey Bokov, Alexander Gimelshteyn		
	Elena Grigoryeva		
	Konstantin Lidin		
	Andrey Makarov		
	Sergey Mayarenkov	Regions. Peripheries and centres. Networks of cities. PB Discussion Club	22
	Petr Kapustin	The apology of the periphery	30
	Leonid Salmin	The heart concept in the symbolic anatomy of the city.....	39
	Alexander Rappaport	Notes on Russian architecture	46
	Elena Bagina	About the Russian and the Russian style.....	50
	Dmitry Solovyev		
	Lyubov Shilova		
	Sergey Gulev	The problems of energy supply of the Russian Arctic remote territories	60
	Olga Volichenko		
	Tatiana Tsurik	Visual navigation and pedestrian spaces.....	66
the far east and siberia	Elena Grigoryeva	73
	Anton A. Kim		
	Mikhail Bazilevich	Vladivostok Commercial Port in the projects of the first architects	74
	Mikhail Bazilevich		
	Ekaterina Glatolenkova	Vladivostok Railway Station: Designs and reconstruction of the early 20th century	82
	Alina Ivanova	The creators of Port Arthur: Military engineers and A. I. von Gogen	86
	Yana Chui, Klavdia Kamalova	
	Irina Kukina	Methods of reconstruction of large-scale residential development areas.....	94
	Klavdiia Kamalova		
	Elena Logunova		
	Irina Kukina	Conversion areas as a catalyst of urban development	102
	Andrey Bode		
	Svetlana Petrova		
	Marina Salimova		
	Alexey Salimov	Peter and Paul Church in the village of Nagorny Ishtan, Tomsk region	112
	Roman Malinovich		
	Alexandra Chichkan	ArchBukhta. Refraction/23	118
	Valery Kozlov		
	Ivan Khomutinnikov	Zimnik 2023: Urban heritage and transformation of Usolye-Sibirskoye	122
	Elena Evseeva		
	Valery Tsoy	ARCHIGESH 2023.....	130
abroad	Elena Grigoryeva		
	Konstantin Lidin	133
	Larisa Kopylova	New Urbanism in Europe and the USA: National schools.....	134
	Firas Gandah		
	Maysoleen Al-Adayleh		
	Omniya Sheikha	Urbanization of historical places: Case of As-Sela' fortress	148
	Ali Salem Alshurman		
	RaEd Qaqish	Acoustics of a traditional dwelling and music of Jordan	156
	Moayyad Shafeeq Hamza	The space of the theater stage in the East and in the West.....	164
	Adilet Kozhakhmetov		
	Aseem Inam		
	Alexey Abilov	A role of the "world-class" public realm in Cardiff	171
	Olga Baeva	Ani: An urban planning idea for the New City and its continuity	184
heritage	Irina Grin	Urban servitudes in Ancient Rome and their influence on the city development.....	190
authors		196

Copenhagen 2023: Sustainable Futures – Leave No One Behind

The 28th World Congress of Architects will take place on 2-6 July 2023 in Copenhagen, Denmark.

The Congress invites architects and professionals from the building and planning communities to back the UN 17 Sustainable Goals, to innovate and discover sustainable solutions and to enable a leap forward towards accomplishing the goals by 2030.

The Golden Cubes Awards, 5th Edition

The International Union of Architects (UIA) is pleased to announce the results of the fifth edition of the Golden Cubes Awards, organised by the UIA Architec-

ture and Children Work Programme.

Created to honour people and/or organisations that help children and young people to understand architecture and the built environment better, this prize is awarded in 4 categories: Institutions, Schools, Written Media and Audio-Visual Media.

The International Jury met virtually on 29 March and 18 April 2023 to evaluate the national nominated entries and select one in each category for an Award. The jury also selected 8 additional entries for Honourable Mentions.

UIA International Innovative Health Design Awards

The UIA is pleased to announce the

results of the first edition of the International Innovative Health Design Awards, organised by the UIA Public Health Work Programme.

In recognition of the essential roles that architects fulfil in social and environmental well-being, the UIA sought to recognise the efforts of architects in addressing ways of dealing with the effects of future calamities and Design for Health, through works of architecture and architectural research.

The Awards were open to all practicing architects and architecture academics, and participants were invited to submit entries in one of two categories 'Built Work' and 'Theoretical Work':

Международные новости архитектуры / International Architecture News

В новостях сообщается о XXVIII Всемирном конгрессе архитекторов и VI Бакинском международном архитектурном конкурсе. Представлены результаты конкурса «Золотые кубы», Международной премии за инновационный дизайн в области здравоохранения и конкурса на переосмысление акрополя Бырсы и восстановление Национального музея Карфагена в Тунисе.

Ключевые слова: Международный союз архитекторов; премия; международный конкурс. /

The news announces the 28th World Congress of Architects and the 6th Edition of the Baku International Architecture Award. It presents the results of the Golden Cubes Awards, the International Innovative Health Design Awards and the Competition for the Requalification of Byrsa Acropolis and Rehabilitation of the Carthage National Museum in Tunisia.

Keywords: International Union of Architects; award; international competition.

Копенгаген-2023: «Устойчивое будущее – не оставляя никого позади»

XXVIII Всемирный конгресс архитекторов пройдет 2–6 июля 2023 года в Копенгагене (Дания).

Конгресс приглашает профессиональных архитекторов, строителей и планировщиков поддержать 17 Целей устойчивого развития ООН, внедрить инновации и найти устойчивые решения, а также совершить скачок вперед на пути достижения целей к 2030 году.

V Премия «Золотые кубы»

Международный союз архитекторов (МСА) рад объявить результаты пятого выпуска премии «Золотые кубы», организованной рабочей программой МСА «Архитектура и дети».

Созданная для чествования людей и/или организаций, которые помогают детям и подросткам лучше понять архитектуру и окружающую среду, эта премия присужда-

ется в 4 категориях: учреждения, школы, печатные СМИ и аудиовизуальные СМИ.

Международное жюри провело виртуальные заседания 29 марта и 18 апреля 2023 года, чтобы оценить национальные заявки и выбрать по одной в каждой категории для присуждения премии. Восемь работ было удостоено поощрительными премиями.

Международная премия МСА за инновационный дизайн в области здравоохранения

МСА рад объявить результаты первой Международной премии за инновационный дизайн в области здравоохранения, организованной Рабочей программой МСА по общественному здравоохранению.

Признавая важную роль, которую архитекторы играют в обе-

^ Станция для восстановления водных ресурсов в Исине, Китай, по проекту SUP Atelier of THAD (Китай), лауреат Международной премии МСА за инновационный дизайн в области здравоохранения в категории «реализованные проекты» / Water Resource Recovery Facility (WRRF) in Yixing, China by SUP Atelier of THAD (China), winner in the Built Work category, UIA International Innovative Health Design Awards

Requalification of Byrsa Acropolis and Rehabilitation of the Carthage National Museum

BEZ+KOCK ARCHITEKTEN represented by Thorsten Kock in consortium with Koeber Landschaftsarchitektur and Grauwald Studio has received first prize in the international one-stage design competition for the Requalification of Byrsa Acropolis and Rehabilitation of the Carthage National Museum in Tunisia.

The UIA-endorsed competition was organised by Expertise France, in collaboration with the Tunisian Ministry of Culture and with the support of the European Union. Participants in this international competition submitted

their projects anonymously.

The 94 projects from 30 different countries will be exhibited in the former premises of the National Museum of Carthage beginning mid-May 2023.

The 6th edition of the Baku International Architecture Award. Region II

The Ministry of Culture of the Republic of Azerbaijan and the Union of Architects of Azerbaijan have launched the 6th Edition of the Baku International Architecture Award.

This biennial award, open to all qualified architects in the world and endorsed by the UIA since 2013, seeks to discover new ideas for the development and implementation of urban planning and

architectural designs, more meaningful design for buildings and structures, search for composition, volumetric and spatial solutions, and the implementation of practical ideas to achieve the maximum diversity.

Deadline for submission of entries: September 1, 2023.

More information:

<https://www.uia-architectes.org/>

спечении социального и экологического благополучия, МСА стремится отметить усилия архитекторов, направленные на поиск путей преодоления последствий будущих бедствий и проектирование для здоровья с помощью архитектурных объектов и архитектурных исследований.

Премия открыта для всех практикующих архитекторов и ученых в области архитектуры; участникам было предложено представить работы в одной из двух категорий:

«реализованные проекты» и «теоретические работы».

Переосмысление акрополя Бырсы и восстановление Национального музея Карфагена

Фирма BEZ+KOCK ARCHITEKTEN в лице Торстена Кока совместно с Koeber Landschaftsarchitektur и Grauwald Studio получила первую премию в международном одноэтапном конкурсе на переосмысление акрополя Бырса и восстановление национального музея Карфагена в Тунисе.

Конкурс, одобренный МСА, был организован компанией Expertise France в сотрудничестве с Министерством культуры Туниса и при поддержке Европейского Союза. Участники этого международного конкурса представили свои проекты анонимно.

94 проекта из 30 разных стран будут выставлены в бывшем помещении Национального музея Карфагена с середины мая 2023 года.

VI Бакинская международная архитектурная премия. Регион II

Министерство культуры Азербайджанской Республики и Союз архитекторов Азербайджана объявили о начале проведения VI Бакинского международного архитектурного конкурса.

Эта премия, присуждаемая раз в два года квалифицированным архитекторам мира и поддерживаемая МСА с 2013 года, направлена на выявление новых идей для разработки и реализации градостроительных и архитектурных проектов, более осмысленное проектирование зданий и сооружений, поиск композиционных, объемных и пространственных решений, реализацию практических идей для достижения максимально разнообразия.

Крайний срок подачи конкурсных работ: 1 сентября 2023 года.

Дополнительная информация:

<https://www.uia-architectes.org/>

< Проект BEZ+KOCK ARCHITEKTEN, представленный Торстеном Коком в консорциуме с Koeber Landschaftsarchitektur и Grauwald Studio (Германия). Первое место в конкурсе на переосмысление акрополя Бирсы и восстановление Национального музея Карфагена в Тунисе / Project by BEZ+KOCK ARCHITEKTEN represented by Thorsten Kock in consortium with Koeber Landschaftsarchitektur and Grauwald Studio (Germany), first prize in the Competition for the Requalification of Byrsa Acropolis and Rehabilitation of the Carthage National Museum in Tunisia.

Дается характеристика конкурса на медали и дипломы по новым правилам. Подчеркиваются преимущества новой схемы, повышение активности соискателей и участников голосования. Перечисляются победители конкурса.

Ключевые слова: отделение архитектуры РААСН; конкурс на медали и дипломы; новые правила; победители конкурса. /

The article describes the new rules of the competition for medals and diplomas. It highlights the advantages of the new procedure and increased activity of applicants and voters. It also presents the winners of the competition.

Keywords: Architecture Department of the RAACS; competition for medals and diplomas; new rules; winners of the competition.

^ Проект реставрации Дома Наркомфина в Москве

Конкурс на медали и дипломы РААСН – 2023 / RAACS 2023 Competition for Medals and Diplomas

Отделение архитектуры РААСН в 2023-м году провело конкурс на медали и дипломы по новым правилам. По прежним правилам сам соискатель награды выдвигал свою работу на конкурс и присылал в академию издание либо проектный альбом с довольно большим пакетом документов. Голосование проводилось среди членов Бюро отделения и утверждалось Президиумом академии. Подготовка альбома и сбор пакета документов отпугивали многих соискателей; в результате в некоторые годы в конкурсе участвовало всего несколько проектов и несколько изданий.

Новые правила практически повторяют схему проведения крупных международных конкурсов – Нобелевской премии, Оскара, Букера. Постройку, проект или издание выдвигают члены академии или ряд общественных организаций. Для выдвижения нужна одна страница с изображением постройки или проекта либо с обложкой издания, с кратким описанием, названием и авторским коллективом. Из присланных заявок формируется лонг-лист конкурса, который на заседании Бюро отделения детально рассматривается и сокращается до шорт-листа. Все авторы, попавшие в шорт-лист, представляют альбом или издание в электронном виде с парой сопроводительных документов. Информация по каждому претенденту вывешивается на сайте отделения, и по ней происходит анонимное тайное голосование среди всех

членов отделения по отдельным номинациям. Работы, набравшие наибольшее количество голосов, после утверждения на Президиуме объявляются победителями.

Следует отметить, что новая система проведения конкурса позволила вместо десятка работ, как было в прошлые годы, собрать на конкурс более 50-ти соискателей, из которых 48 вошли в шорт-лист. Среди них в явном большинстве оказались постройки, проекты и издания из регионов, что выгодно отличало этот конкурс от конкурсов прошлых лет, когда большинство соискателей были из Москвы и Санкт-Петербурга. Вторым отличием можно назвать резкое увеличение числа голосовавших за награды. Если в прежние годы голосовали только члены Бюро отделения (менее 10% от числа членов отделения), то теперь проголосовали более 40% от числа академиков и членов-корреспондентов по отделению архитектуры.

Золотая медаль была присуждена **проекту реставрации Дома Наркомфина в Москве**, построенного по проекту Моисея Гинзбурга. Авторы проекта реставрации – Гинзбург А. В., Шилова Н. Б., Кузина М. В., Тунина И. Б., Гурьевич М. Б., Щеголева Е. А.

Серебряная медаль присуждена **монографии «Утраченные храмы Петербурга. Опыт архитектурной реконструкции»**. Авторы – Семенцов С. В., архитектор Александр (Федоров), Белоножкин А. Е., Борунов Д. А., Мамошин М. А., Яковлев К. В.

Дипломы присуждены постройкам:

– Новая сцена театра «Уголок дедушки Дурова» в Москве. Авторы – Гнедовский С. В., Любимкин Е. С., Бушминский И. В., Любимкина Е. С., Смирнова А. Б.

– Второй павильон ярмарочного дома в Нижнем Новгороде. Авторы – Горшунов С. В., Булахова А. Н.

– «Школа 800» в Нижнем Новгороде. Авторы – Никишин В. В., Рубцов А. И., Слепова И. В., Мерзлякова М. В.

Диплом за неосуществленный проект:

– Проект гостиницы «Выборгская» в Санкт-Петербурге. Авторы – Кондяйн М. О., Миронов А. А., Соколинский С. Ю.

Диплом за научные труды и монографии:

– «Архитектура Восточной Пруссии: факты и интерпретации. Калининградская область. Калининград». Автор – Белинцева И. В.

Диплом за учебные пособия:

– Серия учебных пособий: 1. «Введение в профессиональную

текст

Дмитрий Буш
РААСН, МААМ /
text
Dmitry Bush
RAACS; IAAM

деятельность. Международные правовые основы регулирования архитектурной деятельности.

2. «Введение в профессиональную деятельность. Зарубежный опыт архитектурной практики».

3. «Введение в профессиональную деятельность. Процедура приобретения услуг архитекторов. Международный опыт». Автор – Лявданский В. Е.

Отмечу, что главные награды конкурса этого года были присуждены работам, связанным с сохранением наследия. Это не может не радовать, думаю, всех членов нашей академии, тем более что темой Общего собрания этого года выбрано «Сохранение архитектурного и градостроительного наследия России. Видение будущего».

^ Конгресс-центр на Ярмарочной площади, Нижний Новгород

Представлен доклад президента Российской академии архитектуры и строительных наук Дмитрия Швидковского, сделанный им на Общем собрании членов РААСН, которое проходило 26–27 апреля 2023 года. Главная тема выступления – сохранение архитектурного и градостроительного наследия России, видение его будущего.

Ключевые слова: наследие; исторические города; памятники архитектуры и градостроительства; национальное своеобразие; культурный суверенитет России./

Dmitry Shvidkovsky, President of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), presented his report at the General Meeting of Members of the RAACS, which took place on 26-27 April 2023. His speech was focused on the preservation of architectural and urban planning heritage of Russia and the vision of its future.

Keywords: heritage; historical cities; monuments of architecture and town planning; national identity; cultural sovereignty of Russia.

Восстановление России / Restoring Russia

текст
Дмитрий Швидковский
РААСН; МАРХИ /
text
Dmitry Shvidkovsky
RAACS; MARKHI

Сегодня особенно важным, жизненно важным для нашей страны стал профессиональный научный подход, призванный утвердить традиционные, складывающиеся веками духовные ценности как основу дальнейшего развития страны, ее пространства и облика в неблагоприятных внешних условиях.

Трудная русская история XX столетия оставила неизгладимый след в характере жизненной среды России. Мы бесконечно много потеряли в ходе войн и революций, и не меньше из-за негативного отношения к историческому наследию, преобладавшему в течение большей части советского времени. Исчезли десятки тысяч церквей и дворянских усадеб, почти вся индивидуальная застройка старинных городов, особенно характерная для нашей страны – деревянная, множество древних сел.

Тем не менее пока еще сохраняется достаточно памятников архитектуры и градостроительства, чтобы можно было спасти и сохранить национальное своеобразие облика нашей страны в целом, имеющее непреходящее и принципиально важное значение для представлений о человеческой культуре и передающее красоту региональных школ, замечательных у каждого из народов и областей, составляющих нашу Родину. Процесс восстановления полного непререкаемого суверенитета России, инициированный Президентом В. В. Путиным, может быть поддержан восстановлением и включением в современную жизнь всего исторического

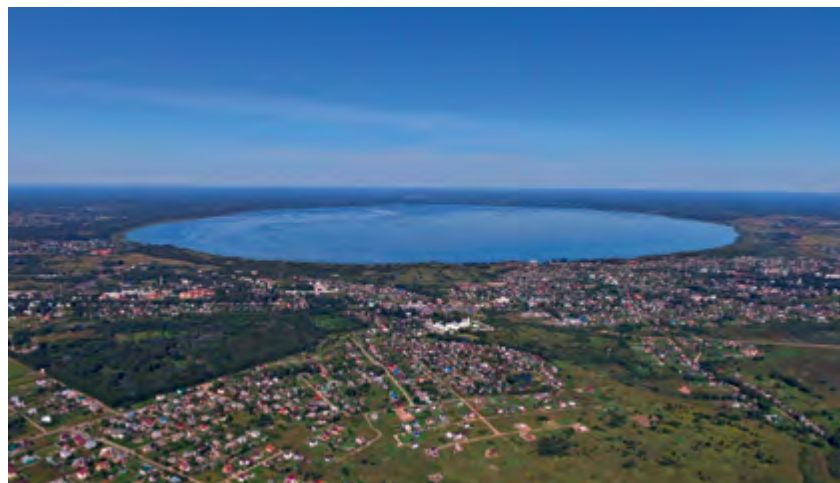
достояния страны, в нашем случае – наследия архитектуры, градостроительства и строительного искусства во всем его разнообразии.

Сегодня, когда российскую культуру на Западе пытаются отменить, любовь к ее зримому, материальному, осязаемому выражению в памятниках зодчества ощущаешь в душе с особой остротой и силой. Можно повторить вслед за Иваном Сергеевичем Шмелёвым, говорившим, что мы все иностранные музеи «истоптали», а красоту своего наследия оставили на потом. Мне недавно сказала одна из сокурсниц по учебе в МАРХИ: «Ой, я не все досмотрела в Италии». А в Вологодской области мы все монастыри видели, или усадьбы и храмы в Калужском, Тульском или Липецком крае? А древнейшие церкви Северной Осетии? Буддийские памятники Бурятии? Мечети Татарстана, восходящие в Булгаре к X веку? Петроглифы Хабаровского края? А достаточно ли мы знаем памятники городов Поволжья, вроде бы легкодоступных? Я только в прошлом году увидел поразительный Свяжск и его превосходно, на мой взгляд, отреставрированные монастыри и археологический музей дерева, безусловно мирового уровня, без посещения которого не ощутить пространство позднесредневекового города.

Конечно, процессы утраты исторической памяти зодчества происходили практически на всей планете. Известный историк архитектуры Джон Харрис привел ста-

тистические данные, что, например, в Англии усадьбы в течение 1960–1980-х годов исчезали по крайней мере по две каждый день. Новые технологии, радикальные перемены образа жизни, изменение инфраструктуры, установление радикально иного, чем в течение тысячелетий, соотношения городов и сельской местности привели к тому, что в ходе незначительного по историческим меркам временного интервала исчезновение наследия приобрело тотальный характер в масштабах всего пространства Земли. Это создало принципиально иную ситуацию как в отношениях новой среды и культурного наследия, так и в этическом представлении о связях старого и нового и в архитектуре, и в градостроительстве, и в строительном деле. Если в середине XX века, в эпоху так называемого интернационального стиля, зодчим и инженерам казалось, что произведения будущего прекраснее созданий прошлого, то сегодня стало понятно, что необходимо, чтобы и в грядущие века, и сегодня мы и наши потомки могли слышать голос прошлого, что историческое наследие – одно из главных двигателей создания благоприятной и в материальном, и в духовном смысле жизненной среды.

И это касается всего мира, Россия никогда не думала только о себе, это несвойственно нашей культуре. В декабре 2022 года наша страна на форуме в Казани с участием представителей многих государств отметила юбилей

Конвенции о Всемирном наследии. Руководитель Союза архитекторов Бенина и я провели, например, круглый стол о сохранении памятников индустриальной архитектуры и выдающихся произведений архитектуры и градостроительства XX века, что вызвало значительный интерес у представителей арабских государств. Члены-корреспонденты нашей академии Е. В. Полянцева и О. В. Розенберг рассмотрели проблемы восстановления древнего сирийского города Алеппо, ставшие темой и студенческого конкурса, и предложений российских реставраторов из разных архитектурных школ.

Сегодня архитектура – это не здания и города, а среда обитания человека во всем ее многообразии. Материальная цивилизация, созданная людьми, – ее важная, но отнюдь не единственная часть. Если рассматривать архитектуру как деятельность, меняющую облик нашей страны, то неизбежно приходишь к выводу, что она имеет глобальные ландшафтные, биосферные и ноосферные характеристики, что многократно подчеркнул академик В. А. Ильичев. Ее совершенная форма, таким образом, должна обладать своеобразием, по крайней мере с трех вышеупомянутых позиций. Иными словами, мы обязаны: не разрушать сложившийся пейзаж, компенсировать свое участие в биологическом сообществе и соответствовать системе исторических смыслов, накопленных в антропогенном пространстве.

Архитектура всегда в точности отражает жизнь человечества. И сегодня ее охватило ощущение потерянности свойств искусства, вытесненного отнюдь не новыми технологиями проектирования и строительства, не изменением соотношения строительных материалов и характера инженерных систем, а установлением иных приоритетов рентабельности возведения зданий и перепланировки городов, победой краткосрочных экономических соображений над вечным художественным смыслом. Поэтому так важно сейчас вновь увидеть постоянные, заложенные даже не в историческую, а в генетическую память основания архитектуры и градостроительства, которые хранит наследие прошедших, но живых в культуре и памяти нашего народа веков. Современное понимание зодчества, его содержания и предназначения предполагает принципиально новое представление об историческом наследии и его роли в нашей жизненной среде. Сегодня зодчество немислимо без опоры на устойчивость – толерантность к природе, энергии, истории. Устойчивая архитектура – та, что бережет целостность и красоту мира, как в его антропогенной, так и в ландшафтной составляющей.

Архитектура, безусловно, не только и не столько искусство, но и наука, так считалось тысячелетиями. Пусть наука эстетизированная, но она управляется законами, выработанными благодаря долгим наблюдениям человечества

над космосом, природой и самим собой. Может быть, она родилась в тот момент, когда пришло понимание, что красивое правильно. Монументальная архитектура возникла именно в эпоху соединения протонауки с протоискусством. Наиболее очевидным примером этой протонауки (протоискусства), связанной с представлением о космическом времени, является знаменитый Стоунхендж – дошедший до нас пример классики зодчества первобытного мира. Однако на много тысячелетий раньше Стоунхенджа подобные комплексы возникли на территории нашей страны, на Алтае и Урале, и сегодня являются древнейшими зримыми памятниками архитектурной археологии России и мира.

Без художественной и научной мысли строительство, так же как и любое массовое искусство, не способно вернуться к первоначальному единству искусства и природы. Оно обязано вновь научиться чувствовать естественные ритмы, энергию, масштаб, заново освоить умение «подхватывать» в своих формах рисунок ландшафта. И в то же время нужно помнить, что предшествовавшие поколения не только радикально изменили материальный мир, но многократно обдумали и оставили нам в наследие принципы отношения человеческой деятельности и природы, отразившие их важнейшие научные и художественные представления в наследии сменявшихся эпох.

История стала частью природы, неотъемлемой составляющей жизнен-

ной среды. Сегодня, чтобы достичь настоящего, несиюминутного успеха, архитектору и строителю нужно добиться благосклонности двух вечных существ – природы и истории. Тогда творчество станет органической частью осмысленного и живого, непогибающего от пренебрежения экологией и историей пространства. Только в нем может родиться подлинная архитектура и вступить в диалог с историческим наследием.

Возможна новая классика, основанная на возрождении совершенных образов многих и различных культур. Правда, в этом случае на смену прагматизму должно прийти отношение к архитектуре как к искусству, и зодчество должно всерьез вернуться к классическим законам витрувианской триады (польза, прочность, красота), распространив ее последнюю составляющую – красоту – на все исторические традиционные строительные культуры, и достичь их союза, абсолютно реального в России. Но и этого мало. Нужно восстановить первоначальное единство искусства и науки, доказавшее свою плодотворность на протяжении ряда классических эпох. Строительная культура современного периода активно впитывает в себя научные идеи и информационные технологии, но обратный процесс практически не происходит, а это нужно изменить, особенно в архитектуре, с ее чувствительностью и умением воздействовать на красоту математических соотношений.

В наши дни положение особенно сложно: еще никогда противопоставление норм искусства и науки ничем не контролируемой свободе пространственного самовыражения не достигало сегодняшней остроты. Встает вопрос: сохраняются ли вообще связи между стилистическими формами, заложенными в архитектурное и градостроительное наследие, и самыми современными видами художественного творчества? Очень многие отвечают на такой вопрос отрицательно. Тем самым ставится под сомнение и традиционная система художественного образования, и наследие классического искусства, в том числе в области архитектуры, которую постоянно атакуют упрощенные до неэстетичности технические решения. Это неправильно, вредно и не соответствует историческому развитию художественной ситуации, если ее рассматривать в перспективе. На самом деле искусство сегодняшнего дня интересно именно взаимосвязями своего древнего традиционного происхождения и включения в творческий процесс небывалых технологий. Исключение исторического элемента из этого нового единства было бы бездумным и бессмысленным обеднением возможностей творческих процессов.

Формирование смысловых структур современных образов зодчества предполагает включение в строительную ментальность целого ряда гуманитарных и точных наук – истории, психологии, науки о мышлении и восприятии, социологии, но прежде всего истории во всех ее ипостасях – истории искусства, архитектуры, градостроительства, географии. Речь может идти о создании принципиально иной картины мира, продвижении его видения как процесса преемственного развития, в котором со-

храняются черты, зафиксированные памятниками исторического наследия всех эпох развития России. Хочется верить, что это обогатит процесс выработки идей и принятия творческих решений, а может быть, и ляжет в основу будущей жизненной среды, по крайней мере в замыслах и мечтах творцов зодчества и всех близких ему искусств и наук. Жизненная среда теперь может программироваться на основании многочисленных открытий историков, археологов, социологов, психологов, антропологов, ботаников. Архитектурный проект будущего прежде всего должен стать продуктом расчета применяемых совместно достижений многих наук, выражающим и восстанавливающим гений места, созданный природой и нашими предками.

Для этого необходимо искреннее уважение к традициям строителей, архитекторов, градостроителей, представителей власти и общества, и оно может быть привито лишь последовательным их изучением, постепенным овладением видением формы, чувством пластики, ощущениями ритмов, заключенных в человеческом теле и пейзаже, параллельно с подробным знакомством с художественным развитием, всеми экспериментами, которые уже предпринимали люди, когда стремились создать отвечающее их чувствам и времени искусство. И это еще одна, наряду со слиянием в новаторстве, совместная задача искусства и науки в современном российском мире.

В условиях практически неконтролируемого развития технологической цивилизации духовные свойства искусства зодчества, выраженные как в художественном наследии прошлого, так и в современном творчестве, становятся едва ли не единственным противовесом, способным поддержать

духовность жизненной среды. Инженерная инновация без взаимодействия с искусством не может обеспечить развитие и даже сохранение характеристик антропогенного пространства, существенных для жизни человека, единства общества и укрепления государства. Многочисленные «языки» традиционного зодчества с различной грамматикой и многообразием алфавитов декора создают не саму древнюю гармонию, но по крайней мере показывают пути трансформации архитектурных форм в целях расширения передаваемой ими ментальности.

Сегодняшняя архитектурная и строительная культура должна идти вперед, непрестанно сверяясь с ходом истории, причем пытаясь всмотреться все дальше и дальше в глубину памяти нашего народа и природы России. Из настоящего дня, еще не застывшего в неизменных формах, – через уравновешенность и каноны классицизма к гармонии Ренессанса, к эмоциональности Средневековья, достигшей предела возможностей души, к универсализму классической античности, соединившей человека, здания, пейзаж и космос одним пропорциональным строем, и, наконец, к истокам воплощения энергии и массы в очеловеченном пространстве древнейших сооружений протоискусства/протонауки. За нами – века и тысячелетия, сохранившиеся до наших дней художественные и духовные силы, которых никакое, даже самое несчастливое, будущее не сможет исчерпать, но памятники которых необходимо хранить и изучать.

Изучение исторических памятников нашей страны должно вестись и федеральными структурами, и исследователями всех регионов. Мы все еще не имеем полного реестра необходимых современности исторических зданий, ансамблей и ландшафтов, да и список признанных законодательно исторических поселений невозможно короток. В начале 1970-х годов по инициативе И. В. Маковецкого и моего отца О. А. Швидковского началась работа по созданию Свода памятников архитектуры и монументального искусства РСФСР; она продолжается полвека, но, увы, по постоянно нисходящей траектории. В 1990-е годы исчезли областные группы, работавшие в рамках Свода, и в наши дни эту работу продолжает лишь отдел из десятка энтузиастов в Государственном институте искус-

ствознания Министерства культуры РФ, но даже эта небольшая группа каждый год открывает все новые, зачастую поразительные памятники нашего наследия.

В СССР была создана одна из лучших в мире, если не лучшая, школа реставрации исторических памятников. Восстановление утраченного или разрушенного в годы Великой Отечественной войны придало ей настрой душевного и профессионального подъема, и она жива благодаря нашим современным специалистам. Необходимо ее сохранить и расширить, что мы в МАРХИ и пытаемся делать, также как и в региональных архитектурно-строительных вузах, особенно в УрГАХУ, который возглавил известный мастер реставрации член-корреспондент РААСН А. В. Долгов.

Не менее сложным процессом, чем архитектурная реставрация, является реконструкция исторических городов, и здесь проблем бесконечно много. В советское время был подробно разработан и успешно применен лишь один способ трансформации исторических поселений в современном контексте – музеефикация старинного города или его части и превращение их в туристическую зону, как в Суздале, но это не решает все проблемы в данной области. Нам нужно найти более сложный путь – сохранение жизни древних городов, их пространственного и архитектурного своеобразия при совершенствовании комфортной среды и функциональной актуализации традиционных градостроительных образований. Это, на мой взгляд, проблема первостепенной важности в процессе восстановления исторического духовного и культурного суверенитета России.

У нас безгранично богатое наследие, хотя значительная его часть за XX век была легкомысленно и непродуманно растратена. Инерция такого отношения к истории должна быть остановлена исходя из ситуации наших дней, из потребности поднять в полный рост для всего человечества сохраненные у нас духовные и душевные качества нашего народа, выраженные в памятниках истории и культуры России. Наша Родина прекрасна своей природой, архитектурой, градостроительством, произведениями строительной культуры. Она должна такой и оставаться, и хочется мечтать о том, чтобы жизненная среда России усилиями современной науки и творчества сохраняла

и приумножала дошедшие до нас сокровища.

Сохранение исторического наследия России должно осуществляться на всех уровнях преобразования пространства в процессе строительства на всей территории нашей Родины и отвечать поставленной Президентом Российской Федерации В. В. Путиным задаче соответствия нашей жизни традиционным ценностям человечества, прежде всего отечественным, спасенным и спасаемым именно в России ценой многовековых и приносимых сейчас жертв. Основы нашей культуры, возникшей из симбиоза многих культур, различных вер и представлений о благом и прекрасном народов нашей страны, имеют универсальный характер, как это показали в полной мере русские мыслители XIX столетия – от Соловьева и Достоевского до Данилевского и Вернадского, и что в XXI веке стало особенно очевидно, в частности и в нашей области компетенции, благодаря тому, что в последние десятилетия исследователи смогли подробно проанализировать ход взаимодействия русской архитектурной культуры с традициями Запада и Востока. Это делает еще более острым требование сохранения нашего исторического наследия, нужного не только нашей стране.

Структура материального, зримого наследия России отчетливо прослеживается на различных пространственных уровнях – начиная с систем организации территории, в которой отразилась связь развития территорий с основными политическими, экономическими, социальными и военными событиями истории государства. Каждая эпоха рождала свою мечту о России, скорее свое видение благополучной жизни страны, и создавала на этой основе характерные пространственные структуры ее территории, которые важны для ее понимания и сегодня. Речи идет о многих факторах – соотношении расселения и ландшафта, особенно древних речных и озерных поселений нашей страны, и в европейской ее части, и в Сибири; прохождении континентальных евразийских торговых путей, Шелкового – между Западом и Востоком, с его несколькими ветвями, «из варяг в греки» с севера на юг, с севера по Каме и Волге на восток. Нельзя не упомянуть о зависимости распределения городов от плодородности земель: например, возникновение Суздальского Ополя повлияло на создание системы поселений

Новгородской и Владимирской земель, и особенно важным было начертание границ леса со степью, требовавшее в течение как минимум тысячелетия строительства укрепленных городов. Привожу эти примеры, чтобы подчеркнуть, что система расселения России является фундаментом нашего наследия, который желательнее учитывать.

Следующий пространственный уровень – градостроительное наследие нашей страны. Оно представляет собой конгломерат наслоений ряда эпох и их идеалов города. В большинстве случаев в наших поселениях сохранились средневековые элементы, расположение кремлей и других оборонительных укреплений, сакральная топография храмов, начертание утины переулков – даже в Москве. Не менее 500 городов России сохраняют планировку, связанную с представлением о регулярном городе эпохи Просвещения – екатерининской и александровской эпох. XVIII и XIX века заложили основу большинства сохранившихся промышленных городов, которые развивались от укрепленных поселений-заводов до городов-садов российских промышленников-меценатов. Наследие периода Российской империи эпохи от Петра Великого до Николая II во многом и сегодня определяет планировку и облик наших городов и может и должно являться той ценной частью прошлого, которая формирует черты традиционной российской идентичности и должно учитываться в качестве памятников градостроительства или хотя бы неизменяемых структур исторических поселений. Близкая по типу, но более тяжелая ситуация сложилась в отношении сельского наследия в связи с разрушением большей части усадеб и исчезновением огромного количества исторических сел, что нанесло нашей экономике и демографии существенный ущерб.

Я абсолютно убежден в том, что постулат М. М. Бахтина о полифоничности российской культуры распространяется на градостроительство и что русский город по своей природе многообразен и в своей исторической, и в пространственной структуре, и самая серьезная проблема его сегодняшнего развития заключается в нежелании с этим считаться. В результате происходят такие недопустимые явления, как попытка застроить историческую приволжскую часть Нижнего Новгорода

многоэтажными башнями, уничтожающими панораму этого великого русского города и вместе с ней подлинную память о том, что именно в этом месте в 1612 году усилиями Минина и Пожарского началось возрождение России, потерявшей суверенитет в период Смутного времени. Причем ни с экономической, ни с транспортной точки зрения нет препятствий создать «нижегородское сити» у недавно устроенного приречного парка, отделив его от важнейших памятников русской истории, как это было удачно сделано в Москве. Кстати, и с точки зрения архитектурной выразительности новой застройки наверняка получилось бы много лучше, и рентабельность не пострадала бы.

У разных частей города должны быть свои собственные времена, а не смесь древнего и актуального. Только так возможно сохранить наше бесценное градостроительное наследие и любовь горожан к своим традициям, таким как камерность пространства арбатских и стретенских переулков Москвы.

Отнюдь не хочу умалять историческое значение советского градостроительства как в крупных агломерациях, так и в моногородах и наукоградах. Нам нужно найти профессиональные подходы к использованию исторического промышленного строительства Петербурга, Твери, городов Урала, Подмосковья. И поселения русского авангарда, отчасти сохраненные, отчасти исчезнувшие, например в Иваново, и ансамбли эпохи восстановления страны после Великой Отечественной войны, как в Волгограде и Севастополе, заслуживают причисления к нашему историческому охраняемому закону наследию.

Хотелось бы подчеркнуть, в нашей стране существует сильная школа истории архитектуры, основанная академиками Н. И. Бруновым и А. Г. Габричевским, еще более значительная по истории градостроительства в силу вклада академиков А. В. Бунина, Т. Ф. Саваренской, В. А. Лаврова, профессоров Л. М. Тверского, Г. В. Алферовой, В. А. Шкварикова, Н. Ф. Гуляницкого, Б. И. Оглы и ряда других. Теория охраны памятников архитектуры, теория и практика архитектурной реставрации находится у нас, несомненно, на мировом уровне и опережает его. О последнем свидетельствует долгая и в целом успешная борьба за сохранение наследия конструктивизма, промышленного наследия,

а также постановка на охрану и реставрация памятников советских исторических стилей 1930–1950-х годов, в последнее время приобретающая значительные масштабы, включая такие грандиозные комплексы как ВДНХ. Пожалуй, это самый значительный по масштабу и качеству пример реставрации и сохранения памятников архитектуры послевоенного времени в мире. Нам остается в этой области много конкретных задач. Не могу не упомянуть необходимость остановить проект перестройки одного из лучших произведений, созданных в эпоху Академии архитектуры СССР, – ансамбля Московского ипподрома академика И. В. Жолтовского, которому угрожает уничтожение в ближайшем будущем.

Наряду с позитивными достижениями в области сохранения отечественного наследия, на мой взгляд, крупнейшей проблемой, не решенной в современной архитектурной и градостроительной ментальности, остается определение того, что можно и нельзя делать при реконструкции исторического города, особенно это касается крупных и быстро развивающихся центров. Теперь уже для всех стало аксиомой, что памятники федерального значения разрушать нельзя, это запрещает закон, но свойство среды и пространства, силуэта и панорамы города, это представление, увы, не касается, даже в рамках юридического мышления, а не только строительной практики. Необходимо в архитектурном и строительном образовании, в дополнительном образовании и при повышении квалификации представителей как градостроительного сообщества, так и деятелей соответствующих ветвей власти стремиться сформировать абсолютно уважительное, заинтересованное или хотя бы толерантное отношение к отечественному наследию, объяснить, что для укрепления патриотизма и чувства Родины у граждан России необходимо сохранение традиционных пространств и типов зданий и восстановление их, где это возможно. Мне представляется, что это жизненно необходимо для нашей страны в условиях так называемой отмены русской культуры на коллективном Западе. И в противостоянии подобным тенденциям, как и в сохранении исторического наследия строительного искусства многочисленных народов нашей страны, Российская академия архитектуры и строительных наук могла бы сыграть первостепенную роль.

Российская академия архитектуры и строительных наук продолжает новую традицию организации крупных тематических выставок, приуроченных к теме общих собраний академии. Выставка «Восстановление разрушенных городов» ставит целью сравнить практику восстановления городов в СССР, Японии, Западной и Восточной Европе и современной России. Рассматривались как города, разрушенные в процессе боевых действий, так и пострадавшие от землетрясений. Планшеты посвящены городам Сталинград, Смоленск, Севастополь, Ашхабад, Ташкент, Грозный, Мариуполь, Ковентри, Лондон, Магдебург, Хиросима, Нагасаки, Токио, Бремен, Варшава, Берлин, Лейпциг, Гданьск, Скопле, Ганновер, Кассель, Киль, Любек.

Ключевые слова: общее собрание РААСН 2023; выставка «Восстановление разрушенных городов».

The Russian Academy of Architecture and Construction Sciences continues to develop a new tradition of organising large exhibitions on the theme of the Academy's general meetings. The exhibition on the theme "Reconstruction of Destroyed Cities" aims to compare the practices of urban reconstruction in the USSR, Japan, Western and Eastern Europe and in contemporary Russia. The exhibition covers cities that have been destroyed in military operations as well as those that have suffered from earthquakes. The presentation boards focus on the cities of Stalingrad, Smolensk, Sevastopol, Ashgabat, Tashkent, Grozny, Mariupol, Coventry, London, Magdeburg, Hiroshima, Nagasaki, Tokyo, Bremen, Warsaw, Berlin, Leipzig, Gdansk, Skopje, Hanover, Kassel, Kiel and Lubeck.

Keywords: RAACS General Assembly 2023; exhibition "Reconstruction of Destroyed Cities".

Восстановление разрушенных городов. 1943–2023 / Reconstruction of destroyed cities. 1943-2023

текст
Дмитрий Буш
РААСН; МААМ /
text
Dmitry Bush
RAACS; IAAM

В последние годы Российская академия архитектуры и строительных наук поддерживает традицию организации крупных тематических выставок, приуроченных к теме общих собраний академии. Тема научной части собрания в 2023 году – «Сохранение архитектурного и градостроительного наследия

России. Видение будущего». Тема выставки – «Восстановление разрушенных городов. 1943–2023».

По вполне понятным причинам мы все сегодня осознаем актуальность этой темы для нашей страны. 80 лет прошло с обращения от 14 октября 1943 года председателя президиума Верховного

Совета СССР М. И. Калинина к председателю Комитета по делам архитектуры при Совете министров СССР А. Г. Мордвинову, ставшему несколько лет спустя президентом Академии архитектуры СССР.

«В настоящее время в связи с восстановлением разрушенных городов, из которых некоторые

строятся заново, необходимо, чтобы в этом деле приняли участие и проявили широкую инициативу советские архитекторы. <...>. Сейчас советским архитекторам представляется редкий в истории случай, когда архитектурные замыслы в небывало больших масштабах будут претворяться в реальном строительстве. И мы вправе ожидать, что наши архитекторы удовлетворительно справятся с выпавшими на их долю задачами. В противном случае тяжелая моральная ответственность перед потомством ляжет на наше архитектурное руководство и на нашу архитектурную общественность».

При всей неоднозначности отношения к фигуре Михаила Ивановича Калинина и его деятельности этот текст не может не произвести впечатления. Сегодня таких обращений наши архитекторы ни от кого не слышат. Конечно, это не уровень речей Ленина, Сталина или Троцкого. Тем не менее архитекторы и вся наша академия не могут не осознавать, что на нас и сейчас ложится точно такая же моральная ответственность в работе по восстановлению городов, как на наших старших коллег 80 лет назад.

Для понимания наших задач нам показалось необходимым хотя бы в общих чертах сравнить цели и практику восстановления городов в СССР, Японии, Западной и Восточной Европе и, конечно, в России сегодня. Рассматривали мы как разрушения городов в процессе боевых действий, так

и разрушения от землетрясений. Выставка эта не музейная ввиду отсутствия на ней оригиналов чертежей и не научная в прямом смысле этого термина. Она делалась очень быстро, менее чем за три месяца, и основная ее цель – привлечение внимания к актуальной теме и пропаганда работы нашей академии в послевоенные годы и в сегодняшние дни.

По каждому городу выделены три группы материалов. Внизу в черно-белой гамме – планы и фото города до разрушения и сразу после него. В середине в гамме сепии – проектные материалы по восстановлению, фото основных авторов и цитаты из их выступлений. Вверху – цветные фото восстановленного города.

Мы сознательно не демонстрировали никаких выводов и не ставили оценок работе наших коллег. Результат работы по восстановлению города зависит не только от качества проектных работ, но и от многих других политических, экономических и финансовых причин. Кроме этого, комплексное проектирование целого города, сосредоточенное в руках одной организации и одной группы авторов, было практически невозможно ни в Западной Европе, ни в Японии. Это можно было осуществить только в СССР и странах Восточной Европы. Качество строительства, инфраструктуры и решения проблем транспорта и зонирования, как правило, были сильными сторонами западноевропейского и японского опыта.

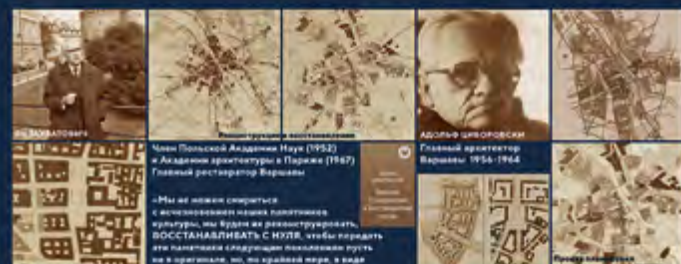

селков. Единую схему этой работы создать, разумеется, невозможно. Каждый большой или малый разрушенный город должен иметь свой план восстановления, свою градостроительную документацию, свои архитектурные решения и свои строительные материалы. Словом, для каждого города надо создать свою уникальную концепцию восстановления с учетом всего мирового опыта. Надеемся, что наша выставка сможет в этом кому-то из нас помочь. А в том, что это все нам понадобится, думаю, никто уже не сомневается.

КОВЕНТРИ

ВАРШАВА

Названы победители открытого архитектурного конкурса на разработку архитектурно-градостроительной концепции реконструкции здания Красноярского государственного театра оперы и балета имени Д. А. Хворостовского, построенного в 1970-е годы по проекту архитекторов ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений.

Ключевые слова: Красноярский театр оперы и балета; архитектурный конкурс; архитектурные бюро «Вауhaus»; «Студия 44»; «А2»./

The article presents the winners of the open architectural competition for the development of an architectural and urban planning concept for the reconstruction of the D. A. Hworostovsky Krasnoyarsk State Opera and Ballet Theatre built in the 1970s according to a design worked out by the architects from ЦНИИЭП (Central Research Institute of Engineering Design) of theatre buildings and sports facilities.

Keywords: Krasnoyarsk Opera and Ballet Theatre; architectural competition; architectural firms Wowhaus, Studio 44, A2.

Итоги архитектурного конкурса в Красноярске / Results of the architectural competition in Krasnoyarsk

текст
Сергей Ямалетдинов
Сибирский федеральный университет /
text
Sergey Yamaletdinov
Siberian Federal University

В Красноярске завершился открытый архитектурный конкурс на разработку архитектурно-градостроительной концепции реконструкции здания Красноярского государственного театра оперы и балета имени Д. А. Хворостовского. Напомним, что здание театра было построено в 1970-е годы по проекту архитекторов ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений и стало неотъемлемой частью ансамбля левобережной пред-

мостной площади Красноярска. В разные времена в театре выступали известные как в России, так и за ее пределами мастера сцены. В 2018 году театру присвоено имя выдающегося оперного певца, народного артиста России Дмитрия Александровича Хворостовского. Театр оперы и балета и сегодня остается одним из самых востребованных культурных мест города. Необходимость технической модернизации и создание нового

художественного образа здания театра побудили к организации архитектурного конкурса.

Организатором конкурса выступила автономная некоммерческая организация развития городского пространства «Институт города» при партнерстве с Красноярским местным отделением общероссийской творческой профессиональной общественной организации «Союз архитекторов России». Конкурс проходил в два этапа по инициа-

> Первое место. Проект московского бюро «Вауhaus»

< Второе место. Проект архитектурного бюро «Студия 44» из С.-Петербурга

v Третье место. Консорциум в составе красноярской проектной мастерской «А2» и московской компании «МВ-Проект»

тиве губернатора Красноярского края Александра Усса и при финансовой поддержке компании «Норникель». Экспертный совет в составе специалистов в области архитектуры, градостроительства и охраны историко-культурного наследия возглавила заслуженный архитектор России Н. В. Петрова. В состав жюри вошли ведущие российские архитекторы: А. В. Боков, С. В. Гнедовский, Е. И. Григорьева, С. М. Геращенко, И. М. Коробьина. Работа жюри проходила под председательством почетного архитектора России, руководителя службы по контролю в области градостроительной деятельности Красноярского края К. Ю. Шумова.

На первом этапе к рассмотрению было подано более 30 заявок. В результате знакомства с представленными портфолио, где одним из главных критериев оценки участников стал опыт проектирования и реализация зрелищных и прежде всего театральных зданий, были признаны 10 финалистов: АО «КБ высотных и подземных сооружений» (Санкт-Петербург); консорциум BLANCHE-NEIGLE в составе ООО «АЙКЬЮ-архитекторы» (Москва), ООО «КУНКЕЛЬ КОНСАЛТИНГ» (Москва), ATELIER JANKOVIC DE THY (Париж) и ACOUSTIC RESEARCH & DESIGN Limited (Окленд, Новая Зеландия); консорциум «А2+МВП» в составе ООО «КПМ А2» (Красноярск) и ООО «МВ-Проект» (Москва); консорциум «К24» в составе АО «Гражданпроект» (Красноярск), ООО «АНИКС» (Красноярск)

и ООО «Тектоника» (Красноярск); консорциум «УРБАНИКА» в составе проектной мастерской «Бюро Архитектон» (Красноярск), архитектор RPBW Уоррен Шеске (Торонто, Канада), Steininger Architekturburo GmbH (Германия), GGS Consulting and Vertriebs GmbH (Германия) и Muller – DDC Industry Solutions GmbH (Германия); ООО «Архитектурное бюро Асадова» (Москва); ООО «Архитектурное бюро «Студия 44» (Санкт-Петербург); ООО «Архитектурное бюро «Четвертое измерение» (Москва); ООО «Ваухаус» (Москва); ООО «ПИ «АРЕНА» (Москва).

На втором этапе на оценку экспертного совета и жюри было представлено семь работ. Победителем признан проект московского бюро «Ваухаус». Второе место занял проект архитектурного бюро «Студия 44» из Санкт-Петербурга. Третье место отдано консорциуму в составе красноярской проектной мастерской «А2» и московской компании «МВ-Проект». Денежный приз для победителя составит 1,5 млн рублей, один миллион предусмотрен за второе место, 500 тысяч – за третье. По решению заказчика – театра оперы и балета, с победителем может быть заклю-

чен договор на эскизный проект, который воплотит концепцию обновления облика театра и прилегающей территории.

В целом проведение конкурса стало ярким событием в архитектурной и культурной жизни Красноярска. Представленные смелые и оригинальные решения профессиональных исполнителей еще раз продемонстрировали важность оценки архитектурных проектов на конкурсной основе как одного из инструментов повышения качества архитектуры и статуса архитектурной профессии.

В 1973 году в Иркутском политехническом институте открылся набор на специальность АРХИТЕКТУРА. В группах А-73-1, 2 и 3 преподавали практикующие архитекторы В. А. Павлов, В. Е. Суханов, В. П. Шматов, В. Ф. Бух, С. М. Григорьев, М. Я. Ашихмина, сотрудники кафедры В. М. Рутковская, В. В. Буев, В. Т. Щербин, художник А. С. Шипицын.

Ключевые слова: Иркутский политехнический институт; архитектура; дипломные проекты; студенты. /

In 1973, the Irkutsk Polytechnic Institute announced enrollment in the specialty Architecture. Groups A-73-1, 2 and 3 were taught by practicing architects V. A. Pavlov, V. E. Sukhanov, V. P. Shmatkov, V. F. Buch, S. M. Grigoriev, M. Ya. Ashikhmina, department assistants V. M. Rutkovskaya, V. V. Buev, V. T. Shcherbin, artist A. S. Shipitsyn.

Keywords: Irkutsk Polytechnic Institute; architecture; graduation projects; students.

1

50 лет открытию специальности АРХИТЕКТУРА в Иркутске. А-73-1, 2, 3 / 50th anniversary of the opening of the specialty Architecture in Irkutsk. A-73-1, 2, 3

Фото 1. На занятиях по архитектурному проектированию В. А. Павлов и студенты группы А-73-1 Виктор Шушарин, Александр Табаков, Татьяна Волокитина

2

Фото 2. Объявляются итоги защиты дипломных проектов. Июнь, 1978. Наталья Зайцева, Гумар Сулиманов, Елена Григорьева, Иван Сафонов

3

Фото 3. Объявляются итоги защиты дипломных проектов. Июнь, 1978. Лариса Романовская, Ольга Кобелева, Валентина Удальцова, Борис Хайкин, Татьяна Чумакова, Татьяна и Сергей Петровы

Фото 4. На сборах. Владимир Стегайло, Иван Сафонов, Арсений Станевич, Владимир Соловьев, Сергей Калинин, Александр Табаков, Евгений Третьяков, Сергей Петров, Игорь Черенков, Александр Носырев

Фото 5. А-73-1. Ольга Железняк, Александр Мишкин, Валентина Удальцова, Людмила Шарыгина, Нина Бух, Татьяна Веселова, Владимир Коршунов, Любовь Дусмухамедова, Владимир Селетков, Галина Урлапова, Татьяна Волокитина, Любовь Макагон

Фото 6. А-73-2. Наталья Петрова, Владимир Семенов, Сергей Калинин, Георгий Черкашин, Виктор Сабовников, Сергей Нефедьев, Галина Дубинец, Анатолий Семенов, Владимир Федосеев, Татьяна Гуменюк, Наталья Елаго, Владимир Ермолаев, Андрей Макаров

Фото 7. А-73-3. Марк Меерович, Владимир Стегайло, Ольга Кузнецова, Ирина Пастернак, Людмила Козырева

Фото 8. Рисунок. Сергей Алексеев, Елена Калиберда

Фото 9. Защита диплома. Марк Меерович
Фото 10. На первомайской демонстрации 1976 года. Елена Григорьева, Елена Амосова, Валентина Удальцова, Виктория Землякова, Любовь Макогон, Валентина Буток

Фото 11. Преподаватели Мира Яковлевна Ашихмина и Валерий Трофимович Щербин

Фото 12. На субботнике. Владимир Селетков, Владимир Коршунов, Александр Табаков, Иван Сафонов, Сергей Петров

4

5

6

Материал подготовлен
Ольгой Головчанской и Еленой Григорьевой (РААСН)/
Material prepared by
Olga Golovchanskaya, Elena Grigoryeva (RAACS)

7

11

8

9

10

12

Дается обзор культурных и архитектурных событий первых четырех месяцев 2023 года, состоявшихся в Москве и Иркутске.

Ключевые слова: Анатолий Бызов; День архитектурного наследия; бильярдный турнир Б2; Владимир Бух; VI пленум Правления Общероссийской творческой профессиональной общественной организации «Союз архитекторов России»; фестивали; ДНР. /

We present an overview of cultural and architectural events of the first 4 months of 2023 held in Moscow and Irkutsk.

Keywords: Anatoly Byzov; Architectural Heritage Day; B2 Billiard Tournament; Vladimir Bukh; VI Plenum of the Board of the All-Russian Creative Professional Public Organisation "Union of Architects of Russia"; festivals; DNR.

Иркутскому фотохудожнику Анатолию Бызову исполнилось 70 лет.

Его фотографии любимого города недавно были представлены на выставке в галерее Dias в квартале 130. Выставка прошла с аншлагом. Мастера отличает особый взгляд на городскую среду, и ПРОЕКТ БАЙКАЛ регулярно размещает его работы на своих страницах и обложках. В январе Анатолий Яковлевич получил «Глаголы иркутского времени» и стал Человеком года-2022.

1–22 февраля

В Иркутском Доме архитектора прошел **бильярдный турнир Б2**, посвященный 88-й годовщине со дня рождения основателя бильярдного клуба – архитектора Владимира Буха.

И вновь соревнования получились интересными, жизненадежными и увлекательными. Победителями турнира Б2 стали: в дамском разряде – 1 место Яна Непомнящих, 2 место Евгения Сурикова, 3 место Елена Григорьева; в мужском разряде – 1 место Николай Жуковский, 2 место Алексей Чертилов, 3 место Владимир Стегайло; в турнире смешанных пар – 1 место Сергей

Демков – Елена Григорьева, 2 место Николай Жуковский – Юлия Шевченко, 3 место Алексей Чертилов – Евгения Сурикова.

Как и в предыдущем турнире призеры получили медали, а победители завоевали переходящий ГРАН-ПРИ – Бильярдный Дедал в каждой из трех номинаций.

Журнал ПРОЕКТ БАЙКАЛ выступил спонсором турнира Б2.

21 апреля 2023 года

В Доме творчества «Суханово» прошел **VI Пленум Правления Общероссийской творческой профессиональной общественной организации «Союз архитекторов России»**.

Участники Пленума обсудили вопрос о созыве XVI Съезда Союза архитекторов России, который было решено провести 1 ноября 2023 года.

О сроках и условиях проведения международных и всероссийских фестивалей и выставок в 2023 году

Острую дискуссию среди участников заседания вызвал вопрос о текущем положении дел в Доме творчества «Суханово» и его дальнейшей судьбе.

Впервые в работе Пленума принял участие председатель Правления Союза архитекторов ДНР А. Л. Пешехонов. Была достигнута договоренность рассмотреть вопрос о создании в ДНР регионального отделения Союза архитекторов на XVI Съезде СА России в ноябре.

22 апреля

В Иркутском Доме архитектора состоялся День архитектурного наследия! Дом и усадьба в Черемховском переулке наполнились людьми, которые радуются за сохранение архитектурных памятников. Все желающие получили возможность пройти квест по историческим зданиям, «заработать» памятные призы за правильные ответы, приобрести товары ручной работы у местных мастеров на «Шиска-маркете». Пройти творческие мастер-классы по витражу-наличнику, архитектурному коллажу, росписи домика из дерева и пряника.

В Иркутском доме архитектора 7 февраля состоялся дискуссионный клуб ПБ, посвященный теме номера – «Регионы. Окраины и центры». За круглым столом собрались академик Андрей Боков, историк и издатель Александр Гимельштейн, архитектор и издатель Елена Григорьева, архитектор Андрей Макаров, предприниматель Сергей Маяренков. Модератором выступил Константин Лидин.

Ключевые слова: малые города; сетевые системы; центр; периферия; градостроительная политика. /

On February 7, a discussion club of PB was held in the Irkutsk House of Architects. It was devoted to the theme of the current issue, "Regions. Peripheries and Centres". The round table brought together academician Andrey Bokov, historian and publisher Alexander Gimelshteyn, architect and publisher Elena Grigoryeva, architect Andrey Makarov and businessman Sergey Mayarenkov. Konstantin Lidin was its moderator.

Keywords: small towns; network systems; centre; periphery; urban policy.

Регионы. Окраины и центры. Сети городов. Дискуссионный клуб ПБ / Regions. Peripheries and centres. Networks of cities. PB Discussion Club

текст

Андрей Боков
РААСН, IAA
Александр Гимельштейн
Иркутский
государственный
университет
Елена Григорьева
РААСН

Константин Лидин
Федерация «Союз
соотечественников»,
София, Болгария
Андрей Макаров
ИРНТУ
Сергей Маяренков
ИРНТУ

фото
Евгения Сурикова /

text

Andrey Bokov
RAACS, IAA
Alexander Gimelshteyn
Irkutsk State University
Elena Grigoryeva
RAACS

Konstantin Lidin
Federation of Fellow
Citizens, Sofia, Bulgaria
Andrey Makarov
INRTU
Sergey Mayarenkov
INRTU

photo
Evgeniya Surikova

Константин Лидин Долгое время во взглядах на развитие мест и городов доминировала центрическая модель. Считалось, что где-то есть такой город, который является вечным центром цивилизованного мира, образцом для всех прочих городов на все времена. Афины, затем Рим были такими «городами-образцами». Потом на это место претендовали Париж, Лондон, Нью-Йорк. Над этим снисходительно посмеивались китайцы, ведь они-то знали точно, где находится центр Серединной империи.

На наших глазах во второй половине XX века эта система окончательно рухнула. Стало понятно, что центр мира искать бесполезно. Вместо нее пришла линейная диахроническая система, согласно которой центры последовательно сменяют друг друга. Можно смело говорить, что в одну эпоху центр был в одном месте, в другую – в другом.

Сформировалось понятие центра как источника образов. В центре создаются и апробируются эталонные образцы, которые потом воспринимаются периферией в качестве канона для подражания, копирования и развития. Они составляют фундамент для самобытного периферийного творчества. Но и линейная модель вскоре утратила адекватность в условиях усложняющейся реальности.

Уже в XXI веке начинает бурно развиваться сетевая модель мировосприятия, в которой может быть множество центров и, соответственно, множество периферий. Все зависит от того, по какому принципу мы рассматриваем систему: экономисты – как сеть экономических центров, политики – как центры политического влияния, военные – как сеть военных баз. В итоге мы видим многомерное пространство, в котором одновременно существует множество разных сетей. С каждой точки мы можем видеть связи в разных плоскостях по разным принципам с другими точками.

Понятие центра, таким образом, становится относительным: любое место можно назвать центром, если подобрать к этому подходящую плоскость, в которой расположена подходящая сеть. Первоначальной идеей этого круглого стола было предложить способ поиска данных сетей, на конкретном примере города Иркутска.

В каких плоскостях Иркутск можно осознать, рассмотреть и развивать в качестве центра? В каком смысле Иркутск является центром, а в каком образуется его периферия? Как Иркутск связан с другими центрами, с помощью каких сетей? И что с этим делать? Это очень практическая задача, потому что развитие города/места очень сильно зависит от статуса центра или периферии. Никому не хочется быть периферийным, все хотят быть центром. Насколько это возможно для Иркутска? Было бы интересно развить данную мысль и посмотреть, во что она трансформируется.

Елена Григорьева Тема действительно практическая, имеет самое непосредственное отношение к тому, чем мы занимаемся по мастерпланам, по малым городам.

Сетевые системы не являются порождением нашего времени, различные объединения городов существовали с античных времен. Самым известным, пожалуй, является Ганзейский союз, возникший в Средние века, в XII – XIII столетиях. В дальнейшем он расширился территориально, создавая экономически объединенные свободные города.

Людям советского происхождения известна сеть городов-побратимов, которые пытались укреплять международное общение в основном обменом делегаций в области культуры и спорта. Интересно, что началось это движение с подарка скатерти, вышитой женщинами британского Ковентри для Сталинграда. Еще одним ярким примером, рожденным в СССР и существующим и поныне, является всем известное Золотое кольцо. Это, конечно, скорее туристический маршрут по восьми историческим городам, но и сейчас созданный полвека назад поток эффективен, и синергия помогает городам Золотого кольца успешно работать.

В XX веке Кристаллер накрыл сетью территорию южной Германии, породив теорию центральных мест с иерархией городов. Эту систему мы фактически использовали, когда разрабатывали генпланы Нерюнгри и Краснокаменска. Мы настолько расширили сферу влияния уранового города, опираясь на услуги, которые этот город оказывает и может оказывать на окрестности, что закрепили за Краснокаменском статус второй

столицы Забайкальского края, Чита даже начала ревновать к этому городу.

Для практических урбанистов актуальны сети, связанные технологическими цепочками, такими как атомные города, города РУСАЛа например. Росатом создал цифровую платформу «Умные города России», сейчас к ней подключены 54 города. На карте этой сети и наше Усолжье-Сибирское.

Когда шла работа над малыми городами Забайкалья в Сибирской лаборатории урбанистики, прозвучало предложение по объединению городов Забайкалья (Нерчинск, Шилка, Сретенск – исторические города без исторического статуса, связанные с освоением Сибири и с декабризмом) в некий союз, и, что самое интересное, это уже работает. Я была там, в прошлом году на Фестивале малых городов Забайкалья – они действительно начали объединяться, одновременно конкурируя.

Уместно напомнить о сетях, которые проходили и до сих пор проходят через Иркутск. Чайный путь от Уханя до Санкт-Петербурга шел через Кяхту (ее называли тогда Венецией пустыни, отождествляя караваны верблюдов с кораблями) и Иркутск. Эта ось процветала долгое время. В какой-то момент, разбогатев на торговле чаем, кяхтинские купцы перебрались в Иркутск. Дальше каталожная торговля двигалась по Транссибирской железной дороге, главной транспортной оси Российской империи. Транссиб породил свое линейное объединение городов, расположенных на своем пути.

Вероятно, можно говорить и о сети университетских центров – и российской, и международной. Иркутск рискует из этой сети вылететь, потеряв межвузовский кампус, и это сейчас на повестке горячих обсуждений архитектурного цеха.

КЛ Сетевой подход – он противоположен конкуренции. Нет смысла спрашивать, кто кого побеждает в конкурентной борьбе. Если мы находимся в сети, то в сети нужен каждый центр, и если какой-то узел перестает работать, то страдает вся сеть. Не конкуренция, а симбиоз и сотрудничество. Не надо выяснять, кто тут самый главный и кто важнее всех. Все узлы необходимы. Если мы говорим об Иркутске как о части сети, то мы долж-

ны смотреть не на то, с кем он конкурирует, а с кем он сотрудничает.

Андрей Боков Хотел бы подвергнуть некоторому сомнению то, что кажется самоочевидным. Первое – понятие города. По моему глубокому убеждению, город как нечто безмерное исчерпал себя в подобного рода дискуссиях. Города находятся в нищем состоянии – с одной стороны, в глубочайших изменениях – с другой, особенно российские города находятся в состоянии тяжелой хронической болезни, унаследовав это с советских времен. Имеет смысл до того, как начинать какие-то рассуждения, поставить диагноз: что происходит с городами? Так как они явно чем-то отличаются – неким устойчивым состоянием неблагополучия, – это то, что мы с вами уже обсуждаем. Города уже давно превратились в некие непрерывности – в пространства без границ, о чем много лет назад писал Глазычев, где действительно существуют некоторые центры, узлы, но нет границ. Границы, как правило, носят сугубо формальный характер и в значительной степени мешают нормальному кровотоку, нормальному процессу пространственного развития системы. Где города действительно не заканчиваются: они представляют собой некие протяженности. Они характеризуются концентрическими зонами, расположенными вокруг центра, идущими в этом диапазоне границ города и не-города. Эти удаленные образования в равной мере необходимы для сбалансированного развития, правильного представления, правильного движения. В равной мере нам необходим как центр, так и периферия, включая третируемые, уничтожаемые, презираемые нами небольшие населенные места. Не будь этих удаленных мест, за счет которых центры в значительной степени питаются и преуспевают, – этим центрам придет конец. Города без них существовать не могут. И до тех пор, пока мы будем уничтожать эту периферию, питательную среду, от которой растет город, до тех пор наши города будут находиться в странном, искусственно выращенном состоянии. Что за заболевание нашего города? Это болезнь, которая обязана своим происхождением советской утопии. Эти пятиэтажные панельные дома, свободной планировки микрорайоны и другие

примеры – все то, что вывело наши города за пределы естественного существования, все это породило искаженный, бесчеловечный ландшафт. Это есть не что иное, как проявление этой болезни. Моногорода, индустриальные города, города, ценность которых исключительно определяется производственными способностями. Все это оставило трагический отпечаток на наших городах – породило крайне болезненный ландшафт, деформированный культурный ландшафт, изувеченный, вечно не прибранный, с которым мы сталкиваемся каждый день.

Как говорил Л. Гутнов, мы так живем в наших городах, как будто живем в них только один день и завтра собираемся покинуть. Это состояние незавершенности должно быть преодолено. Мы должны найти нормы и, несомненно, этой норме следовать, постепенно преодолевая и редуцируя последствия довольно тяжелого времени, наступившего в середине 60-х годов XX века, которое просуществовало в качестве государственной программы до конца существования советской власти.

То, что продолжилось, большой радости не принесло, так как прямыми наследниками бюрократии стали крупные застройщики, которые стали продолжать воспроизводить то же самое. Пока это не прекратится, застройщики будут навязывать строительство гигантских многоквартирных домов и другого безобразия.

Как определить, где находится наш город, в каком месте по отношению к этой линейке – насколько мы отстали, насколько перегнали. Существует только одна система измерения этого состояния – это развитость инфраструктуры. Окружающий нас мир состоит из нескольких слоев: слоя, который стремится быть консервативным, который стремится сохранить себя, по возможности в неизменном состоянии, – это наши дома, наше ближайшее окружение, это то, что мы хотели бы сохранить не просто в память о наших отцах и дедах, но и как пространство, где мы интуитивно чувствуем себя комфортно. Мы отлично приспособливаем дома, в которых живем пять, десять, двадцать, шестьдесят лет, приспособливаем к ним современную инфраструктуру и инженерное обеспечение.

То же самое происходит с городом, степень развитых городских коммуникаций, сетевых структур и т. д. определяет то, насколько он современен. К сожалению, на сегодняшний день, если мы попытаемся оценить транспортную инфраструктуру наших городов, мы увидим, что она находится в состоянии крайней запущенности. Самый шокирующий показатель, который напрямую касается состояния перспектив развития, здоровья городов – развитие магистральной инфраструктуры. Если с региональными системами дорог у нас поддерживается хорошая сеть, то муниципальные сети, те капилляры, которые доходят до каждого дома, и, самое главное, магистральная инфраструктура – скоростные магистрали безостановочного движения, рейсовые автомобили, система авиасообщений локальные, общенациональные, федеральные – здесь полная катастрофа. Например, протяженность магистралей Китая растет с фантастической скоростью (до 10 тыс. км в год), при этом общая протяженность составляет 100 тыс. км. Мы по сравнению с ними имеем ничтожно малые показатели, что тем более опасно в ситуации нашей страны, отличающейся огромными размерами. Говорить о включенности в транснациональные системы, не имея планов создания данной инфраструктуры, было бы некоторым преувеличением. Мне не нравится идея линейности, система представляется намного сложнее. Если эта линия существует, то мы вдоль нее спокойно движемся как вперед, так и назад – и откаты назад в нашей отечественной истории были многократны. Такое существует по всему земному миру, эта линейность обременена существенным недостатком – обратное направление.

Помимо линейности, существует еще цикличность. Существуют территориальные инфраструктуры, которые стремятся к замкнутости, изолированности, некоторой завершенности всех внутренних циклов. Если этого не будет, то общая картина, сложная и закрепленная, устоявшаяся в нашем поведении, в пространстве повседневного существования, мира, культуры – станет обедненной.

Я бы настаивал на некоем соблюдении баланса между тем, что представляется сетевыми структурами, открытыми структурами, структурами, которые под-

ходят к глобальным структурам, и тем, что является чем-то локальным. И уничтожение, забвение, редуцирование местных ценностей, локальной культуры, оно чрезвычайно опасно, потому что глобальное реализуется исключительно теми ресурсами, которые имеются на местном уровне. Глобальное питается исключительно локальными ресурсами. Любое локальное открытие имеет четкие корни и происхождение. Большинство открытий, которые мы пытаемся включить в сетевую структуру и мировые технологии за пределами нашего отечества, к большому сожалению, имеет весьма локальное происхождение. Это напрямую связано с неблагоприятием локальной культуры, которая нас так волнует. У Иркутска есть замечательное географическое положение, несколько столетий ему принадлежала роль сухопутного порта. К сожалению, сейчас эта миссия не реализуется в достаточной степени. Она не выстроена последовательно, не осознана, все преимущества этого обстоятельства нами не вполне ощущаются – настало время об этом задуматься.

Глобальная, магистральная структура действительно опирается на мировые центры и преимущества крупного масштабирования. Но важнейшим компонентом являются небольшие города, которые связывают эту глобальность с уровнем отдельных людей

Андрей Макаров Города наши больны, эти болезни начали прогрессировать в 90-е годы XX века. Я считаю, павловско-буховский Иркутск в 1970–1980-х годах был гораздо более благополучным городом. С А. Михайловым мы сейчас начали прорабатывать транспортные схемы Иркутска. Поразительная вещь: в Иркутске, несмотря на то что уровень автомобилизации вырос в три-четыре раза, улично-дорожная сеть уменьшилась в это же количество раз – транспортные сети уменьшаются пропорционально росту автомобилизации. А можем ли мы сделать развязки по периметру Иркутска и аннулировать «бутылочные горла», которые создают многочасовые пробки? Иногда в этих пробках проводишь больше времени, чем в Москве. Быстрые развязки на некоторых магистралях невозможны, так как земля находится в частной собственности.

Отсутствие нормальной сетевой градостроительной политики, последовательного принятия градостроительных решений – все это спровоцировало серьезную болезнь наших городов, и методы лечения на сегодняшний день не до конца понятны. Иркутские чиновники также не могут разъяснить, как сегодня уйти от этой ситуации. Выкуп переданной в собственность непонятым застройщикам земли – серьезная проблема.

О сейсмике на примере сегодняшней Турции: мы неоднократно рисовали плотность, желтые линии – это тоже серьезная проблема. А ведь Иркутск тоже находится в зоне высокой сейсмической опасности. Что, если нас потряхнет как в Турции? В Иркутске в этом плане ситуация может быть гораздо более страшной, с учетом наших жестких зимних температур. Болезни города могут привести к фатальному исходу. Какими методами мы можем вылечить наши города?

Александр Гимельштейн Вспоминается цитата Гребенщикова: «Проснись, моя Кострома, не спи, Саратов и Тверь, Не век же нам мыкать беду и плакать о хлебе».

Города больны прежде всего логистически, климатически, экологически, экономически и т. д. И они не будут излечены в ближайшее время, я не вижу пути этого излечения, потому что присутствует глобальный кризис экспертизы. Для власти не существует в принципе авторитетной экспертизы. А отсутствие востребованности в ней способствует ее последующей объективной деградации.

На этом фоне проще сфокусироваться на антропологии или социальной психологии. Заниматься совершенствованием регионального и городского самосознания намного выгоднее: не надо выкупать огромные пространства, чтобы организовывать жизнь, а «бесплатно» позаниматься собой – самоощущением, самопрезентацией, созданием пространства вне предела материального мира. Тут можно «сходить» за новым концептом культурных гнезд, который формировался с 20-х годов XX века, но на сегодняшний день в значительной степени стал ближе и реалистичнее. Провинциальная автономизация от метрополий с точки зрения мироощущения в этих городах, если она удастся, сделает объективные болезни городов второстепенными, а субъективная трансформация самих себя повлияет на объективные обстоятельства.

Сергей Маяренко У меня двоякое впечатление от хода дискуссии. С одной стороны, поиск смысловой конструкции, которая обеспечивает роль и статус города: город ищет свою нишу в мировой повестке. Может ли он претендовать на самостоятельность либо включать себя в некую сеть? С другой стороны, конкуренция больших и малых городов, притом что и те и другие теряют границы – превращаясь в сети, выходящие за пределы своих административных границ. Каково место малого города в системе расселения и есть ли смысл жить в малом городе? Есть ли в нем преимущество по сравнению с крупными городами, ведь наиболее талантливое население выезжает в более прогрессивные среды? Это вопросы, на которые было бы интересно ответить.

Подход, по которому инфраструктура – это такой «локомотив», который вытягивает город в целом, показался мне интересным. Я придерживаюсь версии, что в основе экономика. Должен быть экономический процесс, который создает потребность в инфраструктуре, создает потребность в миграции населения. Что является градоформирующей функцией, которая задает развитие города: инфраструктура или экономическая деятельность, которая задает требование к пространству? Согласен: когда инфраструктура имеется, то и вероятность появления проектов увеличивается, этого не следует отрицать.

Какой должна быть повестка развития малых городов в смысле эволюции человечества? В работе над проектами пространственного развития Краснокаменска и Нерюнгри мы увидели закономерность: если город готов решать региональные задачи, федеральные, мировые, у него гораздо больше возможностей привлекать ресурсы, союзников, включаться в сети, чем у города, который замкнут на решении своих локальных задач.

О роли, месте малых городов и сетей можно так сказать: сейчас происходит смещение фокуса от больших коллективных систем, которые были устроены иерархически, к сетевым системам без иерархий между людьми, где роль каждой личности становится значимой. В этом отношении децентрализация важна для каждого человека, появляется возможность осознать и использовать свои уникальные способности. То же самое начинает происходить с городами, идет похожий процесс. У малого города, как и у большого, появляется индивидуальность, лицо и свои особенности. Взаимосвязанность и разнообразие, где каждый

решает, где жить и как себя реализовать, – этот фундаментальный переход. Сначала человек был винтиком в общей системе, и часто этот процесс имел бесчеловечный характер, а сейчас личность уже имеет ценность. У меня есть убеждение, что у малых городов есть будущее. Более того, у малых городов есть свои преимущества перед большими городами.

АБ Нынешняя ситуация в мире характеризуется поляризацией средств. Это процесс, прямо противоположный тому, что происходило в политике на протяжении всего советского периода. Советская политика заключалась в уничижении всех различий между городом и деревней – создавалось гибридное пространство. А реальные процессы сегодня выглядят прямо противоположным образом. Но нам навязывают тот же самый продукт, а выражается это в многоэтажных пригородах. Те пространства, которые в естественном состоянии обязаны быть малоэтажными, интегрированными в окружение и ландшафт, сейчас превращаются в чудовищные гиперурбанизированные вкладыши. Это происходит вокруг Москвы и Санкт-Петербурга. Получается какой-то срединный пояс, нечто среднее между высотным строительством и малоэтажным, и туда уходят все деньги, все ресурсы. Это очень дорогостоящая ошибка.

Мы видим два прямо противоположных образа жизни. Для тех, кто нуждается в особо подвижной и деятельной жизни, есть пример Нью-Йорка, где появляется все больше небоскребов. В другой ситуации возникает малоэтажный дом – на удалении, для человека с семьей и маленькими детьми, где он может получить соответствующее медицинское обслуживание и качественное образование. Срединный пояс, куда уходят все деньги и куда мы заталкиваем все больше людей, – он становится все менее привлекательным. Поляризация инфраструктуры – вот к чему сегодня стремится мир.

Если говорить о градообразующем центре, конечно же, это не промышленность и не производство. Марксисты существенным образом отравили сознание тех людей, которые имеют отношение к городу. Забудьте об этом: города с заводом и стоящие вокруг него общежития, казармы и т. д. Это прямое воплощение эконимики и производственно-ориентированной доктрины. Выживают совершенно другие города, прежде всего те самые исторические города, вопреки всему. Они живут несмотря на полное отсутствие финансирования, живут своими внутренними ресурсами.

Мы до сих пор живем в пяти или в шести экономических укладах, и в этом наше спасение. Как только мы этот багаж начинаем уничтожать и преследовать, нам конец. Россия – страна малых городов, она была обязана малым городам своим развитием. Земская реформа 1860-х годов и создала ту систему населенных мест, благодаря которой мы выжили дальше. За эти 50 лет системы были созданы малые города, в каждом из которых были и народный дом, и храм, и школа. Благодаря этим накоплениям возникла интеллигенция, возникло то самое общество, которое создало уникальную российскую культуру. Большие города существовали для того, чтобы поедать это общество. Они играли свою роль в системе общего разделения по строительству национального пространства, но никогда это не было местом, где должно собираться все население страны. Возрождение малого города – это одна из самых важных целей и одна из главных ценностей.

КЛ Линейный и центрический подходы настаивают на разной ценности центра и периферии. Все ресурсы должны стекаться в центр, а периферия пусть выживает как может. Ее роль второстепенная. Вот эти процес-

сы, когда центр пожирает периферию, – это типично для центрической модели развития.

К сожалению, такие процессы можно увидеть во многих регионах мира, не только у нас. В Китае тоже урбанизация идет большими темпами, большие города высасывают ресурсы из малых поселений. Я не говорю про Японию, где уже половина населения страны живет в одном мегалополисе Токайдо. В Европе тяжелая проблема – перетекание ресурсов в центры «Большой Европы», при этом Восточная Европа буквально пустеет.

Стягивание ресурсов в центры ведет к экономическим, культурным и природным катастрофам. Альтернатива – это сетевой подход, когда ресурсы распределяются по множеству центров и множеству плоскостей. Интересный пример – сеть «Сказочные города России». Первый узел этой сети возник в городе Мышкине, когда жители ловко сыграли на имени своего крошечного городка и вышли в принципиально новую плоскость. Они не пытались конкурировать в традиционных туристических сетях Поволжья. Там пришлось бы расталкивать локтями уже имеющихся игроков. Мышкин стал узлом в своей собственной сети. Энтузиасты создали группу музеев, были построены традиционные деревянные особняки, и там разместили Музей Мыши, музей кузнечного ремесла, интересных старых машин. Придумали специальные праздники – коронование мышиных царя и царицы, парад-карнавал мышей и т. д. По их следам пошли другие. Усадьба Деда Мороза в Великом Устюге стала уже всемирно известной. Село Кукобой в Ярославской области объявило себя родиной Бабы-яги. Правда, православная церковь сильно критикует эту инициативу. Теперь на очереди Липецк, там развивается центр «Кудыкина гора». В России уже больше пятидесяти маленьких городов, которые входят в сеть «Сказочные города России». Сказочные персонажи становятся центром самоидентификации города, и на фоне этого образа разворачивается программа развития.

Сети могут создаваться по самым разным принципам. Вот, скажем, города, подверженные сейсмическим ударам, – это ведь тоже сеть, они должны соответственно развиваться и обмениваться опытом. Возможно, была бы полезной сетевая служба скорой помощи при землетрясении, служба психологической поддержки. Разнообразие возможных сетей практически бесконечно. Может быть, и для Иркутска имеет смысл пофантазировать не только на тему того, как вписаться в какую-то традиционную сеть, но и какие сети Иркутск мог бы инициировать.

АБ Если мы не вспомним Глазычева, это будет несправедливо, Мышкин – это в значительной степени изобретение Вячеслава Леонидовича. Одна из сетей, которые можно считать действительно дееспособными, а их не так уж много. Идею Мышкина Вячеслав Леонидович возводил к тому, что ресурсом, позволяющим строить идентичность города, может быть вовсе не промышленность. Культурная традиция является таким сильным ресурсом, который способен стать драйвером развития города, в том числе Мышкина. Культура как ресурс развития.

АМ Когда я говорил, что не вижу выхода и способов лечения наших больших городов, возможно, как раз это и спровоцирует у нас появление конкурентоспособных и интересных для жизни малых городов. Если у нас появятся транспортные сети, это выход из непонятных проблем и тяжелых ситуаций. У нас есть прекрасные села, в которых так много привлекательного: природа, рыбалка... наскальные рисунки, наконец! Туда многие хотели бы переехать либо на постоянное место житель-

ства, либо на временное пребывание, но это прежде всего требует понятных и доступных транспортных артерий.

ЕГ Я пока не знаю такого объединения сообщества городов, расположенных в сейсмике. Раньше в Москве существовал институт сейсмостойкого строительства, и его специалисты реально участвовали в принятии решений по уникальным зданиям и на Камчатке, и в Иркутске, и на Кавказе, тем самым объединяя сейсмические районы в научно-технологическую сеть. Андрей Макаров, в нулевые годы директор Иркутскгражданпроекта, был основоположником тесных связей Иркутска и Грозного и сейчас пытается это сотрудничество продолжить.

КЛ Сейчас в Турции возникла очень большая проблема в связи с землетрясением. Дело не в том, что разрушены дома, а в том, что возникает паника. Она подпитывается некоей легендой о том, что Турция будет полностью разрушена землетрясениями. Называют даже примерную дату – середина XXI века. Это такой живучий миф, и он очень влиятелен среди общественного пространства, что создает массу проблем, так как держит под контролем людей в состоянии паники непросто.

ЕГ В Сирии тоже очень серьезные разрушения, в том числе гибель памятников архитектуры.

КЛ Я про то, что в Сирии имеется очень мощный опыт сохранения здравого ума и ясной памяти в состоянии природных катастроф. В нашей русской культуре тоже защиты способы, как не впасть в панику, когда природа обозлилась.

АГ Иркутск как центр сети может выступить, пожалуй, в пространстве русской культуры. Периферийные декабристские города и территории могут быть включены в заинтересованную сеть. Но у органов управления Иркутской областью отсутствует даже намек на концентрацию вокруг этой темы. (Помните пренебрежение экспертизой?!) Если бы тема была поднята, ее бы активно продвигали, могла возникнуть и сеть, и попытка приобрести в периферию другие города и территории, тем более что они находятся в другом федеральном округе. Если такая сеть получится, то она будет иметь усиленное значение, если не на федеральном уровне, то на межрегиональном. Хотя это недорого и не очень хлопотно.

Я считаю, что это шире темы музея: идентификация как декабристского города – тема крупного проекта. Реально, однако, это лишь там, где есть спрос на экспертизу.

ЕГ Сеть городов, объединенных темой декабристов, накрывает Прибайкалье и Забайкалье. Здесь мы с вами затрагиваем еще одну тему – изменение административных границ макрорегионов. Иркутск всегда был центром Восточной Сибири, Чита и Улан-Удэ входили в эту орбиту. После перевода двух забайкальских субъектов в Дальневосточный федеральный округ Иркутская область оказалась на окраине.

АМ Как Байкал можно было разъединить на Дальний Восток и Сибирь – совершенно непонятно...

СМ Я указал бы еще на одну проблему, касающуюся как малых, так и гигагородов, – проблему времени. Люди стремятся организовать пространство таким образом, чтобы меньше тратить времени на то, чтобы угодить своим потребностям. Это желание экономии времени привело к большой плотности, которая возникает в гигагородах. Гигагорода – это апофеоз общества потребления, это сложившаяся система расселения в этой модели, которая позволяет осуществлять максимум потребления с комфортом. Общество потребления, вся эта суэта и шум большого города, с приправой тайм-менеджмента, часто теряют смысл.

Несуетливость малых городов и некая глубина противоположны этой судорожной динамике. За счет подключения к сети, к сетевым сообществам появляется возможность работать над чем-то общим и большим. Чтобы подумать глубже, без спешки – такие центры знаний могут располагаться в малых городах. Малые города можно противопоставить суетливым гиперпространствам. Тем более сейчас место работы уходит в сеть, и неважно, в каком ты городе работаешь и живешь, – здесь у малого города есть свое преимущество.

АМ И разгрузив тем самым большие города – мы можем их вылечить. Горно-Алтайск и близлежащие окрестности, к примеру, являются очень интересным местом: очень много москвичей переехали туда и живут там с удовольствием.

СМ Экология также является важным фактором. Малый город – это чистый воздух, вода, близость к дикой природе. Если малые города обеспечат приезжающих долголетием, то у них будет еще одно преимущество. Современный малый город способен обеспечить базовые потребности любого человека на современном уровне. Конечно, в больших городах еще остаются возможности, которых нет в малых, но если ты мобилен и временно можешь посещать большие города, то никаких проблем с проживанием в малом не возникнет. Эта роль малого города может проявляться по мере того, как с развитием интернета расширяется возможность включенности во весь мир.

АГ И в любом случае нужен соответствующий миф. Горно-Алтайск, к примеру, кроме объективно прекрасной экологии, эксплуатирует целую горсть мифов. В республике присутствуют соответствующие псевдорелигиозные культы – есть за что зацепиться. А просто взять и переехать в экологически чистый город (если он найдется) в Иркутской области – это не решение для человека, живущего духовной жизнью, нужна мифология.

АБ При более детальном рассмотрении большой город является сообществом нескольких малых городов. Дело в том, что большие города становятся привлекательными для иммигрантов, и они образуют национальные гетто. Вокруг Парижа существуют национальные сообщества, представители которого не выходят за пределы «конклавов». То же самое наблюдается в Германии и Москве. Это чрезвычайно опасная тенденция, более того, это происходит на фоне обратного движения, когда средний класс уходит из больших городов. В нынешнем, 2022 году объем индивидуального жилищного строительства (ИЖС) превысил многоквартирные метры. 55% города – это ИЖС, вопреки семейной и финансовой политике. Естественные процессы заявляют о себе именно таким образом. Но города, которые начали сбрасывать население, стали заполняться иммигрантами. Этим центрам такой поток новых людей не нужен, так как они отличаются по своей культуре. Возникает озабоченность властей из-за создания все новых и новых «конклавов», которые трудно контролировать. Это серьезная проблема.

КЛ Недавно мне попались на глаза результаты этнографического анализа Лондона. Исследовали два «анклава» – камбоджийский и вьетнамский. Оба очень компактные. К примеру, несколько станций метро в Лондоне уже считаются чисто камбоджийскими, а другие – вьетнамскими. В большом городе образуются фрагменты, которые по национальному признаку входят в другую сеть. Идет локальное вымывание местного населения, а на его место приходят иммигранты. Они живут в своем «анклаве», и у них нет стимула встать в местное общество. «Анклавы» образуются, а местные чиновники не умеют с ними работать: они считают, что есть центр и все должно под него подстраиваться, а кто не под-

страивается, того надо наказывать. При этом сама по себе диверсификация культурного облика города вовсе не проблема. Разнообразие никому еще не вредило. Но власти не умеют с этим работать: либо пытаются все запретить, либо совсем бездействуют.

АБ Потому что чиновники на федеральном уровне и на уровне регионов стремятся контролировать строительным образом территориальное сообщество и очень внимательно следят за сохранением данного баланса. Их можно понять. За формированием подобных трендов стоит полная утрата контроля на территории. Но ведь есть и положительный опыт. В Швейцарии никто не препятствует формированию национальных объединений и сообществ. В Бельгии хорошо получилось проконтролировать эти образования.

КЛ Национальное сообщество в чужой стране изолируется, когда на него давят. Если правительственная политика доброжелательна и равномерна, то такой оболочки не образуется. Стена вокруг образованного анклава возникает, когда вокруг царит агрессия со стороны принимающего сообщества. Я считаю, что в этом вопросе виноваты именно чиновники.

ЕГ Когда мы начинали проект «Иркутские кварталы», в этой части города, в историческом центре Иркутска – между улицами Тимирязева и Подгорной, существовал своеобразный анклав. В 2013–2014 годах (этап фотофиксации и выявления проблем) там говорили на двух других языках (киргизском и китайском), стояли маршрутки с надписями «Иркутск – граница», «Иркутск – Бишкек». Бросалась в глаза антисанитария, а по отношению к деревянным памятникам (читай: к Иркутску и его истории) проявлялась настоящая агрессия. Сейчас рынок вынесен на периферию города.

СМ Теперь вокруг рынка «Китай-город», расположенного на окраине, формируется поселение. К сожалению, никто не проводил исследования по этому вопросу, а следовало бы.

КЛ Вернемся, однако, к нашим вопросам из анонсированного списка.

Поиск баланса. Полярности чаще всего нежелательны: они вызывают болезненное противостояние, взаимную агрессию. Чрезмерное усиление одной из тенденций неизбежно порождает противоположные тенденции. Есть ли какие-то объективные критерии поддержания баланса?

И последний вопрос о культурно-исторических памятниках – это очень болезненный вопрос по всему миру. Можем ли мы каким-то образом начать думать на тему баланса между сохранением и развитием? Возможно ли предложить какие-то количественные параметры для оценки и анализа ситуации, для продумывания сценария на будущее?

ЕГ По поводу количественных параметров: как раз сейчас происходит движение. С прошлого года в Иркутской области идет экспертиза памятников, которые несут статус выявленных. Программа рассчитана на пять лет, подтверждена финансированием. Это своеобразная инвентаризация, в ходе которой, кстати, выясняется, что иных уж нет. Странно, что об исчезновении объектов наследия с лица земли служба узнает через годы после самого факта исчезновения. Так вот, большая часть выявленных объектов культурного наследия (ОКН) в результате экспертизы переходит в реестр, получает статус памятника. Часть – не попадает в реестр, теряет статус выявленного и теряет всякую защиту, т. е. может быть снесена по воле собственника. К сожалению, это относится не только к уже утраченным, но и к вполне жи-

вым и, более того, расположенным в Иркутске, который, как нам известно, имеет высокий статус исторического города федерального значения.

Считая, что к этим зданиям должен быть особый подход, посмотрела внимательно экспертное заключение, согласилась с их – отмеченной экспертами – важностью, но категорически не согласна с выводом, противоречащим оценке, изложенной в тексте заключения. Если объект имеет ценность, его надо включать в реестр, а не наоборот. Вместе с руководителем ВООПИК Алексеем Чертиловым мы выступили на областной Общественной палате, затем я дала предложение на площадке областного градсовета о пересмотре решения по поводу семи ОКН Иркутска. Теперь именно от власти зависит, утвердит она тот список, который эксперты из Москвы определили к выводу из памятников, или прислушается к нашему предложению поработать с этим списком и поставить в реестр те здания, которые являются частью небольших ансамблей, формируют историческую красную линию или принадлежат к тем самым деревянным массивам застройки исторического центра Иркутска, которые, собственно, и считаются главной идентичностью города.

АГ Я не думаю, что мы будем настолько наивными, поверив, что губернатор выделил большие деньги для того, чтобы сохранить значительную часть памятников. Это движение в сторону прореживания выявленных памятников.

ЕГ На самом деле, если смотреть статистику, то пропорция приличная, многие ОКН становятся в реестр. Но ведь здесь важен индивидуальный подход. Особенно для Иркутска и его исторического центра. Каждый дом дорог, особенно если он часть ансамбля.

КЛ А сколько нужно памятников в городе и для чего? Ведь если пойти по логике, что памятником становится любое стареющее здание, то в скором времени мы будем жить в городе-музее, а жить в таком месте очень тяжело. Как регулировать количество памятников в городе? С точки зрения центрального подхода, хватит одного небольшого кусочка, как 130-й квартал, – это центр, все остальное периферия, которой можно пожертвовать. А с точки зрения сетевого подхода возможно ли составить обоснованное мнение? Почему нужно бороться за памятники? Почему сокращение числа памятников – это плохо? Почему превращение памятников в виртуальные объекты – плохо? Это не самоочевидные тезисы – их нужно как-то обосновывать.

АМ Перечеркнуть память об архитектуре прошлых годов невозможно, ведь города строили и обживали чьи-то бабушки и дедушки. Память о наших родных очень важна, а значит, и то, что они сделали, тоже, ведь это напоминание о них. Историческая память должна присутствовать – это наше мировоззрение и культура.

АГ Возраст – важный критерий, но не самый главный. Экспертиза, которая относит к памятникам здания, многослойна. Если хрущевке когда-то исполнится сто лет, это автоматически не делает ее и все остальные памятниками.

КЛ Но ведь старые здания – это не просто камни, это и способы строительства. Кто знает, какие приемы могут снова стать востребованными. Например, Жан Нувель сейчас строит пещерный отель в Саудовской Аравии. Вырезали в песчанике полость, искусственную пещеру, и там разместили отель высокого класса. А этим приемам три тысячи лет, так строили набатеи еще до римлян. Сейчас эти люди, энтузиасты пещерного жилья, активно ищут контакты с единомышленниками, теми, кто считает, что наследие – это не просто старый дом. Это аргумент?

ЕГ Вы сами ответили на свой вопрос. Ведь мы на практике показали, насколько для Иркутска (и Сибири) современен и востребован образ жизни и работы в деревянном здании, и продолжаем эту линию в разных проектах. В Иордании история архитектуры в три тысячелетия, а у нас в три столетия. Но это – наше достояние, это образ жизни, который идентифицировал город Иркутск. Чудом сохранилось то, что сохранилось в центре Иркутска, так давайте используем это небанально. Давайте покажем, что это востребовано и можно прекрасно жить в деревянном доме в центре города – лучше, чем в многоквартирном доме. Собственно, это уже продемонстрировали...

КЛ А может быть, создать сеть деревянных городов или мест, где сохраняется традиционный способ жизни и деревянное домостроение?

Вот еще пример: недавно мы участвовали в фестивале святочных ряженых, кукеров в небольшом городке Перник под Софией. Приехало из дюжины городов, из четырех стран почти 20 тысяч человек. А в этом городке всего населения 90 тысяч человек. Фестиваль длился три дня. Местные власти, конечно, пошли навстречу и помогли организационно, но в основном карнавал самокупаем. Почему бы Иркутску не сделать так же? Почему он не образует сеть? Вести пропаганду по проживанию и распространению деревянного зодчества шире?

АГ В Иркутске только одно культурное достояние мирового уровня (и это уже много). Оно слегка угнетающее по тематике: Глазковский некрополь – археологический памятник верхнего палеолита и неолита, единственный в мире сохранившийся в центре большого города. Есть в мире крупные и с помощью ЮНЕСКО обихоженные узлы подобного уровня. В Гватемале над похожим местом расположен стеклянный купол, под которым проходят раскопки, рядом размещаются лаборатории, все это обогащено правильной и удобной для туриста инфраструктурой. Памятник работает как научный и туристический центр – это то, что я представляю и в нашем случае. Это тоже может быть сетью – самые древние точки на планете, освоенные человеком, где человек и появился. Могла бы получиться не очень широкая, но очень авторитетная сеть.

АМ В регионе нет преемственности власти, чтобы полноценно продвигать такие крупномасштабные проекты.

КЛ Каждый город должен быть услышан, особенно те города, которые готовы говорить, – надо дать им эту возможность. И каждая страна, и каждый регион, и каждая местность. Мы увидим эти времена, когда перестанем слушать указания из центра «по стойке смирно», а станем хором исполнять нашу мелодию жизни. Мне очень обидно бывает за Иркутск, потому что каждый раз мы недооцениваем свой город. У нас очень заниженное мнение, и это неадекватно по сравнению со многими другими городами, в том числе Европой. Иркутску есть чем гордиться, но каждый раз мы говорим о том, что в нем плохого. Давайте на будущее замечать больше положительных моментов, их немало. Прозвучало много интересных идей, надеюсь, мы их сможем обсуждать и дальше.

АГ Предложение – собрать круглый стол на тему достоинств Иркутска и поговорить о его плюсах.

ЕГ Интересная идея. Свежая. И вполне годится для фестиваля «Зодчество в Сибири – 2023». Встретимся за этим столом в июне.

Не столь давно казалось, что проблема границ осталась лишь в философском, художественном и эпистемологическом контексте. У регионов границ не наблюдалось. Они сами воспринимались периферией, где бы ни располагались. Регионы не желают отождествляться с захолустьем, оттого «центры» у нас повсюду – в последнем поселке есть несколько «центров»: торговых, досуговых, культурных, культовых и пр. Мышление исключительно центрами, очагами и узлами оставляет за бортом внимания и рефлексии большую часть мира, состоящего из периферии, провинции, окраины, глубинки... Эту тенденцию пора переосмыслить, разобраться с ключевыми понятиями. Тем более, что сегодня есть веский повод вспомнить о понятии фронта и заново различить его с границей. Переосмысление же открывает новую, неожиданную картину устройства мира, с которой известные типы деятельности едва ли знакомы.

Ключевые слова: центр; периферия; провинция; регион; фронт; территория; место. /

Not so long ago it seemed that the problem of borders remained only in philosophical, artistic and epistemological contexts. Regions had no borders. They were perceived as peripheries, regardless of their location. Regions do not want to be identified with a hinterland, that is why we have "centres" everywhere. In the hintermost of the villages, there are several "centres": shopping, leisure, cultural, religious, etc. While thinking only in terms of centres, clusters and nodes, we tend to overlook a large part of the world that consists of peripheries, provinces, suburbs, hinterlands... It is time to rethink this trend and to look into the key concepts. Especially as today there is a good reason to recall the concept of the frontier and to newly distinguish it from the border. Rethinking, on the other hand, opens up a new, unexpected structure of the world, with which the known types of activity are hardly familiar.

Keywords: centre; periphery; province; region; frontier; territory; place.

Апология периферии / The apology of the periphery

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Центр и его отсутствие

Регионы (что бы под этим словом ни подразумевалось) у нас всегда опознаются принципиально двояко: с одной стороны, это точно не центральные локации, что мгновенно порождает комплекс неполноценности и, соответственно, желание его возместить. С другой стороны, остается неистребимо вмененное актуальной культурой ощущение значимости всякой самобытной локации (вот только как ее развернуть, не говоря капитализировать, остается почти всегда нерешенным вопросом). Отсюда и архитектурная трактовка «региональных особенностей»: как бы далеко от метрополий они не находились, всякий раз претендуют на значимое место, а таковым «естественно», почти «автоматически», оказывается топос центра – пусть локального, маленького, но центра самобытности, вокруг которого может развернуться региональная жизнь. Видимо, такая тенденция и тревожила компетентные инстанции, всегда недолюбивавшие регионализм во всех его проявлениях: стать центром или центриком, не без оснований считают там – значит, сделать первый шаг на пути сепаратизма [1].

Мышление «центрами», несомненно, распространено, но оно и достаточно саморазоблачительно. Если вы акцентируете точку сборки предлагаемого вами в некоем локусе, то она неустранимо будет сборкой лишь тех энергий (сил, импульсов, интенций), которые в принципе уже готовы быть собранными там, в точке концентрации замышляемого. Что это значит? То, что замышляемое вами... вторично, идет по стопам чужих и многих успешно осуществленных концентраций (скорее всего, в эпохи известной централизации и достаточно эффективного контроля за исполнением центрально принятых решений). «Центр» – архетип, но и стереотип несамопределенных сообществ, настроенных, прежде всего, на потребление готового, на реализацию несобственных, заимствованных ценностей. Центрами гораздо проще управлять, чем, например, сетями, в то время как сети обычно оказываются нужнее. Если вы говорите о центрах, значит, вы не уверены в возможности управления «системой с диссипацией», опасаетесь утратить контроль, оказаться отброшенным волной прогресса на задворки цивилизации. И это интересный и нежи-

данный парадокс: мышление «центрами»... провинциально по своему генезису.

Сегодня времена другие. В контексте сетевых феноменов решающее значение имеет случай. Ваше назначение центра (или центров) имеет шансы оказаться подхваченным и понесенным вдали волной нового центробежного движения, расширения ареалов новых практик и сервисов. И вы вдруг обнаруживаете, что «центры» – лишь неадекватное название реально работающей сети или периферии. Но может – с почти равным успехом – быть этой волной отвергнуто, проигнорировано. Ведь всякая концентрация не только опирается на силу и авторитет принятого ею «центра» – в силу конвенций, по привычке и «здоровому разумению» (что все чаще оказывается необоснованным допущением). Но она еще и неизбежно «стягивает» на себя все пользовательские ожидания, имеющиеся в данном топосе (смысловом, содержательном узле, а вместе с тем, зачастую, и узле локально-топологическом, уже в географическом смысле – в конкретном городе, месте). Так, она становится по умолчанию маркером в новой лоции функций или услуг, что почти сразу же отображается на соответствующих картах в интернет-поисковиках. Здесь мы имеем дело в двумя вариациями, следствиями неисповедимого общественного выбора: одни из «центров» получают маркер реальности (даже не всегда будучи чем-то вполне реальным), другие же нет. Всякий неосознанный выбор не столько утверждает выбранное, сколько отрицает, отправляет в небытие все отвергнутое этим выбором (в психологии Ж. Пиаже это именуется центрацией).

Форсированная кон-центрация по любому поводу, таким образом, есть стратегия разорительная, она исчерпывает собственные ресурсы. Нередко в фокусе «ока вихря» центростремительных интенций оказывается... пустота – зияющее отсутствие всего, заявленного в качестве значимого содержания. Но, возможно, такова природа всяких центров – этих «черных дыр», стягивающих на себя все свое окружение? Для ответа на этот вопрос нам необходимо заново и критично рассмотреть серию парных понятий, в которых сегодня так или иначе осмысляется проблематика регионалистики, в т. ч. ар-

< Рис. 1. «Широкая высокогорная долина в южном Шварцвальде» – территория мысли и самоопределения Мартина Хайдеггера. Собственно, его периферия, но, отнюдь, не его регион: последний охватывал слишком многое, чтобы быть локализованным на картах

хитектурно-градостроительной. Прежде всего нас будут интересовать альтернативные всяческим «центрам» (или дополняющие их) стратегии и концепты.

Район и регион

О различии региона и района мы уже писали [2]. В частности, со ссылкой на разработки А. Е. Левинтова, там утверждалось: «В отличие от района, регион – не столько территориальное, сколько деятельностное и «идейное» понятие – существует не в физическом пространстве экономгеографии, а в пространстве идей, знаний, методов деятельности, это – «воспроизводственная структура на мировых путях развития» [3, с. 48]. «Регионы не назначаются сверху и не обнаруживаются на карте, они создаются, выращиваются» [2, с. 170]. «Регион» – слово красивое; употребляют его очень часто, но почти всегда не по делу.

В архитектуре и урбанизме представление о регионе было заявлено Кевином Линчем, причем представление это носило *par excellence* проектный, а не описательный характер. Однако Линч не вполне освободился от естественнонаучного натурализма; его представления о регионе не отличаются той методологической четкостью и концептуальной собранностью, которая присуща методологическим концептам отечественной традиции [3; 4]. Но у К. Линча уже появляется вполне осознанное понимание того, что регионы не совпадают с территориальными единицами, что они неформальны. Разумеется, Линч в тематике региона впадает в сенсуализм, он говорит о чувственных качествах территорий, о том, что политика управления регионами (при отсутствии органов регионального управления в США, которое он специально отмечает) обязана с необходимостью включить в свой инструментарий, помимо прочего, еще и «сенсорное программирование» (оригинальное название книги «Managing the sense of a region», 1976). В книге речь сразу заходит обо всех органах чувств, об их значимости в «восприятии региона» и в активности по его осмыслению. Линч задает образ долины – Мишн-вэлли (Mission Valley), некогда природной, но быстро урбанизовавшейся и поглощенной городом Сан-Диего. «Я предлагаю занять особую позицию: воспринимаемые

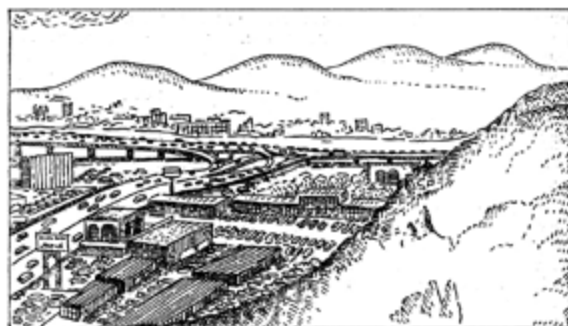
человеком качества окружения необходимо проектировать в региональном масштабе, поскольку происшедшее с Мишн-вэлли определялось региональными соображениями и люди теперь живут именно в этом масштабе», – пишет К. Линч [5, с. 219]. Но тут же он признает принципиальную невозможность заявленной стратегии: «Совсем непросто найти одно простое слово для определения ощутимого качества какого-то места.

< Рис. 2. Долина Шварцвальда. Тихая и уютная швабская провинция. Если бы не М. Хайдеггер, быть бы ей глубоким захолустьем (пусть и с высоким уровнем жизни обывателей). Но Хайдеггер перевел ее в ранг персональной периферии – тут он искал и находил основания того, с чем столь весомо выступал в европейских центрах

Есть точные слова для отдельных ощущений: зрение, слух, осязание, обоняние. Но стоит попытаться говорить о чувствах обобщающим образом, как мы обнаруживаем себя на свалке старых противоречий психологии и этики» [5, с. 224]. Отсюда вывод: «Вопросы проектирования чувственной формы в масштабе крупных территорий по сей день ограничиваются приблизительными описаниями. Методика нашего действия должна выйти за рамки печальных размышлений, «художественных концепций», проповедей, раздутых и совершенно лишенных реальности генеральных планов, на которые столь часто пытаются полагаться» [5, с. 246]. Нельзя сказать, что известные по сей день формы деятельности сумели хоть немного оторваться от столь жесткой характеристики.

> Рис. 3. Рисунки К. Линча из книги «Осмысление региона». Долина Мишн-вэлли в прошлом и настоящем [5, с. 218]

< Рис. 4. Застройка долины Мишн-вэлли, сенсорные качества которой столь волновали К. Линча. В отличие от широко разрекламированной, едва ли не хрестоматийной для американской регионалистики долины реки Теннесси, ставшей локусом гигантских инвестиций денег и федеральных амбиций, эта скромная городская долина сумела стать примером собственно регионального, чувственного переживания и осмысления. Примером, скорее, негативным. Интересно сравнить эволюцию Мишн-вэлли с паттерном № 4 «Сельскохозяйственные долины» у Кристофера Александра с соавторами: там неоднократно рекомендуется «оберегать эти земли от любого развития», даже при полном понимании того, что они расположены внутри активно урбанизирующейся территории [6, с. 70–72]. «Развития» не удалось избежать ни масштабной долине Теннесси, ни локальной долине Мишн-вэлли, по факту ставших урбанизованными и индустриализованными районами. Видимо, это произошло потому, что, в отличие от до сих пор держащейся вдали от такого внешнего «развития» долине Шварцвальда, в них не нашлось регионального субъекта (актора, по типологии А. Турена), способного замкнуть всякие инициативы с развитием на себя, определять как масштабы, так и характер действительного развития

Можно было бы критически отнестись к построениям Линча более чем полувековой давности, однако он и сам довольно самокритичен. Он вполне внятно опознает необходимость перехода от формально-географических представлений к терминологии центра и периферии, их диалектики, их деятельностного, а не натуралистического союза. В частности, Линч пишет о необходимости присутствия активных субъектов на периферии, что, собственно, и создает связность региона: «Одной из форм утверждения службы проектирования могло бы стать приписывание штатных проектировщиков к определенным зонам региона для работы на месте и обеспечения связи с центром. Со временем они приобретали бы детальное знание своей зоны и ее обитателей, подсказывая им определенные приемы воздействия на те решения частных и общественных сил, которые постоянно на них обрушиваются» [5, с. 255]. Бюрократизм формулировок не должен смущать: в те годы можно было иметь дело лишь с централизованными службами планирования. И еще, существенное: «Центр контроля и принятия решений – вот о чем здесь идет речь. Должен ли дизайн среды быть централизованным или децентрализованным и до какой степени? <...> В самом деле, крупномасштабное проектирование нередко оказывалось средством усиления и символического выражения централизации власти (здесь К. Линч пишет о Древнем Египте, восточных и южноамериканских деспотиях – ПК). Священный трепет, внушаемый этими монументальными композициями, был прямым орудием централизации власти в перегруппировывающем свои ресурсы обществе» [5, с. 275–276].

«Найдутся ли профессионалы, – спрашивает Кевин Линч, – которые отвергнут все названные подходы. Для них правильная стратегия заключается в том, чтобы максимально децентрализовать действие. <...> Свергнуть с пьедестала богоподобного проектировщика или превратить его в учителя среди равных ему учеников, в специализированного сотворца. Профессиональные тайны проектирования следует превратить в доступную информацию, пользуясь которой малые группы смогли бы придать форму своему месту» [5, с. 276]. Да, для региона, в отличие от умиротворенного района, необходимы

^ Рис. 6. М. В. Добужинский. Провинция (Воронеж). 1912. Воронежский музей им. И. Н. Крамского. Российская провинция начала XX столетия затаилась в ожидании; век неоднократно пройдет по ней фронтами войн и фронтами открытий. Город Засечной черты, веками стороживший буйный восток, станет рубежом, за который – уже с запада – не сможет пройти враг

^ Рис. 5. М. В. Добужинский. Провинция 1830-х годов. 1907–1908. Образ провинции исторически менялся. В частности, он зависел от настроений в обществе. В XVII и XVIII веках провинция представлялась в пасторальном и романтическом духе, в конце XIX – начале XX вв. – в свете социальной сатиры. Но XVIII век был эпохой децентрации, продолжающейся на излете географических открытий, в т. ч. и персональных. В путешествиях по периферии цивилизации обретался новый дух: «Путешествия воспитывают юношество». А со второй половины XIX в. – время централизации власти и промышленной концентрации, провинции быстро уходят в «отвал» прогресса. В XVIII веке на провинции еще смотрели как на источник новых образов, идей, чувств; а в конце XIX и в XX в. от них уже ничего не ждуть: теперь провинции просят милостей от метрополий. Тем самым миссия периферии окончательно оторвалась от общественного образа провинции, очередной раз обнажив верность тезиса о несводимости бытия и мышления. Обратим также внимание в работе Добужинского на символы присутствия государственной власти – обязательные, но... ослабленные, спящие

«нигилисты», искатели, для которых еще ничто не предопределено и никакие иерархии не действительны. Они действуют «горизонтально», вне профессиональных и прочих предрассудков, содействуют «местам» (по сути, создавая их). Если они что и чувствуют, то все же не законченный «сенсорный образ региона», который следует воспринять и адекватно изобразить, но, подобно волкам, рыскающим по окраинам, ищут ресурсы и возможности, взвешивают силу и слабину, определяют направления прорыва.

Линч ошибался. Регионы не чувственны, они интеллигентны: построение образа региона – вопрос не рецепторной психологии, но особым образом организованного рефлексивного сознания, имеющего дело с базовыми характеристиками региона, а не со всем набором многочисленных «факторов», которые способен выявить и предъявить морфологический анализ. Как и в теме т. н. региональной идентичности, последний хорош лишь для задач выстраивания коммерческого брендинга, для того, чтобы продать территорию подороже. Проектируя регион (в отличие от пейзажа), необходимо задавать не последовательность сенсорных впечатлений, но смыслы и содержания.

«Итак, регионы – организуются деятельностью и знания, а не территории. Для их организации требуются весьма продвинутое теоретико-методологические представления и рафинированная культура в самых различных сферах деятельности» [2, с. 171]. Продолжим эту логику в других парах категорий.

Провинция и периферия

Классическое немецкое «единое и целое» в случае регионалистики (как и в случае со средой) входит во внутренний конфликт и распадается пополам: целому принадлежит живое и организмическое, способное к самостоятельному развитию; единое же обнаруживает свою дисциплинарную природу (не столько уже греческую, сколько прусскую): оно не органично, но организационно, оно не живое, а формально-суподчиненное.

Различие между периферией – предмаргинальной локацией целого, и провинцией – локусом воли, до которого еще достигает централизованная власть, довольно

очевидно. Первая – «корочка», вариация того же самого, но слегка измененного местом своего расположения на краю, что, так или иначе, обязывает к некоторой самости. Это – неотъемлемая и вполне естественная часть чего-то целого, как золотистый бортик по периметру свежеспеченного оладушка. Вторая, то есть провинция, есть назначенное из центра представительство его, центра, воли и власти, которой отпущена, возможно, некоторая мера самостоятельности, но лишь в силу удаленности от центра и связанного с этой удаленностью ослабления контроля.

Периферия – зона «того же самого», лишь отнесенная от центра, что совершенно неудивительно: не всему же концентрироваться в центре. Все имеет закраины и пределы разворачивания, а в достижимых пределах сохраняется автономия тела, поддерживается его самобытность. Но удаленность от центра оставляет следы. Периферия получает преференции: ее качества могут существенно отличаться от центральной и примыкающим к центру областям, оставаясь плодотворными вариациями целого. Провинции расположены «на земле» («на грунте»), как выражаются в некоторых фантастических романах космонавты, совершившие посадку на ту или иную планету), но периферии существуют в мире мышления и деятельности, лишь по сопричастности, по факту присутствия захватывая «грунт».

Колониальная природа провинции неустраима, за ней всегда предполагается нечто иное, первичное, предшествовавшее наложенной «сверху» функции соучастия в навязанном едином. И иное норовит взять реванш, хотя реванши его, как правило, слабы и декоративны – именно это и способна ухватить дизайнерская, брендинговая айдентика. Вместе с тем в термине уже заложена вторичность и послабление; предполагается, что провинциальность – грех хоть и малоприятный, но прощательный.

Провинция – не «корочка» метрополии, это, напротив, ее недостаточно пока прожаренный «мякиш». Оттого провинция всякий раз существует как бы временно, до тех пор, пока границы империи единого не будут отодвинуты далеко за ее пределы. Или пока не придет ревизор. Здесь нет уже органического целого: утверждаемое из центра единое – это унификация всех

^ Рис. 8. Галактика – вот где становится ясно, что жизнь возможна скорее на периферии, чем в центре!

^ Рис. 7. Периферия компьютера определяется своим положением относительно центра, связкой с ним, соотношением обеспечения, инструментальности, поддержки, освоения доступного, изыскания пределов

1. «Жители города дивятся – как можно так долго оставаться одному среди однообразия крестьянской жизни. Однако я тут не в одиночестве – я в уединении. В больших городах легко оставаться одному – легко как едва ли еще где. А жить уединенно там нельзя. Ибо первозданная сила присуща уединению – оно не обособляет, не разъединяет, но все существование твое здесь круто обрушивает в самую широту близости и сущности всех вещей» [7]. Хайдеггер точно описывает энергетическую и креативную вольницу периферии, а акцент на уединении – конститутивный для темы периферии.

2. «И все это опять же не в особо избранные мгновения сознательного сосредоточения, нарочитого вчувствования, а только тогда, когда свое собственное существование – внутри своего труда, в нем. Только труд разверзает просторы, в какие вступит действительность этих гор. Черета трудов до конца погружена в ландшафт, в его совершающееся пребывание» [7].

значимых параметров (оттого столь нелепы распространенные ныне попытки предьявить в качестве местных «стратегий развития» простое исполнение спущенных сверху параметров). Нет никакой автономии, а появляющиеся де-факто свободы – не более чем недоработка: ведь всегда не хватает подготовленных людей, войск, легионов...

Провинция – римское, т. е. политическое изобретение (на нем Рим и прокололся), а периферия – не более чем морфологическая характеристика краев всякой протяженной формы. В современных терминах, кажется, можно сказать и так: провинция – часть (и обуза) районов (прежде всего экономгеографических и административных), а периферия – феномен (и ресурс) регионов. Провинции вечно «спят», а в периферии всегда что-то зреет.

Заметна и топологическая разница: провинция – это пятно на карте, зона, имеющая определенные очертания (они легко отождествляются с административными границами). А периферия, скорее, линия, полоса, кромка; ее внутренняя, обращенная к центру, граница, как правило, размыта, диффузна.

Провинция может иметь функциональный профиль – сельскохозяйственный, промышленный и пр., но в общем виде она – часть гомогенного образования, функции которого лишь разнесены по зонам. Периферия же скорее инструментальна, она порождается не функциональным зонированием, не назначением профиля и не размещением производительных сил на территории. Как «периферия» компьютера, она определяется своим положением относительно центра, связкой с ним, соотношением обеспечения, поддержки, освоения доступного, изыскания пределов.

Разумеется, в географической реальности провинции и периферии переплетены; различаются они лишь интенциями: куда готовы встать, какое место занять. В силу сложных наложений и переплетений в провинции могут появляться новации, однако они с момента возникновения стремятся к центру, где единственно могут найти развитие и применение. Провинции центристательны, поскольку им свойственен, пусть и тщательно скрывааемый, комплекс упомянутой выше

неполноценности. Провинции неуместно переосмыслять метрополию, мыслить в категориях связей и влияний, осмыслять регион. Провинции не создают регионы и не совпадают с ними: они совпадают лишь с административными и хозяйственными районами. Мартин Хайдеггер в небольшом произведении «Почему мы остаемся в провинции?» пишет о швабской глубинке – «широкой высокогорной долине в южном Шварцвальде» как об излюбленном им месте спокойного размышления, философской работы (отчего текст имеет еще и название «Творческий ландшафт») (прим. 1). Однако все мышление и творчество осуществляет именно и только он – приезжий столичный профессор. Провинция выступает для него ландшафтом (территорией, как скажем мы ниже) его собственной мысли. Провинция используется Хайдеггером в качестве периферии его деятельностного пространства (прим. 2): в ней он черпает ресурсы; он, а не его соседи-крестьяне, переосмысляет философию, страну, историю, мир. Но Хайдеггер указывает на принципиальную укорененность своих идей именно здесь, в т. ч. в менталитете соседей, в ландшафте, истории и прочих с трудом верифицируемых, но объективных ценностях.

Периферия в силу своего различия с центром, в силу обеспечиваемого ею рефлексивного уединения (Хайдеггер его особенно выделяет, различив с одиночеством) – идеальное место осмысления целого, проблематизации всяких центров, выработки альтернатив и идей развития. Забота о центре – миссия периферии (в то время как провинция, напротив, получает регулярную заботу от метрополии). Но забота в первом случае может быть разнообразной по проявлениям и результатам, а во втором она монотонна и нормативна. Периферия – фронтир своего Центра, там еще ничто не предопределено, там происходит поиск, разведка, генерация нового и апробирование полезного, а также фильтрация и санация вредного. Провинция – тихий уголок, а на периферии всякой приличной империи всегда беспокойно, ибо это – зона контакта с Иным.

«Повышая контрастность», можно сказать и так: провинция – территория, выделенная где-то, по определению, вдали от буйства жизни и клочкотания мысли. А периферия – сама есть ареал, регион мышления,

существует она не на карте, но в напряжении мысли и воображения, в ддящемся овозможении мыслимых и немислимых ресурсов развития. Но нельзя сказать, что провинция существует объективно, а периферия – субъективно, лишь в воображении. Скорее наоборот, провинция – плод властной воли и воображения, лишь за их счет она и живет; периферия – естественная и неустрашаемая черта самоорганизации всяких центробежных и центростремительных систем.

Прекрасный образ, иллюстрирующий различие периферии/центра и провинции/метрополии, – образ спиральной галактики, такой, как Млечный Путь. В ее центре – сверхмассивная черная дыра, ее неумолимой гравитационной власти подчинена вся система, но черная дыра – не метрополия, а «рукава» галактики – не провинция в ее хозяйственном управлении. И сколько бы ни был этот образ фаталистическим, обитание на периферии («чем дальше – тем лучше») – самое подходящее место для познания и мышления, для открытий и освоения целого, включая, быть может, и самый приближающийся «горизонт событий».

Наконец, обратим внимание на этимологию слов. «Провинция» происходит от латинского *provincia*, где *pro* – «вперед, для, за, вместо»; казалось бы, вполне проектные интенции. Но доминирует здесь, увы, «вместо», что, совокупно с *vincere* – «побеждать; превосходить» (из праиндоевропейского *weik* – «бороться, завоевывать») означает весьма двусмысленное «вместо победы». Известно, что императоры Рима даровали провинции своим стратегам за военные победы. Но тем же и отсылали их подальше от Рима; отсюда и двусмыслен-

ность. Этимологию не отменить: победа прошла, и вот вам вместо нее, в награду за труды немалые – провинция. Коль вы настолько круты, что завоевываете территории, вам ими и заниматься, вдалеке. Ну, сами «виноваты»... Русское «провинность» не случайно резонирует с этим неоднозначным словом.

Периферия же – заимствование из французского языка XIX в., в котором *peripherie* произошла от греческого *periphoreia*, возникшего путем сложения *peri* «вокруг, кругом» и *pherein* «нести». Несение округи, Обод Колеса, Стальная Шина, соприкасающаяся с внешним и охраняющая центр – Ступицу (столицу). Региональный субъект [3] – тот, кто ответственно (и далеко) «несет округу» в тех или иных ее принципиальных значениях, как правило, не материальных. Но вовсе не тот, кто несет административную ответственность за состояние «туловища» своего района, своей провинции.

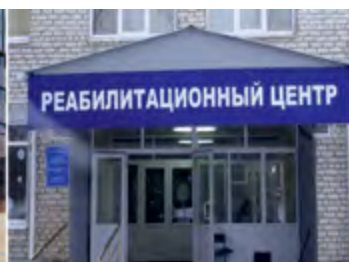
Граница и фронтир

Еще одна пара понятий, которые должны быть различены – это граница и фронтир. Граница, линия удержания внутреннего – статичная, так или иначе укрепленная полоса, разделяющая своих и чужих. С границей шутки плохи: она наэлектризована волей защиты, обороны; это линия прерванного контакта, который запрещен самой логикой границы. Важно и то, что граница свойственна районам – пятнам на карте, то есть она сугубо географична, легко и даже с необходимостью проводима по картам.

Сегодня границы заявили о себе, их приходится переосмыслять заново. Вновь актуален образ фронта. А значит и регионы можно начинать мыслить по-иному: центростремительная сила в их формировании уравни-

^ Рис. 10. Культ «центра» легко доходит до пределов всякой осмысленности, всего лишь следуя за конвенцией и мнимой очевидностью, превратившими представление о «центре» в повседневный словесный штамп

v Рис. 9. Несколько примеров дорефлективного культа «центра». Во всех представленных случаях гораздо более социально, организационно и технологически адекватным было бы развертывание сети периферийных филиалов, а не формальная централизация деятельности

< Рис. 11. Конstellация. Ландшафт Центрального Черноземья, одного из важнейших регионов России. Фото А. Кирнов

вешивается центробежной, концентрация – рассеянием и новой сборкой по маргиналиям, централизация – усилением пограничья. Для архитектуры, урбанистики и дизайна пространства – это новые ресурсы образности и смысла.

Понятия границы и региона несовместимы. У регионов нет и не может быть границ (что прекрасно обозначил В. В. Путин в известном суждении, что Россия не заканчивается нигде). Границы способны охватить, ограничить лишь то, что уже остановилось, что имеет внутреннюю собранность и устойчивое единство, но не обладает идущими вовне импульсами и интенциями самоопределяющегося целого. Граница – зона успокоения и... «упокоения» имеющегося. Районы могут и должны иметь границы, страны обязаны их иметь. Но границы в случае динамичных и масштабных исторических и надгеографических образований теряют всякий смысл: они неспособны ничего удержать, очерчиваемая ими территория не конгруэнтна действительным и живым организациям, достаточно индифферентно соотносимым с картами и планиметрией. Таков регион – организованность идей и духа, а не экономического и хозяйственного соподчинения. Где проходят границы региона по имени Русский Мир? Их обнаружить, задать, прорисовать по географическим картам не представляется возможным. Но фронтир у него есть, он нагляден, хотя и не совпадает с одной лишь изменяющейся линией актуального фронта «на земле».

Фронтир, по определению, линия движущаяся, смещающаяся в сторону имеющегося интереса, цели, ценности, долга. Несомненно, фронтир – «боевой рубеж» всякой периферии. Всякая же провинция способна лишь провалить миссию фронта: в ней нет ни должных сил, ни самоопределения (то есть концентрации воли) для его удержания. Если вам нужен фронтир на приграничных провинциях, то вам необходимо выстраивать там периферию именно того, что для вас действительно центрально, а не того, что просто в силу обстоятельств расположено где-то на удалении и лишь формально сопричастно центру.

В отличие от границы, фронтир не прочерчивается строго, не подчиняется параметрическим нормам

описания, обязательным для географии и геометрии. Его границы диффузны, проницаемы в обоих направлениях, что, хотя и создает известные сложности, все же необходимо для миссии «губки», впитывающей новое; как и «фильтра», отсекающего лишнее. Однако расположен фронтир всякий раз... знамо где; более того, в отличии от границ, положение которых не все помнят наизусть, но которое всегда можно уточнить в объективных и обезличенных источниках информации, прохождение фронта составляет очевидную, всем понятную, но... едва ли не интимную черту регионального или национального характера, определяет актуальную характеристику коллективного самоопределения. Так, Мартин Хайдеггер, будучи спрошен о трассировке фронта, очерчивающего регион его персональной самоидентичности, не стал бы говорить об административных границах Шварцвальда, но заявил бы о «вековой алеманнско-швабской самобытности», которую «нечем заменить» [7]. Водоразделы этой самобытности очевидно не совпадают с границами «широкой высокогорной долины», а если и совпадают, то случайным и необязательным образом. Во всяком случае, швабский фронтир здесь держит лишь он один, Мартин Хайдеггер; остальные соседи, сколько бы он на их самосознание ни ссылался, суть лишь насельники уютной провинции.

Сказанное приводит к неожиданному и неочевидному выводу: для активации фронта, для подключения периферии, для возникновения региона необходим активный субъект, деятель. Собственно, и история, и современные события этот тезис подтверждают, и лишь морок географического, даже картографического объективизма тормозит его окончательное принятие.

Место и территория

В рамках нашей апологии периферии мы вынуждены признать: периферия – территория, но не Место (имея в виду все положительные коннотации этого популярного слова, апология которого выстроилась за последние годы уже в достаточной мере). Если Место – обжитый и освоенный ценностным чувством локус (таковы в норме и провинции), вполне состоявшийся и «законченный», то территория, скорее, материал, сырая и неоформ-

ленная, но ждущая и требующая оформления открытость. Да, территория чревата новыми открытиями, связана с риском, незакончена, требует своего доопределения. Фронт новаций сдвигается его субъектами именно по неизведанной и «дикой» территории, в достаточной по емкости периферийной полосе или зоне. Стоит ли говорить, что такой территорией может выступить... топика философской мысли, проблематика регионально значимого творчества, сохранение самобытных традиций и их носителей, принципы региональной архитектурной школы и т. п.

Термину «территориальное развитие» в этом свете следует вернуть его изначальный смысл – не приращение территорий (оно суть отдельное занятие, точно не совпадающее с предметом архитектуры и урбанистики) и не «развитие» самих территорий. Но развитие людей, акторов, действующих на территориях, осваивающих периферию (В. Л. Глазычев, предлагая термин, имел в виду именно это [8]).

Значение периферии резко возрастает сегодня, когда, как кажется, меняется традиционная, многовековая расстановка (диспозитив) в процессах развития. Новации теперь появляются здесь, а не в местах концентрации (в чем состояла историческая миссия городов, особенно столиц). Точнее: инновационные функции центров и столиц стали сегодня чем-то вроде «естественной» технической процедуры, уже недостаточной для темпов развития, которую стали именовать «пространственной и несамодостаточной». Новации появляются *par excellence* на периферии (на это, кажется, одним из первых обратил внимание А. Г. Раппапорт [9]), а не в центре – это новое, что оказалось сегодня приоткрытым. Повторим: не в провинциях, не в глуши удаленных мест и местечек, но в активной и напряженной периферии, инфраструктурно неотрывной от центра. Шоковое, болезненное переживание периферии сегодня заставило вновь вспомнить обсуждаемое нами различие.

На территориях еще нет мест (а прежних уже нет), но для периферии это не проблема: всему свое время. Это не проблема еще и потому, что наша архитектура, т. н. «градостроительство» и «районная планировка» десятилетиями создавали вовсе не полноценные места, но именно территории – зоны борьбы за выживание. Территория, в отличие от места, есть поле битв интересов, надежд, проектов, страстей и страхов. Последнее, т. е. страх – обязательно, конститутивно для территорий (*terror* – земля как юдоль страданий (прим. 3)). Это в местах все свои, все тихо и мирно, развитие может и не требоваться (вследствие этого его обычно избегают или имитируют), а бояться нечего.

Сдвиг акцентов в деле развития открывает, помимо прочего, новые смыслы того вида деятельности, который был у нас громко заявлен несколько лет назад, но как-то тихо сдулся – «пространственное развитие». В отличие от развития территориального (см. выше), с которым путать его уже не следует, пространственное развитие – все же не только развитие людей (на территории или «в пространстве»), это совокупное развертывание сетей и систем мышления и деятельности, обеспечивающих связность центров и их периферий. Такие сети по определению протяженны, а системы сложны и неравномерны, но это пульсирующее целое единственно и способно работать – в отличие от мертворожденных идей равномерного распределения из центра, властного подчинения метрополии, рассеяния и «глотания пыли», в данном случае дорожной. Римские военные метафоры захвата территорий и усмирения провинций – основа колониального менталитета, которому столетиями принадлежали многие стратегии «освоения пространства», вплоть до схем «распределения производительных

сил», размещения территориально-производственных комплексов или терпланирования. Развитие, о котором говорим мы, потому и пространственное, что не сводится к планиметрии карт, к стрелкам перемещения по картам «развивающих» усилий (в виде денег, ресурсов, людей). Оно повсеместно, «3D», хотя и локально в каждой точке своего развертывания.

А места – это прекрасно! Умение создавать места – очаги обжитого пространства, наполненные идентичностью, смыслами и памятью, – необходимый, но следующий этап пространственного развития (прим. 4). Изживая провинциальность [9; 10] и преобразуя территории (в рассмотренной нами логике), мы, наконец, восстановим и полноценный инструментальный созидания мест, почти забытый и долго невостребованный: ведь до него десятилетиями в стране не доходили руки. Возрождение категории «место» – значимый и обнадеживающий симптом, о котором уже немало сказано, в т. ч. и нами [2; 11; 12]. Но это – отдельная тема.

Формы мыслимости всех пространственных сетей (сетевых конструкций, совсем не только в смысле Интернета) – непечатое поле для переосмысления. Линия, полоса, поле, сеть, констелляция [13]... Но, заметим, не агломерация: она есть система, а система и сеть – разные организованности. Сеть не терпит иерархий, а все наши агломерации – иерархические системы, контролирующие свои границы, четко разделяющие отношения внутри/снаружи. Проведенная черта в системе (агломерации) является границей, но в сети она есть связь: отсекает/соединяет, соответственно. У нас, по сути, еще не сложились сетевые формы обитаемого пространства, способные стать единицами практики пространственного развития. Строить новую практику придется на «чистой доске», никому не подражая, иначе никого не догоним, будем вечными аутсайдерами.

Поскольку культура осуществляется в социуме локально – регионами содержания и смысла, ценностей и памяти, то вопрос о культуре имеет самое прямое отношение к пространственному развитию. Институты трансляции культуры, создающие очаги уникального содержания и связи между ними – самый, пожалуй, действенный инструмент (стратегия) пространственного развития. Отсюда интерес к традициям и локальности, в последнее время – к вернакуляру. Трансляция здесь предполагает уже не распределение единого, но обмен содержанием, наполнение «кровеносных сосудов» регионов.

Итак. Сказанное и подразумеваемое

Очевидно, обсуждаемые нами понятия не расположены на одной плоскости, где бы ее ни проводить – по земле, по карте, по воображаемым пространствам. Они, скорее, соединяют разные планы, связывают их в единство представления о многомерной организации реального пространства деятельности, инициатив, событий. Все вместе они приводят к довольно нетривиальным выводам.

Так, региональность – не территориальная черта (хотя и не экстерриториальная, конечно) в том смысле, что задается и определяется не территорией (в т. ч. ландшафтом) и, соответственно, не архитектурой (не морфологией городов, в т. ч. не их планировочной структурой, где ее все еще продолжают искать). Все это вместе (плюс многое другое: память места, история, символика, легенды и предания...), вероятно, работает совокупно на феномен идентичности, на «здесь-вот» – эффект (работает в подходящих условиях – пока не совсем ясно, каких именно: ведь бывает, что и не работает...). Но региональность, цепляясь за этот «нижний» план, формируется все же иначе – как феноменологически опознаваемое качество неповторимых значений

3. «Происхождение данного слова окутано таинственностью с религиозным подтекстом. В некоторых источниках место, куда были изгнаны жители Рая – Адам и Ева – за свои прегрешения, называется «терра». От латинского *terror* – ужас, страх». Из просторов Интернета [14].

4. А. Г. Раппапорт писал: «Я думаю, через сто-двести лет архитекторы поймут, что их профессиональная интуиция есть способность к своего рода резонансу». С этим суждением можно согласиться: при отсутствии объектных картин такой степени сложности и масштаба, как регион, культурный ландшафт, место, есть один путь: настройка сознания на «волну» – на онтологические, точнее даже феноменологические эманации. «Взращиванием такой именно резонансной чуткости и должны бы заниматься институты воспроизводства деятельности», – отреагировал автор настоящей статьи [15].

и смыслов, раскрывающихся в деятельности, в «трудах», по М. Хайдеггеру.

Регион – это совокупность уникальных идей, форм мышления и понимания. А также совокупность способов формулировать идеи и представления, в т. ч. и в конфигурациях вербального дискурса, и в формах архитектуры, преобразованного ландшафта – уже как «естественное» следствие.

Можно сказать и методологическим языком: регион – это организованность мышления и деятельности (мыслительности), но беда в том, что таким инструментарием не прорвешься к морфологии региональных и прочих локальностей (как и сред); высокий уровень абстракций туда спуститься не может, приходится заимствовать слова и представления из... чего угодно, и тем самым терять содержание. Вся сложность таких тем – соединение методологического «верха» и фактографического «низа»; между ними практически всегда остается зияние, разрыв. В этом есть опасность. Концепты такого рода, как «Русский Мир» вообще индифферентны всяким локациям, имеют негеографическую природу. Однако применять, примеривать их к территориям, натягивать их на различные административные единицы, на судьбы конкретных сообществ и отдельных людей никогда не перестанут. Понятно, чем сие чревато. Разрыв огромный и кровоточит.

В архитектуре указанная разрывность представляется просто очевидной, наглядной. Представляется, что формальные, стилистические, морфологические характеристики архитектуры всякий раз оказываются... «ортогональными» тем содержательным аспектам, которые составляют «региональную специфику» архитектуры той или иной страны, эпохи, места. Они, несомненно, втягиваются в эту специфику, но... каким-то вторичным образом, по сопричастности. Ведь формальный анализ легко выделит примерно те же наборы элементов, что и в архитектуре иных регионов (соборы Московского Кремля – прекрасный пример). С другой стороны, он уж точно выделит совсем иной формальный ассортимент в архитектуре иного времени тут же, не сходя с места, который не менее, например, «русский», чем до или после него.

По указанной причине автор скептически относится к тематике региональных или национальных стилей и тем более – их целенаправленного культивирования в качестве средств достижения региональной идентичности. Узнаваемые наборы форм и приемов, разумеется, неплохо, но это, скорее, тематика брендинга, полезная, но по своей природе коммерческая, а не содержательная, культурная или историческая. В этом свете и пресловутая «айдентика» давно уже есть инструмент брендинга, ее уже не столько обнаруживают исследовательским поиском, сколько задают проектно, дизайнерски. Такие стратегии имеют все права на существование, более того, они успешно развиваются и захватывают все новые ареалы и территории. Но нельзя связывать с ними решение проблематики региональной, средовой и прочей идентичности.

Литература

1. Щипков, В. А. Регионализм как идеология глобализма : монография. – Москва : МГИМО-Университет, 2017. – 188 с.
2. Капустин, П. Региональные школы: от проектов к надеждам // Проект Байкал. – 2020. – № 65. – С. 168–171.
3. Левинтов, А. Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии // Вопросы методологии. – 1991. – № 3 – С. 45–52. – URL: <https://www.fondgp.ru/publications/от-района-к-региону-на-пути-к-хозяйству/> (дата обращения: 25.03.2023).
4. Копылов, Г. Г. Регион-сеть и региональные программы // Кентавр. – 1993. – № 2. – С. 16–22. – URL: https://www.kentavr.mathedu.ru/text/kentavr_1993_2 (дата обращения: 25.03.2023).
5. Линч, К. Образ города. – Москва : Стройиздат, 1982. – С. 217–311.

6. Александер, Кр., Исикава, С., Сильверштейн, М. Язык шаблонов. Города. Здания. Строительство. – Москва : Студия Артемия Лебедева, 2014. – 1096 с.
7. Хайдеггер, М. Творческий ландшафт : Почему мы остаемся в провинции? – URL: <https://askrsvarte.org/blog/v...provincii/> (дата обращения: 25.03.2023).
8. Глазычев, В. Л. Глубинная Россия : 2000–2002. – Москва : Новое Изд-во, 2003. – 328 с.
9. Раппапорт, А. О провинциализме // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 50–52.
10. Багина, Е. О провинциальности, жадности и тоске по столичной жизни // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 62–63.
11. Капустин, П. В. Опыт феноменологического анализа архитектурно-проектной категории «место» // Архитектура и дизайн в современном обществе: российский опыт и мировые тенденции : материалы Всерос. науч. конф. (23–24 октября 2012 г.). – Екатеринбург : Архитектон, 2012. – С. 40–42.
12. Капустин, П. В. «Здоровый город» и живое место // Проект Байкал. – 2019. – № 60. – С. 90–95.
13. Капустин, П. В. Запад – Восток – воображение линии // Проект Байкал. – 2017. – № 54. – С. 66–70.
14. Фролова, А. Что такое «территория»? Значение слова. – URL: <https://fb.ru/article/361595/chto-takoe-territoriya-znachenie-slova> (дата обращения: 25.03.2023).
15. Капустин, П. В. Смыслы, как и все «гуманитарное», давно отнесены к факультативной части. Комментарий Петра Капустина к лекции Александра Раппапорта // АРХИ. ру : Агентство архитектурных новостей. – URL: http://archi.ru/agency/news_current.html?nid=45112 (дата обращения: 25.03.2023).

References

- Alexander, Ch., Ishikawa, S., & Silverstein, M. (2014). *A Pattern language: Towns. Buildings. Construction*. Moscow: Artemy Lebedev Studio.
- Bagina, E. (2017). On provinciality, greed and aspiration for a metropolitan life. *Project Baikal*, 14(52), 62-63. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.52.1164>
- Frolova, A. (2017, December 2). *Chto takoe "territoriya"? Znachenie slova [What is "territory"? The meaning of the word]*. FB. Retrieved March 25, 2023, from <https://fb.ru/article/361595/chto-takoe-territoriya-znachenie-slova>
- Glazychev, V. L. (2003). *Glubinnaya Rossiya: 2000-2002 [Deep Russia: 2000-2002]*. Moscow: Novoye Izd-vo.
- Heidegger, M. (n.d.). *Tvorcheskiy landschaft: Pochemu my ostaemsya v provintsii? [Creative Landscape: Why do we stay in the province?]*. Retrieved March 23, 2023, from <https://askrsvarte.org/blog/v...provincii/>
- Kapustin, P. V. (2012). Opyt fenomenologicheskogo analiza arkhitekturno-proektnoi kategorii "mesto" [Experience of phenomenological analysis of architectural and design category of "place"]. *Architecture and design in contemporary society: Russian experience and global trends*. Proceedings of all-Russian scientific conference, October 23-24, 2012 (pp. 40-42). Ekaterinburg: Architecton.
- Kapustin, P. V. (2012, December 4). *Smysly, kak i vse "gumanitarnoe", davno otneseny k fakultativnoi chasti. Kommentarii Petra Kapustina k lektsii Aleksandra Rappaporta [Meanings, like everything "humanitarian", have long been relegated to the elective part. Commentary of Petr Kapustin to the lecture of Alexander Rappaport]*. ARCHI.ru. Retrieved March 25, 2023, from http://archi.ru/agency/news_current.html?nid=45112
- Kapustin, P. (2017). West East: Imagining the Line. *Project Baikal*, 14(54), 66-70. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.54.1251>
- Kapustin, P. (2019). A "healthy city" and a living place. *Project Baikal*, 16(60), 90-95. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.60.1479>
- Kapustin, P. (2020). Regional schools: From projects to hopes. *Project Baikal*, 17(65), 168-171. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1703>
- Kopylov, G. G. (1993). Region-set i regionalnye programmy [Region as a network and regional programs]. *Kentavr*, 2, 16-22. Retrieved March 23, 2023, from https://www.kentavr.mathedu.ru/text/kentavr_1993_2
- Levintov, A. E. (1991). Ot raiona k region: Na puti k khozyaistvennoi geografii [From district to region: On the way to economic geography]. *Voprosy metodologii*, 3, 45-52. Retrieved March 23, 2023, from <https://www.fondgp.ru/publications/от-района-к-региону-на-пути-к-хозяйству/>
- Lynch, K. (1982). *The image of the city*. Moscow: Stroyizdat.
- Rappaport, A. (2017). On provincialism. *Project Baikal*, 14(52), 50-52. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.52.1161>
- Shchipkov, V. A. (2017). *Regionalism kak ideologiya globalizma: Monografiya [Regionalism as the ideology of globalism: A monograph]*. Moscow: MGIMO-Universitet.

Статья посвящена особому символическому дискурсу города, в основе которого лежит антропоморфизация его архитектурного и пространственного тела. «Анатомическая» оптика как города, так и урбанизированного ландшафта в целом имеет давнюю историю и, трансформируясь, продолжает определять восприятие города и региона в наши дни. Важнейшее место в символической анатомии города занимает образ сердца. В тексте анализируется образ сердца как ключевой концепт анатомического символизма в культуре в целом и в урбанистическом дискурсе в частности.

Ключевые слова: символ; иерархия; антропоморфизм; культурный код; архетипы; проекция; культура; миф./

The article deals with a special symbolic discourse of the city, which is based on the anthropomorphization of its architectural and spatial body. "Anatomical" optics of both the city and the urbanized landscape as a whole has a long history and, while transforming, continues to determine the perception of the city and the region today. The most important place in the symbolic anatomy of the city is taken by the image of the heart. The article analyses the image of the heart as a key concept of anatomical symbolism in culture in general and in urban discourse in particular.

Keywords: symbol; hierarchy; anthropomorphism; cultural code; archetypes; projection; culture; myth.

Концепт сердца в символической анатомии города / The heart concept in the symbolic anatomy of the city

Город-тело

Еще древнегреческим софистом Протагором сказано: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют». Два с половиной тысячелетия спустя мы можем соглашаться или не соглашаться с Протагором, но не в силах отрицать тот факт, что весь земной мир, созданный человеком в ходе достижения своих целей, и впрямь скроен по меркам его тела и сознания. Всякая охваченная цивилизацией территория, всякое пространство, освоенное человеком, суть разномасштабные проекции его представления о самом себе.

Одной из самых ярких проекций образа человека представляется город. В разное время город в разной степени метафоричности трактовался как единое тело. Аналогия с человеческим телом носила не просто сравнительный характер, но акцентировала системную сложность города, соподчиненность и координацию его частей. В своей книге «История тела в Средние века» выдающийся медиевист Жак Ле Гофф отмечает: «В Средние века тело становилось метафорическим образом государства, города, Церкви, университета, человечества... Конечно, это не являлось новостью для Западной Европы. Еще Платон в «Государстве» говорил о применимости к «идеальному полису» модели организма. <...> Позднее Гоббс в трактате «Левиафан» (1651) представлял государство как гигантское тело, образуемое огромным множеством людей, символом которого являлся суверен» [1].

Именно Средневековье генерировало и артикулировало различные институциональные сообщества, обладающие коллективной субъектностью (церковные приходы, ремесленные и мастерские объединения, монастырские и университетские комьюнити и т. д.), что давало практические основания распространять на них, а также на пространства их сосуществования метафору человеческого тела. Тело человека все более понималось и репрезентировалось как микромодель мира, как микрокосм, как воплощенное в миниатюре умозрение о Творении. При этом тело помещалось в центр картины мира, выступая его концептом, его символической «сверткой».

Чувство телесно-пластического единства города, его «анатомичность» и «физиологичность» вполне отчетливо переживались уже жителями античного полиса. Опыт городской тесноты и архитектурно-пространственной плотности способствовал распространению чувства индивидуальной телесности на окружающую человека урбанистическую среду [2]. Житель античного города как бы возвращался от пережитого в младенчестве опыта сепарации персональной телесности обратно к опыту телесного единства со средой, к опыту пренатального телесного тождества. Однако, именно начиная со Средневековья, город, понимаемый как телесное целое, все более наделялся смыслом не только в качестве совокупного тела населяющих его людей, но и в качестве пространства их жизни. Пространственное тело города постепенно проявлялось как самостоятельная ценность, которая, впрочем, символически эксплицировалась в образах и категориях тела и телесных практик. Город все более понимался и переживался как социальное тело, структурно-функциональной и символической моделью для которого служило физическое тело человека.

Для средневекового города актуальность метафоры тела определялась не только отмеченными выше факторами проецирования на пространство и архитектуру опыта человеческой телесности, но и конкретностью территориальных границ. Городские стены очерчивали и внятно артикулировали пределы урбанизированной территории подобно тому, как кожа человека ограничивает и задает внешний предел его физического тела. В современном городе, где территориальные границы размыты, понимание его как тела менее буквально, но не менее символично, чем в Средние века.

Каменное сердце человека и города

Если город – это тело, то внутри этого тела должны существовать и функционировать его структурные части и внутренние органы. На протяжении веков, с развитием метафоры тела города, формируется его символическая анатомия. Главное место в символической анатомии города занимает образ сердца. Это вполне отражает, с одной стороны, иерархическое место и ценность сердца в картине человеческого

текст

Леонид Салмин

Уральский государственный архитектурно-художественный университет /

text

Leonid Salmin

Ural State University of Architecture and Art

организма, а с другой – присвоенные сердцу духовные и культурно-символические значения и смыслы. Сердце понимается как главный орган человеческого тела, как средоточие и место сосуществования положительных и отрицательных моральных начал.

Уже для древних египтян сердце – важнейший орган, ответственный за ключевую перспективу человеческой судьбы – перспективу перехода в мир мертвых. Значение сердца в древнеегипетской культуре сопряжено с темой циклического возрождения человека, с темой границы жизни и смерти и перехода в мир иной. С этим связаны сложные ритуалы консервации сердца умершего человека и символические ассоциации сердца с «сердечным камнем» (материалом изготовления сосуда для хранения сердца) и с «сердечным жуком» (скарабеем, символизовавшим, помимо прочего, грядущее возрождение умершего в потустороннем мире) [3]. Ключевая ценность сердца в понимании древних египтян

– его твердость, свойство, от которого зависит успех персонального перерождения. Отсюда берет начало образ каменного сердца, впоследствии морально переосмысленный в древнееврейском теологическом дискурсе. В культуре Древнего Египта каменное сердце имеет безусловно положительную ценность, оно – концепт той трансцендентной статики духа, которая и обеспечила древнеегипетской цивилизации столь долгую жизнь. Сердце – инструмент познания божественного замысла и вместилище всех тех содержаний, которые определяют отношения человека с высшими силами. В то же время древнеегипетская культура парадоксально предъявляет к «каменному сердцу» требования легкости, пластичности, чуткости, что призвано обеспечить восприимчивость к божественному замыслу, к гармонии мира. Этот двойной оксюморон легкого, как перо, каменного сердца – центральный символический пункт мифологического «суда богини Маат», определяющего посмертную судьбу

> Пирамида Цестия в Риме

> Пирамида Цестия на гравюре Дж. Б. Пиранези

человека, его право на переход и возрождение в потустороннем мире.

За несколько тысячелетий древнеегипетский концепт сердца не просто глубоко прорастает в символическую анатомию мира, он становится одним из тех ее фундаментальных элементов, которые транслируются сквозь время и последующие культуры до наших дней. Место сердца в символической анатомии города во многом предопределено тем, что как форма человеческого сообщества город унаследовал от культуры Древнего Египта идею единства и структурно-иерархической соподчиненности частей социального организма, в контексте которого отдельная человеческая жизнь и отдельное человеческое тело есть лишь микроэлементы целого, а многочисленные человеческие сердца – лишь «молекулы» общего сердца социума. Впрочем, унаследованный от Древнего Египта концепт сердца отнюдь не буквально проявляется в урбанистическом наследии Средиземноморья и Евроатлантического культурного ареала. Ведь сама пирамидально-иерархическая конструкция древнеегипетского социума, а значит, и поселения, определяла существенный социальный и материальный разрыв между «хижинами и дворцами». Посему дошедшие до нас артефакты культуры египтян презентуют лишь верхнюю часть урбанистического тела – его наиболее твердые, устойчивые элементы, выжившие в веках. Поэтому, говоря о «древнеегипетском следе» в символической анатомии европейского города, мы имеем в виду преимущественно ментальные характеристики его урбанистического тела, ключевая среди которых – каменное сердце, орган и инструмент последовательных исторических реинкарнаций города во времени.

Впрочем, городское тело и европейская городская история доньше хранят и генерируют не только ментальные, но и вполне буквальные, связанные с гранью жизни и смерти и восходящие к древнеегипетский культуре символы, воплощенные в камне. Речь прежде всего о городских пирамидах, наследующих в той или иной мере дух древних пирамид Египта. Самый известный памятник в этом ряду – дошедшая до нас римская Пирамида Гая Цестия Эпуло (построенная в 18–12 годах до н. э. усыпальница именитого римского

горожанина, члена великой жреческой Коллегии эпулонов). После завоевания Октавианом в 31 году до н. э. Египта и вхождения его в состав Римской империи культура Египта, ее символические и материальные формы, обряды и ритуалы, вызвавшие неподдельный интерес у многих римлян, начали активно транслироваться в урбанистическое пространство Рима. Пирамида Цестия не только иллюстрирует эту «египтоманию», но и знаменует известную семиотическую преемственность, обращаясь к сакральной геометрии египтян и к формам архитектуры, концептуализирующим город как место границы миров, место перехода между жизнью и смертью, место, где египетская тема сердца – твердого, как камень, и легкого, как пух, – актуализируется и продолжает определять символизм городского тела как вместилища духа.

Другая римская пирамида, более крупная по размеру, так называемая Ватиканская, высившаяся на территории между Ватиканом и Замком Святого Ангела, согласно легенде, (нашедшей, кстати, отражение в произведениях Петрарки) служила местом захоронения Ромула, мифологического основателя Рима, что подчеркивает ее парадоксальное двойное значение символического сердца города и его главного склепа. Тем более любопытно, что пирамида эта была снесена в 1499 году по повелению папы Александра VI в связи с расширением дорожной сети Рима. И если ранее «все пути вели в Рим», то отныне священным сердцем Рима (а заодно и мира) назначался Ватикан.

В наши дни тема пирамиды как особо важного, ассоциированного с сердцем символического элемента городского тела многократно воплотилась в разных городах мира. В Париже спроектированная Бэй Юймином стеклянная луврская пирамида поставила историческую точку в развитии имперского сюжета формирования Главной парижской оси (символического позвоночника города) и, в комплексе с аркой Дефанс на противоположном конце, обозначила преемственность власти – от Людовика XIV до Франсуа Миттерана, выдвинув, впрочем, на первый план императора Наполеона и память о его египетском походе. Подобно тому, как некогда Рим Октавиана и Тиберия впитывал дух завоеванного

^ Средневековая площадь как сердце исторического города. Верона

^ Образ сердца как образ человеческого присутствия в пространстве города

Египта, Париж Наполеона наполнялся египетскими трофеями и с неизбежностью артикулировал тему сердца – как города, так и империи. Фантомная в своей прозрачности пирамида Лувра стала парадоксальной архитектурной рефлексией архетипического «каменного сердца» и завершила репрезентацию Парижа как одного и претендентов на звание «третьего Рима».

Отнюдь не претендующий на подобное звание, насчитывающий немногим более века своей истории американский Лас-Вегас не мог между тем не сотворить собственной пирамиды. Здание отеля-казино «Люксор» доводит тему древнеегипетского урбанистического следа до архитектурного кича, но при этом продолжает в игровой форме (как и положено мировой игровой столице) сохранять тему сердца города, увязывая ее с ключевой спецификой места. Не станем далее множить примеры современной «египтомании» в урбанистической культуре (таковых в мире великое множество), отметим лишь сам факт того, что египетский концепт твердого, «каменного сердца» продолжает определять многое в символической анатомии города. В ограниченных рамках статьи мы оставим за скобками тему другого важнейшего египетского сакрального сооружения – обелиска. О его значении для символической анатомии города и связи с образом сердца следовало бы написать отдельный развернутый текст.

Мягкое сердце человека и города

В отличие от представлений древних египтян, сердце у греков и римлян в большей мере связывалось с живым телом и живой душой человека, нежели с миром мертвых и перспективой перехода в него. Греки не придавали сердцу того концептуального, исключительного значения, которое у египтян определяло ключевые вопросы реинкарнации. Сердце в культуре греко-римской античности исторически меняло свой образ – от своеговольного органа, то и дело выступающего по отношению к человеку с позиций внешней, неподвластной управлению силы, до центрального, связующего все основные функции тела жизненного узла. Греческая мифология досократовского периода не жаловала сердце в качестве чего-то важного, отдавая пальму символического пер-

венства то печени, то мозгу. Однако позже, после оформления идей Аристотеля касательно отношений души и тела, после теории Гиппократова о телесных жидкостях и их циркуляции, после работ Галена, рассматривавшего сердце как источник необходимых телу энергий, образ сердца как главного человеческого органа и одновременно средоточия души надолго укрепился в европейской культуре.

Позднеантичное восприятие сердца как элемента мягкой, в отличие от камня, телесной материи было подхвачено и развито в иудео-христианском религиозно-культурном дискурсе. Органические и физические характеристики сердца стали предметом символической концептуализации. Ментальная образность сердца разрасталась тем активнее, чем ниже был уровень реальных анатомических знаний. Такие физические характеристики сердца как мягкость мышечной ткани и ее температура приобрели религиозно-нравственную семантику. Библия, в которой сердце упоминается более трехсот раз, вторя отчасти греческому, а отчасти египетскому пониманию сердца, преподносит его как средоточие духа, охватываемое в разное время как положительными, так и отрицательными эмоциями и устремлениями. Память египетского плена и опыт его преодоления заставили древних евреев противопоставить свой концепт сердца египетскому и наделять сердце соответствующими аксиологическими значениями. Каменное сердце стало синонимом жестокости, душевной черствости, бесчувственности, отсутствия сострадания и эмпатии. Мягкое же сердце обрело нравственную семантику доброты, сочувствия, любви. Холодное сердце стало образом равнодушия, безразличия, отчуждения, тогда как горячее сердце закрепилось в качестве символа жертвенности и самоотдачи. «И дам им сердце единое, и дух новый вложу в них, и возьму из плоти их сердце каменное, и дам им сердце плотяное», – говорит пророк Иезекииль (Иез., 11:19–20). «Сердце единое» – важнейший концепт символической анатомии культуры и города, указывающий на единство, соподчиненность и внутреннюю взаимосвязь всех элементов социального тела. Ветхозаветная нравственная семантика сердца была подхвачена и развита христианством, обозна-

^ Памятный монумент на площади Дианы в виде золотого пылающего сердца, Париж

^ Казино-отель «Люксор», Лас-Вегас

чившим ценностный спектр духовных качеств человека и пространств его жизни между полюсами «бессердечия» и «пылающего сердца».

Весь этот христианский семиозис сердца веками определял его место в символической анатомии культуры в целом и города в частности. Удивительным образом он дожил до наших дней, преодолев рационализм и цинизм XX века, выдвинувшего на место сердца «пламенный мотор».

Уже в символической анатомии средневекового города присутствие образа сердца становится вопросом

урбанистической теологии, вопросом божественного присутствия. Глубоко религиозное сознание средневекового горожанина понимает как человеческое сердце, так и масштабно и топографически соответствующее ему «сердце города» как тоπος возникновения чувств, воли, желаний, страсти, целеполагания, ключевых экзистенциальных и моральных интенций. Но также и как место концентрации и хранения Божьей воли. В идеале сердце человека и сердце города бьются в унисон, и это интегральное сердцебиение и есть знак богохранимого и богоспасаемого города. Такая смысловая взаимо-

v Пирамида Лувра, Париж

^ Памятник Жанне Д'Арк на площади Пирамид, Париж

^ Средневековая миниатюра как пример любовной семантики сердца в эпоху рыцарства

проекция сердца человека и сердца города восходит к архетипу Небесного Иерусалима, образ которого воплощает безусловное присутствие в нем духа Божьего, но также и знаменует встречу человека с Всевышним, сердечное принятие человеком воли Творца и умещение Бога в сердце своем.

На протяжении веков топографическое представление о сердце европейского города определялось местонахождением храма (церковной доминанты) и/или ратуши либо дворца (светской доминанты). В наиболее классическом варианте храм и ратуша соседствуют, соединенные и в то же время разделенные главной городской

площадью (либо иным пространством). Это соседство отражает отношения церковной и светской властей, отношения тела и духа города в диапазоне от непримиримой конкуренции до симфонии. Культура площади с ее калейдоскопом форм жизни, с ее пульсацией смыслов, с ее инверсиями высокого и низкого, отдельного и общего, камерного и публичного наиболее точно выражает образ сердца города, пространства, в котором бьются в унисон и соединяются воедино сердца горожан.

Впрочем, в наши дни такая семантика площади или городского центра свойственна, пожалуй, лишь историческим городам, сохранившим средневековые черты символической анатомии города. При этом была нравственно-дидактическая функция «сердца города» существенно трансформирована, если не утрачена вовсе. Есть немало примеров городов, где наличие выраженного топографического и символического центра или главной площади ни в коей мере не компенсирует «бессердечного» характера среды. В контексте символической анатомии большинства современных исторических городов сердце превратилось в некий риторический конструкт и уже не связывается исключительно с темой места божественного присутствия. Но все же моральный и духовный аспекты символизма сердца продолжают иметь важное значение, а некогда всецело религиозный образ сердца (горячего, доброго, пылающего, любящего, жертвенного) трансформируется в образ человеческого присутствия и светского морального начала в жизни города и социального сообщества. Приведем лишь один пример такого рода трансформации – монументальное золотое пылающее сердце, установленное в Париже на площади Дианы в память о трагической гибели принцессы Уэльской, известной своей подвижнической благотворительной деятельностью, но не менее – и своей историей любви (кстати, любви к врачу-кардиологу, в чем также невозможно не увидеть всепронизывающий символизм сердца).

Золотое сердце Дианы – эта урбанистическая метафора гуманизма и человеческого великодушия осязимо перекликается с другой монументальной метафорой – патриотического подвижничества и героизма, сияющим позолотой памятником Жанне Д'Арк

> Анатомический человек. Миниатюра из «Великолепного часослова герцога Беррийского», XV век

^ Логотип Нью-Йорка I Love New York, разработанный графическим дизайнером Милтоном Глейзером в первой половине 1970-х годов

на площади Пирамид. Этот памятник и площадь вновь возвращают нас к теме героического сердца, как оно мыслилось многие века в дискурсе христианской культуры. Сформировавшаяся в 1803 году площадь Риволи получила в 1874 году созданную скульптором Эмануэлем Фрэмье статую Жанны Д'Арк, а более века спустя была переименована в площадь Пирамид в честь уже упоминавшегося выше египетского похода Наполеона. Таким образом, мы видим, как Париж невольно проводит символический пунктир – от милого имперской культуре египетского архетипа «каменного сердца», воплотившегося в образе луврской пирамиды, через героическое сердце Орлеанской девы к щедрому, любящему сердцу современной принцессы, к ценности мягкосердечности как человека, так и города. Эта человеческая альтернатива Главной парижской оси свидетельствует о том, что концепт сердца в символической анатомии города не теряет своего значения, эволюционируя в сторону гуманистических смыслов, в сторону признания места и роли отдельного человека, его души и тела в общей душе и едином теле города.

Сердце современного города, как правило, не имеет отчетливых пространственных или архитектурных границ, его невозможно увидеть с той однозначностью, с какой могли видеть его горожане минувших веков. Но биение этого сердца ощутимо, особенно там, где отдельный, частный человек становится мерой урбанистического величия, где его приватный жест вписан в общую хореографию городского тела, а душа стремится наполнить собой окружающее пространство, соединяясь с духом города.

Литература

1. Ле Гофф, Ж. История тела в Средние века. – Москва : Текст, 2008. – 192 с.
2. Кнабе, Г. С. Теснота и история в Древнем Риме // Материалы научной конференции «Культура и искусство античного мира», 1979 г. – Москва : Сов. художник, 1980. – С. 385–405.
3. Хейстад, У. М. История сердца в мировой культуре. – Москва : Текст, 2009. – 320 с.
4. Салмин, Л. Ю. Невидимая Москва. К проблеме города как визуального дискурса // Проект Байкал. – 2020. – № 55. – С. 46–50.

References

- Heystad, O. M. (2009). *The history of the heart in world culture*. Moscow: Text.
- Knabe, G. S. (1980). *Tesnota i istoriya v Drevnem Rime* [Narrowness and history in Ancient Rome]. Proceedings of the scientific conference “Culture and Art of the Ancient World” (pp. 385-405). Moscow: Sov. Khudozhnik.
- Le Goff, J. (2008). *History of the Body in the Middle Ages*. Moscow: Text.
- Salmin, L. (2020). Invisible Moscow. The issue of a city as a visual discourse. *Project Baikal*, 15(55), 46-50. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.55.1280>

v Мемориальный знак на Пайнстон-стрит, возле сада Мира в Шеффилде (Англия), установленный в память о крупном проекте по реконструкции центра города, осуществленном в 2004–2016 годах

Подлинно русская архитектура в исторических образцах еще себя не проявила и ждет своего проявления в будущем. Она дана в истории лишь как пробуждение, не облекшееся в собственные формы. Возможно, специфика русской архитектуры может быть увидена посредством русской словесности. Новые линии развития и языка, и архитектуры в дальнейшем будут тесно связаны с реформой процессов урбанизации и расселения.

Ключевые слова: специфика русской архитектуры; национальная форма; национальный стиль; язык; культура. /

Authentic Russian architecture has not yet manifested itself in historical specimens. It is waiting to do it in the future. It is given in history only as an awakening, which has not taken on its own forms. The specificity of Russian architecture may be seen through Russian literature. Later on, the new lines of development in both language and architecture will be closely linked to the reform of urbanization and settlement processes.

Keywords: specificity of Russian architecture; national form; national style; language; culture.

Заметки о русской архитектуре / Notes on Russian architecture

текст

Александр Раппапорт
Союз московских архитекторов; Союз дизайнеров России /

text

Alexander Rappaport
Union of Moscow Architects; Union of Designers of Russia

О новом повороте

Новый поворот для меня состоял в том, что я предложил самому себе взглянуть на теорию архитектуры, которой я занимаюсь, и на саму архитектуру с более широкой культурно-исторической точки зрения. Это намерение было вызвано осознанием того, что все, что я делал в последние годы, а может быть и всю жизнь, сознательно, а скорее всего бессознательно, программировалось моей культурной ситуацией. Иными словами, тем, что я воспитывался и работал, думал и развивался в сфере русской культуры и русского языка, а прочие области культуры нашей планеты едва ли имели для меня сравнимое с русской культурой и языком значение.

Я выдвинул несколько частных задач. Например, попытался понять, что же значит архитектура в русском культурном регионе уже не только для профессионала, но и для других социально-культурных групп, тем самым проведя своего рода границы внутри культуры и выделяя в ней области, в которых архитектура принимала бы специфический вид и смысл. Все это я и теперь считаю действительно новым поворотом. Но поставив такие задачи, я не преуспел в их достижении и решении. Они оказались слишком грандиозными.

Школа наследия выступает как особая часть профессиональной и национальной культуры, и социальной, если можно так сказать, – интеллигентской культуры. В МГУ – на конференциях, посвященной мировой культуре и теме «Вода и камень», – эта же проблематика высветила другой ракурс той же национальной культуры.

В двух словах: теперь я яснее себе представляю, что архитектура в русской культуре, не будучи чем-то отсталым и вторичным на самом деле, в сильнейшей мере связана с европейской традицией и опытом и некоторые моменты в ее обращении к национальной самобытности играют здесь роль вставных новелл – таковы были ропетовская архитектура XIX века или движения, аналогичные группе Мокеева – Кудрявцева и ряда других архитекторов с их реставрационными идеалами возвращения в русское Средневековье. После 2014 года эти настроения в каком-то смысле усилились, в каком-то несколько изменились.

Архитектура как таковая тут роли не играла, но архитекторы в этом процессе все же разделялись по принципу «традиция или модернизм». Парадоксального в этом ничего не было, парадокс я усматривал в другом, а именно в том, что вся современная российская архитектура смотрит на Запад и США и подражает скорее Колхасу, чем Ропету.

События вокруг питерского «Охта-центра» продемонстрировали странный и парадоксальный патриотизм питерской интеллигенции и общественности, всегда бывшей максимально прозападной, против газпромского небоскреба, который уже казался американским туристом на питерской земле. Столкнулись две культуры – культура западного просвещенного российского самосознания интеллигенции и олигархической верхушки, ориентирующейся на культ денег и власть бюрократии. Если же не принимать во внимание архитектурные вкусы нынешней олигархии, то можно было бы подумать, что она и в самом деле настроена против США и ее голос вливается в общий хор глумления над «пиндосами» как недочеловеками.

Отечественная культура в архитектуре полностью подстраивается под США и на практике (см. Москва-Сити), и в теории (работы по теории архитектуры в основном повторяют мысли американской архитектурной элиты 90-х годов). Все эти феномены не новы, и российская установка на свое мировое величие восходит к идее Москвы как Третьего Рима, поддержанной и Петром с его Петербургом. Хотя тут эта линия совершила показательную бифуркацию, и противопоставление Питера Москве означает как стремление Российской империи к Мировому океану, так и отказ от золотоордынского прошлого, в котором Москва играла и роль вассала, и роль инсургента.

Русская культура в этой геополитике и архитектуре имела прозападную ориентацию, но при всех своих достижениях ей так и не удалось стать в авангарде архитектурной мысли Западного мира. Наиболее интенсивной попыткой к такому лидерству был советский авангард в архитектуре 20-х годов, но он был столь быстро купирован партийной бюрократией, что остался как некая сказочная легенда.

Удивительно то, что сам по себе русский авангард начала XX века развивался под знаменами революции, а революция эта, будучи явлением как бы российским, шла под знаменами западной философии и политики социалистического и коммунистического движения, в частности – марксизма.

Сталинизм, как мировая империя, продолжал традиции Рима и в архитектуре, и в политике. С этой точки зрения все дороги ведут теперь в Москву, и начинается Земля, как известно, от Кремля. Москва – Третий Рим несла городу и миру коммунистические идеалы и партийную власть. Поэтому обращение Сталина к римской классике логике имперского величия России не противоречит. Но для самой России и для СССР тут была некая недодуманная ретроспектива, и вопрос о национальной форме при социалистическом содержании так и не получил ответа, почему национальная форма Москвы ближе к Риму, чем национальная форма Баку.

Перспектива коммунистического интернационала как колонизации мира коммунистическим опытом Москвы имела, однако, опыт внутренней колонизации, в которой архитектурный классицизм тоже как-то просматривался, но уже такой огромной роли не играл. В СССР продолжалась колонизация одной шестой части суши с перенесенным успехом на почве другой культурной силы – идеологии и... языка. Русский язык можно по праву считать могучим культурным феноменом, подчинившим себе и всю многонациональную Россию, и СССР.

Здесь возникают интереснейшие вопросы о роли русского языка, его истории, самобытности и исторической судьбы. Теснейшая связь России с православной греческой традицией не превратила русский язык в диалект древнегреческого или латыни. И Золотая орда не привела к языковому униформизму: русский язык остался автономным. Не произошла и скандинавская реформа русского языка или архитектуры. Дворянская тяга к французскому не изменила русского языка. И не было при всей любви славянофилов к немецкой философии никакой принципиальной германизации русской речи.

Русский язык каким-то чудом совершил гигантский по историческим меркам скачок и развился в уникальный по силе культурный феномен, оставаясь верным собственным языковым основам. Одним словом, русский язык и как автономный язык русского народа, и как язык Российской – московско-петербургской – империи формировался и наконец сделался действительно уникальным культурным феноменом.

При этом мы не можем не видеть нескольких существенных особенностей или аномалий. Русский язык формировался в литературе и поэзии и успешно произвел рецепцию всех философских и филологических богатств мира, но своей философии так и не создал. Русский язык и вся современная русская культура явным образом произведены городом, а не деревней. Стало быть, именно урбанизация в России и была мотором языкового творчества и остается таковым вопреки множеству частных экскурсов языка и поэтов в деревенскую предысторию (Хлебников). Основной ствол русской литературы шел самостоятельно, впитывая богатства европейской культуры (Пушкин, Мандельштам).

Построенная на русском языке русская культура так и не создала свой тип города и своей автономной архитектурной традиции. Частным следствием этого исторического парадокса остается то, что и сегодня лидирующую роль в самопознании русской культуры и влияния на мировую культуру сохраняет язык, его литература и поэзия. В том числе и филология – чему свидетельство сам Институт мировой культуры МГУ.

Имена Толстого, Достоевского, Чехова. Мандельштама и Бродского значат для мировой культуры больше,

чем имена русских архитекторов, пусть даже и признанных, – Иофана, Леонидова, Мельникова, Баженова, Казакова и пр. Языковое превосходство в России над всеми видами искусств (быть может, лишь балет тут имеет какое то исключительное положение) объясняет и успех постсоветского концептуализма в живописи, и высочайший уровень переводов как с европейских, так и с восточных языков.

Что касается архитектуры, то в ней вербальный авторитет мышления остается сложнейшей проблемой, с которой нам еще только предстоит по-настоящему иметь дело. На сегодня вербальная сторона архитектурной мысли, как бы слабо она сама ни была развита, парализует пластические и визуальные инициативы.

Вторая проблема – город. Будучи страной интенсивной урбанизации, Россия и ее города оказали свое культурное воздействие преимущественно лишь на язык, в политике же и в архитектуре влияние города осталось почти не замеченным. При этом это влияние в основном оказывали лишь Москва и Петербург.

Вербальная односторонность России едва ли связана с книгопечатанием, принесенным с Запада. Или церковным ритуалом, сохраняющим до сего дня архаические языковые черты и не склонным к модернизации. Особый статус языка в русской культуре подчеркивается и движением имяславцев, прежде всего Флоренского и Лосева.

Тем не менее складывается впечатление, что влияние русского языка на страны Запада и Востока весьма незначительное и что экспансия русской культуры в сфере языка едва ли открывает перспективы, сопоставимые по масштабу с теми достижениями, которые язык осуществил на своей территории. Тут опять-таки сказывается то, что при уникальной способности впитывать и осваивать мировую мысль русский язык до сих пор не создал такие языковые структуры, которые подчинили бы себе мировую мысль.

Трудно говорить о том, в какой степени доминирование языка в русской культуре сказалось на науках, технике, изобразительных искусствах или спортивных достижениях. Последние, вне сомнения, имеют место. Но связаны ли они с русским языком, не ясно.

В наши дни, в начале XXI века, видимо, начинается новый поворот в соотношении естественно-научной и математической культур, техники и гуманитарной науки и культуры. В какой степени этот поворот, затрагивающий все страны и все языковые ареалы, будет иметь черты, обусловленные ролью и совершенством национальных языков в прошлом, я не могу судить. Не исключено, что в этой сфере в связи с возникновением глобальной коммуникационной системы произойдут какие-то не менее существенные сдвиги и изменения.

Однако мне кажется вполне возможным, что само понятие культуры, уходящее своими корнями в сельскую культуру и пахотную практику, в современном мире уже перешло в новую сферу городского образа жизни и культура сегодня имеет неустрашимый городской смысл.

Если это так, то новые линии развития и языка, и архитектуры будут в дальнейшем тесно связаны с реформой процессов урбанизации и расселения, которые так или иначе приведут к новой экологической этике и, возможно, новым культовым практикам, в сфере которых и языки, и архитектура получат новые возможности развития.

Произошедший во второй половине XX века поворот архитектуры к языку и семиотике дал, насколько я могу судить, пока что незначительные результаты и способствовал развитию дизайна в большей степени, чем архитектуры. Но этот этап уже позади. Новые отношения языка и архитектуры, в которые войдет и визуальный

> Охта-центр

опыт человечества, могут дать совершенно непредвидимые возможности для реконструкции этих областей культуры, т. е. к изменению и языков, и архитектуры. Поэтому внимание к их точкам взаимодействия сохранит свой интеллектуальный смысл и приоритет.

25 апреля 2015 года

Русская архитектура

То, что мне ближе всего, понятнее и дороже русская архитектура, можно объяснить просто тем, что я родился и вырос в России и видел в основном русскую архитектуру, которую полюбил с детства в Санкт-Петербурге. Быть может, архитектура Санкт-Петербурга в этом отношении нехарактерна – вопрос спорный.

Да, огромное количество зданий в городе построено итальянцами, немцами, французами и англичанами, но создается впечатление, что в Санкт-Петербурге они достигали каких-то новых и несравненных вершин и высот, превосходя то, что делали или могли бы сделать на родине. Причину такого успеха я вижу прежде всего в необычайных преимуществах неевского ландшафта и широте императорских замыслов. Можно ли эти два обстоятельства относить к собственно русской архитектуре, не знаю.

Понятие «русская» в данном случае звучит естественнее, чем российская, так как в российском есть слишком много от разнообразия имперских возможностей. К русскому языку архитектура тоже явно не относится, так что тут возникает смысловое зияние, и вместе с тем за ним чувствуется что-то субстанциональное.

Исторически архитектура на Руси начинается от византийского влияния и христианства. Языческие корни русской архитектуры мне неизвестны. Равно как и нордические, хотя они возможны в области деревянного зодчества. Деревянная архитектура, безусловно, достигла на Руси высот, но все наше архитектурное образование настолько проникнуто геологическими субстанциями камня, что дерево остается архитектурным факультативом.

Влияние равнинного российского ландшафта на становление архитектурного начала безусловно, равно как и северного неба с его особой облачностью, не по-

хожей на метеорологию других стран. Достаточно сравнить русскую архитектуру с христианской архитектурой Кавказа, чтобы почувствовать это влияние ландшафта и неба, отличного от горного Кавказа.

Попытки выявить автохтонные начала русского зодчества, отличающие его от византийского и западноевропейского влияния, мне неизвестны. Равно мне не приходилось читать о зависимости русской архитектуры от влияния Золотой Орды ни в градостроительстве, ни в архитектуре, хотя тут должны были бы быть явные черты сходства. Все это склоняет меня к мысли о том, что подлинно русская архитектура в исторических образцах еще себя не проявила, она дана в истории лишь как пробуждение, не облекшееся в собственные формы, и позволяет мне надеяться, что таковая архитектура еще ждет своего исторического появления в будущем.

Я не склонен видеть признаки такого пробуждения в российском авангарде XX века и полагаю, что это явление, многими охотно принимаемое как раз за первый независимый выход русской архитектуры на поверхность мировой культуры, пока не состоялось. Я не вижу убедительных черт русской архитектуры ни в Мельникове, ни в Леонидове. Быть может, я ошибаюсь, но моя интуиция говорит, что русская архитектура, как и русская антропология, еще впереди. И не в космизме, с которым ее не раз пытались скрестить, а как раз в земном, теллурическом чувстве планетарной природы.

Мне кажется, что русская архитектура живет еще в русской словесности – поэзии и прозе, т. е. в искусстве недавно рожденного языка, которому еще хочется субстанционального воплощения, материализации в камне. И хотя Гоголь говорит, что русские любят быструю езду, я вижу будущее русской архитектуры в стремлении к покою. Ибо, как ни парадоксально, только покой выражает с максимальной ясностью ценность свободы. Для архитектуры же свобода становится свойством памяти, неотличимой от надежды.

26 января 2016 года

Как понимать русскую архитектуру

В основании теории социалистического реализма, созданной под неусыпным вниманием И. В. Сталина, го-

< Москва-Сити

ворилось, что социалистический реализм – это искусство социалистическое по содержанию и национальное по форме. Здесь что ни слово, то проблема. Что значит слова «социалистическое по содержанию».

Можно понимать так, что живопись, кино и литература будут описывать жизнь в СССР и строительство социализма. Но поскольку в социалистическом искусстве есть и исторический жанр, то это значит, что исторические события будут описаны с точки зрения человека, исповедующего веру в социалистические идеалы. Это уже нечто иное. Наконец, что значит «национальное по форме»? Значит ли это, что пейзаж, который пишет русский художник, будет отличаться какими-то формальными особенностями от того же пейзажа, который будет писать таджикский художник? Или если русский художник будет писать таджикский пейзаж, то должен ли его рисунок и живопись продолжать сохранять русские формы, хотя пейзаж останется реалистическим воспроизведением ландшафта Таджикистана.

Как эти вопросы разрешаются в условиях именно социалистического содержания? Можно ли предположить, что национальные формы искусство имело и до социализма, что, например, немецкие художники имели свой формальный стиль, отличавшийся от итальянского, хотя не было при этом социалистическим, и можно ли считать, что оно было капиталистическим, феодальным или рабовладельческим? Эти вопросы приобретают особую непонятность при применении к архитектуре.

Когда русские палладианцы исходили из принципов Палладио и подражали Палладио до революции, это было одно, а после революции подражание Палладио (освоение наследия) должно было значить уже нечто иное, а именно: содержать в самом подражании итальянцу русские черты.

Как можно увидеть эти черты?

Если специфические русские черты в архитектуре возникают автоматически, просто по связи с языком и происхождением художника, – это одно, хотя и очень спорное предположение. Если же русские архитекторы должны воспроизводить нечто специфическое «русское», выработанное в архитектуре до социалистического периода, – это другое.

Тут мы сталкиваемся с огромной и вечно живой проблемой специфики русской архитектуры как таковой – еще до социалистической революции. Известно, что огромное влияние на развитие русской архитектуры оказала Византия и византийская архитектура. После Петра русская архитектура строилась частично немцами, итальянцами, французами и русскими, испытывавшими влияние иностранных мастеров и теорий итальянской, французской и немецкой архитектуры.

В советской архитектуре теоретики и историки находили применение принципов национальной формы в основном в архитектуре имперских окраин – в Грузии, Таджикистане, Азербайджане, как правило в орнаментальных мотивах. Но в Петербурге, Москве, Воронеже, Самаре и прочих городах присутствие русской формы заметить было трудно, или под русской формой понималось влияние петербургской и московской архитектуры XVIII–XIX веков.

Мысль о призрачности русской архитектуры, ее тесной зависимости от архитектуры западноевропейских стран не могла возникнуть и обособиться в атмосфере патристической уверенности в самобытности всего русского, в том числе и архитектуры. Только сейчас, когда в российских столицах прямо строят американские и западные архитекторы, создавая ансамбли вроде «Москва-Сити», мы начинаем понимать, что не все, что построено на русской земле, уже самим фактом присутствия на ней становится именно русским.

И как только эта немудреная сама по себе мысль коснется нашего критического, исторического и теоретического разума, вся эта столетняя проблематика вновь оживет и предъявит себя набором проблем, еще не тронутых серьезным анализом. Ибо именно сейчас само понятие национального стиля, национальной формы и т. п. настолько ослабло и потускнело, что употреблять эти слова в своего рода автоматической заливчатской риторике Г. Недошивина становится невозможным.

Здесь мы оказываемся перед новым поворотом к языку и риторике, уже свободной от иезуитской идеологизации в духе соцреализма и вынужденной назвать вещи своими именами.

28 марта 2016 года

Внешний и внутренний образ России и русского влияет на становление национального самосознания. Поиски русской идентичности в архитектуре привели в XIX веке к появлению многочисленных искусственных «русских стилей», созданных в рамках эклектического метода. Особую роль имело византийское направление, поскольку именно в Византии искали корни русской культуры и русской государственности. Единого русского стиля не существует, как и немецкого или американского. Искусственные поиски русского в архитектуре обусловлены идеологией и актуальной политикой. Мы говорим: русский классицизм, русский авангард, русское барокко, русский модернизм, тем самым подчеркиваем не только местоположение объектов, но и те черты, которые опознаются как русские.

Ключевые слова: внешний и внутренний образ России; русская идентичность; искусственные русские стили; русская архитектура. /

The external and internal image of Russia and the Russian influences the formation of national identity. The search for Russian identity in architecture in the nineteenth century gave rise to numerous artificial "Russian styles" created within the eclectic method. A special role was played by the Byzantine movement, since it was in Byzantium where the roots of Russian culture and Russian nationhood were looked for. A single Russian style does not exist, as well as a German style or an American style. An artificial search for the Russian in architecture is conditioned by ideology and current politics. We say: Russian Classicism, Russian Avant-garde, Russian Baroque, Russian Modernism, thereby underlining not only the location of objects but also those traits that are identified as Russian.

Keywords: external and internal image of Russia; Russian identity; artificial Russian styles; Russian architecture.

О русском и русском стиле / About the Russian and the Russian style

текст

Елена Багина

Уральский федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина /

text

Elena Bagina

Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin

Внешние и внутренние представления о России и русском

Образ России и представления о русском характере влияют на становление национального самосознания. Внешние и внутренние оценки во многом сходятся, но, безусловно, есть и отличия.

Русский национальный характер в России и за рубежом представляется как характер крайностей, во всем доходящий до пределов возможного и невозможного. Контрасты ландшафтов и климата России тоже воспринимаются как запредельные. Эти качества могут иметь и негативную, и позитивную коннотацию.

«Бесконечно трудная задача стояла перед русским человеком – задача оформления и организации своей необъятной земли. Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта. На Западе тесно, все ограничено, все оформлено и распределено по категориям, все благоприятствует образованию и развитию цивилизации – и строение земли, и строение души», – считал Николай Бердяев [1].

«Воля и простор для русского величайшее благо», – слова Д. С. Лихачева [2]. Западного человека русский простор пугает, он его воспринимает с трудом. Ему непонятно, к примеру, зачем нужно так свободно ставить дома на улице.

Я наблюдала разницу восприятия пространства у русских и зарубежных студентов-архитекторов. В середине 1990-х годов Европейская Архитектурная Студенческая Ассамблея (EASA) проводилась в России, в Верхотурье. Иностранцам и русским студентам было предложено нарисовать с натуры традиционную улочку русского провинциального города с деревянными домами. Задание понравилось, студенты дружно пошли рисовать. Но реальное расстояние между домами иностранных студенты как бы не видели и рисовали совсем не такое, каким оно было на самом деле. На их рисунках дома стояли очень близко один к другому, да и деревянные пятистенки почему-то казались вытянутыми в высоту. Масштаб правильно изображали русские

студенты; западные его не чувствовали. Аналогичное задание было дано русским студентам на EASA в Бельгии, в Льеже. Расстояние между домами они рисовали гораздо большее, чем оно было на самом деле, а пропорции строений на их рисунках были приземистее.

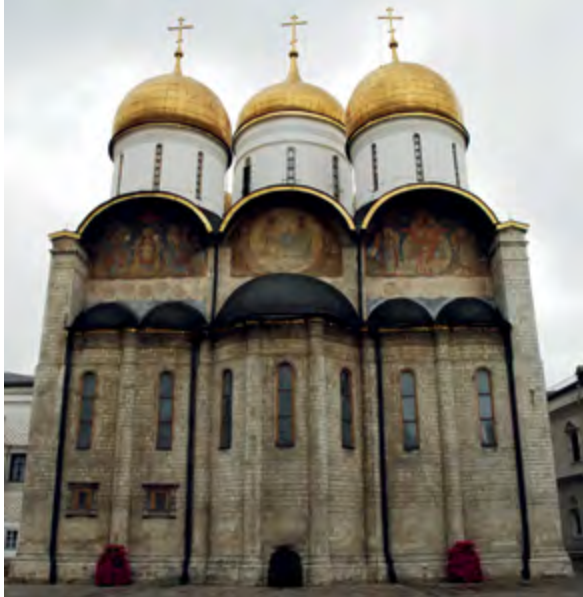
Не буду пересказывать Д. С. Лихачева. В «Заметках о русском» он описал качества и русского характера, и русской природы, и русской архитектуры. Лучше, пожалуй, не скажешь. Несколько выдержек из этих заметок я привожу в приложении к этой статье.

О чистоте, наивности, доверчивости русских сказано немало. О безудержности, жертвенности, готовности к подвигам тоже. Кстати, слову «подвиг» нет точного аналога в других языках. В английском это слово можно перевести как feat, но feat – проявление ловкости, большого искусства. Можно перевести как deed, но deed – «дело, поступок, акт». Есть еще exploit, но это слово означает «взрываться».

Приведу наиболее острые внешние суждения. Так, маркиз Астольф де Кюстин, друживший с Гете, Шопеном, Бальзаком, Стендалем, обладавший острым умом и «бойким пером», как говорили в XIX веке, написал о России много нелицеприятного. По запискам де Кюстина, написанным в 1839 году, до сих пор некоторые критически настроенные иностранные и отечественные господа и дамы судят о России и русских.

Де Кюстин, действительно, подметил многое из того, с чем трудно не согласиться. Его записки до сих пор актуальны и играют существенную роль в формировании современного внешнего и внутреннего образа России и русских. После записок де Кюстина Россия стала еще страшнее и непонятнее «просвещенным европейцам», а у русской элиты середины XIX века оценки маркиза усилили комплекс неполноценности. Кюстиновская максима: «Русские еще не могут считаться людьми цивилизованными. Это татары в военном строю – и не более. Их цивилизация – одна видимость» [3]. Она до сих пор популярна среди представителей западной цивилизации. Да и наши либералы-западники придерживаются такого же мнения вот уже пару веков.

Оноре де Бальзак считал, что Жермена де Сталь, прожившая в России много лет, достовернее изобразила

^ Рис. 1. Успенский собор Московского Кремля. Архитектор Аристотель Фиораванти

^ Рис. 2. Александрo-Невский монастырь. Архитектор Доменико Трезини. Гравюра XVIII века А. Зубова

Россию в своей книге «Десять лет в изгнании», чем де Кюстин. Она писала: «В народе этом есть что-то исплинское, обычными мерами его не измерить <...> у них все более колоссально, чем соразмерно, во всем более смелости, чем благоразумия; и если они не достигают цели, которую себе поставили, то это потому, что они перешли ее» [4].

Сам Бальзак, утверждал, что готов был стать русским из любви к полячке Эвелине Ганской. Вероятно, он считал, что его безудержность в любви и еде – качества, близкие русскому национальному характеру, поэтому ему нетрудно будет стать «русским» Интересно, что Россия для Бальзака – единое огромное пространство, а населяющие ее народы мало отличаются друг от друга, по крайней мере, те, что принадлежат к славянской группе. Для него и поляки, и украинцы, и литовцы – все были русскими. Противоречия между славянскими народами мало интересовали писателя. Для него это был «<...> спор славян между собою, домашний, старый спор <...>», как сказал А. С. Пушкин в стихотворении «Клеветникам России» [5].

Цитировать записки иностранных литераторов и дипломатов с рассуждениями о России и русских можно бесконечно. Россия удивляла, раздражала, влюбляла в себя, вызывала ненависть. Равнодушных не было. Но в массовом сознании Запада образ России и русских совпадал скорее с мнением де Кюстина, чем с мнением Жермены де Сталь. Прилагательные «непонятная, дикая, опасная, грязная, варварская» по отношению к России употребляются представителями западной цивилизации уже много веков.

Внутренний образ России тоже неоднозначен. «Просвещенные» либералы традиционно негативно судили и судят о России. Характеристики российской культуры у них обычно отрицательные.

В романе «Анна Каренина» Льва Толстого милейший сибарит и весьма неглупый человек Степан Аркадьевич Облонский (Стива) – либерал. «Либеральная партия говорила, что в России все дурно, и действительно, у Степана Аркадьевича долгов было много, а денег решительно не доставало. Либеральная партия говорила, что брак есть отжившее учреждение и что необходимо

перестроить его, и действительно, семейная жизнь доставляла мало удовольствия Степану Аркадьичу и принуждала его лгать и притворяться, что было так противно его натуре. <...> Итак, либеральное направление сделалось привычкой Степана Аркадьича, и он любил свою газету, как сигару после обеда, за легкий туман, который она производила в его голове» [6].

В «Бесах» Ф. М. Достоевский много пишет о либералах и их нигилизме. Интересно, что характер русского либерализма не изменился и в XXI веке.

У Освальда Шпенглера, считавшего, что будущее за русской цивилизацией, к России, тем не менее, было двойственное отношение [7]. Устойчивый негативный образ России и антирусские европейские предрассудки сыграли свою роль. Шпенглер сделал попытку понять Россию, но, как он сам признавал, эта попытка была обречена на провал вследствие того, что, по его мнению, одна высокая культура не в состоянии понять другую. Хотя Шпенглер говорит о большой роли России для будущего человечества, сам он был заинтересован только будущим Германии. «Россия так и осталась для Шпенглера загадочным кентавром, то завоевываемым Европой, то отвоевываемым Азией: в обоих случаях – неким псевдоморфозом, не обретшим еще своего прасимвола и исконного ландшафта» [8].

Русская стихия у Освальда Шпенглера стоит в ряду важнейших философских проблем. Осмысление этой «пятой стихии» есть и у русских философов. Во многом оценки совпадают. Но у русских философов это взгляд изнутри, наполненный любовью и болью: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. Им можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть. Это народ, вызывающий беспокойство народов Запада», – говорил Николай Бердяев [9].

Внешние характеристики русского и России нередко содержат всего несколько образов и мифологем.

Так, Герберт Уэллс, трижды побывавший в России, перед своей первой поездкой ждал, что увидит бесконечные заснеженные просторы, мужиков в лаптях,

> Дом бояр Романовых.
Рисунок Ф. Ф. Рихтера

> Рис. 3. Смольный монастырь. Архитектор Франческо Растрелли

пьющих водку и играющих на балалайках, попов с длинными волосами в византийских одеждах, пятиглавые церкви, медведей (диких и прирученных), посмотрит на Петербург, попытается понять Достоевского и сходит на концерт Чайковского. Его представления о России были, конечно, шире, чем у большинства обывателей, но, тем не менее, основаны на привычных штампах, которые в конце XIX – начале XX века газеты и книги усиленно вдалбливали в головы англичан, французов, немцев, американцев и прочих.

В авторском предисловии к первому русскому собранию своих сочинений Уэллс писал: «Когда я думаю о России, я представляю себе то, что читал у Тургенева и у друга моего Мориса Беринга. Я представляю себе страну, где зимы так долги, а лето знойно и ярко; где тянутся вширь и вдаль пространства небрежно возделанных полей; где деревенские улицы широки и грязны, а деревянные дома раскрашены пестрыми красками; где много мужиков, беззаботных и набожных, веселых и терпеливых; где много икон и бородатых попов; где плохие пустынные дороги тянутся по бесконечным равнинам и по темным сосновым лесам. Не знаю, может быть, все это и не так; хотел бы я знать, так ли это» [10]. Небрежный, грязный, плохой, темный – эпитеты, показывающие, каковы были ожидания великого фантаста перед первой поездкой в Россию. Эти строки были написаны в 1909 году, а в 1914-м Уэллсу представилась возможность узнать, «так ли это». В целом впечатления Уэллса от России после первой поездки в 1914 году мало отличались от представлений среднего западноевропейского обывателя. Он писал: «Огромная заснеженная страна, задавленная царским деспотизмом, но с очагами культурной жизни. <...> Азия надвигается на Европу – с новой идеей. Когда видишь это, лучше понимаешь Достоевского. Начинаешь понимать эту Святую Русь, и она представляется чем-то вроде страдающего эпилепсией гения среди народов – вроде его Идиота, добивающегося нравственной истины, протягивающего крест человечеству. Христианство для русского означает – братство» [11]. Чтобы понять Россию, нужно понять Достоевского, считают и сегодня многие западные интеллектуалы. Уэллс смотрит на Россию сквозь свое понимание Достоевского, и отсюда образ князя Мышкина, эпилепсия, надрыв...

В XXI веке созданный за несколько столетий внешний образ России не особенно изменился, но в последнее время стал особенно зловещим и непонятным для западного обывателя. Джентльменский набор образов-знаков остался тот же. Единственное, что изменилось – Россию пытаются ныне не понять, а отменить, запрещая концерты из произведений Чайковского и изгоняя из западных театров пьесы Чехова и пр. Старые расхожие образы-знаки: медведи, икра, лапти, попы в византийских

^ Рис. 5. Дом бояр Романовых после реставрации

^ Рис. 6. Интерьер Дома бояр Романовых после реставрации

облачениях, балалайки, матрешки смешались с новыми – космосом, атомным оружием, агрессией, Путиным и пр.

Внутренний образ России иногда очень напоминает тот, что сформировался извне: много негатива и прерзительное отношение к своей стране у некоторых граждан. Выражения «эта страна», «рашка», «вторичная культура», «вторичная архитектура» вызывают раздражение у тех, кто связывает свою судьбу и судьбу своих детей с Россией. Интересно, что те, кто уезжает из «этой страны» в Европу или Америку, мгновенно опознаются там как русские, как чужаки. И начинают добровольные эмигранты посещать православную церковь (даже если на родине не отличались религиозностью) и искать общества таких же русских эмигрантов. В западном обществе им так же трудно войти, «как верблюду пройти сквозь игольное ушко».

Внешний и внутренний образ России, русских и русского характера не оставляет возможности для объективной оценки русской культуры в целом и архитектуры в частности. Для западных исследователей русская архитектура по определению будет варварской, подражательной, в лучшем случае вторичной. И потребуются немало усилий, чтобы это устоявшееся представление изменить.

Русское в архитектуре

Понять, что есть русское в архитектуре, пытались в разное время. Образцами «русскости» выступали то псковско-новгородские церкви, то башни и соборы Московского Кремля, то Коломенский дворец царя Алексея Михайловича. Но многие из самых русских шедевров строили иностранцы, и на этом основании родилось представление, что русской архитектуры как таковой или совсем существует, или в лучшем случае она вторична.

Действительно:

- древнейшее, полностью сохранившееся здание Москвы – Успенский собор Московского Кремля – построено в 1475–1479 годах под руководством итальянского зодчего Аристотеля Фиораванти;
- существующие стены и башни Московского Кремля, возведенные в 1485–1516 годах, строили Антон Фрязин,

Марко Фрязин, Пьетро Антонио Солари и Алевиз Фрязин Старый;

- итальянский мастер Алевиз Новый в начале XVI века (1505–1508) возвел Архангельский собор Московского Кремля;

- в деревянном дворце царя Алексея Михайловича в Коломенском, построенном в XVII веке, искусствоведы усматривают сочетание элементов архитектуры допетровской Руси и Западной Европы. Примеры можно множить.

Но только оттого, что многие знаковые российские сооружения строили иностранцы, назвать их иноземными было бы не верно.

Идеологию храмового строительства всегда определяла русская православная церковь. Временами церковный взгляд на градостроительство и архитектуру вредил гениальными замыслам, иногда корректировал, и исправления шли на пользу.

В конце XV века Аристотелю Фиораванти по требованию митрополита Московского пришлось изменить облик Успенского собора Московского Кремля, поскольку первоначальный замысел мастера не отвечал догматам православия. Фиораванти было предписано возводить новый кафедральный собор по образцу древнего владимирского Успенского храма. Понятно, что Фиораванти внес свои изменения, не все из которых соответствовали традиции. Согласия удалось достичь, и Успенский собор был принят духовенством и народом как истинно русский православный храм.

Храм Святой Троицы Александро-Невского монастыря в Петербурге по проекту Доменико Трезини должен был стать третьей высотной доминантой на плоской болотистой равнине. Но красивый градостроительный замысел – треугольник главных городских шпилей – не был реализован. В этом главную роль сыграли догматы православной церкви. (Придворные интриги тоже имели место). Вход в главный храм Трезини сделал с востока, что считалось недопустимым. Это было основным аргументом для отказа от проекта [12].

Франческо Растрелли в 1740-х годах переделал проект собора Смольного монастыря по требованию церковных иерархов, поддержанных императрицей Елизаветой.

^ Рис. 7. Царицыно. Современный вид. Реконструкция

^ Рис. 8. Панорама села Царицыно. Проектный чертеж. Фрагмент. Архитектор В. Баженов

В результате в завершении храма появилось традиционное пятиглавие, венчающее собор.

Собор святых апостолов Петра и Павла в Петропавловской крепости, возведенный в 1812–1833 году Доменико Трезини, считается памятником архитектуры петровского барокко, которое определяется как региональный стиль русского искусства первой четверти XVIII века. Петровское барокко имеет сходство, и различие с западноевропейским [13].

Елизаветинское барокко – тоже региональный художественный стиль. Слово «региональный» в данном случае ключевое. Региональный – значит, имеющий существенные отличия. Эти-то отличия и делают и петровское, и елизаветинское, и екатерининское барокко русскими направлениями международного стиля.

Иноземные мастера строили то, что хотели русские заказчики. И заморские прототипы менялись, приспособляясь к местным условиям. С другой стороны, русские строители вносили незаметные на первый взгляд изменения в замыслы зарубежных архитекторов. Местные строительные материалы тоже влияли на форму деталей и целого.

Классические формы капителей, колонн, архитектурных обломов в разных странах кажутся одинаковыми только на первый взгляд. Андрей Буров, путешествуя по Италии, с удивлением отмечал, что архитектурные обломы в постройках Брунеллески совсем иные, чем в увражах. Эти отклонения и делали их итальянскими в Италии, русскими в России.

Постройки иностранных мастеров приобретали «русский дух», вращались в городской контекст, становились частью русского пейзажа. Они стоят уже несколько веков под северными небесами, и сомневаются в их «русскости» разве что те, кто хочет в них непременно найти иноземные черты, игнорируя существенные отличия.

Иногда происходит обратный процесс: исконно русские сооружения, построенные отечественными мастерами, утрачивают русские черты. Так случилось с Домом (палатами) бояр Романовых.

За долгую жизнь (со второй половины XV века) здание претерпело множество изменений. В середине XIX века

его реставрацию поручили Федору Рихтеру. По его проекту были пристроены балкон и парадная лестница, реконструирован верхний деревянный этаж (деревянный терем с высокой крышей и геральдическим знаком Романовых – грифоном вместо флюгера). В палатах по рисункам Ф. Г. Солнцева были воссозданы интерьеры богатого боярского дома XVII века с подлинными вещами, принадлежащими семье Романовых. 22 августа 1859 года состоялось торжественное открытие музея «Дом бояр Романовых». Отреставрированное здание было прекрасно: все наличники выровнены, все трещины и следы бытования замазаны. И... Дом бояр Романовых нечто утратил. Чего-то не понимал в русском характере аккуратный выходец из Пруссии Федор Федорович, он же Фридрих Фридрихович Рихтер. Впрочем, строительные работы были проведены с отличным качеством. Но почему-то искусствоведы в Доме бояр Романовых с тех пор стали находить черты немецкой готики. Нет в этом отреставрированном доме ощущения «русской воли», нет прихотливости лепных наличников... Дом бояр Романовых выглядит после реставрации Рихтера театральной декорацией, каковой и остался после последних подновлений [14].

О русских стилях

В первой четверти XIX века появилась потребность в национальной идентификации, в бренде Российской империи – русском стиле, который можно было бы предъявлять миру как исконно русское, имеющее корни в древней истории. Понятно, что эти корни должны были быть политически выгодными. До XIX века такая задача не ставилась.

Немалую роль сыграли в становлении национального самосознания в России общеевропейские тенденции аристократической культуры – сентиментализм и романтизм XVIII–XIX вв.

В конце XVIII века поиски национальных корней у аристократической элиты были отчасти модной романтической игрой, отчасти реакцией на политические события. Прочие слои общества о национальных корнях особенно не задумывались. Они просто были русскими: жили по-русски в своих домах, ходили в православные церкви, не особенно различая, в каком стиле они построены, если православные каноны были соблюдены.

Амбициозная задача создания русского бренда была решена в несколько этапов. Благо понятие стиля уже было введено в научный обиход Иоганном Винкельманом в конце XVIII века. До введения этого понятия употребляли понятие «вкус». Говорили, например, «в китайском вкусе», «в мавританском вкусе».

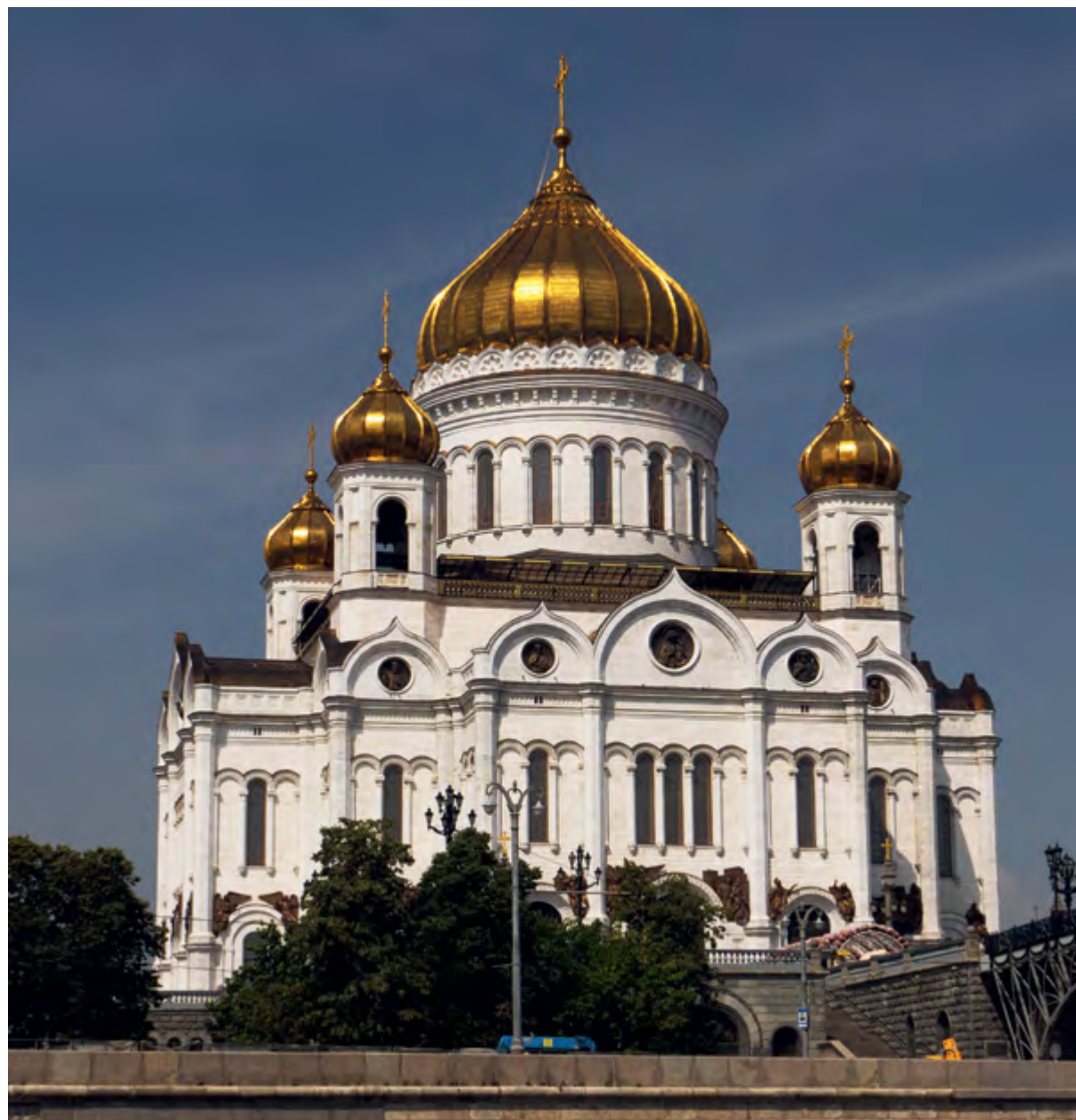
Стиль в архитектуре вплоть до конца XIX века трактовали как набор археологически точных характерных форм. И поэтому создание искусственного русского стиля виделось как изучение прототипов, выделение типичных элементов, определение способов их взаимосвязи, а затем формирование альбома с вычерченными архитектурными деталями и примерами их применения в зданиях разного назначения.

Поскольку прототипы для создания русского стиля выбирались разные и существенно отличались, то и русских стилей в XIX веке было создано немало.

Печальная судьба шедевра Василия Баженова – ансамбля подмосковной загородной резиденции

«Царицыно», строительство которой было остановлено Екатериной II, а после ее смерти заброшено – хорошая иллюстрация начала поиска национальных корней в культуре Византийской империи. В трудах историков архитектуры обыкновенно говорится, что в 1786 году Баженов попадает в опалу и отстраняется от дел. Работу в Царицыно продолжает его ученик Матвей Казаков. Однако на вопрос, почему это произошло, ответ простой – прихоть императрицы, которая сначала хотела получить дворцовый ансамбль «в мавританском вкусе» или «во вкусе готики», а затем передумала.

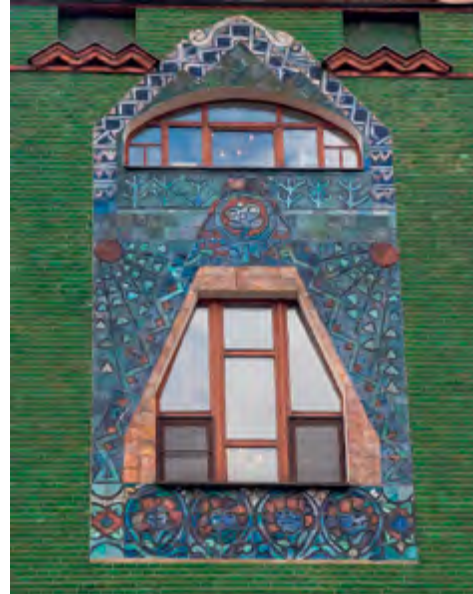
Возможно. Но логичнее предположить, что Екатерина приказала остановить стройку, поскольку ассоциации с готической, мавританской и допетровской русской архитектурой показались ей неуместными в той политической обстановке, которая сложилась к середине 1780-х годов. Помыслы были обращены к Византии, правопреемницей которой считала себя Россия. То, что предлагали Баженов и Казаков, не отвечало идеологической задаче.

< Рис. 9. Храм Христа Спасителя в Москве. Архитектор Константин Тон. Реконструкция

^ Рис. 10. Дом З. А. Перцовой в Москве. 1907

^ Рис. 11. Дом З. А. Перцовой в Москве. Фрагмент

Согласно религиозно-философской концепции, сложившейся еще в XVI веке, русское государство и его столица являлись последним Третьим Римом («четвертому не быти»). Теория духовного «переноса империи» («translatio imperii») была популярна во времена Екатерины II. Физическое освобождение Константинополя и христианских земель виделось актуальным не только из религиозных соображений. Не случайно одного из сыновей Павла I назвали Константином. Имя «Константин» было дано внуку Екатерины II с перспективой возвести его на константинопольский престол восстановленной Византии (греческий проект), сделать императором.

В старинных русских постройках в начале XIX века упорно искали византийские черты и, конечно, находили: например, в Дмитровском соборе во Владимире (1190-е годы) и других близких ему по духу храмах. В 1820-х годах мастера позднего классицизма Николай Ефимов, Авраам Мельников и Василий Стасов старались привнести «византийский дух» в классические сооружения. Правда, увидеть «византийские черты» в их архитектуре могут в основном специалисты, тем не менее, этих трех архитекторов считают предтечами искусственного русско-византийского стиля.

Только в начале 1830-х годов русско-византийское направление в архитектуре оформилось как целостное движение. К 1850-м годам искусственно созданный русско-византийский стиль уже связывался и с понятиями «православие, самодержавие, народность». Автором триединой формулы русской монархической доктрины был Сергей Семенович Уваров (1786–1855) – один из главных идеологов Николая I, выразивший идеи культурной, политической и конфессиональной преемственности России по отношению к Византии. Впрочем, триада Уварова была в то время антитезисом девизу Великой французской революции *Liberté, Égalité, Fraternité* (свобода, равенство, братство). В уваровской триаде устойчивость и консерватизм Российского государства противопоставлялся революционному хаосу и европейскому либерализму.

Парадоксально, но постройки отца русско-византийского направления Константина Тона имели очень

слабую связь с византийской архитектурой, формы которой напрямую он не использовал. Возможно, современники и не усматривали в его работах «византийский дух». Но то, что строил Константин Тон, было официально признано исконно русским, имеющим византийские корни. Архитектура его храмов была в этом плане идеологически безупречна.

В 1838 году Константин Тон издал книгу с проектами своих церквей в русско-византийском стиле. Он писал: «Стиль Византийский, сроднившийся с давних времен с элементами нашей народности, образовал церковную нашу архитектуру». В 1841 году был принят закон, на основании которого русско-византийский стиль, разработанный Константином Тоном, становился высочайше утвержденным для строительства православных храмов. В 1844 году был издан альбом чертежей, построенных Константином Тоном церквей и проектов храмов в русско-византийском стиле, рекомендованных в качестве образцовых для повсеместного использования и подражания [15].

Сбор материалов о древнерусском искусстве и архитектуре к 1850-м годам способствовал появлению многочисленных ответвлений русского направления в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве. Выявленные памятники архитектуры, послужившие прототипами, необходимо было поддерживать в достойном виде, и в России сформировалась отечественная реставрационная школа.

Появился также высочайше одобренный неовизантийский стиль, в котором использовались детали архитектуры раннехристианского Рима и стран христианского Востока. В неовизантийском стиле в начале XX века строились многочисленные храмы во имя Александра Невского. Это и понятно: Первая мировая война была не за горами, а святой Александр Невский прославился как защитник земли русской.

И если для строительства храмов в XIX и начале XX века в основном использовались русский и византийский стили, то для государственных учреждений традиционно предпочитали различные варианты классицизма. Для лютеранских храмов – неоготику. Для католических – небарокко.

^ Рис. 12. Проект дачи в русском стиле. Архитектор А. И. Валберг

^ Рис. 13. Дом-терем в русском стиле

Во второй половине XIX века поиски национальных корней в архитектуре и изобразительном искусстве велись повсеместно. Издавались специальные альбомы для архитекторов, в которых представлялся очередной русский стиль, изобретенный авторами на основе собственных представлений о национальной традиции.

В конце XIX века, в эпоху модерна понятие «стиль» трактовалось уже как набор характерных приемов или тем. Формы, взятые из архитектуры прошлого, стало допустимо видоизменять и утрировать. Использовали элементы, напоминающие детали исторических шедевров как неявные цитаты. В архитектуре, где важны были национальные коннотации, наряду с деталями, взятыми из памятников прошлого, стали широко применять мотивы орнаментов, взятых из народных кружев и вышивок. То, что в этих орнаментах были дохристианские, языческие символы, никого особенно не смущало.

Эклектический метод создания стиля на основе архитектуры прошлого был прост только на первый взгляд. Нужно было еще понимать, каким образом характерные детали можно соединять в гармоничную композицию. И здесь уже было место творчеству, поскольку в «русском стиле» могли построить особняк, театр, доходный дом, церковь...

Василий Горюнов писал: «Когда в архитектуре преобладает тенденция к канонизации, образованию устойчивой системы форм, мы имеем дело со стилем. Если преобладает тенденция к изменению, к освобождению от норм и канонов наступает время эклектики» [16, с. 46]. И та, и другая тенденции сосуществуют в любое время. Но когда нет устойчивости, а идеология насаждается сверху, о едином доминирующем стиле эпохи говорить не приходится. Классицизм может уйти в тень на какое-то время, но как самая устойчивая система он постоянно возрождается в неоклассических вариантах.

Интересно, что различные варианты русских стилей эпохи эклектики и модерна в советское время слились воедино. В СССР применение деталей, имеющих «русскую» коннотацию, стало возможно в основном в ярмарочных павильонах, театральных декорациях и в книжных иллюстрациях. Произошел естественный

отбор архитектурных форм, соответствующих представлениям об «исконно русском»; их осталось совсем немного. Можно из них составить новый единый альбом русского стиля и на государственном уровне его утвердить. Может быть, предчувствуя грядущее утверждение, уважаемые искусствоведы время от времени пишут русский стиль без кавычек.

Как видно, искусственные поиски русского в архитектуре всегда обусловлены идеологией и актуальной политикой.

Здания, построенные в различных русских стилях эпохи эклектики и модерна, можно найти сегодня на всей территории бывшей Российской империи – от восточных до западных границ. Они были реперами русского мира. Посольства вплоть до революции 1917 года тоже зачастую строились в «русском стиле». На Всемирных выставках русские павильоны, как правило, сооружались в том или ином варианте «русского стиля». Исключение составили русские павильоны на международных выставках 1911 года в Риме и Турине. Молодой архитектор Владимир Шуко построил тогда неоклассические здания, получившие заслуженно высокую оценку. Эти павильоны напомнили, что есть русский классицизм... Стало очевидно, что не стоит искать русское только в специфических формах искусственных русских стилей XIX – начала XX века.

Описать то, что именно является русским, в постройках разных эпох трудно. Но это русское в них есть, оно ощущается. Точно так же, как иностранное слово входит в русский язык, обрастая суффиксами, приставками, окончаниями, так и заимствованные архитектурные формы усваиваются и становятся своими. В России заимствованные формы архитектуры живут в русском пейзаже, где своеобразный колорит неба, неяркое солнце и то самое ощущение воли и простора, о котором пишут поэты и философы [17]. Архитектура русского авангарда характерна смелостью и размахом, которого нет в европейских постройках этого направления. Крайности конструктивизма и рационализма имеют глубокие корни в русском национальном характере. По духу они отличаются от того, что строили в Европе

^ Рис. 14. Дом-терем в русском стиле

и Америке отцы современной архитектуры. Иностранные архитекторы сегодня просят показать им, прежде всего, не собор Василия Блаженного, не Московский Кремль (это русское им понятно и привычно), а постройки Мельникова и Гинзбурга. Когда-нибудь мы сами по достоинству оценим советский модернизм и будем показывать постройки этого направления иностранным коллегам как исконно русские.

Русское в архитектуре может проявляться без использования характерных исторических архитектурных

форм, называемых русскими – без «пузатых колонок», арок с гирьками, луковичных завершений, наличников и пр. Неважно, в каком стиле создано здание, строил его отечественный мастер или иностранец; если это произведение вписалось в контекст русской природы и истории – оно станет русским.

Цитаты из книги Д. С. Лихачева «Заметки о русском» [1]

О русском пространстве, воле и свободе

Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная – это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с понятием тесноты, лишением человека пространства

О русском в архитектуре

Руки строителей словно вылепили их, а не «вытягивали» кирпичом и не вытесывали их стены. Поставили их на пригорках – где виднее, позволили им заглянуть в глубину рек и озер, приветливо встречать «плавающих и путешествующих». Их строили в единении с природой, не чертили предварительно планы на пергаменте или бумаге, а делали чертеж прямо на земле и потом уж вносили поправки и уточнения при самом строительстве, присматриваясь к окружающему пейзажу.

О московских церквях

Пестрые и асимметричные, как цветущие кусты, золотоглавые и приветливые, они поставлены точно шутя, с улыбкой, а иногда и с кротким озорством бабушки, дарящей своим внукам радостную игрушку. Недаром в древних памятниках, хваля церкви, говорили: «Храмы веселются». И это замечательно: все русские церкви – это веселые подарки людям, любимой улочке, любимому селу, любимой речке или озеру. И как всякие подарки, сделанные с любовью, они неожиданны: нежи-

> Рис. 15. Собор Воскресения Христова (Спас на Крови). Архитектор А. А. Парланд

данно возникают среди лесов и полей, на изгибе реки или дороги.

Московские церкви XVI и XVII веков не случайно напоминают игрушку. Недаром у церкви есть глаза, шея, плечи, подошва и «очи» – окна с бровками или без них. Церковь – микрокосм, как микромир – игрушечное царство ребенка, а в игрушечном царстве ребенка человек занимает главное место.

О стиле барокко в России

Стиль барокко, проникший в Россию в XVII веке, особенный. Он стал особенным именно в России. Он лишен глубокой и тяжелой трагичности западноевропейского барокко. В русском барокко нет интеллектуальной трагедии. Он более, казалось бы, поверхностный и вместе с тем более веселый, легкий и, может быть, даже чуть легкомысленный. Русское барокко заимствовало у Запада лишь внешние элементы, используя их для разных архитектурных затей и выдумок. Это необычно для церковного искусства, и нигде в мире нет такого радостного и веселого религиозного сознания, такого веселого церковного искусства.

О храме Василия Блаженного

Василий – это святой-глупец. И действительно, стоит зайти внутрь этого храма, чтобы поразиться его дурашливости. Внутри его тесно и можно легко запутаться. Не случайно этот храм не впустили в Кремль, а поставили на посаде, среди торгового балаболовства, а не храм, но балаболовство святое и святая радость...

И царство, в котором царствуют дураки, – не от мира сего. Дурашливость архитектуры Василия Блаженного в ее непрактичности. Как будто церковь, а зайти помолиться почти что и некуда. И сколько в ней украшений без практических целей, просто так: вздумалось зодчему – и сделал...

Во времена Грозного она была построена как своего рода вызов порядку и строгости. Русские дураки и юридические не столько о своей глупости свидетельствовали, сколько чужую выявляли, а особенно боярскую и царскую. Место дураков было в Древней Руси по соседству с царями, сидели они на ступеньках трона, хотя это царям и не особенно нравилось. Того и гляди Иванушка-дурачок Иваном-царевичем станет.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – URL: <https://mybook.ru/author/nikolaj-aleksandrovich-berdyayev/istoki-i-smysl-russkogo-kommunizma/read/> (дата обращения: 10.03.2023).
2. Лихачев, Д. С. Заметки о русском. – URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-publicism/1122728-2-dmitrij-lichachev-zametki-o-russkom-sbornik.html#book> (дата обращения: 15.02.2023).
3. Кюстин, А. де. Россия в 1839 году : В 2 т. / пер. с фр. В. А. Мильчиной и И. К. Стаф. – Москва : Издательство имени Сабашниковых. – Т. I. – 1996. – 528 с.
4. Татьяна Дружинина. Россия глазами Жермены де Сталь. – URL: <https://proza.ru/2014/11/30/1952> (дата обращения: 13.02.2023).
5. Пушкин, А. С. Клеветникам России. – URL: <https://rustih.ru/aleksandr-pushkin-klevetnikam-rossii/> (дата обращения: 12.02.2023).
6. Толстой, Л. Н. Анна Каренина. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1099/p.3/index.html> (дата обращения: 16.02.2023).
7. Шпенглер, О. Закат Европы : в 2-х тт. / Пер. с нем., вступ. ст. и прим. К. А. Свасьяна. – Москва : Мысль, 1993. – Т. 1. Гештальт и действительность. – 663 с.
8. Свасьян, К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу. – URL: <http://russianway.rhga.ru/upload/main/20sh.pdf> (дата обращения: 23.02.2023).
9. Бердяев, Н. А. Русская идея. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/russkaja-ideja/ (дата обращения: 26.02.2023).
10. Андрей Ланеус. Уэллс в России. – URL: <https://feisovet.ru/> (дата обращения: 10.02.2023).

11. Герберт Уэллс в России. – URL: <https://doc-chaev.livejournal.com/36496.html> (дата обращения: 10.02.2023).
12. Овсянников, Ю. М. Доменико Трезини. – Ленинград : Искусство, 1987. – 223 с.
13. Власов, В. Г. Архитектура «петровского барокко» : Эпоха. Стиль. Мастера. – Санкт-Петербург : Белое и черное, 1996. – 160 с.
14. Палаты бояр Романовых. – URL: https://www.mos.ru/city/projects/architecture/palaty_boyar_romanovykh/ (дата обращения: 27.02.2023).
15. Славина, Т. А. Константин Тон. – Ленинград : Лениздат, 1982. – 152 с.
16. Горюнов, В. С. Теоретические проблемы истории архитектуры. – Ridero, 2021. – 238 с.
17. Рпппорт, А. Небо в русском пейзаже // Проект Байкал. – 2018. – № 56. – С. 60–65.

References

- Berdyayev, N. A. (2006). *Istoki i smysl russkogo kommunizma [The Origins and Meaning of Russian Communism]*. Retrieved March 10, 2023, from <https://mybook.ru/author/nikolaj-aleksandrovich-berdyayev/istoki-i-smysl-russkogo-kommunizma/read/>
- Berdyayev, N. A. (n.d.). *Russkaya ideya [The Russian Idea]*. Retrieved February 26, 2023, from https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/russkaja-ideja/
- Custine, A. de. (1996). *Rossiya v 1839 godu [Russia in 1839]* (V. A. Milchina & I. K. Staf, Trans.) (Vol. I). Moscow: Sabashnikov Publishing House.
- Druzhinina, T. (2014). *Rossiya glazami Zhermeny de Stal [Russia through the eyes of Germaine de Stael]*. Retrieved February 13, 2023, from <https://proza.ru/2014/11/30/1952>
- Goryunov, V. S. (2021). *Teoreticheskie problemy istorii arkhitektury [Theoretical problems of history of architecture]*. Ridero.
- Herbert Wells v Rossii [Herbert Wells in Russia]. (2015). Retrieved February 10, 2023, from <https://doc-chaev.livejournal.com/36496.html>
- Laneus, A. (n.d.). *Wells v Rossii [Wells in Russia]*. Retrieved February 10, 2023, from <https://feisovet.ru/>
- Likhachev, D. S. (2014). *Zametki o Russkom [Notes on the Russian]*. Retrieved February 15, 2023, from <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-publicism/1122728-2-dmitrij-lichachev-zametki-o-russkom-sbornik.html#book>
- Ovsyannikov, Yu. M. (1987). *Domenico Trezzini*. Leningrad: Art.
- Palaty boyar Romanovykh [Chambers of the Romanov Boyars]. (n.d.). Retrieved February 27, 2023, from https://www.mos.ru/city/projects/architecture/palaty_boyar_romanovykh/
- Pushkin, A. S. (n.d.). *Klevetnikam Rossii [To the slanderers of Russia]*. Retrieved February 12, 2023, from <https://rustih.ru/aleksandr-pushkin-klevetnikam-rossii/>
- Rappaport, A. (2018). The sky in the Russian landscape. *Project Baikal*, 15(56), 60-65. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.56.1323>
- Slavina, T. A. (1982). *Konstantin Ton*. Leningrad: Lenizdat.
- Spengler, O. (1993). *Geshtalt i deistvitelnost [Gestalt and Reality]*. In K. A. Svasyan (Trans.), *The Decline of Europe*: In 2 vols (Vol. 1). Moscow: Mysl.
- Svasyan, K. A. (n.d.). *Oswald Spengler i ego rekviev po Zapadu [Oswald Spengler and his requiem for the West]*. Retrieved February 23, 2023, from <http://russianway.rhga.ru/upload/main/20sh.pdf>
- Tolstoy, L. N. (n.d.). *Anna Karenina*. Retrieved February 16, 2023, from <https://ilibrary.ru/text/1099/p.3/index.html>
- Vlasov, V. G. (1996). *Arkhitektura "petrovskogo barokko": Epokha. Stil. Mastera [Architecture of "Peter the Great Baroque": Epoch. Style. Masters]*. Saint Petersburg: Beloe i chernoe.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-55-71003 «Быстрые изменения окружающей среды в Арктике: последствия для благополучия населения, устойчивости развития и демографии Арктического региона» / Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project No. 20-55-71003 "Rapid Arctic environmental Changes: implications for well-being, resilience and Evolution of Arctic communities (RACE)"

Рассматриваются проблемы энергообеспечения удаленных территорий Российской Арктики, населенных в том числе коренными и малочисленными народами. В условиях дефицита электроэнергии, тепла, пресной воды и климатических изменений рассматриваются возможности использования новых технологий создания локальных инфраструктурных объектов возобновляемых источников энергии (ВИЭ), интегрированных в условия традиционного уклада людей для формирования благоприятной среды обитания в гармонии с природой.

Ключевые слова: энергетические ресурсы; коренные народы Севера; среда обитания; ВИЭ. /

The article deals with the problems of energy supply of the Russian Arctic remote territories inhabited, among others, by indigenous and small-numbered peoples. Taking into account the electricity, heat and fresh water shortage, as well as climate change, the authors consider the possibilities of using new technologies for creating local infrastructure facilities of renewable energy sources (RES) integrated into the conditions of the traditional way of life for the formation of a favorable habitat in harmony with nature.

Keywords: energy resources; indigenous peoples of the North; habitat; RES.

Проблемы энергообеспечения удаленных территорий Российской Арктики / The problems of energy supply of the Russian Arctic remote territories

текст
Дмитрий Соловьев
Институт океанологии имени П. П. Ширшова РАН
Любовь Шилова
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
Сергей Гулев
Институт океанологии имени П. П. Ширшова РАН /
text
Dmitry Solovjev
Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences
Lyubov Shilova
National Research Moscow State University of Civil Engineering
Sergey Gulev
Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences

Россия по праву считается северной державой, поскольку более 60% территории страны приходится на арктические регионы, где проживает около 12 млн чел., 2,5 млн из которых – непосредственно в Арктической зоне России [1]. Примерно 10% населения Российской Арктики относятся к коренным и малочисленным народам. Они ведут традиционную деятельность и успешно адаптируются к реалиям современного мира. Тем не менее в условиях изменения окружающей среды Арктики происходят изменения культуры, традиций, языков, коренного населения, которые долгое время определяли их самобытность. Следует отметить, что более половины всех КМНС России проживают на территории Арктической зоны, причем две трети из них за пределами городских поселений [2].

Основными видами традиционной хозяйственной деятельности коренных и малочисленных народов Арктики являются кочевое животноводство (оленоводство, коневодство) и промысловая охота, включая переработку и реализацию охотничьей продукции. Важное место в традиционном укладе хозяйства также занимают заготовка лесных ресурсов и собирательство (заготовка, переработка и продажа пищевого сырья из леса, сбор лекарственных растений) [3, 4].

Значение удаленных от европейской части северных арктических территорий для экономики России достаточно велико, так как они наделены большими природными богатствами. Если сравнивать потенциал этих территорий с общей обеспеченностью страны природными ресурсами, то на долю части северных арктических территорий приходится более половины всех лесов и водных ресурсов, а также более 80% запасов природного газа, нефти, золота, меди и никеля, большие запасы алмазов, кобальта и многих других металлов и редкоземельных элементов.

Вся Арктика, как и ее российская часть, – крупнейший нефтегазоносный резервуар Земли, способный удовлетворить спрос на углеводородные ресурсы для нужд всего человечества в XXI веке. А Северный морской путь – глобальная транспортная система, обеспечивающая кратчайший путь транзита грузов из Европы в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, США и Японию, ко-

торый значительно короче и дешевле, чем традиционный маршрут через Суэцкий канал.

Современное состояние энергообеспечения арктических регионов нельзя назвать удовлетворительным [5]. Проблема обеспечения работы транспортной инфраструктуры на арктических территориях связана с ее сезонным характером. Завоз топлива для работы местных локально-изолированных систем электроснабжения может осуществляться только периодически. На сегодняшний день водный транспорт обеспечивает до 80% поставок топлива и других грузов. Количество дней в году, когда водный транспорт может обеспечивать доставку грузов в арктические регионы, составляет примерно 120. Поэтому в последнее время в Арктике все больше используются технологии возобновляемой энергетики, обеспечивающие доступной локальной энергией с использованием местных топливно-энергетических ресурсов [6]. Кроме того, все больше внимания уделяется повторному энергетическому использованию различных видов отходов, в том числе отходов жизнедеятельности [7].

Среда обитания человека в Арктике создается под влиянием многих факторов [8], которые определяют не только тип застройки или форму зданий, но и принципы жизнеобеспечения, внутреннее устройство и содержание объектов капитального строительства.

К положительным сторонам глобального потепления можно отнести повышение экономического эффекта за счет увеличения продолжительности навигации по Северному морскому пути и грузопотока. Однако последствия глобального потепления неизбежно приводят к проблемам в процессе освоения Российской Арктики и изменению в стратегии развития региона. Так, например, происходит оттаивание вечной мерзлоты, из-за чего снижается устойчивость грунтов, разрушаются здания и сооружения. Кроме того, обостряется проблема наступления океана и затопления обширных территорий, что приводит к деградации береговой линии и, как следствие, к обрушениям и проседаниям.

Очевидно, что необходима разработка новых подходов к формированию среды обитания в экстремальных условиях. В связи с этим на первый план выходят проблемы

< Рис. 1. Кольский ветропарк (<https://bellona.ru>)

энергообеспечения и формирования благоприятной среды обитания людей, традиционно населяющих Арктику. Решение этой проблемы должно включать выявление общих принципов децентрализованного энергообеспечения удаленных территорий. Представленный ниже обзор предлагаемых проектов на основе использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и местных энергоресурсов позволит выявить особенности и недостатки и оценить их воздействие на повышение качества среды обитания в Арктике.

Комплексное решение проблемы энергообеспечения и формирования благоприятной среды обитания человека

В экономике Российской Федерации северные территории Российской Арктики играют значительную роль, обеспечивая безопасность и геополитические интересы страны. Так, успешно реализуется стратегия развития северных территорий до 2035 года, которая включает в себя национальные проекты и государственные программы с инвестиционными планами крупных инфраструктурных компаний и программы развития арктических регионов и городов. Эти программы предполагают создание предприятий топливно-энергетического комплекса, отвечающих современному уровню развития и не оказывающих негативного воздействия на уникальную природу Севера. Для их практической реализации потребуются разработать новые технологии локального энергоснабжения, которые можно использовать в условиях Арктики. Реализация программ потребует обеспечения северных регионов страны экологически чистым энергетическим и моторным топливом на основе местного сырья, а также ограничения и в конечном итоге полного исключения дорогостоящего северного завоза нефтепродуктов.

Согласно официальным статистическим данным, количество децентрализованных систем энергоснабжения в районах Крайнего Севера России с высокими затратами на электроэнергию превышает несколько тысяч и число их потребителей более 11 млн чел. [9]. Всего около 30 тыс. населенных пунктов получают энергоснабжение от местных энергосистем: из них более 6 тыс. с на-

селением свыше 500 чел., более 1 тыс. с населением от 2 тыс. чел., свыше 500 с населением более 3 тыс. чел. При этом значительная часть энергии уходит на энергоснабжение крупных промышленных предприятий и трубопроводные системы. Доля расходов местных бюджетов на оплату услуг энергоснабжающих организаций во многих районах Крайнего Севера превышает 30%, а в отдельных случаях достигает 60% при среднем уровне по России около 20%.

Потребители Крайнего Севера с изолированными энергосистемами дотируются государством примерно наполовину. Практически во всех регионах Крайнего Севера (кроме нефтегазодобывающих) доля расходов на энергоснабжение в валовом региональном продукте составляет от 20 до 37% и зачастую превышает разумные пределы энергодоступности, что не позволяет экономике динамично развиваться. Для городов и поселков с изолированными системами энергоснабжения отношение затрат на энергоснабжение к общему объему муниципального бюджета обычно превышает 40%. Таким образом, рассматривая положение дел в энергетической отрасли регионов Крайнего Севера РФ, можно сделать вывод, что удаленные территории Арктической зоны РФ особенно нуждаются во внедрении инновационных энергоэффективных решений, а также современных автономных электростанций, использующих гораздо более дешевые ВИЭ. Именно здесь, в этих регионах, внедрение технологий альтернативной возобновляемой энергетики должно не только принести свои плоды, но и значительно сократить расходы населения и промышленности на субсидирование энергопотребления. А потенциал такой модернизации кроется именно в нынешних высоких бюджетных затратах на энергообеспечение арктических регионов.

Для формирования благоприятной и гармоничной среды жизнедеятельности человека в Российской Арктике требуется не только решить проблему энергообеспечения, но и обеспечить всеобщую доступность чистой пресной воды, без которой невозможно функционирование тепловых энергетических систем. Это одна из наиболее серьезных проблем, препятствующих устойчивому развитию арктических регионов России.

> Рис. 2. Гибридная энергоустановка с солнечной генерацией в поселке Тура, Эвенкия (<http://www.krskstate.ru>)

Загрязнение атмосферного воздуха, почвы, недостаточное обеспечение качественной питьевой водой и отсутствие санитарно-гигиенических условий – все это представляет угрозу для здоровья и благополучия населения региона [10].

Планы интенсификации промышленного развития, благоустройства городов, сопровождающиеся ростом населения, неизбежно будут связаны с развитием централизованных систем водоснабжения и водоотведения, увеличением потребления питьевой воды и водоотведения. В Арктике условия строительства объектов водопроводно-канализационного хозяйства заметно отличаются от условий, сложившихся в других регионах России, и требуют больших финансовых затрат, которые могут составлять до 80% от общей стоимости строительства. Это обусловлено в первую очередь проблемами доступа к водным ресурсам, а также величиной нагрузки на источники водоснабжения в районах вечной мерзлоты.

По данным Государственного отчета о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Республики Саха (Якутия), только 14,4% населения обеспечено чистой питьевой водой. Для Архангельской области этот показатель приближается к 30%, а в Мурманской области не превышает 17,6%. Значительная часть населенных пунктов имеет децентрализованное водоснабжение: население использует воду из рек, озер, шахтных стволов, колодцев и привозную воду, доставляемую водовозами. В холодное время года большинство населенных пунктов использует лед, собранный в специально отведенных местах.

Решение проблемы дефицита пресной воды как элемента формирования благоприятной среды обитания человека – важнейшая составляющая устойчивого развития промышленной отрасли арктических регионов. От успешного решения этой проблемы зависит бесперебойная работа промышленно-энергетической инфраструктуры и создание условий жизни коренного населения, отвечающих требованиям времени.

Свыше нескольких сотен объектов возобновляемой энергетики уже построено или будет построено в Российской Арктике в самые ближайшие годы.

Особенно активно это направление развивается на территории Якутии. В поселке Тикси построен комбинированный энерготехнологический комплекс, объединяющий ветровые электростанции, дизель-генераторы и умные системы накопления энергии. В поселке Юкур построена солнечная электростанция. Ее работа позволяет успешно экономить более 15,5 т дефицитного дизельного топлива в год.

Завершены проекты и в других арктических регионах. С 2013 года использование солнечной энергии для малых потребителей внедрено в Национальном парке «Русская Арктика» на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа – самом северном архипелаге Евразии.

Построенный в 2022 году Кольский ветропарк (рис. 1) включает в себя 57 турбин и расположен на территории в 257 га. Ветровая электростанция способна вырабатывать около 750 ГВт•ч электроэнергии в год, что позволит избежать 600 тыс. т выбросов углекислого газа в атмосферу.

В 2022 году группа компаний «Хевел» в поселке Тура Эвенкийского района Красноярского края построила гибридную солнечную электростанцию на базе фотоэлектрических панелей мощностью 2,5 МВт и с интегрированной системой накопления энергии (рис. 2). Установка начала снабжать поселок, что позволит сэкономить около 10% объема ранее используемого дизельного топлива.

Холдинг АЕОН «Северная звезда» успешно реализует проект по созданию угольного кластера на базе Сырадасайского месторождения на Таймыре и планирует построить ветропарк мощностью 4 МВт для нужд этого кластера.

Многие крупные промышленные компании рассматривают возможность строительства ветропарков на Таймыре для покрытия энергоемкости своих проектов по освоению углеводородных и минеральных месторождений. Реализуются инвестиционные проекты по модернизации объектов промышленной энергетики в отдаленных энергорайонах Якутии, в рамках которых в регионе планируется запуск четырех гибридных ветро-солнечных электростанций.

Для успешной реализации энергетических проектов, необходимо учитывать, что северные территории России

Принцип	Реализация	Достижение
Адаптация к последствиям климатическим изменений	Обеспечение жизнедеятельности	Конструктивные решения энергетических объектов
Восстановление среды от последствий загрязнения от традиционной энергетики	Переход на использование ВИЭ и местные виды топлива	Экологически ответственный подход к планированию энергообеспечения
Оптимизация размеров энергетических сооружений	Визуальный контакт с природой и сохранение биоландшафтов	Законодательные ограничения высоты зданий и сооружений
Учет распространения многолетнемерзлых грунтов	Развития геотехнического мониторинга в криолитозоне	Внедрение строительных норм для энергетических объектов
Ответственная система водопотребления	Решение проблемы дефицита пресной воды	Развитие централизованных систем водоснабжения и водоотведения
Минимизация барьеров в природных ландшафтах	Сохранение ареала распространения животного мира растительности	Ландшафтное проектирование
Энергоэффективность экономичность проектных и технологических решений	Ресурсо- и природосбережение	Внедрение норм и сертификации
Стремление сохранения почвенно-растительного слоя в процессе освоения	Сбережение ландшафтов и видового разнообразия растений и животных	Ограничения в организации и технологии строительства и эксплуатации
Биопозитивность энергетических сооружений	Интеграция растительного и животного мира из поселений	Организация ниш, укрытий, «гнезд», водоемов и т. д.
Долговечность энергетических инфраструктурных объектов	Сбережение и экономия возобновляемых ресурсов	Обеспечение (технологическое) увеличения срока эксплуатации материалов и конструкций
Согласование энергопотребления населения с возможностями природы	Устойчивое развитие	Экологизация потребления

< Таблица 1. Обобщенные принципы формирования благоприятной среды обитания и эффективного энергообеспечения в условиях Арктики

располагаются на вечномерзлых грунтах. Появляется необходимость в мониторинге грунтов, который позволяет выявить малейшие изменения температур, структуры грунта, деформацию и т. д. Особенно это важно для фундаментов зданий и сооружений, эксплуатируемых на вечномерзлых грунтах [11]. В этом случае чрезвычайно важной задачей при создании энергетических объектов является предотвращение оттаивания грунтов, способного привести к недопустимым деформациям фундамента и разрушению здания или сооружения.

Арктические энергетические объекты возобновляемой энергетики объединены несколькими локациями. Все объекты находятся в отдаленных населенных пунктах, что обусловлено их географическим расположением, характеризующимся высокой степенью изолированности и отсутствием постоянного транспортного сообщения. Данные объекты обеспечивают потребителям автономность и энергонезависимость. Обобщая приведенные выше данные, следует отметить, что существуют как общие, так и не всегда очевидные признаки, которые в сочетании с решением сопутствующих задач дают наиболее полное представление о принципах формирования концепции благоприятной среды обитания и эффективного энергообеспечения в условиях Арктики. Эти универсальные принципы, способы их реализации и достижения заявленных целей представлены в табл. 1., составленной авторами с использованием данных [8].

Инновационные подходы к энергообеспечению удаленных территорий Российской Арктики

Наблюдаемые изменения климата можно объяснить в том числе увеличением содержания углекислого газа в атмосфере [12]. По сути, мы стоим на пороге новой промышленной революции. Использование ископаемых видов топлива заменяется применением новых наукоемких технологий, обеспечивающих минимизацию вредного воздействия топливно-энергетического комплекса на природный баланс. Приоритетным является использование возобновляемых технологий и местных энергетических ресурсов в энергетических целях.

Нам необходимо иметь данные технологии и для того, чтобы отвечать требованиям мирового сообщества по пе-

реходу с безуглеродному развитию. Имеющийся научный задел в разработке технологий данного назначения позволяет рассчитывать на передовые позиции в мире по решению данной задачи. Разработка технологий безуглеродной энергетики, создание промышленного оборудования, реализующего данные разработки, обеспечит РФ передовые позиции на мировом рынке современного энергетического оборудования. Это, в свою очередь, позволит компенсировать потери бюджета страны, связанные с прекращением использования угля и нефти, а также с санкционной политикой стран Западной Европы в отношении России.

В текущих геополитических условиях перед Россией стоит стратегическая задача по разработке технологий, обеспечивающих автономное энергоснабжения арктических территорий страны, среди которых особое место занимают установки с использованием водородных технологий [7].

Одним из вариантов решения данной задачи является создание комбинированной солнечно-ветровой установки с водородным аккумулярованием. Такие установки наиболее эффективны, поскольку сегодня во многих странах отмечается сближение стоимости электроэнергии, генерируемой тепловыми электростанциями на ископаемом топливе и ветровыми и солнечными электростанциями [13]. Начиная с 2017 года мощности вводимых ВИЭ в мире превысили объемы вводимых мощностей традиционной энергетики. Поэтапно происходит переход от традиционных технологий на ВИЭ. Использование последних дает преимущество с экономической точки зрения и позволяет минимизировать экологический след.

В настоящее время установки, использующие солнечную и ветровую энергию, широко применяются во многих странах мира. В последние годы в странах Европейского союза водится в эксплуатацию больше мощностей на возобновляемых источниках, чем с использованием ископаемого топлива. В нашей стране, особенно в удаленных северных регионах, условия применения методов возобновляемой энергетики отличны от тех, которые существуют на Западе. Возобновляемая энергетика делает необходимым резервирование.

На Западе резервирование осуществляется сетью. В России около 70% территории страны расположено вне сетей, поэтому использование возобновляемых источников представляется наиболее целесообразным как раз в тех регионах, где сеть отсутствует либо ее мощности недостаточно для покрытия требуемых нагрузок. К таким регионам прежде всего относятся удаленные территории Арктики.

Одним из оптимальных методов резервирования возобновляемых источников считается газопоршневой двигатель с электрогенератором, работающий на водороде. Когда производство электрической энергии превышает потребление, водород производится методом электролиза воды. Если производимой мощности недостаточно, водород срабатывается в виде топлива в газопоршневой электростанции с производством электроэнергии. Для создания надежных систем аккумулялирования электрической энергии необходимо создание эффективного газопоршневого двигателя, работающего на водороде, с учетом опыта российских разработок в этой области [14].

В рамках предложенной концепции рассмотренных выше подходов к энергообеспечению удаленных территорий в арктических регионах можно реализовать следующие проекты:

- Солнечная фотоэлектрическая станция с пиковой электрической мощностью 1000 кВт. Для ее размещения потребуется площадь 0,5–0,6 га. Солнечные модули серийного производства российских предприятий ООО «ХЭВЭЛ» (Новочебоксарск, Чувашия), ООО «СанВейс» (Зеленодольск, Московская область) и др. можно использовать в качестве фотоэлектрических преобразователей.

- Комбинированная ветроэлектрическая установка номинальной мощностью 600 кВт и солнечная энергетическая установка мощностью 499 кВт. Такая установка может состоять, например, из десяти серийных ветрогенераторов типа «КОНДОР» номинальной мощностью 60 кВт, установленных на расстоянии 100–120 м друг от друга.

- Система накопления электроэнергии на основе использования водорода, состоящая из электролизеров, компрессоров, группы ресиверов водорода, газопоршневой установки номинальной мощностью 100–400 кВт и микропроцессорных автоматических системы контроля и управления объектами. Хранение водорода возможно реализовать в губчатых интерметаллических соединениях.

Все указанное оборудование может быть изготовлено в России. Отработка предложенных технологий и вариантов энергоустановок должна осуществляться в «промышленных» условиях, т. е. для электроснабжения реальных потребителей.

Согласно технико-экономическим расчетам, необходимое финансирование для сооружения каждой из предложенных опытно-промышленных установок составляет не более 200 млн руб., а при нормальной работе и существующих тарифах на электрическую энергию в арктических регионах срок их окупаемости составит порядка 10 лет.

Территории большинства регионов Арктической зоны России обладают высоким потенциалом солнечной и ветровой энергии [6], поскольку они имеют длительный световой период и постоянные сильные ветра. По существующим оценкам стоимость электроэнергии, которая может быть получена с использованием солнечно-ветровых установок в Арктической зоне, примерно на 40% дешевле по отношению к электроэнергии, получаемой с использованием ископаемых топлив в центральных регионах России. При создании солнечно-ветровых установок в Арктическом регионе России наличие «дешевой»

электроэнергии позволяет организовать получение водорода электролизом воды.

С использованием водорода на новом уровне может быть решена проблема создания собственной системы энергообеспечения арктических регионов. На севере России расположен целый ряд угольных месторождений, разработка которых затруднена из-за их удаленности от потребителей. Например, архипелаг Шпицберген, который является зоной особых государственных интересов Российской Федерации, имеет крупные запасы высококалорийного угля, оцениваемые в 10 млрд т. Основной район угледобычи расположен в центральной части о. Западный Шпицберген. Здесь расположены все действующие норвежские и российские шахты. К сожалению, российская угольная промышленность на Шпицбергене нерентабельна. Низкая рентабельность вызвана необходимостью установки дорогостоящего оборудования, чтобы соответствовать экологическим требованиям Норвегии, также слишком много денег нужно для содержания поселения.

Острейшей социально-экономической проблемой всех северных регионов страны является северный завоз. Устойчивая тенденция к снижению объемов поставляемых товаров стала одной из причин оттока населения из районов Крайнего Севера. Один из путей решения этой проблемы – создание на базе местного угля производства экологически чистого моторного топлива для собственных нужд, что позволит снизить завоз нефтепродуктов и создать новые рабочие места.

Все эти вопросы показывают, что назрела необходимость разработки и оптимизации новых технических решений, направленных на решение проблем, связанных с энергетическим использованием местных топливно-энергетических ресурсов, в частности угольных месторождений. А наличие дешевого водорода могло бы позволить эффективно использовать местное органическое сырье (уголь, торф, вторичную биомассу) для производства продуктов с высокой добавленной стоимостью, в том числе зеленого дизельного топлива, высших спиртов и т. д. Экспорт этих продуктов может быть более прибыльным, чем экспорт водорода. Для отдаленных арктических районов важную роль играет организация производства топлива из местного сырья, так как коммерциализация таких технологий потенциально может сократить или даже полностью ликвидировать потребность обеспечивать северный завоз.

Низкоуглеродное развитие удаленных арктических территорий означает сохранение экологического баланса, культуры, традиций, языков коренных народов и в конечном счете заботу об условиях жизни на нашей планете. Изложенные выше подходы позволят решить задачи, связанные с формированием благоприятной среды обитания и эффективного энергообеспечения в суровых климатических условиях. При этом реализация потенциала использования новых технических решений в сфере развития альтернативных источников энергии, преодоления проблемы дефицита пресной воды, создания энергетической инфраструктуры в условиях многолетнемерзлых грунтов для регионов Арктической зоны России позволит получить значительный экономический эффект за счет сокращения и в конечном итоге прекращения северного завоза топлива.

Следует отметить, что решение проблем энергообеспечения Арктической зоны России на начальном этапе проектирования среды обитания человека должно быть комплексным и осуществляться с использованием принципов, не только учитывающих изменение климата, но и включающих в себя передовые решения в области обращения с отходами, создания объектов возобновляемой энергетики, интегрированных в условия традиционного жизненного уклада коренных народов.

< Рис.3. Перспективные регионы Арктической зоны РФ для внедрения технологической солнечной и ветровой энергетики [6]

Литература

1. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 17.01.2023).
2. Павленко, В., Петров, А., Куценко, С., Деттер, Г. Коренные малочисленные народы Российской Арктики (проблемы и перспективы развития) // Экология человека. – 2019. – № 1. – С. 26–33.
3. Кирко, В. И., Захарова, К. Н. Традиционная хозяйственная деятельность – этносохраняющий образ жизни // Арктика и Север. – 2013. – № 12. – С. 24–31.
4. Коренные малочисленные народы Севера в условиях освоения Арктической зоны Российской Федерации // Росконгресс. – URL: <https://roscongress.org> (дата обращения: 17.01.2023).
5. Ампилов, Ю. Энергетическое развитие Российской Арктики в эпоху энергоперехода // Энергетическая политика. – 2022. – № 1(167). – С. 30–43.
6. Энергетическая инфраструктура Арктической зоны Российской Федерации / Ред. В. В. Бушуев. – Москва : ИД «Шанс», 2019. – 146 с.
7. Зайченко, В. М., Бушуев, В. В., Новиков, Н. Л., Соловьев, Д. А. Новые технологии энергоутилизации биомассы как драйверы локальной энергетики // Энергетическая политика. – 2022. – № 12(178). – С. 102–111.
8. Sarvut, T. O. Principles of habitat formation in the Arctic region // Vestnik MGSU. – 2018. – № 2. – Р. 130–140.
9. Змиева, К. А. Проблемы энергоснабжения арктических регионов // Российская Арктика. – 2020. – № 1. – С. 5–14.
10. Выучейская, Д. С., Носков, С. Н., Еремин, Г. Б. Проблемы водоснабжения и водоотведения в Российской Арктике по результатам анализа научно-практических работ // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2019. – Вып. 14, № 1. – С. 235–241.
11. Ashpiz, E. S. The problems of the railway subgrade construction in the subarctic part of the Russian cryolithozone and the ways of their solution // Transportation Soil Engineering in Cold Regions. – Springer, 2020. – Vol. 1. – P. 295–302.
12. Гулев, С. К., Катцов, В. М., Соломина, О. Н. Глобальное потепление продолжается // Вестник РАН. – 2008. – Вып. 78, № 1. – С. 20–27.
13. Raimi, D., Campbell, E., Newell, R. G., Prest, B., Villanueva, S., Wingenroth, J. Global Energy Outlook 2022: Turning Points and Tension in the Energy Transition. – Washington, 2022. – 47 p.
14. Зайченко, В. М., Соловьев, Д. А., Чернявский, А. А. Перспективные направления развития энергетики России в условиях перехода к новым энергетическим технологиям // Окружающая среда и энерговедение. – 2020. – № 1(5). – С. 33–47.

References

- Ampilov, Yu. (2022). Energy development of the Russian Arctic in the era of energy transition. *Energy Policy*, 1(167), 30-43.
- Ashpiz, E. S. (2020). The problems of the railway subgrade construction in the subarctic part of the Russian cryolithozone and the ways of their solution. In *Transportation Soil Engineering in Cold Regions* (Vol. 1, pp. 295-302). Springer.
- Bushuyev, V. V., Gabderakhmanova, T. S., Morgunova, M. O., Nefedova, L. V., & Solovyov, D. A. (2019). *Energy infrastructure of the Arctic zone of the Russian Federation* (V. V. Bushuyev, Ed.). Chance Publishing House. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3545782>
- Chislennost naseleniya Rossiiskoi Federatsii po munitsipalnym obrazovaniyam [Russian Federation population by municipality]. (2023). Rosstat.Gov.Ru. Retrieved from <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>.
- Gulev, S. K., Kattsov, V. M. & Solomina, O. N. (2008). Global warming continues. *Vestnik RAN*, 78(1), 20-27. Retrieved from http://sail.msk.ru/articles/Gulev_Katsov_Solomina2008.pdf
- Kirko, V. I., & Zakharova, K. N. (2013). Traditional economic activity – ethno-preserved life style. *The Arctic and the North*, 12, 24-31.
- Pavlenko, V. I., Petrov, A., Kutsenko, S. Yu., & Detter, G. F. (2019). Indigenous peoples of the Russian Arctic (problems and development prospects). *Human Ecology*, 1, 26-33.
- Sarvut, T. O. (2018). Principles of habitat formation in the Arctic region. *Vestnik MGSU*, 2, 130-140. <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2018.2.130-140>
- Sergeev, I. B. (2021, October 5). *Korennye malochislennye narody Severa v usloviyakh osvoeniya Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii [Indigenous small-numbered peoples of the North in the conditions of development of the Arctic zone of the Russian Federation]*. Roscongress Information and Analytical System. Retrieved January 17, 2023, from <https://roscongress.org/materials/korennye-malochislennye-narody-severa-v-usloviyakh-osvoeniya-arkticheskoy-zony-rossiyskoy-federatsii/>
- Vyucheykaya, D. S., Noskov, S. N., & Eremin, G. B. (2019). Problems of water supply and water disposal in the Russian Arctic by results of analysis of scientific and practical works. *Health is the basis of human potential: Problems and solutions*, 14(1), 235-241.
- Zaichenko, V. M., Bushuyev, V. V., Novikov, N. L., & Solovyov, D. A. (2022). New technologies for energy utilization of biomass as local energy drivers. *Energy Policy*, 12(178), 102-111. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2022_12178_102
- Zaichenko, V. M., Solovyov, D. A., & Chernyavsky, A. A. (2020). Prospective directions of Russian electric power industry development within the framework of transition to new energy technologies. *Journal of Environment Earth and Energy Study*, 1(5), 33-47. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3738026>
- Zmиеva, K. A. (2020). Problems of energy supply in the Arctic regions. *Russian Arctic*, 1, 5-14.
- Raimi, D., Campbell, E., Newell, R. G., Prest, B., Villanueva, S., & Wingenroth, J. (2022). Global Energy Outlook 2022: Turning Points and Tension in the Energy Transition. In *Resources for the Future Report*. Washington.

Растущий интерес к историко-культурному наследию и развитию туристической деятельности актуализирует значение информационно-коммуникативных средств, позволяющих ориентироваться в сложившемся городском ландшафте и повышающих уровень его комфорта. С этой целью проведен исторический анализ центральных улиц города Курска. В качестве основы организации туристического маршрута рассмотрены элементы структуры пешеходного пространства и определены факторы повышения их привлекательности. Предложены рекомендации по формированию городского интерьера с использованием элементов дизайна и созданием информационно-коммуникативной системы в условиях сложившегося архитектурного облика улиц города Курска.

Ключевые слова: архитектурный ландшафт; городская среда; визуальная навигация; туристический пешеходный маршрут./

Growing interest to the historical and cultural heritage and development of tourism actualizes the importance of information and communication means, which help to understand the existing urban landscape and increase the level of its comfort. A historical analysis of Kursk central streets has been made for this purpose. The authors consider the elements of pedestrian space structure as the basis for the arrangement of tourist route, as well as define the factors increasing their attractiveness. They give recommendations on how to form the urban interior with the use of design elements and creation of information and communication system in the context of the existing architectural appearance of Kursk city streets.

Keywords: architectural landscape; urban environment; visual navigation; tourist pedestrian route.

Визуальная навигация и пешеходные пространства / Visual navigation and pedestrian spaces

текст

Ольга Воличенко

Юго-Западный государственный университет

Татьяна Цурик

Юго-Западный государственный университет /

text

Olga Volichenko

Southwest State University

Tatiana Tsurik

Southwest State University

Методология исследования городского ландшафта в настоящее время неуклонно расширяется и включает достаточно широкий круг вопросов: от защиты городских экосистем до рассмотрения количественной оценки восприятия человеком элементов архитектурно-градостроительной среды. Городской ландшафт складывается как результат взаимодействия природных условий города и искусственно созданной системы дорожного и пешеходного движения, архитектурной застройки и зеленых насаждений. Этот сложный проблемный комплекс может быть рассмотрен с позиций различных научных подходов. Отдельным предметом исследования являются вопросы моделирования городского ландшафта на основе сложившейся морфологии города с учетом пешеходного передвижения. Эта тема актуальна как для осмысления уже сложившихся, так и для планирования новых городских ландшафтов.

Ключевым условием для нашего исследования является понимание архитектурного ландшафта города. Близкими по значению и получившими распространение в научной литературе понятиями стали два определения, различающиеся в трактовке городского ландшафта: «открытые городские пространства» и «городской интерьер».

Открытые городские пространства могут включать как проспекты, площади, набережные, бульвары, так и незастроенные территории (проезжие части улиц, стоянки и др.). Данный тип пространств выполняет различные функции (оздоровительные, коммуникативно-рекреационные, хозяйственно-технические). Но не все они участвуют в создании художественно-эстетической выразительности города.

Городской интерьер – область проектирования, прежде всего ориентированная на учет специфики «дальних» и «ближних» городских пространств с точки зрения формы и ограждающего пространства, в которые вписываются здания и сооружения, элементы ландшафтной архитектуры. Таким образом, городской интерьер выступает как «целостно воспринимаемый конкретный фрагмент архитектурно освоенного городского пространства, в котором часть реальных ограждений (плафон, стены) заменены условными (небосвод, панорама)» [1, с. 16].

Архитектурный ландшафт города, в отличие от городского интерьера и открытых городских пространств, формируется в процессе осмысления людьми архитектурного окружения, его архитектурной формы. Архитектурно-градостроительный контекст оценивается человеком с точки зрения комфортности, безопасности и эстетических характеристик, которые присваиваются в процессе «погруженности в пространство» [2]. Пешеходное пространство города формируется как целостная совокупность архитектурно-градостроительной среды и образно-ассоциативной оценки композиционных и средовых элементов города. Оно осваивается в ходе передвижения, отдыха, коммуникации горожан и подвержено случайным воздействиям впечатлений. Восприятие и интерпретация городского ландшафта значительно различается в зависимости от дальности рассмотрения – панорамного и фронтального видов. Пешеходные туристические маршруты позволяют человеку органично вписаться в сложившийся исторический ландшафт, преодолевая отстраненность от городского контекста. Для перемещения в городском пространстве используется совокупность средств, задающих опорные точки и управляющих движением, которая получила название «визуальная навигация».

В исследовании мы используем понятие городского ландшафта, которое позволяет систематизировать компоненты архитектурной среды с позиции пешеходного передвижения и рассмотреть структуру пешеходного пространства, формирующую гармоничную и комфортную среду для пребывания человека.

Туристический потенциал городов и значение пешеходных пространств

Развитие городского туризма, основанного на пешеходных маршрутах, сталкивается с рядом трудностей. Многим крупным городам российских регионов, несмотря на их потенциал, сложно стать полноценным туристическим направлением в силу воздействия следующих обстоятельств:

- сложившегося имиджа;
- реальности благоустройства и комфорта городской среды;

< Рис. 1. Дом музыки.
Ольборг. Дания.
Архитектор Соор
Himmelb(l)au. 2008
(<https://goo-gl.ink/ybWtU>)

– состояния архитектурных памятников, которые растворились в чуждой им однообразной типовой застройке.

Для сохранения исторического прошлого важно не только материально сохранять памятники архитектуры, но и «развивать историческое сознание и эстетическую восприимчивость в обществе в целом» [3, с. 265]. Историческая архитектурная среда должна рассматриваться в единстве с ее жизненным наполнением и поиском нового «архитектурного языка» на основе региональной уникальности. Сосредоточение усилий на сохранении материальных объектов прошлого, помимо воскрешения интереса к истории, обусловлено желанием развить городской туризм и вывести города из их летаргии.

Развитие туризма в центральных районах города, как правило, происходит по стандартной схеме. Роль детонатора играет крупномасштабное строительство (музеи, общественные или культурные центры и т. п.) вокруг исторического ансамбля, возведение которого поручают известному архитектору с мировым именем (рис. 1). Это становится поводом для развития всего окружающего района (пешеходной зоны, автостоянок и др.). Затем, если туризм сталкивается с другой динамикой развития (инсталляции в общественно-культурных, административных или жилых комплексах, создание университета и т. д.), его последствия распространяются на остальную часть центра и на его коммерческую структуру (например, увеличение количества ресторанов, торговых центров и т. п.). Развитие туризма может быть взаимосвязано с политикой реновации жилья. Горожане ожидают, что с увеличением потоков туристов будет расширяться сфера рекреационного использования города, но надо отметить, что она по-прежнему с трудом распространяется на периферию, ограничиваясь исключительно городскими центрами. «В основном, не считая кварталов "реновации"», строительство будет происходить на новых территориях. При этом привлекательность туристических маршрутов остается за центральными, историческими районами тех городов, где сохраняется история архитектуры» [4, с. 133].

В развитии туристической и инвестиционной привлекательности городской среды в настоящее время важное

место занимают пешеходные пространства, а их организация становится одной из приоритетных сфер архитектурно-дизайнерской деятельности. При создании комфортных условий для пешеходов важен учет структуры пешеходного пространства, которая служит основой для проектирования. В этой структуре можно выделить геометрические (физические) элементы и связи [5], типология которых создает пространственный рисунок пешеходного движения. Выделим наиболее значимые из них.

«Входы» и «выходы» пешеходных потоков с коммуникационно-распределительными функциями, начинающие и заканчивающие пешеходное движение, получили название «узлов». В городском пешеходном маршруте они могут включать остановки общественного транспорта, зоны выходов на маршрут, в том числе на переходы и мосты. Возникая на пересечении пешеходных потоков и вблизи объектов городской среды, отличающихся функциональными, культурными или ландшафтными особенностями, структурные элементы образуют устойчивые конфигурации движения пешехода – пути.

Пути (пешеходные улицы, бульвары) – основные элементы пешеходного пространства, охватывающие маршруты различной конфигурации.

Городские объекты экспозиции и сопровождения – это памятные места и архитектурные сооружения, природные достопримечательности, а также обеспечивающие их центры размещения и питания с необходимой инфраструктурой.

Городское оборудование, состоящее из малых архитектурных форм, элементов ландшафтного дизайна, скульптур, плоскостных и объемных конструкций, а также освещения, обеспечивает организацию прогулочного движения, координируя функциональные процессы на пути пешеходов. Использование городского дизайна делает маршрут запоминающимся, комфортным и функциональным. Осуществление пешеходного движения выполняется в пределах, заданных маршрутом. Восприятие архитектурных, художественных и визуальных качеств среды реализуется в рамках сценариев, заданных границами (панорамами, перспективами улиц, колоннадами и зелеными экранами) (рис. 2). Итак, структуру пеше-

> Рис. 2. Структура архитектурной среды пешеходного пространства.
Авторская схема

ходного пространства составляют узлы, пути, границы, объекты показа и сопровождения и элементы городского оборудования. Каждый из перечисленных структурных элементов требует визуального оформления и навигации для ясности и комфортности передвижения.

Пешеходное пространство обладает долгосрочным мультипликативным потенциалом, многократно увеличивая его привлекательность при условии, что предметно-пространственная среда городского ландшафта развивается по продуманному сюжету его визуального восприятия, насыщена информацией уличной навигации, а элементы городского дизайна способствуют удобному и понятному передвижению.

Компоненты городской навигации в архитектурном ландшафте

Культурный язык города, формирующий его социальный, исторический и коммуникативный посыл, создается в течение длительного времени. Значимость объектов и достопримечательностей раскрывается при помощи информационно-коммуникативной системы, которая помогает выделить наиболее существенные компоненты визуальной среды. Специфика восприятия человеком архитектурно-градостроительной среды зависит от расстояния до объектов и их размеров. В процессе пешеходного движения архитектурные высотные объекты перестают выполнять функцию визуальных ориентиров и не создают видовых картин. Они рассчитаны на восприятие с удаленных точек, раскрывая перспективы, дальние планы и виды, формируя выразительный силуэт города (рис. 3). При передвижении пешком на первый план выходят внеархитектурные визуально-коммуникативные системы, которые, как правило, избыточны и включают витрины, вывески, рекламу и т. п. [6].

Внеархитектурные средства визуальной навигации обладают наиболее эффективным воздействием на небольшом расстоянии, оптимально воспринимаемым человеком. Это могут быть визуально-графические символы, интерьерные элементы и знаки интуитивной навигации (рис. 4). Они ориентированы на близкое зрительное восприятие и помогают задать направление и определить локацию в предметно-пространственном окружении.

Визуально-графические символы, к которым относятся таблички, витрины, рекламные стенды, указатели традиционно сопровождают городских путешественников. Интерьерные элементы обладают информативностью в заданном контексте, характеризуют функции и морфологию среды вблизи конкретных объектов. Их основная задача – получение новых знаний и информации для навигации [7]. Это указатели, пиктограммы, знаки, отличающиеся простотой восприятия и информативностью. В последнее время широко распространяются получают современные технологии, формирующие виртуальные изображения, семантические и графические свойства пространства на основе цифровых проекций, наделяя навигационные объекты свойствами интерактивности. Элементы интуитивной навигации организуют перемещение пешехода для создания комфортного и безопасного пребывания в городской среде. В качестве таких инструментов используются покрытия, озеленение, освещение, некапитальные объекты [8].

Курск: историческая застройка как основа организации пешеходных пространств туристического маршрута

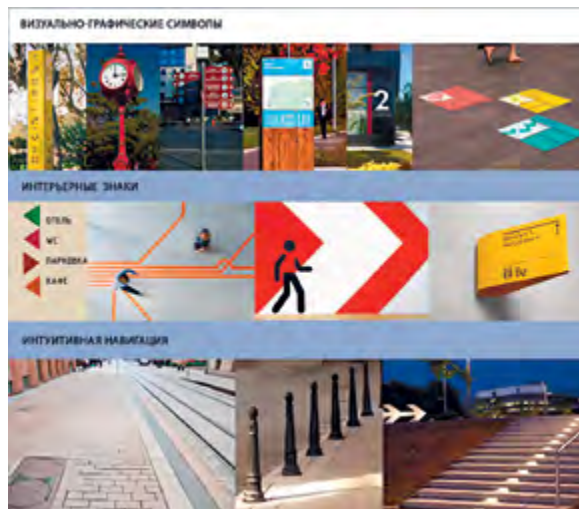
Композиция городской среды зависит от особенностей ландшафта, выразительность которого может усиливаться архитектурными средствами. Привлекательность городской среды максимальна, если характер застройки соответствует морфологии природного окружения. В городах со сложным рельефом планировочные решения могут сохранять логику взаимосвязи между естественными и искусственными компонентами ландшафта, а могут формироваться вопреки природным особенностям и истории местности.

В зарубежной практике при проектировании пешеходных маршрутов использование морфологии городской среды в природном окружении играет особую роль. Расположение памятников исторических зданий как высотных доминант создает панорамные композиции городов и используется туристами в качестве обзорных точек.

Анализ исторического развития закономерностей панорамной композиции Курска, расположенного

^ Рис. 3. Архитектурно-градостроительные средства визуальной навигации. Авторская схема

^ Рис. 4. Внеархитектурные средства визуальной навигации. Авторская схема

на сложном рельефе местности, выявил ряд особенностей, повлиявших на сложность формирования целостной морфологии городского ландшафта. В результате были выявлены следующие проблемы: отсутствие выразительных высотных доминант; монотонность типовой застройки; отсутствие разрывов, раскрывающих перспективу; потеря исторических памятников (храмов, памятников архитектуры); недостаточное использование преимуществ рельефа местности.

Изначально Курск был построен на возвышенности как город-крепость, которая до настоящего времени не сохранилась. Перепланировка и перестройка города приходится на вторую половину XVIII века, после утверждения в 1782 году регулярного плана. Линейная структура уличных сетей не учитывала существующий рельеф, а центр города оказался обособлен от пригородных слобод (Стрелецкой, Ямской, Казацкой и др.). Очевидное различие между историческим центром города и беспорядочным нагромождением частного сектора окраин сохранялось в течение последующих столетий.

Городской центр формировали две улицы: главная – улица Московская, значительно протянувшаяся в северном направлении, и улица Херсонская, располагавшаяся почти перпендикулярно к Московской и пересекавшая на крутом спуске речку Кур (рис. 5).

Выразительность и разнообразие рельефа местности, а также умеренный климат региона открывали широкие перспективы для создания и развития туристических маршрутов, что не было использовано в полной мере. Ф. И. Тютчев, рассуждая о местоположении города, причислял его к одному «из тех мест, которое, не будь оно в России, давно бы служило предметом паломничества для туристов» [9, с. 470].

В планировочной структуре Курска отсутствует разработанная система пешеходных пространств, а фрагменты отдельных маршрутов не интегрированы в единую сеть. Главными причинами являются, во-первых, проблемы исторического центра города, теснота застройки которого не позволяет создать широкие пешеходные пути на городских магистралях. Во-вторых, недостаточное количество объектов озеленения; в-третьих, отсутствие

навигации. Обособленность исторического центра от периферийной городской застройки и концентрация достопримечательностей вокруг одной центральной улицы обусловили выбор пешеходного туристического маршрута, который включает объекты вдоль центральной ул. Ленина (бывшей Московской). Вторая центральная улица Курска, ул. Дзержинского (бывшая Херсонская), в настоящее время – оживленная магистраль с узким фронтом пешеходного движения и не может быть использована для организации пеших маршрутов.

Размещение города на холмистой равнине Среднерусской возвышенности обусловило естественное создание видовых площадок с широким перспективным обзором. С улицы Дзержинского, проходящей по двум последовательно расположенным холмам, открывались прекрасные виды на историческую застройку XIX – начала XX вв., цельность и единый фронт которой

< Рис. 5. План Курска. 1782 (<https://goo-gl.in/PaLoD>)

^ Рис. 6. Улица на рельефе с малоэтажной застройкой. Сан-Франциско, США (<https://goo-gl.in/WNxpX>)

^ Рис. 7. Улица Дзержинского. Курск (<https://goo-gl.in/PMKjI>)

был разрушен сносом обветшавших зданий и непродуманным точечным строительством современных объектов жилого и общественного назначения, не учитывающих и не принимающих во внимание сложившейся контекст. Сравнивая практически одинаковые видовые перспективы, открывающиеся с холмов в Сан-Франциско и Курске, можно убедиться в разнице силуэта, формирующего улицы. (рис. 6, 7). Упорядоченность, единство и гармония сохранились в первом случае, хаотичность и раздробленность, потеря исторической идентичности характеризуют второй.

«Синяя линия» – пешеходный туристический маршрут в Курске

В России есть примеры реализованных проектов пешего и велосипедного передвижения по центру города. Так, маршруты «Красная» и «Зеленая линии» в г. Пермь предлагают пешеходные экскурсии по достопримечательным местам и историческим архитектурным объектам (рис. 8).

Их многолетнее использование доказывает эффективность установки информационных стендов, указателей (в том числе и графической разметки на асфальте по ходу маршрута), описание достопримечательностей для самостоятельного пешеходного передвижения. Благодаря навигации пешеходы в уральском городе-миллионнике за небольшой временной промежуток (около двух часов)

v Рис. 8. Пешеходные маршруты «Красная» и «Зеленая линия». Пермь (<https://goo-gl.in/PpzfU>)

могут получить эмоциональное представление о ключевых объектах истории, культуры и архитектуры города. Проекты пешеходных улиц с сохранением первоначального облика застройки и включением природного потенциала среды в общественно-рекреационное пространство города способны усилить инвестиционную привлекательность городских районов и создать места притяжения туристов [10].

В 2018 году в Курске также появился пешеходный туристический маршрут «Синяя линия» (по аналогии с описанными выше), пролегающий по улицам исторического центра и включающий 24 объекта посещения. В маршруте протяженностью 6,5 км была использована кольцевая планировка, которая предполагает возвращение к исходной точке начала путешествия, то есть вход и выход осуществляются в одном месте.

Пешеходный туристический маршрут «Синяя линия» создавался в соответствии с принципами организации пешеходных маршрутов, информационно-коммуникативной, архитектурно-ландшафтной и социальной значимости. Информационно-коммуникативная составляющая данного маршрута представлена официальным сайтом в Интернете с картой маршрута «Синяя линия» и аудиогuidaми с информацией об объектах посещения, истории строительства и описанием внешнего облика архитектурных памятников. На асфальт была нанесена линия направления движения по маршруту пластиком холодного отвердения.

За исключением разметки маршрут не был обеспечен архитектурно-планировочными и информационно-коммуникативными элементами (по ходу движения отсутствовали пюпитры, информационные щиты и указатели с картой маршрута вблизи архитектурных объектов). Пешеходный туристический маршрут «Синяя линия» недостаточно коррелирует со структурой общественных рекреационных пространств города и, несмотря на интересную задумку, не смог использовать туристический и культурно-исторический потенциал центральной части Курска. Можно сделать вывод, что туристический маршрут «Синяя линия» нуждается в существенной доработке, так как качество городского оборудования и отсутствие навигации не обеспечивали ориентацию

и не способствовали раскрытию привлекательности объектов городской среды.

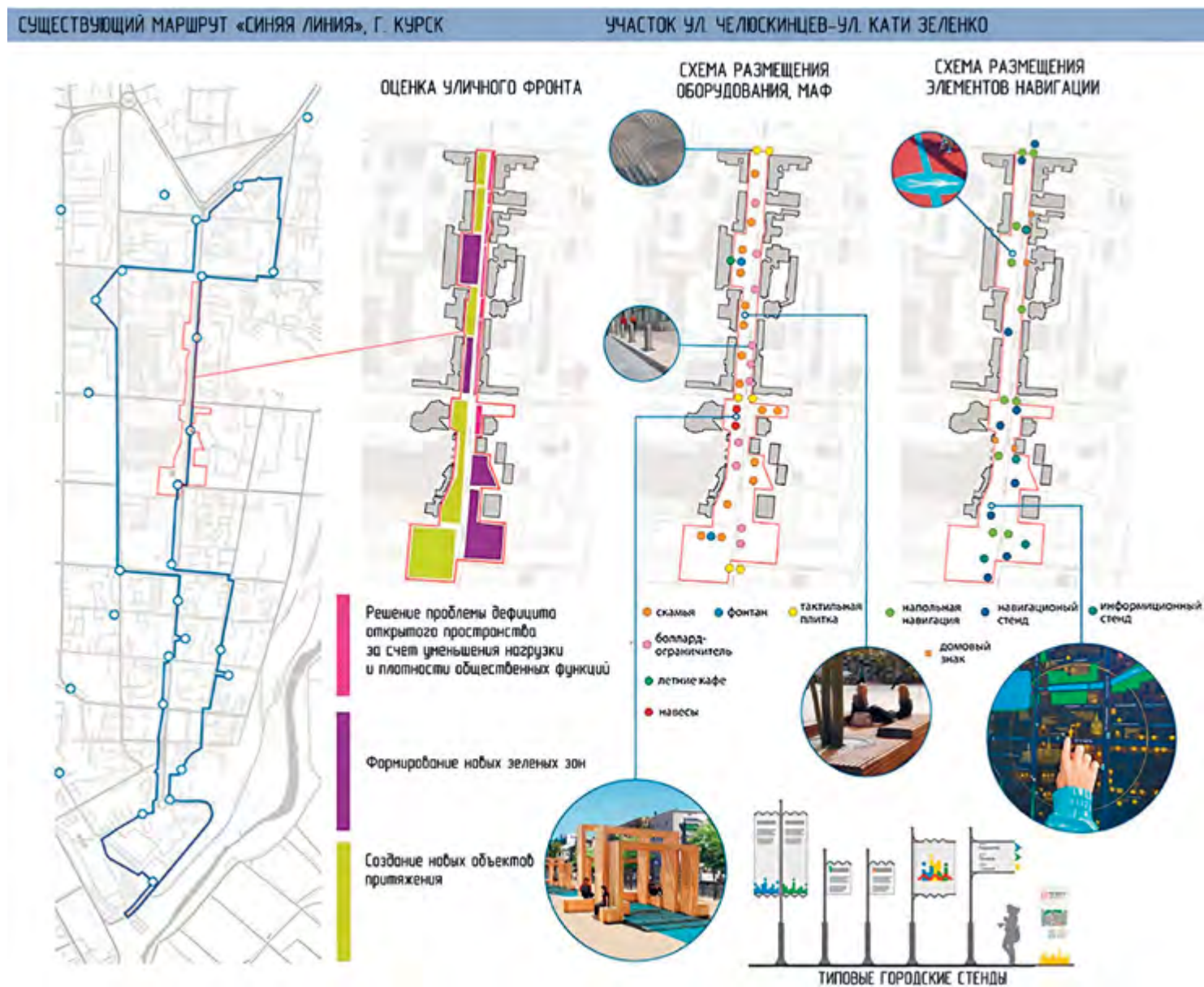
С использованием информационно-коммуникативных средств возможно создать необходимые условия для ориентации на протяжении всего пешеходного маршрута в зависимости от функциональных требований и специфических характеристик среды исторической части города. Для повышения эффективности пешеходного пространства на туристическом маршруте «Синяя линия» были предложены рекомендации, позволяющие устранить недостатки существующего проекта (рис. 9). Использование различных вариантов визуальной навигации будет способствовать не только комфортному пребыванию горожан и туристов, но и создаст индивидуализированную городскую среду.

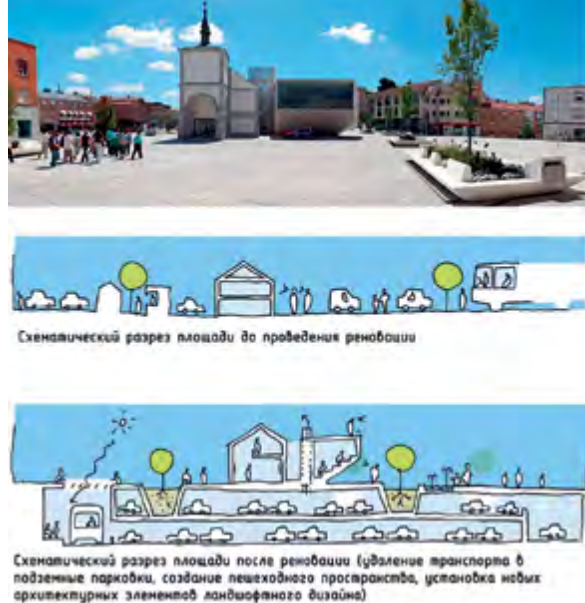
Оценка уличного фронта центральной и наиболее загруженной части маршрута показала, что при осуществлении ряда мер – уменьшение нагрузки и плотности общественных функций на отдельных участках, форми-

рование небольших новых зеленых зон (pocket parks), а также увеличение количества объектов притяжения на территории городского центра можно повысить эффективность функционирования архитектурной среды пешеходных пространств.

Предпроектная оценка состояния маршрута выявила возможные условия для более качественного использования пешеходного пространства. К ним относятся размещение городского оборудования и малых архитектурных форм, а также установка навигационных элементов. Разработка дизайна малых архитектурных форм и других объектов комплексного благоустройства с учетом городского имиджа (брендинга) поможет созданию единой стилистики дизайна архитектурной среды города в целом. Решению проблемы недостатка открытых пространств в центральной части города и транспортной загруженности исторического центра может способствовать перепланировка инфраструктуры, организация подземных парковок, создание пешеходных площадок

в Рис. 9. Рекомендации по повышению эффективности пешеходного пространства на туристическом маршруте «Синяя линия». Авторская схема

> Рис. 10. Трансформация площади и создание пешеходного пространства в «New Cultural Centre». Мадрид, Испания. 2011 (<https://goo-gL.ink/rnQYJ>)

для различных целей в течение всего календарного года (рис. 10).

Архитектурно-художественный облик и комфортность среды данного пешеходного туристического маршрута во многом зависят от особенностей взаимодействия предметно-пространственной среды города и его природных компонентов. Организация пешеходного движения должна учитывать особенности рельефа местности, расположение значимых архитектурных объектов и городской скульптуры, направление транспортных и туристических потоков.

Выводы

Изучение проблемы организации пешеходных маршрутов в российских и зарубежных городах позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода, включающего предпроектную оценку качества городской среды, обоснование принципов создания пешеходных маршрутов в контексте сложившейся городской застройки, создание условий для пешего передвижения с разработкой внеархитектурных средств визуальной навигации.

Значительный историко-культурный потенциал города Курска позволяет говорить о его привлекательности для развития пешеходного туризма, что подразумевает адаптацию и реновацию существующих архитектурных памятников, создание дружелюбной среды для туристов и горожан. Предложенные рекомендации учитывают особенности пешеходного маршрута «Синяя линия», проложенного по центральным улицам города Курска, помогут создать дополнительные рекреационные пространства и раскрыть специфику городской застройки.

Современные способы моделирования реальности городских пространств с использованием специализированных программ, устанавливающих связи между человеческим восприятием и визуальными особенностями среды, повышают эффективность визуального представления городского ландшафта. Однако без методологического обоснования, учета потребностей горожан, изучения и реконструкции исторического наследия, продуманного дизайна, оборудования и навигации пешеходные маршруты неспособны реализовать рекреационную и туристическую функции.

Литература

1. Шимко, В. Т. Архитектурно-дизайнерское проектирование городской среды. – Москва : Архитектура-С, 2006. – 377 с.
2. Салмин, Л. (Опыты пространства. Итальянский триптих // Проект Байкал. – 2018. – № 15 (56). – С. 114–119.
3. Иванова, И. Г. Исторический город в культурном ландшафте будущего в отечественных концепциях середины XIX века // Наследие и современность. – 2022 – Т. 5 – № 3. – С. 258–276.
4. Величкин, Д. Индивидуализировать подходы РААСН 1992–2022. – Екатеринбург, 2022. – 248 с.
5. Линч, К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. – Москва : Стройиздат, 1982. – 328 с.
6. Силкина, М. А. Высота размещения визуально-коммуникативных систем влияет на образ архитектурной среды // АМІТ. – 2014. – № 2 (27). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vysoty-razmescheniya-vizualnokommunikativnyh-sistem-na-obraz-arhitekturnoy-sredy> (дата обращения: 05.03.2023).
7. Шевченко, В. Э. Визуальные коммуникации: тенденции форм и технологий передачи информации // Вестник ЧелГУ. – 2015. – № 5 (360). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnye-kommunikatsii-tendentsii-form-i-tehnologiy-peredachi-informatsii> (дата обращения: 05.03.2023).
8. Кузнецов, С. О. Альбом типовых решений (стандартов) комплексного благоустройства территории «вылетных» магистралей города Москвы – Москва : УП РИИТ, 2015. – 508 с.
9. Тютчев, Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / сост. Л. Н. Кузиной; вступ. ст., ком. Л. Н. Кузиной и К. В. Пигарева. – Москва : Правда, 1987. – 480 с.
10. Крылова, И. Концепция общественного пространства «Улица-река» в историческом центре Красноярска // Проект Байкал. – 2015. – № 12 (46). – С. 110–113.

References

- Ivanova, I. G. (2022). Istoricheskij gorod v kulturnom landshafte budushchego v otechestvennykh koncepciyax serediny XIX veka [The historical city in the cultural landscape of the future in the domestic concepts of the mid-XIX century]. *Nasledie i sovremennost*, 3, 258-276.
- Krylova, I. (2015). Concept of the public space “River Street” in the historical center of Krasnoyarsk. *Project Baikal*, 12 (46),110–113. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.963>
- Kuznezov, S. O. (2015). *Albom tipovykh reshenij (standartov) kompleksnogo blagoustrojstva territorii “vyletnyx” magistralей goroda Moskvy [Album of standard solutions (standards) of complex landscaping of the territory of the “outbound” highways of the city of Moscow]*. GUP GlavApu i Moskomarhitektury. Moscow: UP RINT.
- Lynch, K. (1982). *Obraz goroda [The image of the city]*. Moscow: Strojizdat.
- Salmin, L. (2018). Experiments of space. Italian triptych. *Project Baikal*. 15(56), 114–119. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.56.1337>
- Shevchenko, V. E. (2015). Vizualnye kommunikatsii: tendentsii form i tekhnologij peredachi informatsii [Visual communications: trends in forms and technologies of information transmission]. *Vestnik ChelGU*, 5(360). Retrieved March 5, 2023, from <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnye-kommunikatsii-tendentsii-form-i-tehnologiy-peredachi-informatsii>
- Shimko, V. T. (2006). *Arkhitekturno-dizajnerskoe proektirovanie gorodskoj sredy [Architecture and design of the urban environment]*. Moscow: Arkhitektura-S.
- Silkina, M. A. (2014). Vysota razmeshcheniya vizualno-kommunikativnykh sistem vliyaet na obraz arhitekturnoj sredy [The height of the placement of visual and communicative systems affects the image of the architectural environment]. *AMIT*, 2(27). Retrieved March 5, 2023, from <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vysoty-razmescheniya-vizualnokommunikativnyh-sistem-na-obraz-arhitekturnoy-sredy>.
- Tyutchev, F. I. (1987). *Stikhotvoreniya. Pisma. Vospominaniya sovremennikov [Poems. Letters. Memoirs of contemporaries]*. Moscow: Pravda.
- Velichkin, D. (2022). *Individualizirovat podkhody RAASN 1992-2022 [Individualizing RAACS approaches 1992-2022]*. Ekaterinburg.

Многоцентровая парадигма подводит нас к растущей роли восточных регионов России. Наряду с европейскими центрами страны все больше внимания привлекают исторические и культурные «узлы», расположенные за Уралом.

В Сибири успешно состоялись три архитектурных ежегодных события – байкальский воркшоп Зимник, молодежная АрхБухта и горнолыжный Архигеш. И только входящие в профессию молодые архитекторы, и заслуженные мастера охотно и плодотворно встречаются и обсуждают развитие отечественной архитектуры и урбанистики.

Ученые Дальнего Востока продолжают исследования архитектуры выдающихся объектов Русского Востока. На этот раз в центре внимания – Владивосток и Порт-Артур.

Преобразование промышленно-конверсионных территорий, играющих важную роль в стратегии устойчивого развития, на примере родного города и зарубежных практик показывают красноярские авторы.

Андрей Бодэ рассказывает об одном из самых известных памятников деревянного зодчества Сибири – Петропавловской церкви в деревне Нагорный Иштан Томской области.

ЕГ

дальний восток и сибирь / the far east and siberia

The multi-centre paradigm leads to the growing role of Russia's eastern regions. Alongside the European centres of the country, historical and cultural 'hubs' located beyond the Urals are attracting more and more attention.

Three successful annual architecture events have taken place in Siberia: the Baikal Zimnik workshop, the youth ArchBukhta, and the skiing Archigesh. Both young architects and honored masters willingly and fruitfully meet and discuss the development of domestic architecture and urbanism.

Researchers from the Far East continue studying the architecture of outstanding sites in the Russian East. This time the focus is on Vladivostok and Port Arthur.

The authors from Krasnoyarsk show the transformation of industrial conversion territories, which play an important role in the sustainable development strategy, by the example of their native city and foreign practices.

Andrey Bode tells about one of the most famous monuments of wooden architecture in Siberia, the Peter and Paul Church in the village of Nagorny Ishtan, Tomsk region.

Elena Grigoryeva

Статья посвящена анализу деятельности русских инженеров в контексте строительства и проектирования коммерческого порта Владивостока. Кратко рассмотрены исторические предпосылки его становления. Выявлены и проанализированы три этапа его дореволюционного развития, связанные с периодами становления, первой крупной модернизации и переосмысления деятельности порта в годы Первой мировой войны. Изучены генеральные планы развития портовой зоны, выявлено авторство инженеров, разрабатывающих эти проекты. Рассмотрены наиболее репрезентативные работы, установлено их авторство, а также проанализирован ряд нереализованных эскизных проектов как генеральных планов, так и отдельных объектов. В научный оборот введены новые персоналии инженеров, внесших значительный вклад в развитие города, а также выявлена ведущая роль инженеров путей сообщения в градостроительном развитии портовой зоны Владивостока.

Ключевые слова: архитектура; порт; инженеры; Владивосток; Приморский край; Дальний Восток./

The article is devoted to the analysis of the activities of Russian engineers in the context of the construction and design of the Commercial Port of Vladivostok. It provides a brief review of the historical prerequisites of its formation and subsequent development. The authors identify and analyze the three stages of its pre-revolutionary development associated with the periods of formation, the first major modernization and rethinking of the port's activities during the First World War. In this regard, the master plans for the development of the port zone have been studied, and the authorship of the engineers developing these projects has also been revealed. The most representative works have been considered in more detail, their authorship has been established, and a number of unrealized draft projects of both master plans and individual objects have been analyzed. During the research, new personalia of the engineers who made a significant contribution to the development of the city were introduced into scientific discourse, and a leading role of the railway engineers in the urban development of the port zone of Vladivostok was also revealed.

Keywords: architecture; port; engineers; Vladivostok; Primorsky Krai; Far East.

Торговый порт Владивостока в проектах первых зодчих / Vladivostok Commercial Port in the projects of the first architects

текст

Антон А. Ким

Тихоокеанский государственный университет
Михаил Базилевич

Тихоокеанский государственный университет / text

Anton A. Kim

Pacific National University
Mikhail Bazilevich

Pacific National University

Историческое освоение Дальнего Востока России было немислимо без использования его выгодного геоэкономического положения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, заключавшегося в выходе к тихоокеанскому побережью, которое требовало развития и наращивания российского торгового и военного флотов. Требовалось строительство портов с незамерзающими акваториями и расположенными в относительной близости от существующих торговых маршрутов, тяготеющих к зонам международной торговли в странах Восточной Азии. Значительную роль в этом вопросе сыграло присоединение Приморья к России по Пекинскому договору 1860 года, которое дало возможность создания такой базы в заливе Петра Великого. Выгодное расположение привело к тому, что уже в 1871 году сюда была перенесена главная база Сибирской военной флотилии [1], и это дало импульс к дальнейшему развитию данной территории.

Для строительства причалов и доков была выбрана акватория бухты Золотой Рог, которая уже на ранних этапах получила функциональное зонирование, при котором северная часть отдавалась под военный порт, в то время как западная использовалась для коммерческой деятельности. Такое деление во многом было обусловлено завершением строительства в 1897 году Уссурийского участка Транссибирской магистрали, связавшего порт Владивосток с Хабаровском и, как следствие, речными торговыми путями Амурского бассейна. Расположение торговых причалов возле железнодорожной станции существенно повысило рентабельность морских грузоперевозок через порт, который фактически стал морскими торговыми воротами страны на Дальнем Востоке.

В то же время аренда в 1897 году у Китая Ляодунского полуострова и начало строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) приостановили интенсивное развитие торгового порта Владивостока в связи с частичным переносом его функции в Далянь, который находился ближе к международным торговым путям и был связан прямым железнодорожным сообщением с центральной частью Российской империи. Параллельная отмена режима порто-франко, действовавшего в 1862–1901 годах, привела к замедлению развития коммерческого порта Владивостока [2]. Такое положение

продолжалось до поражения России в Русско-японской войне (1904–1905), когда Квантунская область была уступлена Японии и статус главного торгового порта на Тихоокеанском побережье России снова перешел к Владивостоку.

Существенный вклад в новый этап развития внесло возвращение режима порто-франко в 1907–1909 годах, который по ряду товаров, в том числе стройматериалам, необходимым для развития Дальневосточного региона, продолжал фактически действовать до Первой мировой войны (1914–1918) [2]. Все это привело к стремительному росту товарооборота, что потребовало модернизации портовых сооружений, в особенности после увеличения импорта товаров из США во время Первой мировой войны [3]. Таким образом, в этот период была заложена база, позволившая осуществлять деятельность торгового порта Владивостока в начальный период советской власти, когда у молодого правительства не было средств на существенную модернизацию и расширение существующих построек.

Первый этап развития

Как было отмечено ранее, датой основания коммерческого порта Владивостока считается 28 сентября 1897 года, когда было начато строительство первых причалов. Однако начало его проектированию было положено 10 мая 1896 года утверждением положения о строительстве. На изыскательные, проектные и строительные работы было выделено 600 тыс. руб. Первые проектные работы были проведены под руководством Владимира Владимировича Сахарова, инженера путей сообщения, до этого служившего на Московско-Казанской железной дороге [4]. В положении о строительстве порта было предписано использовать в качестве участка для строительства бывшие пристани Уссурийской железной дороги, занимающие территорию длиной 530 м и шириной 50 м. Южнее него находилась пристань Добровольного флота и участок причалов КВЖД, которые занимали протяженную территорию и заканчивались в районе Эгершельда.

В целом именно при В. В. Сахарове был разработан генеральный план развития торговых причалов бухты

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда

№ 21–18–00281,

<https://rscf.ru/project/21-18-00281/>

Acknowledgements: The

study was supported by

a grant from the Russian

Science Foundation No. 21-

18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>

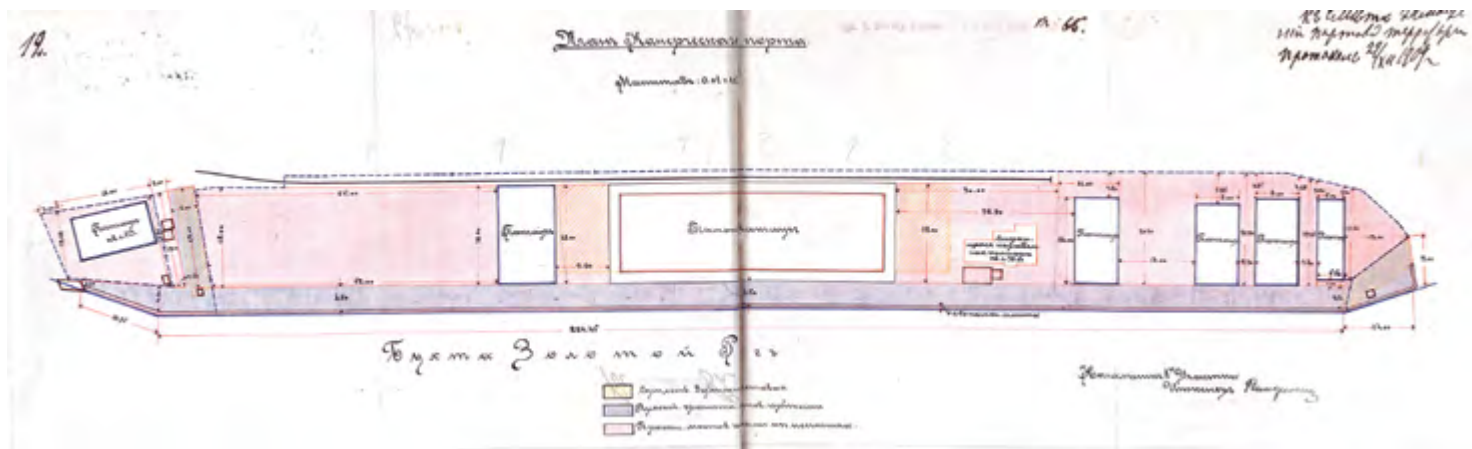
Золотой Рог, в котором учитывались не только технические требования для строительства инженерных сооружений, но и их экономическая целесообразность в условиях расположения порта в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вскоре после окончания проектирования и начала строительных работ В. В. Сахаров был переведен на возведение порта в городе Дальнем, а завершение строительства Владивостокского коммерческого порта было поручено инженеру-строителю Владимиру Антоновичу Плансону, выпускнику Санкт-Петербургского института гражданских инженеров [4].

К окончанию первого этапа строительства на территории порта располагались исключительно утилитарные постройки. Центральную часть занимал двухэтажный таможенный пакгауз с площадью застройки 3400 м², представлявший собой краснокирпичное трехпролетное здание с повышенным средним пролетом, построенное в 1901 году. Его обращенный на море фасад был визуально разбит на пять частей в соответствии с ко-

личеством загрузочных ворот, при этом центральная часть акцентировалась массивным аттиком, в то время как крайние фланкировали здание за счет небольших ризалитов в районе входной группы, незначительно возвышающихся над абрисом пакгауза. Первый этаж был отдан под складские помещения, в первую очередь под таможенные грузы, на втором этаже располагались конторы различных фирм, занимающихся грузоперевозками. В то же время остальные пакгаузы, как на пристани порта, так и на участках Добровольного флота и КВЖД, были представлены одноэтажными сооружениями площадью 340–590 м² из оцинкованных металлических листов, стоящих перпендикулярно береговой линии. Многие из них устраивались прямо на земле без устройства пола и уже на момент постройки считались устаревшими [5]. В связи с этим единственное кирпичное двухэтажное здание в порту становилось доминантой в окружающей утилитарной застройке, что позволило позднее, в советское время, переоборудовать соору-

< Рис. 1. Проект развития коммерческого порта во Владивостоке. Авторы К. Вебер и Р. Левитский. 1908

^ Рис. 2. План коммерческого порта.
Автор У. К. Вильгельман-Кломан. 1909

жение в морской вокзал. Уже в 1959 году для строительства нового здания морвокзала были использованы фундамент и основания стен этого бывшего таможенного пакгауза.

Второй этап развития

Второй этап связан с очередной реконструкцией коммерческого порта, который в 1909 году приобрел статус торгового и был передан из юрисдикции Министерства внутренних дел в ведение Министерства торговли и промышленности. Общий план работ с разбивкой на четыре этапа строительства приведен на генеральном плане развития торгового порта 1908 года, выполненном заве-

дующим судоходством КВЖД К. Вебером и начальником 8-го участка службы пути КВЖД инженером Р. Левитским (рис. 1) [6]. Привлечение к проектированию сотрудников КВЖД показывает существенную роль этой железнодорожной линии, оказывавшей огромное влияние на развитие не только Приморья, но и Маньчжурии [7, 8]. Во многом это было обусловлено тем, что на тот момент она единственная имела прямое сообщение с центральной частью России.

В этом проекте прослеживается комплексный подход, в котором рассматривается последовательное развитие всей береговой линии. На первых двух этапах проектом предполагалось объединить береговую линию бывшего коммерческого порта и примыкающего к нему участка Добровольного флота с портовой зоной на Эгершельде (чайные пристани) путем создания новой портовой набережной протяженностью 1200 м. Этот этап развития был реализован частично в виде модернизации набережной Эгершельда и примыкающей к ней южной зоны Новой набережной, позднее получившей название Бобовые пристани. Здесь были построены новые пакгаузы, расположенные параллельно береговой линии и способные осуществлять ускоренную разгрузку современных на тот момент трансокеанских кораблей, а также сооружен мол. В то же время северная часть Новой пристани, примыкающая к участку Добровольного флота, так и не была построена, и здесь разместилась лесо-угольная площадка. Бывшая Коммерческая набережная на этот момент практически не претерпела изменений. Так, на планах 1909 года (рис. 2) [9], составленных помощником начальника Владивостокского торгового порта инженером путей сообщения В. Шкетовым и начальником 1-го участка инженером У. К. Вильдеман-Кломаном, видно, что основные проектные работы были связаны с устройством нового мощения территории и строительством корабельной конторы, автором проекта которой стал В. А. Плансон [10].

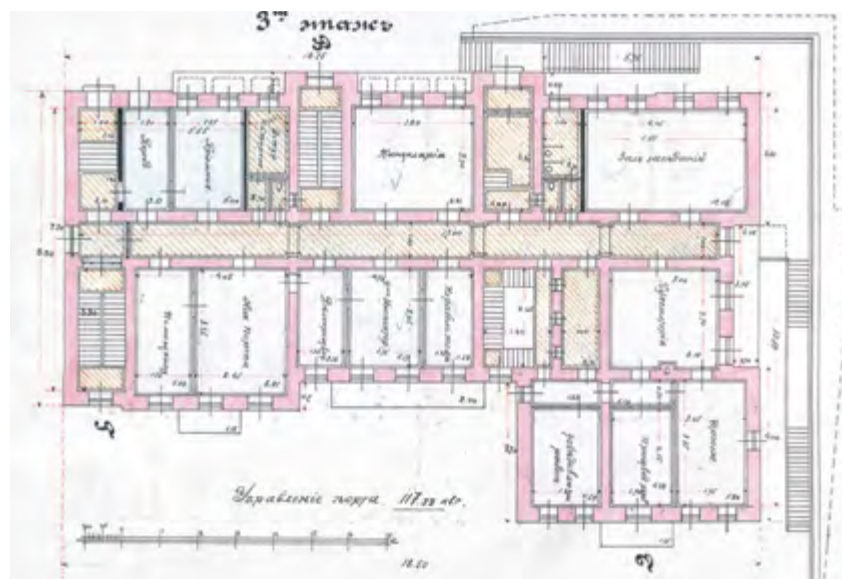
Это двухэтажное Г-образное в плане здание с площадью застройки 350 м², как и таможенный пакгауз значительно отличалось архитектурной выразительностью от остальной утилитарной застройки портовой зоны. Главный фасад был ориентирован на бухту Золотой

v Рис. 3. Проект здания управления Торгового порта: южный фасад.
Автор Е. Н. Гезехус. 1912

^ Рис. 4. Проект здания управления Торгового порта: северный фасад. Автор Е. Н. Гезехус. 1912

^ Рис. 5. Проект здания управления Торгового порта: план 3-го этажа. Автор Е. Н. Гезехус. 1912

Рог и акцентировался ризалитом со входной группой, смещенной от центральной оси симметрии. Вытянутые по вертикали арочные окна задавали метрическое членение композиции и придавали ей вертикальный характер. Интересным решением была комбинация кирпичной кладки и серой штукатурки, заполнявшей плоскости стены в простенках в виде квадратных ниш – элемента, утраченного после реконструкции, когда здание было полностью оштукатурено.

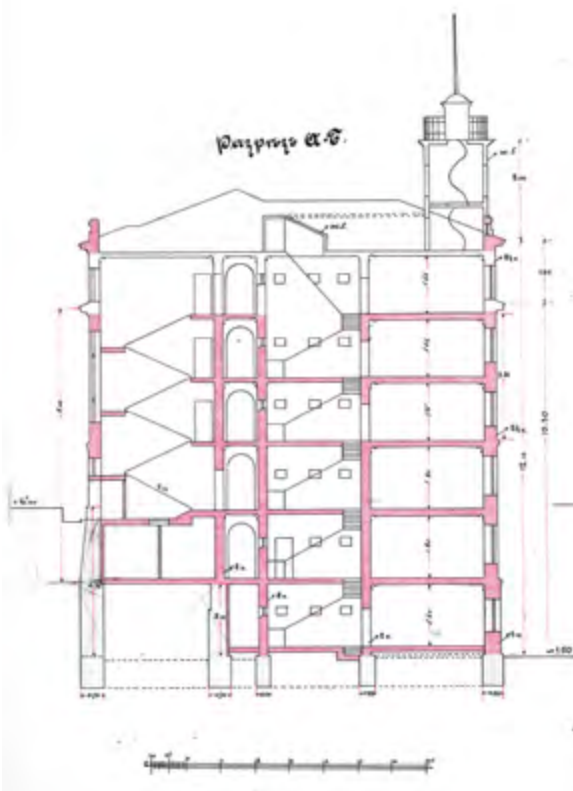
Третий этап строительства практически полностью был связан с сооружением пяти пирсов и перестройкой старых пакгаузов на участке Новой набережной и причалов Добровольного флота. Вторая проектная зона связана с увеличением торгового порта за счет включения в его состав Городской набережной, находящийся в северной части бухты Золотой Рог между Торговой набережной и Адмиральским сквером. На этом этапе здесь планировалось возвести пять пирсов и ряд пакгаузов, из которых было построено только два пирса, расположенных в западной части Городской набережной.

Четвертый этап развития порта был связан с перестройкой пакгаузов Торговой набережной и застройкой складских зон Городской набережной. Помимо этого, портовая зона должна была расширяться за счет задействования территории полуострова Черкасского, расположенного с другой стороны бухты Золотой Рог, где в районе мыса Чуркина предполагалось обустроить Южную набережную, состоящую из семи пирсов и 15 пакгаузов. В планы развития этого полуострова входило и сооружение угольных и керосиновых складов, максимально удаленных от города.

Многие эти идеи так и не удалось претворить в жизнь, однако ряд объектов все же был построен. Наиболее интересно здание управления торгового порта, которое размещается на Городской набережной у Адмиральского сквера. Существовало как минимум два эскизных варианта этого проекта, разработанного в 1912 году. В целом объемно-пространственная композиция обеих концепций была идентичной: здание находилось на склоне с перепадом в два этажа и имело Г-образную форму плана. Расположение на таком сложном рельефе

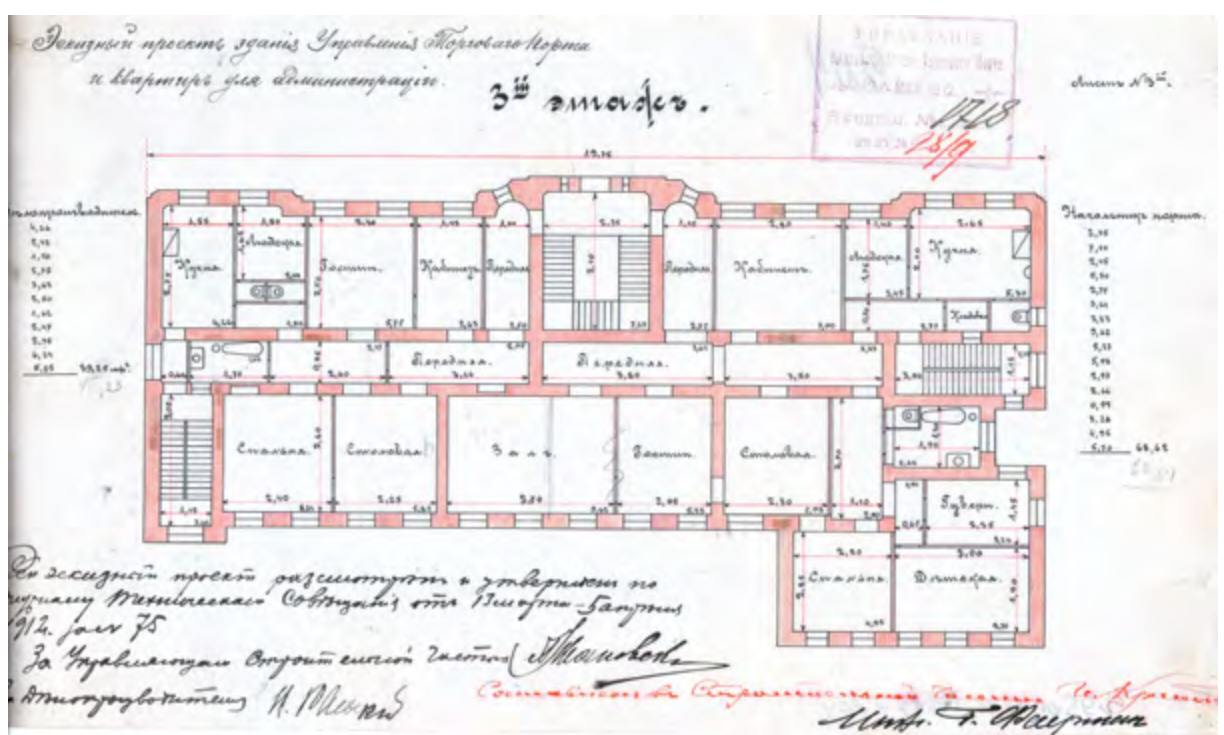
приводило к разному восприятию здания с южного (морского) и северного (городского) фасадов.

Автором нереализованного шестиэтажного проекта выступал и. о. начальника Владивостокского торгового порта инженер путей сообщения Евгений Николаевич Гезехус (рис. 3–6) [11, л. 19, 82–84], выпускник Института инженеров путей сообщения 1903 года. В этом проекте главную роль играл южный фасад, фланкированный двумя асимметричными ризалитами. Главенствующая композиционная ось проходила по восточному ризалиту, увенчанному восьмиугольной башенкой со шпилем. Для уравнивания тектоники здания первые три этажа предусматривалось отделявать

< Рис. 6. Проект здания управления торгового порта: план 3-го этажа. Автор Е. Н. Гезехус. 1912

> Рис. 7. Проект здания управления Торгового порта: план 3-го этажа. Автор Г. Л. Фаерман. 1912

рустом, после чего два вышестоящих этажа декорировались пилястрами, поддерживающими верхний этаж, интерпретированный в виде антаблемента. Северный фасад имел центрально-осевую симметрию, но при этом входная группа не была связана с центральной композиционной осью и оставалась практически незаметной.

Реализованный пятиэтажный вариант (рис. 7) [11, л. 202–206, 224, 228–231], автором которого был инженер путей сообщения Георгий Львович Фаерман, выпускник Института инженеров путей сообщения 1909

года, был утвержден 5 апреля 1912 года и имел сходное композиционное членение и планировку. Однако южный фасад потерял свою монументальность за счет отказа от башенки со шпилем и дополнительного ризалита, которые подчеркивали вертикальное членение и высокую этажность здания. В то же время северный фасад, обращенный на город, стал более репрезентативным. Все также применялась центрально-осевая симметрия, но входная группа была помещена на композиционную ось, которая подчеркивалась трапециевидным эркером и диоклетиановым окном. Репрезентативности прибавляло планировочное решение, которое предусматривало расположение во входном холле монументальной лестницы со световым колодцем. Это здание сохранилось до наших дней и используется в качестве поликлиники.

Также сохранились эскизные проекты здания портового надзирателя, представленные тремя эскизами, принадлежавшими Е. Н. Гезехусу (рис. 8) [11, л. 149], инженеру путей сообщения Владимиру Михайловичу Тренюхину, выпускнику Института инженеров путей сообщения 1896 года, (рис. 9) [11, л. 112], и архитектору Соколову (рис. 10) [11, л. 111]. Наиболее интересен проект Е. Н. Гезехуса, в котором двухэтажное здание со скошенным пятым фасадом пристраивалось к пакагузу. Два других проекта были более утилитарными и представляли собой одноэтажные здания с минимальным количеством декора и акцентированным входным порталом. При этом необычное решение принято в проекте В. М. Тренюхина, где зона клозетов выносилась за пределы здания и была соединена с ним коридором. Судя по архивным документам, для строительства 28 августа 1912 года был утвержден проект Соколова, однако анализ исторических фотографий говорит о вероятности постройки проекта Е. Н. Гезехуса.

В то же время расширение торгового порта на полуостров Черкасского так и не было осуществлено, не были перестроены и пакагузы Коммерческой набережной, которая приобрела название Таможенной. Ее постройки продолжали функционировать по крайней мере до 1930-х годов, хотя уже в отчетах начала века их при-

> Рис. 8. Проект здания портового надзирателя. Автор Е. Н. Гезехус. 1912

^ Рис. 10. Проект здания портового надзирателя. Автор Соколов. 1912

знавали устаревшими и не отвечающими современным требованиям [5].

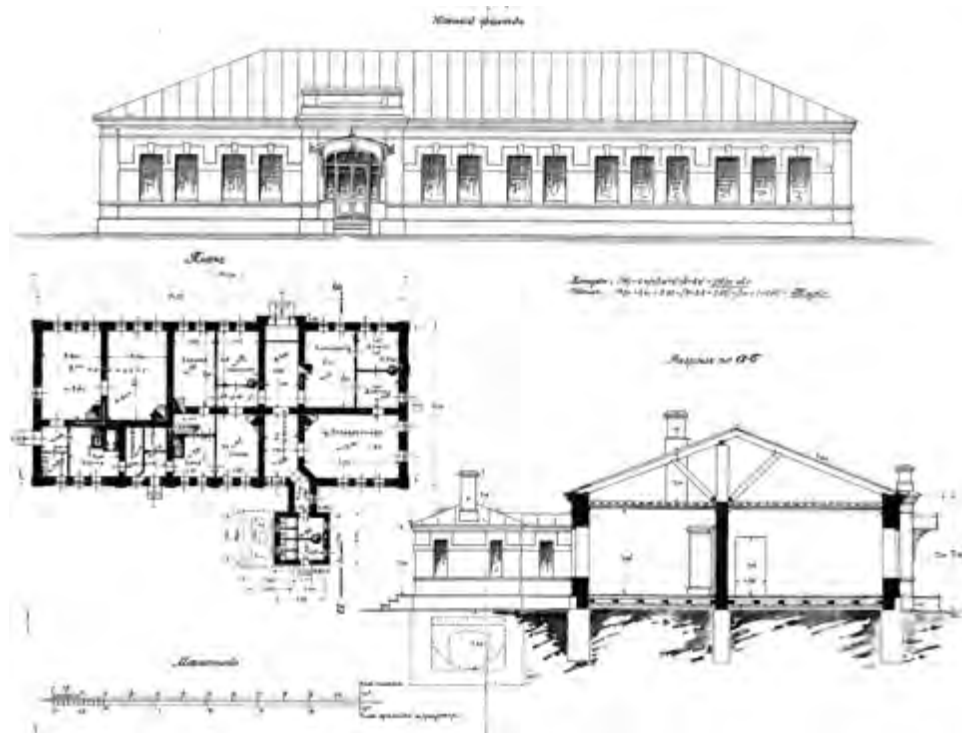
Отсутствие полной реализации проекта 1908 года во многом обусловлено включением в 1910 году торгового порта Владивостока в программу развития портов Российской империи. Для реализации этой программы инженером путей сообщения Е. Н. Гезехусом был подготовлен новый план развития стоимостью 6,76 млн руб. [2]. В его основе лежало создание Министерской набережной в районе лесных и угольных складов, которая наконец должна была связать зону Эгершельда и Коммерческой набережной, а также очередной вариант модернизации Городской набережной и расположения складских зон на территории полуострова Черкасского. Сохранился проект инженера путей сообщения Тадеуша-Александра-Ремигиуша Никлевича (рис. 11) [12], выпускника Института инженеров путей сообщения 1903 года, предусматривающий расположение лесных и угольных складов и рыбной пристани на месте предполагаемой Южной набережной, что говорит о высокой потребности переноса пожароопасных складов с городской территории. В целом проект модернизации являлся логическим продолжением вектора развития порта, направленного на увеличение грузооборота за счет создания новых причалов и складских зон.

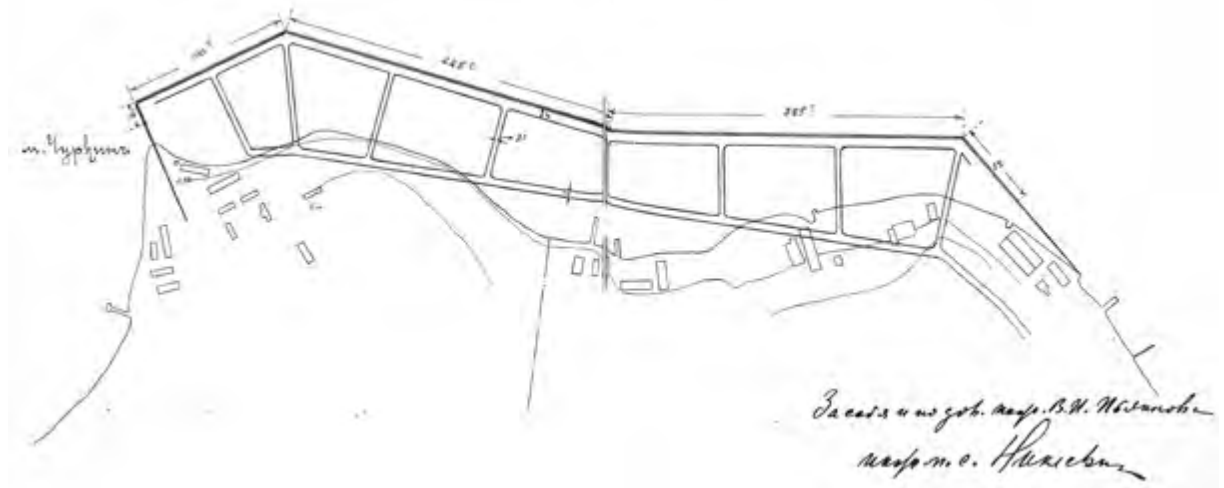
Третий этап развития

С началом Первой мировой войны эти планы были существенно скорректированы. До 1,7 млн руб. сократились инвестиции при существующей потребности увеличить грузооборот порта, в то же время произошла переориентация порта с экспорта на импорт [3]. В связи с этим в 1915 году утверждается откорректированный план развития порта, по которому предусматривается строительство лихтерных причалов на Городской набережной и Эгершельде (рис. 12) [13]. Также предполагается строительство понтонных причалов в зонах Добровольного флота, лесо-угольных площадок и на Эгершельде. Резкий переход от капитальных причалов к временным сооружениям показывает необходимость срочного увеличения грузооборота в местах уже действующих портовых зон.

Параллельно проектируются и строятся три новые гавани на внешней стороне полуострова Шкота, южнее мыса Щетининой, в качестве зоны причалов Уссурийской железной дороги, в районе современной Спортивной гавани, а также расширяется Лихтерная гавань, где до этого располагались керосиновые склады Восточно-Азиатского товарищества. На плане развития порта 1915 года полуостров Черкасского представлен без детальной проработки, что, вероятно, связано с уже проведенными изысканиями и начавшимися работами по обустройству портовой зоны на более ранних этапах. Это также подтверждается тем, что на исторических фотографиях видно возведение капитальных причалов.

в Рис. 9. Проект здания портового надзирателя. Автор В. М. Тренюхин. 1912

> Рис. 11. Владивостокский порт. План устройства угольных и лесных складов и рыбного буяна. Автор Т.-А.-Р. Никлевич. 1913

Это говорит об использовании наработок ранних проектов развития порта. В целом все работы по модернизации порта были успешно завершены, что позволило многократно увеличить его пропускную способность и сделать одним из крупнейших в Российской империи. Обратной стороной такого экстренного строительства стал сугубо утилитарный подход к возводимым объектам, в результате чего на территории порта практически отсутствовали примеры объектов с выразительными архитектурными или объемно-планировочными решениями.

Развитие Владивостока неразрывно связано с созданием и функционированием портовых зон, которые сделали его одним из центров российского присутствия в Азиатском регионе. При этом наибольший вклад в формирование образа города внес торговый порт, находящийся в самом центре Владивостока и ставший своеобразными морскими воротами для прибывающих в город. Основные векторы его развития и, как следствие, эволюции окружающей застройки были заложены в конце XIX – первые десятилетия XX века, когда в целом сложился образ и функциональное зонирование крупнейшего на тот момент тихоокеанского порта России. Существенную роль в его развитии играла деятельность русских инженеров путей сообщения, базой которой стал Владивосток, откуда они проводили изыскания и проектные работы для других районов Дальневосточного региона.

В то же время потребность в ускоренном развитии, усугубившаяся после начала Первой мировой войны, привела к преобладанию утилитарного подхода в строительстве зданий и сооружений, находящихся в ведомстве порта. На этом фоне значительно выделяются здания управления торгового порта и корабельной конторы, единственные сохранившиеся объекты, дошедшие до наших дней. В связи с этим можно говорить о превалировании градостроительного значения формирования и развития торгового порта Владивостока над его архитектурной составляющей, что существенно отличает его от военного порта с судоремонтным комплексом нынешнего Дальзавода (бывшие Механические мастерские), где сформировался один из крупнейших и репрезентативных ансамблей промышленной архитектуры Дальнего Востока дореволюционного периода.

Литература

1. Власов, С. А. Очерки истории Владивостока. – Владивосток : Дальнаука, 2010. – 252 с.
2. Беляева, Н. А. Порто-франко в системе российской таможенной политики (к 150-летию введения порто-франко во Владивостоке) // Вестник Дальневост. отделения РАН. – 2013. – № 1. – С. 55–65.
3. Головин, С. А., Виноградов, П. В. Торговый порт Владивостока в системе транспортных связей стран Антанты в годы Первой мировой войны // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 1. – С. 63–67.
4. Bazilevich, M. E. The first builders of the Vladivostok port // IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering. – 2020. – Vol. 913, N 3. – P. 1–8.
5. РГИА. Ф. 95. Оп. 11. Д. 2139. Л. 21–31.
6. РГИА. Ф. 95. Оп. 16. Д. 134. Л. 1.
7. Bazilevich, M. E., Tceluiko, D. S. The Influence of Professional Activities of Railway Engineers on the Development of Architecture in the Far East at the Turn of the 19th–20th Centuries // IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering. – 2020. – Vol. 753. Ch. 1. – P. 1–7.
8. Смольянинова, Т. Консульские комплексы на территории Маньчжурии // Проект Байкал. – 2022. – № 19 (73). – С. 159–163.
9. РГИА. Ф. 95. Оп. 11. Д. 2146. Л. 12, 33.
10. Хисамутдинов, А. А., Франкьен, И. Архитектор В. А. Плансон во Владивостоке и Сан-Франциско // Архит. наследство. – 2014. – № 60. – С. 299–311.
11. РГИА. Ф. 95. Оп. 11. Д. 2143.
12. РГИА. Ф. 95. Оп. 11. Д. 2158. Л. 232, 234.
13. План Владивостокского торгового порта. М-6 1:10 000 / Министерство торговли и промышленности. – Петроград : Техн. автолит. Г. де-Кельш, 1915. – 1 к.

References

- Bazilevich, M. E. (2020). The first builders of the Vladivostok port. *IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering*, 913(3), 1–8. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/913/3/032002>.
- Bazilevich, M. E., & Tceluiko, D. S. (2020). The Influence of Professional Activities of Railway Engineers on the Development of Architecture in the Far East at the Turn of the 19th–20th Centuries. *IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering*, 753(1), 1–7. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/753/2/022070>
- Belyaeva, N. A. (2013). Free ports in Russian customs policy system (150 anniversary of establishing a free port in Vladivostok). *Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences*, 1, 55–65.
- Golovin, S. A., & Vinogradov, P. V. (2018). Commercial port of Vladivostok in the system of transport links of the entente countries in the

World War I. *Society: Philosophy, History, Culture*, 1, 63–67. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.1.12>

Khisamutdinov, A. A., & Franquien Y. (2014). Architect V. A. Planson in Vladivostok and San Francisco. *Architectural Heritage*, 60, 299–311.

Main Directorate of Merchant Shipping and Ports. (1908). *Poyasnitelnaya zapiska po rasshireniyu porta Vladivostok [Explanatory note on the expansion of the port of Vladivostok]* (Collection 95, Inventory 11, File 2139), Russian State Historical Archive, Saint Petersburg, Russia.

Main Directorate of Merchant Shipping and Ports. (1908–1911). *Tikhii Okean. Vladivostokskiy port. O zamosschenii territorii, prilgayuscshey k kamennoy neberezhnoy (5 chertezhey) [Pacific Ocean. Vladivostok port. About paving the territory adjacent to the stone embankment (5 drawings)]* (Collection 95, Inventory 11, File 2146), Russian State Historical Archive, Saint Petersburg, Russia.

Main Directorate of Merchant Shipping and Ports. (1910–1912). *Tikhii Okean. Vladivostokskiy port. O postroyke kamennykh zdaniy dlya sluzhasschikh porta (23 chertezha) [Pacific Ocean. Vladivostok port. About paving the territory adjacent to the stone embankment (23 drawings)]* (Collection 95, Inventory 11, File 2143), Russian State Historical Archive,

Saint Petersburg, Russia.

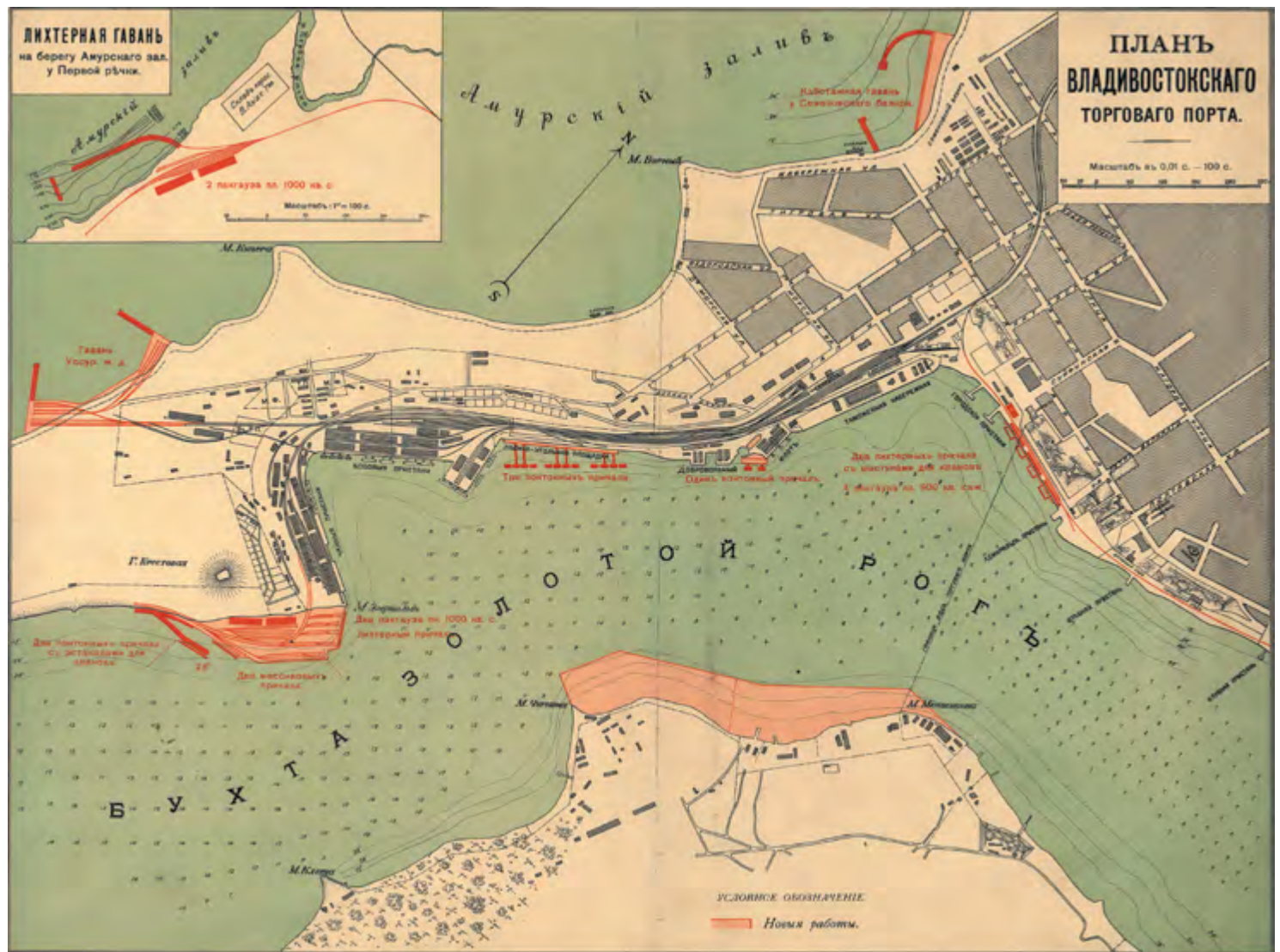
Main Directorate of Merchant Shipping and Ports (1913). *Tikhii Okean. Vladivostokskiy port. O proizvodstve trgov na sdachu i podryad rabot po rasshireniyu porta (5 chertezhey) [Pacific Ocean. Vladivostok port. About the bidding process for the delivery and contracting of works on the expansion of the port (5 drawings)]* (Collection 95, Inventory 11, File 2158), Russian State Historical Archive, Saint Petersburg, Russia.

Ministry of Trade and Industry. (1915). *Plan Vladivostokskogo torgovogo porta. Masshtab v 0,01 s.—100 s. [The plan of the Vladivostok commercial port. The scale is 0.01 fathoms—100 fathoms]*. Technical autolithography of George de-Kelsh

Smolianinova, T. (2022). Consular complexes on the territory of Manchuria. *Project Baikal*, 19(73), 159–163. <https://doi.org/10.51461/pb.73.27>

Veber, K., & Levitskii, R. (1908). *Proect razvitiya Kommercheskogo porta vo Vladivostoke. Masshtab: 1" = 50 saz [Commercial Port Development project in Vladivostok. Scale 1" = 50 fathoms]* (Collection 95, Inventory 16, File 134), Russian State Historical Archive, Saint Petersburg, Russia.

Vlasov, S. A. (2010). *Ocherki istorii Vladivostoka [Essays on the history of Vladivostok]*. Vladivostok: Dalnauka.

^ Рис. 12. План Владивостокского торгового порта. 1915

> Рис. 1. Фотография из фонда Э. Э. Ухтомского (РГИА. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 40. Л. 46)

Вокзал Владивостока: проекты и реконструкция начала XX века / Vladivostok Railway Station: Designs and reconstruction of the early 20th century

текст

Михаил Базилевич

Тихоокеанский государственный университет

Екатерина Глатоленкова

Тихоокеанский государственный университет /

text

Mikhail Bazilevich

Pacific National University

Ekaterina Glatolenkova

Pacific National University

Важным новшеством реновации железнодорожных вокзалов в последнее десятилетие является совершенствование функционально-планировочной структуры: появляются помещения для отдыха пассажиров, коворкинги, бизнес-залы, формируется доступная для мало-мобильных пассажиров среда, модернизируется система безопасности. В целом эти тенденции характерны для зданий вокзалов: они всегда отвечали духу эпохи и демонстрировали передовые технологии, а потому чаще других общественных зданий подвергаются перестройкам. В начале XX века реконструировались многие крупные вокзалы в России: в Москве Курско-Нижегородский (1900) и Ярославский (1895–1906), вокзал в Екатеринбурге (1910) и др. В городах юга Дальнего Востока, где Уссурийская железная дорога была введена в эксплуатацию только в 1897 году, тем не менее также проводились и переустройство станций (расширение пути, строительство платформ и служб), и расширение пассажирских зданий. Первоначальная линия оснащалась минимальными средствами, потому постройки были временными, деревянными. Владивостокский вокзал был построен из камня, но в первоначальном облике простоял недолго. Современный вокзал первую масштабную реконструкцию пережил в 1910-х годах. Последующие изменения были незначительными и касались в основном декора (замена гребня на коньке главного шатра, утрата керамических вставок, перекраска в темно-зеленый стен фасадов, изменения в интерьерах). Дореволюционный внешний вид был возвращен после реконструкции 1994–1996 годов. В статье на материале чертежей проектов 1890–1900-х годов анализируется объемно-пространственное решение пассажирского здания, изучается вклад архитекторов и инженеров П. Базилевского, В. А. Плансона и Н. В. Коновалова.

Публикации, посвященные владивостокскому вокзалу, в основном связаны с проявлением неорусского стиля в Сибири и на Дальнем Востоке; это работы А. А. Артемьевой, Л. Е. Баклыской, А. Н. Гуменюк, Н. П. Крадина, С. С. Лешоко, О. П. Святуха. Важным источником по изучению архитектуры вокзала являются публикации и монография А. А. Хисамутдинова и И. Франкбена, изучающих творчество В. А. Плансона [1, 2]: в работах используются иллюстрации и чертежи, хранящиеся

Статья посвящена архитектурно-планировочным особенностям железнодорожного вокзала во Владивостоке. Анализируются ранее не публиковавшиеся проектные чертежи первого здания, построенного по проекту архитектора П. Е. Базилевского, и чертежи реконструкции начала XX века, выполненные В. А. Плансоном при участии Ф. Е. Никлевича и Н. В. Коновалова.

Ключевые слова: Владивосток; вокзал; железнодорожная архитектура; В. А. Плансон; реконструкция./

The article is devoted to architectural and planning peculiarities of the Vladivostok Railway Station. It analyses previously unpublished design drawings of the first building made by architect P. E. Bazilevsky and reconstruction drawings of the early 20th century made by V. A. Planson with participation of F. E. Niklevich and N. V. Konovalov.

Keywords: Vladivostok; railway station; railway architecture; V. A. Planson; reconstruction.

в фондах архива-музея русской культуры в Сан-Франциско, куда Владимир Антонович эмигрировал после революции.

Авторы статьи также работали над заявленной темой, в частности изучали особенности архитектурно-пространственного оформления железных дорог [3] и устройства станции Владивосток в период строительства и в первые годы эксплуатации [4], творческую деятельность военных инженеров П. Е. Базилевского, Н. В. Коновалова, работавших во Владивостоке во второй половине XIX – начале XX века [5].

В работе использованы материалы, полученные в ходе экспедиций и архивных изысканий авторов в 2018–2022 годах. Впервые публикуются архивные чертежи вокзала, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, а также материалы пояснительных записок и личных дел.

О первом здании

Строительство Уссурийской железной дороги началось в 1891 году, несколько раньше церемонии начала строительства с участием цесаревича Николая Александровича. К приезду в мае делегации будущего императора уже были проведены работы по укладке дорожного полотна, заложен фундамент пассажирского здания на берегу бухты Золотой Рог, о чем свидетельствует фотография Э. Э. Ухтомского, сделанная им во время пребывания во Владивостоке (рис. 1). 19 мая 1981 года считают днем закладки цесаревичем памятной таблички в стены будущего вокзала, который был сдан в 1894 году.

Несмотря на то что Владивосток был конечным пунктом маршрута и символически ему бы больше подошел тупиковый тип устройства, вокзал был береговым, т. е. с путями, параллельными линии главного фасада (Ярославский вокзал в Москве, с которым принято сравнивать вокзал во Владивостоке, именно таков). От первоначальных планов строительства главной пассажирской станции в районе нынешней сортировочной станции Первая Речка решили отказаться в пользу более близкого к городу расположения на самом широком участке полуострова Эгершельд. Вероятно, вытянутый характер участка, ограничение имеющейся свободной площади

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 21-1800281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/> / Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>

< Рис. 2. Проект пассажирского здания на станции Владивосток. Фасад со стороны двора [6]

и необходимость размещения подвижного состава не позволили «развернуть» пассажирское здание. К тому же такое расположение открывает приезжим прекрасный вид на бухту Золотой Рог. Помещения первого этажа ориентированы на выходы на перрон и в город. В целом состав помещений типичен для любого вокзала того времени: симметричный план разделен вестибюлем на залы для пассажиров I и II классов (с уборными, кафетерием) и залы для пассажиров III класса. Помещения начальника станции и помощника находились на втором этаже.

В деле № 43319-й описи 350-го фонда Российского государственного исторического архива (РГИА) хранятся документы с чертежами владивостокского вокзала разной датировки начиная от 1891 года. Первые варианты были утверждены в феврале 1891 года с подписями начальника работ А. П. Урсати, начальника технического отдела инженера П. Скрыльникова и архитектора П. Базилевского. В разные годы в проекте принимали участие архитектор Эттингер, инженер путей сообщения Б. И. Добровольский. Чертежи по мере строительства подвергались доработкам: так, центральная часть здания в первых вариантах перекрывалась деревянным куполом, судя по отметкам на чертежах, опирающимся на стены, в дальнейшем стены заменили на балки, а в итоговом варианте осталось только шатровое завершение (рис. 2, 3).

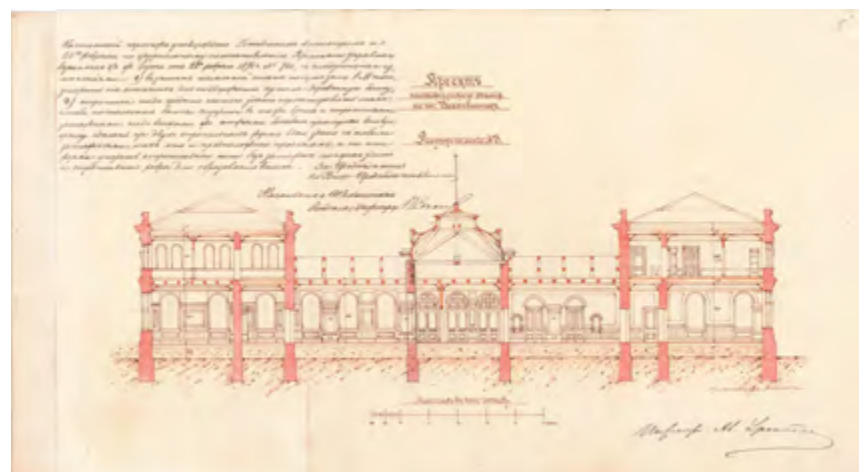
О необходимости реконструкции

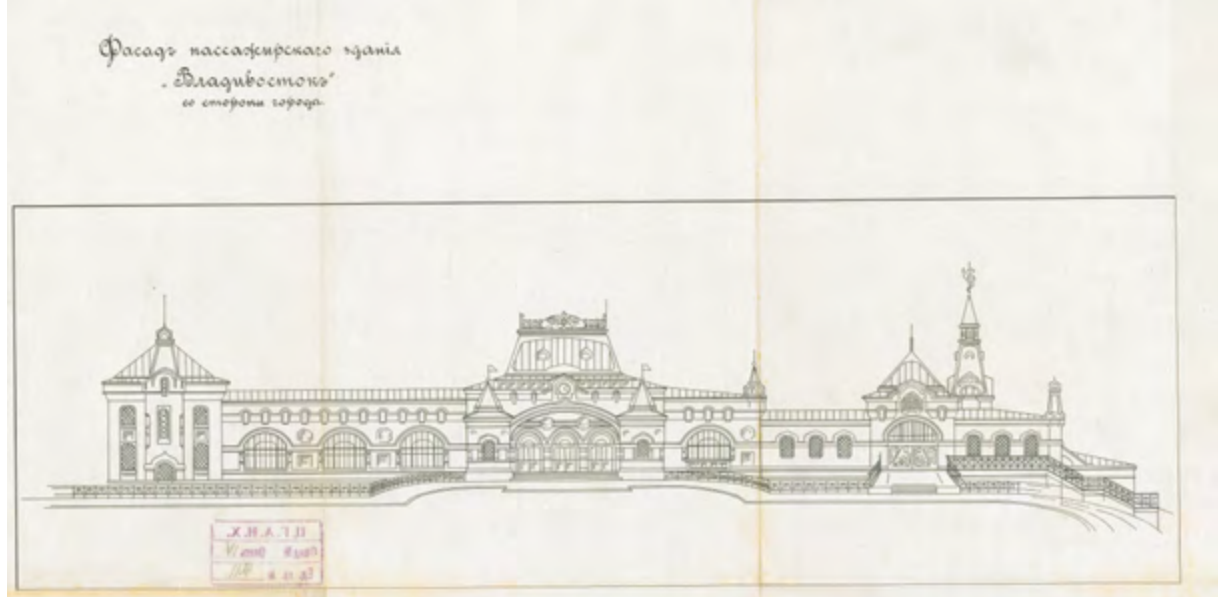
1 августа 1906 года решением Министерства путей сообщения Уссурийская дорога, несмотря на протесты местных властей, была передана в аренду Обществу Китайско-Восточной железной дороги сроком на 25 лет – до 1 января 1931 года (фактически дороге вернули самостоятельность летом 1920-го). Хотя казенная железная дорога передавалась в эксплуатацию Обществу КВЖД, своего названия как отдельной дороги она не утрачивала. Прежнее управление было расформировано, а все его права и обязанности перешли в ведение Управления КВЖД. Структурные части бывшего Управления были преобразованы в отделения. Слияние управлений двух дорог сыграло немаловажную роль в деле преобразования вокзала. Как отмечает А. А. Хисамутдинов, «привлечение финансовых средств КВЖД, несравненно

больших, чем имела Уссурийская дорога, стимулировало большое строительство на станции Владивосток, в том числе и реконструкцию вокзала» [2, с. 60].

Впервые необходимость увеличить площадь вокзала была озвучена на совещании Инженерного совета в 1902 году. После Русско-японской войны и закрытия доступа к порту Дальнему все морские транзитные перевозки направились через Владивосток. Возросли и транспортный поток, и перевозка пассажиров. Как отмечается в журнале совещания правления Общества КВЖД (присутствовали И. И. Ходоровский, В. У. Сологуб, С. И. Кази, Г. Н. Иосса) от 6 апреля 1907 года, был представлен проект, составленный техническим отделом, согласно которому предлагается «утилизировать существующее пассажирское здание с переделкою внутреннего его расположения, сделать на нем надстройку и затем пристроить новую часть здания. По условиям местности и предполагаемого нового расположения путей новое пассажирское здание проектировано двухэтажное: верхний этаж сообщается с городской площадью с помощью двух виадуков, из которых на одном устроен крытый и отапливаемый вестибюль, а другой остается открытым, в нижнем этаже пассажирское здание является островным, так что пути проходят с двух

> Рис. 3. Проект пассажирского здания на станции Владивосток. Разрезы [7, 8]

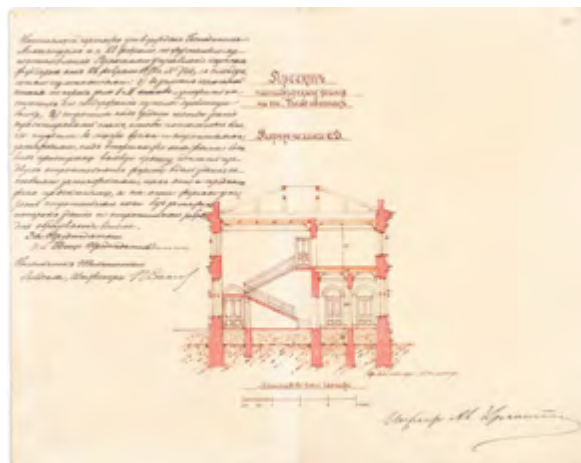

> Рис. 5. Здание вокзала после реконструкции. Разрезы [11]

его сторон (с городской стороны под виадуком)» [9]. При этом отмечается, что имеющиеся в старом здании жилые помещения для управляющего вокзалом и участка дороги необходимо перенести, для чего надо построить новые жилые помещения общей площадью 50 кв. саженей. Также железная дорога должна была обеспечить благоустройство прилегающей к вокзалу площади и возведение виадука к портовой территории. В документе упоминается о необходимости «построить дополнительный барак, который мог бы в течение постройки здания служить временным пассажирским помещением и впоследствии перенесенный в соответствующее место мог быть использован как отдельный павильон для пассажиров IV класса» [9]. Предлагаемый проект оценивался в 280 тыс. руб. и должен был быть осуществлен в течение двух лет. Активное строительство началось только в 1909 году, а завершилось в 1912-м.

Здание после реконструкции 1912 года

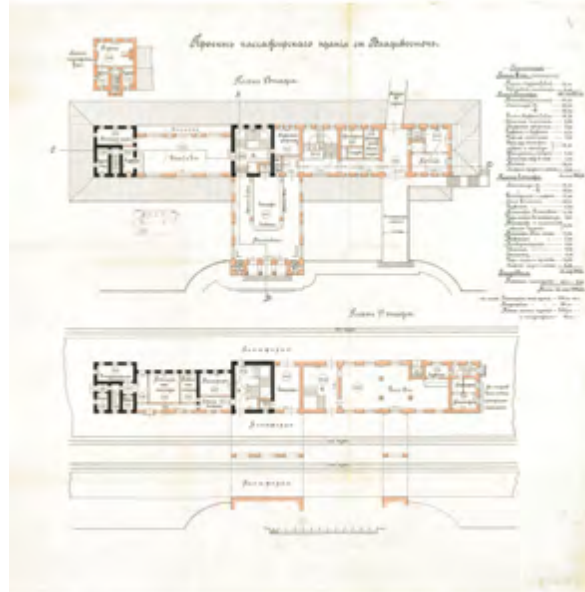
Расширение площади вокзала потребовало значительного изменения функционально-планировочной структуры и включения новых типов помещений, совершенствования на технологическом уровне. Количество этажей с учетом полуподвала для котельной (в южной части здания) и надстройки для кухни с лестницей

v Рис. 4. Здание вокзала после реконструкции. Фасад [10]

для буфета I и II классов (в северной) увеличилось до четырех. Всего реконструированное здание занимало около 533,41 кв. саженей, из них новая часть здания – 307 кв. саженей, перестроенная старая часть – 138 кв. саженей.

Перестройка была настолько кардинальной, что во внешнем облике с трудом можно «прочитать» прежние фасады (рис. 4, 5). Главное изменение заключалось в надстройке второго этажа и создании просторного, нависающего над железнодорожными путями вестибюля, который находился на уровне привокзальной площади (и имел непосредственный к ней выход), и на втором этаже – относительно перрона. Подобное островное расположение нетипично для отечественной практики, но на Дальнем Востоке применялась дважды – во Владивостоке и на станции КВЖД Маньчжурии. В вестибюле оборудованы кассы и площадка для выдачи багажа по центру. На планах этажей (рис. 6) выделены первые этажи старого здания (северная часть). В залах ожидания возвели перегородки, разделяющие помещения телеграфа, кондукторских, кабинет начальника станции. Над ними находился зал для пассажиров I–II классов. Уровень пола второго этажа вновь возведенного здания повышен на семь ступеней. К залам ожидания I–II и III классов вели отдельные лестницы, выйти на перрон можно было сразу из лестничных холлов. Лестница в зале для пассажиров I класса массивная, декорирована изумрудными изразцами и лепным фризом по цоколю. Лестница в зале ожидания для III класса оформлена скромнее. Зал для пассажиров I–II классов имел буфет и выходы на балкон, обращенный к путям. На фотографиях начала XX века видны расставленные на балконе растения в кадках и оборудованные зоны отдыха. Багажное отделение для удобства пассажиров находилось на первом этаже у лестничного холла. Там же имеется лифт для транспортировки багажа между этажами (с выгрузкой в вестибюль). Всего в здании было два лифта – второй в холле рядом с отделением почты. Зал для пассажиров III класса находился на первом этаже, также там имелся буфет. На сегодняшний день лестница в зале ожидания для пассажиров III класса утрачена, на месте лестничного холла находятся камеры хранения.

^ Рис. 6. Здание вокзала после реконструкции. Планы первого и второго этажей [12]

^ Рис. 7. Планы расположения путей, зданий и пристаней на станции Владивосток и портовой территории в месте расположения Адмиральской пристани [13]

На генплане 1915 года – реконструированное здание вокзала с виадуком через пути к морскому вокзалу и двумя переходами к привокзальной площади (рис. 7). Вдоль путей со стороны зала ожидания для пассажиров I–II классов разбит сад. Площадь перед вокзалом занимает пространство до ул. Алеутской.

Авторы проекта реконструкции

В работе над проектом реконструкции участвовала группа архитекторов и инженеров. Выпускник Института гражданских инженеров В. А. Плансон трудился на Уссурийской железной дороге, возглавлял технический отдел службы пути до 1902 года, его подпись стоит на проектах станций и станционных поселков, проекте вокзала в Уссурийске. Он также принимал участие в обустройстве набережной Владивостока, считается главным автором проекта реконструкции железнодорожного вокзала во Владивостоке. Н. В. Коновалов, военный инженер, выпускник Николаевской инженерной академии, занимался разработкой проектов укреплений Владивостокской крепости, в 1908 году принимал участие в реконструкции вокзала. Ф. Е. Никлевич, выпускник Института гражданских инженеров разрабатывал проект триумфальной арки во Владивостоке в честь прибытия цесаревича Николая Александровича, с 1908 года был занят в реконструкции вокзала в качестве проектировщика и подрядчика [14].

Заключение

Здание железнодорожного вокзала во Владивостоке часто становится объектом изучения дальневосточной вариации неорусского стиля. Известные «превращения» старого здания в новое, переход от тяжеловесного византийского в неорусский стиль обычно коротко комментируются упоминаниями авторов проектов и содержат обильные описания особенностей фасадов, безусловно, важных. Может сложиться впечатление, что здание действительно построено заново. Рассмотренные чертежи и постановления позволяют более подробно ознакомиться с реализованным проектом реконструкции, понять задачи проведенной работы, сравнить первоначальный проект и проект реконструкции, понять логику планировочных решений авторов, проследить преемственность.

Литература

1. Крадин, Н. П., Базилевич, М. Е. Архитекторы и инженеры Дальнего Востока: творческая деятельность архитекторов и инженеров – выпускников столичных учебных заведений – в Забайкалье, Якутии, Приамурье, Приморье и Китае. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. – 234 с.
2. Хисамутдинов, А. А., Франкьен, И. Архитектор Владимир Плансон: от Владивостока до Сан-Франциско. – Владивосток : Рубеж, 2014. – 160 с.
3. Иванова, А., Глатоленкова, Е., Базилевич, М. Новые земли: конструирование образа родины // Проект Байкал. – 2021. – № 68. – С. 134–146.
4. Глатоленкова, Е. В. Архитектурно-градостроительные особенности станций II класса Уссурийской железной дороги: Владивосток и Хабаровск // Урбанистика. – 2022. – Т. 3. – С. 45–60.
5. Крадин, Н. П., Базилевич, М. Е. Военные инженеры-архитекторы Владивостока (вторая половина XIX – начало XX в.) // Акад. вестник УралНИИпроект РААСН. – 2016. – Т. 1(28). – С. 59–64.
6. РГИА. Ф. 350. Оп. 19. Д. 433. Л. 2.
7. РГИА. Ф. 350. Оп. 19. Д. 433. Л. 5.
8. РГИА. Ф. 350. Оп. 19. Д. 433. Л. 10.
9. РГИА. Ф. 350. Оп. 19. Д. 1354. Л. 1, об.
10. РГИА. Ф. 350. Оп. 19. Д. 433. Л. 13.
11. РГИА. Ф. 350. Оп. 19. Д. 433. Л. 1.
12. РГИА. Ф. 350. Оп. 19. Д. 433. Л. 6.
13. РГИА. Ф. 350. Оп. 19. Д. 1177. Л. 4.
14. Крадин, Н. П., Базилевич, М. Е. Архитектура Дальнего Востока в творчестве зодчих столичных школ. – Хабаровск : Хабаровская краевая типография, 2022. – 304 с.

References

- Glatolenkova, E. V. (2022). Arkhitekturno-gradostroitelnye osobennosti stantsii II klassa Ussuriiskoi zheleznoi dorogi: Vladivostok i Khabarovsk [Architectural and town-planning features of the II class stations of Ussurian line: Vladivostok and Khabarovsk]. *Urbanistika*, 3, 45–60.
- Ivanova, A., Glatolenkova, E., & Bazilevich, M. (2021). New lands: Designing an image of the motherland. *Project Baikal*, 18(68), 134–146. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1815>
- Khislamutdinov, A. A., & Franquien, Y. (2014). Arkhitektori Vladimira Planson: ot Vladivostoka do San-Frantsisko [Architect Vladimir Planson: From Vladivostok to San Francisco]. Vladivostok: Rubezh.
- Kradin, N. P., & Bazilevich, M. E. (2016). Military engineers-architects of Vladivostok (second half of XIX – early of XX centuries). *Akademicheskij Vestnik UralNIIProekt RAASN*, 1(28), 59–64.
- Kradin, N. P., & Bazilevich, M. E. (2019). Arkhitektory i inzhenerny Dalnego Vostoka: tvorcheskaya deyatelost arkhitektorov i inzhenerov – vypusnikov stolichnykh uchebnykh zavedenii – v Zabaikalye, Yakutii, Primorye i Kitae [Architects and engineers of the Far East: Creative activity of architects and engineers – graduates of metropolitan educational institutions – in Transbaikalia, Yakutia, Primorye, and China]. Khabarovsk: Publishing house of Pacific State University.
- Kradin, N. P., & Bazilevich, M. E. (2022). Arkhitektura Dalnego Vostoka v tvorchestve zodchikh stolichnykh shkol [Architecture of the Far East in the works of architects of metropolitan schools]. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Printing House.
- Russian State Historical Archive. Fund 350. Inventory 19. File 433. L. 1.
- Russian State Historical Archive. Fund 350. Inventory 19. File 433. L. 2.
- Russian State Historical Archive. Fund 350. Inventory 19. File 433. L. 5.
- Russian State Historical Archive. Fund 350. Inventory 19. File 433. L. 6.
- Russian State Historical Archive. Fund 350. Inventory 19. File 433. L. 10.
- Russian State Historical Archive. Fund 350. Inventory 19. File 433. L. 13.
- Russian State Historical Archive. Fund 350. Inventory 19. File 1177. L. 4.
- Russian State Historical Archive. Fund 350. Inventory 19. File 1354. L. 1, rev.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>

В статье представлены промежуточные результаты исследования, проводимого в рамках научного проекта «Архитекторы и инженеры восточных окраин России (вторая половина XIX – начало XX века)». Первая часть посвящена военным инженерам Порт-Артура К. И. Дубицкому, Ф. К. Авеллану, А. А. Версе, Ф. Д. Бутлеру, Л. Л. Затурскому, И. А. Заборовскому, Доброву; впервые публикуются проекты, выявленные в архивных фондах. Во второй части, написанной по материалам публикаций в профессиональной периодике начала XX в., исследуется роль А. И. фон Гогена в проектировании для Порт-Артура генплана Нового города и объектов первостепенной важности. В заключении приводится мнение иностранных современников о реализации плана г. Дальнего.

Ключевые слова: Порт-Артур; военные инженеры; А. И. фон Гоген./

The article presents the interim results of a study conducted within the framework of the scientific project “Architects and engineers of the eastern outskirts of Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)”. The first part of the article is devoted to the military engineers of Port Arthur (K. I. Dubitsky, F. K. Avellan, A. A. Verse, F. D. Butler, L.L. Zatursky, I. A. Zaborovsky, Dobrov). The projects revealed in archival funds are published for the first time. The second part, which is written on the basis of publications in professional periodicals of the early 20th century, examines the role of A. I. von Gogen in designing the general plan of the New City and facilities of paramount importance for Port Arthur. The final part presents the foreign contemporaries’ opinion on the implementation of the plan of the city of Dalny.

Keywords: Port Arthur; military engineers; A. I. von Gogen.

Военные инженеры и А. И. фон Гоген – создатели Порт-Артура / The creators of Port Arthur: Military engineers and A. I. von Gogen

текст
Алина Иванова
Тихоокеанский государственный университет /
text
Alina Ivanova
Pacific National University

Статья, написанная по итогам архивных изысканий в фондах Российского Государственного Военно-Исторического архива (РГВИА, Москва) и Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ, Санкт-Петербург), является второй частью «Тихоокеанского цикла» [1].

Русский Порт-Артур: начало

На одной из первых карт Порт-Артура, выполненной под управлением капитана Г. Ш. Запольского, указаны 6 импаней (квадратных в плане глинобитных жилых укреплений) и два китайских кладбища, Золотая и Перепелиная гора, мыс Тигровый хвост и план города, состоявшего в основном из мастерских, построенных немцами и китайских фанз для рабочих. О начальном этапе русского Порт-Артура свидетельствует «Чертеж бывшего китайского военного госпиталя, перешедшего в Инженерное ведомство в 1898 г.», где указаны «фанзы, предполагаемые на слом» (рис. 1). Переоборудованные китайские постройки на первых порах использовались для размещения русского гарнизона, однако «ту-

земный» Порт-Артур был уже обречен: «Старый город, расположенный по набережной и на горе, прославился как источник всяких болезней, заставлявших иногда выводить войска в лагеря даже в очень холодную погоду. Теперь он доживает, так сказать, свои последние дни, так как его потом срут, места эти продезинфицируют и построят здесь различные военные и портовые здания, а все другие помещения должны будут перенесены на новые места, где строится «новый город» [2].

1 января 1900 года в первом номере газеты «Новый край» была напечатана безымянная «Порт-Артурская идилия», где в поэтической форме зафиксированы впечатления очевидца, обозначены основные акторы развития города и его образ будущего:

Я люблю тебя, Артур, хоть и скучен ты и хмур.

Но твой старый, сонный вид много-много говорит.

Я люблю твои холмы, где теперь уселись мы.

Чтоб построить Гибралтар и британцам сбавить жар.

Патриот и пионер, коммерсант и инженер,
собрались толпою тут – дивный город создают.

Из перечисленных создателей Порт-Артура, собиравшихся построить Тихоокеанский Гибралтар, нас более всего интересуют инженеры.

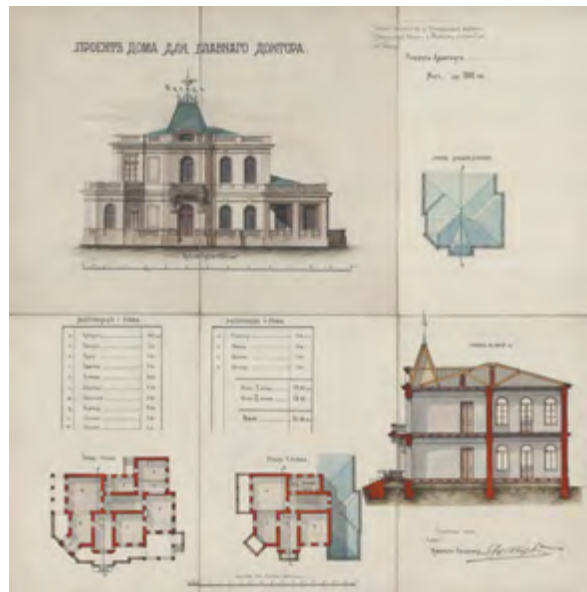
Военные инженеры – строители Порт-Артура

Основным изданием инженерных войск Российской империи являлся «Инженерный журнал», выходивший с различной периодичностью с 1857 по 1918 годы и пользовавшийся репутацией надежного источника, заложившего теоретический фундамент русской инженерной науки (полный комплект журнала доступен в отделе периодики Государственной публичной исторической библиотеки России, Москва). В первом номере «Инженерного журнала» за 1898 год вышла статья военного инженера К. И. Величко «Крепости и крепостные железные дороги», а в 1901 году по проекту Величко начнется строительство крепости Порт-Артура.

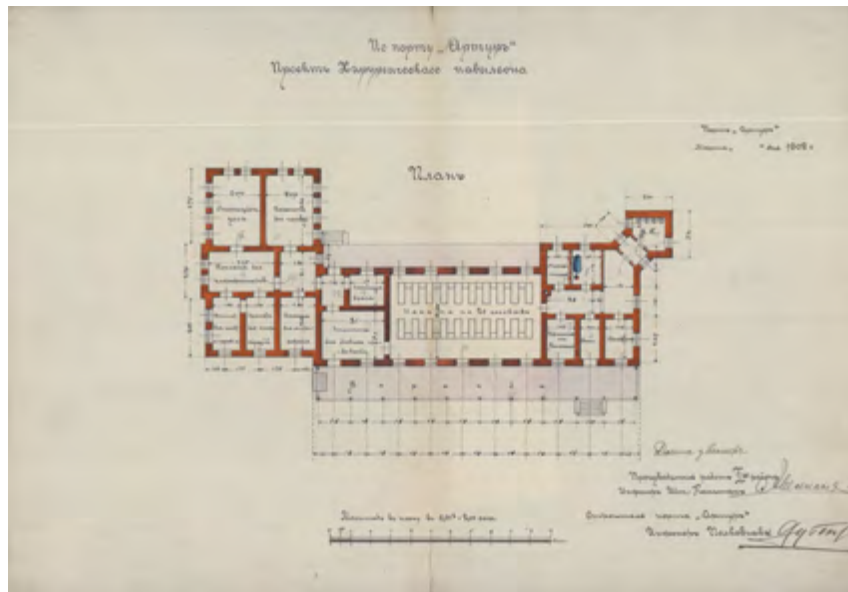
В № 8 «Инженерного журнала» (1906) была опубликована статья военного инженера, участвовавшего в обороне Порт-Артура, капитана В. А. Бармина, посвященная анализу инженерных работ в фортовых поясах крепости в 1904 году. Бармин перечисляет военных

> Рис 1. Чертеж бывшего китайского военного госпиталя, перешедшего в Инженерное ведомство. Дом главного доктора. Порт-Артур – Лю-шун-лоу. 1898. – РГАВМФ. Ф. 3л. О. 37. Д. 11227

^ Рис. 2. Фасад, поперечный разрез, планы этажей и крыши. Сост. полковник Дубицкий. Март 1902. – РГАВМФ. Ф. 907. О. 2. Д. 37

^ Рис. 3. Госпиталь морской. Хирургический павильон. План. Сост. полковник Дубицкий. Март 1902. – РГАВМФ. Ф. 907. О. 2. Д. 13

инженеров, работавших в крепостном инженерном управлении Порт-Артура, которое было выделено из состава Областного инженерного управления Квантунской области (до начала Русско-японской войны это управление производило все инженерные работы на полуострове): «и. д. начальника инженеров крепости военный инженер полковник Григоренко и производители работ: военные инженеры полковники Крестинский, Рашевский и Духновский, капитаны Лилье, Родионов и Шварц, штабс-капитаны Зедгинидзе и нижеподписавшийся». Бармин указывает, что «в качестве объединителя работ отдельных офицеров являлся полковник Григоренко», и отмечает, что «огромную пользу делу принес своими указаниями пробывший месяц в крепости военный инженер полковник Коновалов, который был командирован в Артур Наместником на Дальнем Востоке и выехал из крепости с последним поездом, успевшим прорваться на север». Николаю Васильевичу Коновалову и его вкладу в строительство Порт-Артура и Владивостока посвящена статья М. Е. Базилевича, опубликованная в «Проекте Байкал». Бармин упоминает также военных инженеров Морской Строительной части: полковника Дубицкого, старшего инженера-строителя Бутлера, капитанов Заборовского, Доброва, Версе и Авелана, «выразивших желание облегчить нашу работу». С началом осады Порт-Артура они принимали «деятельное участие в оборонительных работах», им же были переданы все «необоронительные работы в городе».

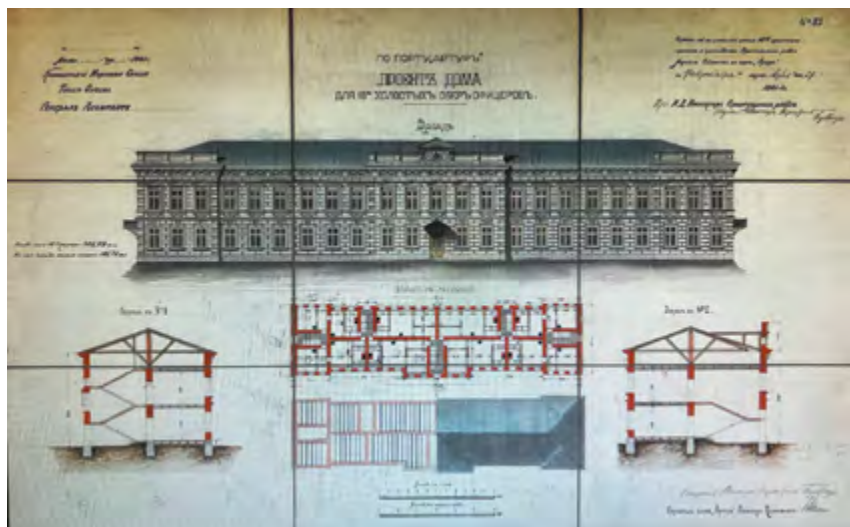
Нам удалось найти в 409-м фонде Российского государственного военно-исторического архива послужные списки некоторых из офицеров, упомянутых Барминым, а в 907-м фонде («Управление строителя Порт-Артура. 22 мая 1900–23.12.1904») Российского государственного архива Военно-морского флота – подлинники 143 проектов (береговые укрепления, инфраструктурные объекты, технические сооружения, фасады, поэтажные планы, поперечные разрезы административных и жилых зданий, генпланы участков с подсобными помещениями, схемы и расчеты сложных узлов и проч.), подписанные военными и гражданскими инженерами Порт-Артура. Сопоставляя информацию из двух архивов, можно

по крупицам реконструировать историю строительства Порт-Артура и жизненные вехи его защитников.

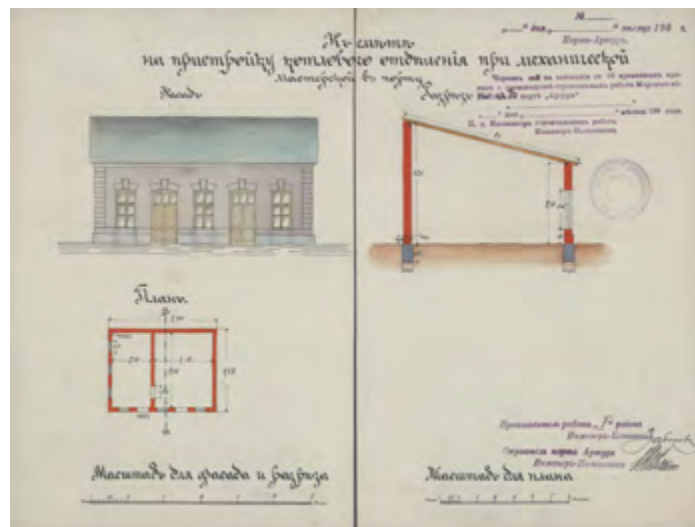
В 907 фонде РГАВМФ содержатся десятки проектов, подписанных полковником Дубицким: Адмиральская пристань и Железная пристань на Тигровом полуострове, дом для семейных офицеров, машинное здание для восточного сухого дока, ворота в порт и плотина; дом главного доктора (рис. 2), хирургический павильон морского госпиталя (рис. 3), лазарет и карцер, магазин мундирный, артиллерийские мастерские и т. д. Гораздо менее информативен послужной список, хранящийся в РГВИА, из которого следует, что подпоручик Казимир Пий Йосиф Каликстов Дубицкий родился 2 июня 1858 в дворянской семье виленской губернии и придерживался римско-католической веры. Закончил по первому разряду Николаевское инженерное училище. Попал под обстрел с саперным батальоном на р. Прут в ходе Русско-турецкой войны в 1878 г. 12.05 [3]. Как мы уже упоминали ранее, гарнизон Порт-Артура был укомплектован лучшими кадрами, преимущественно из Варшавского военного округа; многие из офицеров имели опыт участия в Русско-турецких войнах [1].

Дубицкий отвечал за важные объекты, ему помогал капитан Авеллан, проектировавший менее респектабельные постройки: веранды к павильону Морского госпиталя, дома для медицинских сестер, дворницкую и конюшни при госпитале, конюшни для дома главного доктора, фанзу № 9, казармы во Втором строительном районе и проч.

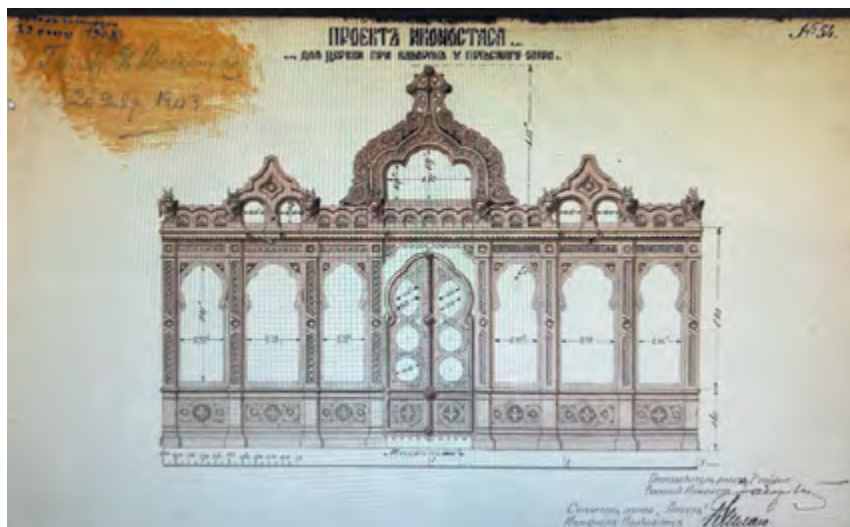
В послужном списке подпоручика Федора Карловича Авеллана сообщается, что он родился 31 июля 1874 года в Ташкенте, в лютеранской семье подполковника. Судя по упоминанию Ташкента, отец Авеллана принимал активное участие в присоединении к России южных колоний, а сам Федор Карлович, защищавший Порт-Артур, стал вторым поколением семьи Авелланов, служивших на дальних окраинах Империи. Он учился в московском кадетском корпусе и в Николаевском инженерном училище, которое закончил по первому разряду. Заведовал «командой музыкальных мальчиков», в 1896 году был назначен заведующим лазаретом. В том же 1896 году он находился в составе войск,

^ Рис. 4. Проект дома для 18 холостых офицеров. Сост. ст. инж.-строитель Бутлер. 1903. – РГАВМФ. Ф. 907. О. 2. Д. 51

^ Рис. 6. Мастерская механическая. Котельное отделение. План, фасад, поперечный разрез. Сост. капитан Заборовский. – РГАВМФ. Ф. 907. О. 2. Д. 114

^ Рис. 5. Церковь при казарме у Пресного озера. Иконостас. Фасад. Сост. капитан Заборовский. 1903. – РГАВМФ. Ф. 907. О. 2. Д. 81

собранных в Москве по случаю коронации Николая II и получил серебряную медаль в память этого события. Прибыл на службу в гренадерский саперный батальон, командовал телеграфной ротой. В 1897 году сдал все должности и был командирован в Санкт-Петербург держать экзамен в Николаевскую Академию. До отбытия на Дальний Восток не успел завести семью [4].

О капитане Александре Алексеевиче Версе пока известно еще меньше, так как некоторые страницы из его дела (хранящегося в РГИВА) вырезаны. Он был сыном французского гражданина, принявшего русское подданство в 1891. В послужном списке 1912 года упоминается, что Версе одно время был производителем работ одесской инженерной дистанции. К концу карьеры он стал кавалером ордена Св. Станислава III степени и Св. Анны IV, III и II степени, а также за выслугу 25 лет получил орден Св. Владимира IV степени с бантом [5].

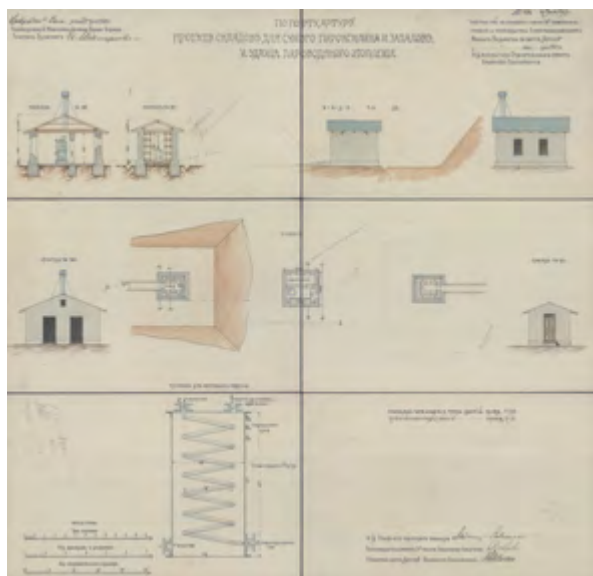
В Порт-Артуре Версе, отвечавший преимущественно за технические сооружения, спроектировал два завода (томатовый и по обработке дерева), административное здание, склады и жилые дома для служащих при заводах,

бараки для китайских рабочих, котельную мастерскую, паровую сушилку и другие технические объекты.

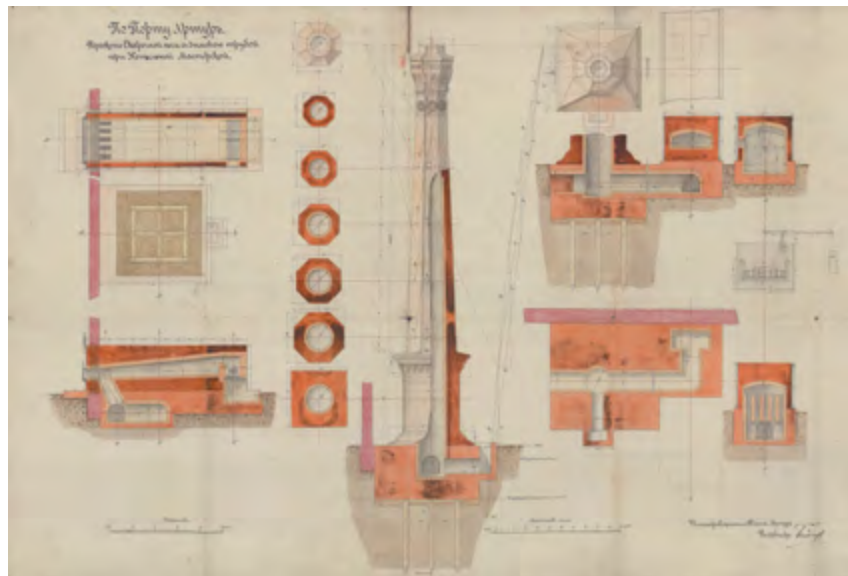
В фонде 907 РГАВМФ хранятся чертежи множества проектов, подписанных Бутлером, в том числе фасады, планы и разрезы дома старшего флагамена и дома для холостых офицеров (рис. 4). Послужной список военного инженера штабс-капитана Федора Леоновича Бутлера (Окружное инженерное управление Приамурского ВО) информирует о том, что он родился 5 октября 1866 года в семье дворян Тамбовской губернии, римско-католического вероисповедания. Окончил Второй московский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию, обе по первому разряду. Бутлер начал службу подпоручиком 7 саперного батальона. В 1892 году был командирован в Николаевскую академию держать экзамен, в 1893 году – закончил старший класс академии. Окончив курс с отличием, переведен в дополнительный курс академии с рядом преимуществ. В 1894 году окончил академию, в 1895 поступил в распоряжение начальника инженеров Приамурского военного округа. 14 октября 1895 года прибыл во Владивосток, где был назначен обер-офицером для проверки счетов и отчетов при окружном инженерном управлении, а в 1896 году был переведен в Хабаровск. Получал жалования 1365 р., квартирных – 150 р. и столовых – 666 р. [6].

Капитан Затурский спроектировал для Порт-Артура здание управления порта и насосную станцию для подачи воды из Пресного озера в казарму. Пока удалось найти его послужной список от 1 января 1885 года, когда он служил подпоручиком 8-го понтонного батальона. Логин Логинович Затурский, родившийся 17 сентября 1871 года, происходил из потомственных дворян Полтавской губернии. Был (в отличие от военных инженеров упомянутых выше) православного вероисповедания. Учился в Петровском Полтавском корпусе, Первом военном Павловском и Николаевском инженерным училищах, оба окончил по I разряду. Служил и. о. батальонного казначея, получая жалования 658 р. [7].

Капитаном Заборовским подписан ряд разнообразных проектов (из фонда 907 РГАВМФ), в том числе: дом для ротных командиров, кессоны для ремонта набе-

^ Рис. 7. Склад пироксилина и запалов. План, фасад, разрезы. 25 июля 1903. Сост. капитан Добров. – РГАВМФ. Ф. 907. О. 2. Д. 135

^ Рис. 8 Мастерская котельная. Сварочная печь с дымовой трубой. План, профили, разрезы. Сост. инж.-полковник Гильшер. – РГАВМФ. Ф. 907. О. 2. Д. 111

режной, здание хлебопекарни, церковь при казарме у Пресного озера, иконостас для этой церкви (рис. 5), магазин для запасов второго сорта, магазин мучной и магазин экипажский, механическая мастерская с котельным отделением (рис. 6).

Из послужного списка подпоручика Новогеоргиевской крепостной роты саперного батальона Ивана Андреевича Заборовского следует, что он родился 4 января 1873 года, был сыном генерал-майора, уроженцем Петербургской губернии, православным. Закончил Первый кадетный корпус и Николаевское инженерное училище по I первому разряду. В 1892 году был командирован в Новогеоргиевскую крепость с жалованьем 405 р. [8]. После окончания Русско-японской войны Заборовский служил старшим производителем работ Владивостокского порта; этот период его биографии хорошо известен и неоднократно описан коллегами.

Кроме упомянутых выше чертежей, в фонде 907 РГАВМФ есть проекты полковника Веселого (дом для сигнальной станции на Золотой горе и дом для сигнальщиков, бани и прачечная при госпитале, казарма у Пресного озера, мастерские при казарме и план прилегающей местности), подполковника Горбачевского (фасады и разрезы казармы у Пресного озера), ст. инж.-строителя Поплавского (Дом командира Квантунского флотского экипажа, расчеты и рабочие чертежи для Южного сухого дока, дом для десятников и строительная контора, кухня и хлебопекарня при госпитале, лесопильная мастерская и склад лесных материалов), проект Малого сухого дока в г. Дальнем старшего инженера В. Сахарова и множество проектов технических сооружений, выполненных капитаном Добровым (рис. 7).

В этом фонде хранится еще более сотни других интереснейших свидетельств строительства самого дальнего тихоокеанского форпоста России, но объем статьи вынуждает ограничиться приведенным перечнем. Мы публикуем несколько проектов, представляющих весь спектр задач, стоявших перед военными инженерами Порт-Артура (помимо первоочередной обязанности укрепления обороноспособности крепости и функционирования порта). Для публикации отобраны проекты

особняка, жилого многоквартирного дома для холостых офицеров, 2 проекта, связанных с культовыми объектами (храм и иконостас) и 3 проекта технических построек. В первой части «тихоокеанского цикла» мы рассказывали об инженер-полковнике Иване Федоровиче Гильшере, спроектировавшем для Порт-Артура ряд репрезентативных построек, формирующих парадный фасад нового города [1]; в фондах РГАВМФ нами выявлен еще один проект Гильшара, дающий представление о высокой культуре подачи чертежей утилитарных объектов (рис. 8).

Все инженеры, о которых шла речь выше, служили в Порт-Артуре, многие участвовали в его обороне. Но, помимо непосредственных участников событий на Квантунском полуострове, с темой тихоокеанских форпостов тесно связаны столичные архитекторы, никогда не бывавшие на Дальнем Востоке, но оказавшие решающий вклад в создание новых восточных столиц Российской империи.

А. И. фон Гоген – создатель столицы Тихоокеанской России

Приступая к работе над статьей, для реконструкции профессионального контекста исследуемого периода, мы снова обратились к журналам «Зодчий» и «Строитель», пытаясь выяснить, как осмыслили современники освоение огромных пространств и включение в границы Империи культурного наследия чужих цивилизаций. Самые важные публикации в «Зодчем» были связаны с проектом А. И. фон Гогена для военного собрания для Порт-Артура и планировкой Дальнего (длинный текст автора генплана Казимира Сколимовского, 1904), а в «Строителе» – с анализом проектов общественных сооружений Порт-Артура, выполненных фон Гогеном [2]; кроме того, большой интерес представляет обзор проектов «Дворца наместника в Дальнем», выполненных в рамках конкурсной программы художественной Академии для академической выставки по архитектуре (1904). О Хабаровске в «Зодчем» упоминалось при объявлении конкурсов на проектирование Городского дома (1906) и ремесленного училища (1907), а также в связи с подготовкой и проведением Приамурской

выставки (1913). Но в целом тема стремительного освоения громадных регионов, прокладка в болотах и диких таежных распадках великих железнодорожных магистралей, строительство беспрецедентной по сложности инфраструктуры (мосты, туннели, тысячекilометровые железнодорожные насыпи), разбивка и быстрый рост в инокультурном окружении совершенно новых городов, возведение сотен крупномасштабных градостроительных объектов (соборов, вокзалов, почтамов, городских дум, торговых домов, офицерских и общественных собраний и проч.), утверждающих величие и могущество Российской империи на Тихоокеанском рубеже, само многомиллионное переселение русского народа – все это оставляло безучастным редакторов главного архитектурного журнала страны, которые продолжали публиковать статьи об успехах кирпичного производства в Германии и заполнять страницы «Зодчего» историческими обзорами готики и античности.

Более государственно ориентированный журнал «Строитель» (издаваемый Г. В. Барановским), от которого было бы вероятней ожидать информационной поддержки территориального расширения Империи, основное внимание уделял репрезентации правящей династии и популяризации русского стиля на международных Всемирных выставках. Тема освоения Новых земель осталась не отрефлексированной профессиональным дискурсом и заинтересовала исследователей только столетие спустя. Основоположниками «тихоокеанского» направления в отечественной истории архитектуры явились Н. П. Крадин и С. С. Легошко; мы продолжаем начатое нашими коллегами изучение русского культурного ландшафта на Квантунском полуострове.

Из всех публикаций в «Зодчем» и «Строителе» на дальневосточную тему наше внимание привлекли заметки и статьи, связанные с деятельностью академика архитектуры Александра Ивановича фон Гогена. По странной аберрации восприятия этот выдающийся деятель русской культуры в первую очередь ассоциируется с особняком Матильды Кшесинской, но, наш взгляд, фон Гогена следует рассматривать как автора архитектурно-градостроительного оформления самой идеи российской государственности и территориального расширения Империи на Восток. Он буквально заложил основы воспитания патриотизма через архитектурные образы, спроектировав в Петербурге музей Суворова, Офицерское собрание и победив в конкурсе на здание Генерального штаба. А. И. фон Гоген, будучи придворным архитектором, визуализировал идею «За Веру, Царя и Отечество», придавая архитектурные формы геополитическим замыслам императорской фамилии. Фон Гоген безусловно входит в первую десятку ведущих русских архитекторов рубежа XIX–XX вв., поэтому любая новая информация, связанная с ним, заинтересует не только профессиональных историков архитектуры, но и самые широкие круги читателей. Перед тем, как обратиться к его «тихоокеанским» проектам, приведем выдержки из «Формулярного списка исправляющего должность архитектора двора его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича академик архитектуры титулярного советника фон Гогена. 8.10.1897», выявленного нами в фондах РГВИА (заметим, что на листке отметок просмотра этого дела указано всего 5 фамилий исследователей, из чего можно сделать вывод о его малой известности).

«А. И. фон Гоген родился в 1857 г., православный, из дворян, кавалер ордена Св. Станислава III степени. Был награжден памятной серебряной медалью памяти царствования императора Александра III, медалью в честь коронации императора Николая II в 1896 г., иностранным орденом Черногорского Креста I и III степени.

По окончании курса в Императорской Академии художеств со званием классного художника II степени 26.10.1886 г. удостоен звания классного художника I степени по архитектуре; определен на службу штатным преподавателем акварельного класса в Петербургском центральном училище технического рисования барона Штиглица в 1892 г. Женат на дочери действительного статского советника Лидии Владимировне Елагинной, православной, детей не имеет.

15.09.1893 г. Приказом по министерству Императорского двора определен ко двору Его Императорского Высочества исправляющим должность архитектора с оставлением им занимаемой должности штатного преподавателя училища Штиглица. 4 ноября 1895 г. советом Императорской академии художеств удостоен звания академика по архитектуре. 5.12.95 – произведен в титулярные советники.

20.03.1896 за отлично усердную службу награжден по представлению ЕИВ орденом Св. Станислава III степени. 10.04.1896 советом Императорской академии художеств избран действующим членом академии. Назначен министром финансов членом и архитектором строительной комиссии по возведению здания для помещения служащих при главной палате мер и весов. 6.10.95 за отличную полезную и усердную службу пожалован орденом Станислава. В январе 1897 г. за труды при постройке помещений для Великого Князя Кирилла Владимировича был пожалован Ее Императорским Высочеством Великой княгиней Марией Николаевной подарком – золотой булавкой с вензельным изображением имени их Императорских Высочеств, украшенную бриллиантом и сапфиром. 1897 – назначен действительным членом императорской академии художеств.

12.10.97 – благодарность министра финансов за произведенные работы по постройке здания для служащих при главной палате мер и весов. 15.11.97 – произведен за выслугу лет в коллежские асессоры. 31.05.90 – французским министром изящных искусств и народного просвещения выдан диплом на звание офицера Академии в Париже. С 14.01.98 г. утвержден в занимаемой им должности Архитектора Двора. Назначен штатным преподавателем Института гражданских инженеров Императора Николая I. 15.08.1898 г. – благодарность министров финансов за участие по устройству киевского Политехнического института им. Императора Александра II и варшавского института им. Императора Николая II» [9].

Из этого документа видно, как высоко оценивалась государственная деятельность фон Гогена первыми лицами государства, доверявшими ему ключевые проекты.

В 1900 году А. И. фон Гоген представил на рассмотрение в Военно-инженерный комитет проект православного собора в Порт-Артуре. В № 4 журнала «Строитель» за 1902 год была опубликована заметка (вероятно, написанная самим Александром Ивановичем или с его слов) с описанием этого объекта: «Собор в 25 саженей длиною и 12 шириною будет иметь форму корабля с тремя придами и особой часовой при входе. Внутри собора 8 колон, поддерживающих крышу, и над ризницей спроектирован особый зал для религиозных собеседований. Собор с семью золочеными куполами и высокой колокольней. Кресты на куполах 8-конечные. На постройку собора пойдет местный камень оранжевого цвета с жилками, а на карнизы – кирпич из квантунской глины, имеющей свойство, при обжигании, не изменять своего цвета. Пол собора будет выслан местным гранитом. Вся постройка обойдется до 300 тыс. руб. При выполнении проекта имелось в виду, чтобы собор производил впечатление издали, с моря, почему обращено особое внимание на красоту

куполов. Характер постройки чисто московский, безо всякой примеси византийского или другого стиля». В фондах РГАВМФ нами был выявлен проект западного фасада «Церкви на 1700 молящихся для г. Порт-Артур», подписанная академиком фон Гогеном и датированная 1899 годом (рис. 9). Надеемся, дальнейшие архивные изыскания помогут найти полный комплект подлинных чертежей, связанных с этим объектом.

В своей статье «Проект Военного Соборания для Порт-Артура» («Зодчий», № 35, 1902) фон Гоген пишет, что «кроме соборания мною составлен еще проект собора на 2000 человек, он теперь несколько перерабатывается, так как решено возвести его из местного мрамора, составлен так же, согласно указаниям местного начальника края, эскиз дворца, пока еще по особым обстоятельствам не утвержденный».

В апрельском номере журнала «Строитель» (1902) была опубликована исключительно интересная статья «Порт-Артур и его общественные сооружения» [2]. Безымянный автор, по-видимому хорошо ориентирующийся в ситуации на местности, во введении дает краткий исторический обзор и перечисляет преимущества, которые должны обеспечить Порт-Артуру статус главного военного тихоокеанского порта (прекрасная гавань с рейдом шириной в 12 верст, возможность круглогодичной навигации, инфраструктура, созданная «под наблюдением европейских инженеров: все машины, орудия и материалы выписаны из Европы»), а затем переходит к текущему положению, сообщая, что «вся строительная деятельность подчинена Главному Военному Инженерному Управлению, распоряжением которого производятся в настоящее время подготовительные работы к значительным казенным постройкам. Проекты главных зданий исполнены архитектором Инженерного Управления Академиком Архитектуры А. И. фон Гогеном, а производство работ на месте распределено между лучшими техническими силами Порт-Артура» [2, с. 246].

В качестве иллюстраций в статье использовались три проекта фон Гогена для Порт-Артура: дом главного начальника Квантунской области (парадный фасад, разрезы, поэтажные планы), православный собор (западный фасад, разрез и план) и военное собрание (два фасада, поэтажные планы, 4 разреза).

О соборе, строительство которого было «поставлено на первую очередь», говорилось, что «как в плане, так и в архитектурной обработке фасада приняты наиболее простые формы, тем не менее автор проекта сумел придать всему сооружению изящный и величественный вид. Это впечатление несомненно еще увеличится, благодаря возвышенной местности, где собор будет господствовать над всем городом».

Но главное, чем интересна эта статья – публикацией генерального плана Нового города (выполненного фон Гогеном), который предполагалось возвести «в конце огромного западного бассейна, на совершенно ровной долине. Место уже распланировано, распродано и целые тысячи китайцев с раннего утра и до вечера, как муравьи, копошатся там. Дома растут, улицы утрмбовываются, скверик разбивается. Электрическая конка будет соединять новый город со старым». На первый взгляд схема Нового города напоминает османовский план реконструкции Парижа – та же система диагональных магистралей, образующих на пересечениях созвездие площадей. Предлагаемое фон Гогеном планировочное решение вызвало одобрение автора публикации: «кварталы проектированы довольно затейливо, без излишней прямоугольности, и обещают образовать между собой улицы с очень интересными перспективами». [2, с. 244–246]. На схеме генплана отчетливо читаются две прямые параллельные улицы (Набережная и Соборная), проложенные вдоль акватории Западного бассейна и ориентированные на Собор, «для которого очищают место на возвышенном берегу реки Лунь Хэ». Подъем, ведущий на Соборную площадь, предполагалось «обработать в виде монументальной лестницы». Рядом с собором планировалось построить вокзал («так как теперь не малейшего даже намека на вокзал нет. Приходящие в Порт-Артур поезда прямо останавливаются посреди улицы, и пассажиры выходят даже не на платформу») и дом главного начальника Квантунской области, о котором было замечено: «...само собою разумеется, что выдающееся служебное положение этого представителя русской власти на далекой окраине, в связи с политическими соображениями, побуждало отвести назначенному для него дому одно из лучших мест в городе. По тем же соображениям и внешность дворца должна быть особенно импозантна» (на наш взгляд, фасады этого объекта напоминают особняк М. Ф. Кшесинской, но планировочные решения гораздо интереснее). О проекте Дома Начальника автор «Строителя» отзывался с энтузиазмом: «Удобства внутреннего расположения не оставляют желать ничего лучшего и счастливо дополняются несколькими удачно размещенными террасами и балконами, и высокой башней-бельведером, откуда будет открываться великолепный вид на гавань, рейд и далее море. Фасад дворца обработан в простейшем новом стиле, который в данном случае применен весьма кстати: едва ли было бы уместно украшать формами ренессанса и т. п. новый город, возникающий на новой окраине на заре нового века» [2, с. 254–255].

На набережную был ориентирован квартал, занятый Городским садом, фланкируемый с двух сторон зданиями театра и гостиницы. Композиционным центром Нового города задумывалась большая прямоугольная площадь, с трех сторон окруженная корпусами Общественного управления, Градостроительного управления и двор-

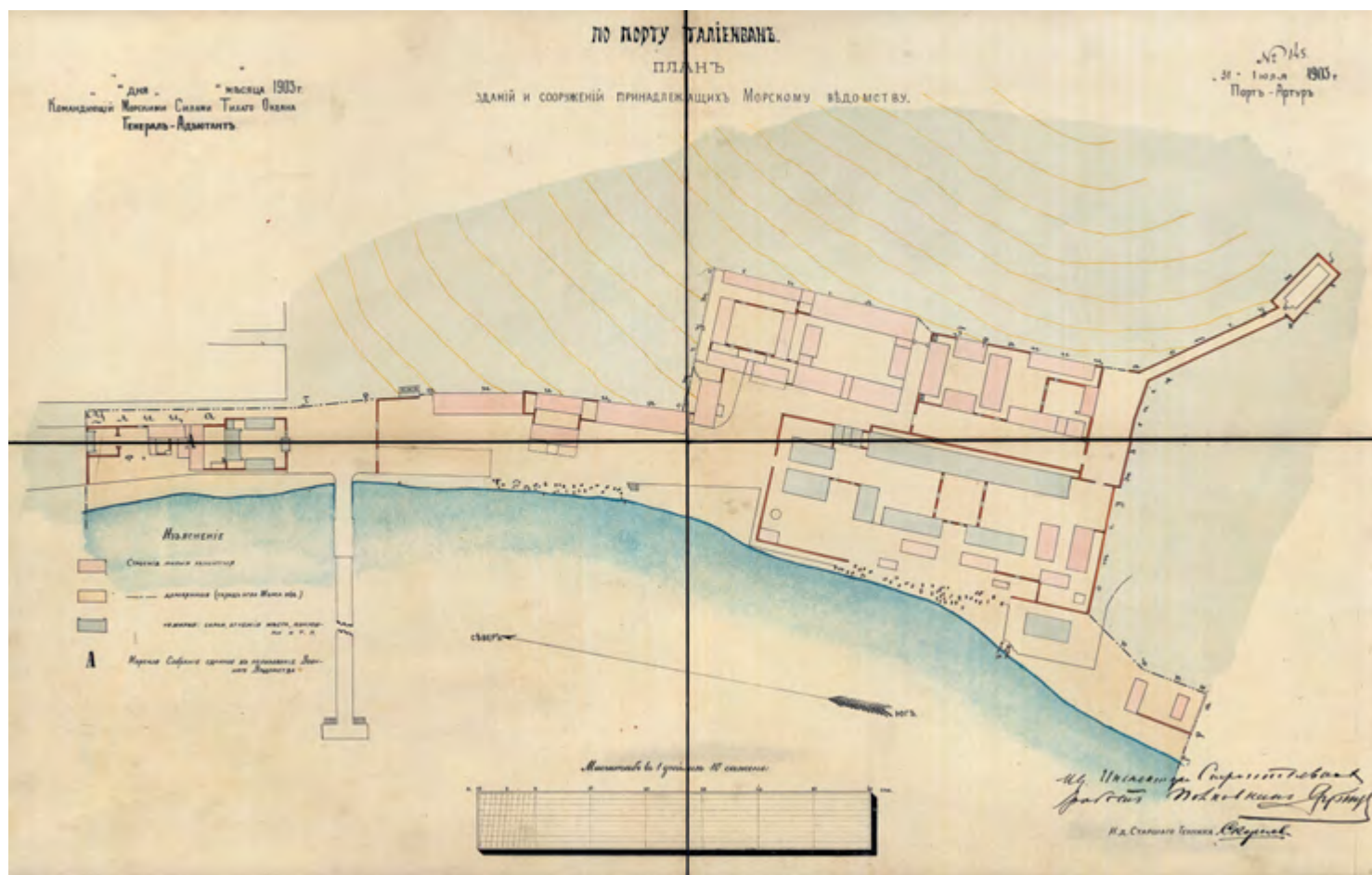
< Рис. 9. Церковь на 1700 молящихся для г. Порт-Артур. Архитектор А. И. фон Гоген. 1899. – РГАВМФ. Ф. Зл. О. 37. Д. 11359

цовым зданием Офицерского собрания. Автор статьи в «Строителе» несколько туманно сообщал, что «военный порядок управления сосредоточил в Порт-Артуре значительный штат офицеров разных родов оружия. Вполне естественной поэтому казалась ближайшая забота о том, чтобы условия жизни этих пионеров русского дела были обставлены по возможности удовлетворительно. Таким образом возникла мысль о постройке здания Военного собрания. Проект здания <...> составлен академиком архитектуры А. И. фон Гогеном, который и здесь руководствовался приведенными нами соображениями о роли и значении первых общественных сооружений в новом городе» [3, с. 255–256].

В №4 «Строителя» за 1902 год в разделе «Смесь» была опубликована заметка в две строчки о том, что «в нынешнем году в Порт-Артуре будет строиться морской кирпичный завод. Стоимость завода по проекту около 200.000 руб.». Вероятно, кирпич из той самой кван-

тунской глины, не меняющей цвет при обжиге, предназначался для строительства Военного Собрания, Собора и Дома Начальника.

Заметим, что фон Гоген не только непосредственно проектировал для Порт-Артура, но и косвенно способствовал трансферу своего «русско-военного стиля» в Приамурье. Так, здание Офицерского собрания на углу Литейного проспекта и Кирочной улицы послужило прямым аналогом универсальному магазину ТД «Кунст и Альберс» в Благовещенске. Этот лучший образец приамурского русского стиля был достроен по проекту штабс-капитана Э. И. Шефера в 1911 году. Так же, как петербургское Офицерское собрание, благовещенский ТД «Кунст и Альберс» выходит на главный городской перекресток квадратной в сечении башней под высоким четырехскатным шатром, его парадный фасад увенчан широким «теремным» шатром и декорирован характерными деталями (кокошниками, дыньками, висячими

^ Рис. 10. Здания и сооружения Морского ведомства. План. Порт Талиенвань. Сост. ст. техник Скорнов. 1903. – РГАВМФ. Ф. 907. О. 2. Д. 142

гирьками и проч.), контрастно выделяющимися на фоне краснокирпичной кладки. Автор благовещенского вокзала в русском стиле В. Л. Гофман вместе с А. И. фон Гогеном работал над гарнизонной церковью Николая Чудотворца в Павловске (1900–1904), эскизы которой были выполнены безвозмездно, по личной просьбе хозяина Павловска – великого князя Константина Константиновича. Павловская церковь во многом напоминает проект собора для Порт-Артура, мы видим тот же вариант хорошо узнаваемого «гарнизонного православного стиля», значительно отличающегося как от «византийских» экспериментов Гримма-Косякова, так и от парадных храмов Султанова. Не имея документальных подтверждений, осторожно предположим, что именно фон Гоген привлек к дальневосточному проекту В. Л. Гофмана, таким образом, хоть косвенно, через «вторые руки», эхо Большого русского стиля дошло до Амура.

Город Марса и город Гермеса

Интересно сравнить развитие Порт-Артура, задуманного в качестве неприступной крепости и Дальнего, основанного исключительно с коммерческими целями. 3 февраля 1904 года на 14-м собрании Императорского в СПб общества архитекторов К. Г. Сколикацкий сделал доклад «О проектировании г. Дальнего». Сколикацкий с 1899 года являлся архитектором Нового города и порта при нем. Обычно, говоря о Дальнем, коллеги упоминают концепцию города-сада, но изначально «конечная опора Великой Сибирской магистрали» задумывалась (по словам автора генплана) как типичный колониальный форпост с разделением на «европейскую» («для привлечения иностранцев, привыкших к европейскому комфорту») и «туземную» («для постоянного китайского фабричного населения») части, «изолированных друг от друга обширным парком-питомником». Разделение в санитарных целях европейских поселенцев и туземных поселений зелеными зонами было обычной практикой, имеющей весьма косвенное отношение к замыслу Говарда. Изначальной идеей города-сада была социальная гармония, а не жесткая сегрегация, на что указывал и сам Говард, и активно популяризирующий его в России Моисей Диканский (автор громадных публикаций в «Зодчём» на темы городов-садов).

В бухте Талиенвань (рис. 10) должен был в скорейшем времени появиться «крупный незамерзающий коммерческий порт и промышленный город при нем». И действительно, уже в 1901 году Дальний посетили 429 судов (а Порт-Артур менее 50). В переводной статье из первого номера журнала «East of Asia» сообщалось, что иностранцы, имеющие возможность наблюдать производящиеся в Дальнем работы, отзываются о них с восторгом: «Дальний может быть, без всякого преувеличения, назвать городом чудес. Русское правительство произвело подготовительные работы для сооружения города в тишине, без всяких рекламных своих намерений», «план Дальнего наглядно показывает, как серьезны русские намерения. В разработке его не упущено ни одной детали <...> По окончании сооружений железной дороги будут, вероятно, установлены чрезвычайно дешевые проездные цены для эмигрантов и Дальний в отношении эмиграции может легко занять то же самое место на Дальнем Востоке, какое Нью-Йорк

занимает в Америке. Дальний Восток, запертый теперь для массы предприимчивого, прилежного и образованного молодого люда слишком высокими расходами на проезд, будет тогда ближе и окажется в состоянии конкурировать с Южной, а может быть и с Северной Америкой, как Эльдorado для эмигрантов. Законченный план Дальнего, производящего впечатление города миллионов, показывает, какую работу совершили русские, он является также доказательством, что русские планы не построены из воздуха, а внушены дальновидной коммерческой политикой» [10, с. 14].

Порт-Артур и Дальний, эти так и не вззошедшие звезды Русской Пацифики, по-прежнему тревожат наше воображение. Завершим статью еще одним безымянным поэтическим экспромтом, напечатанном в 1900 году в газете «Новый край»:

Издравле вышли мы с Востока и на Восток идем опять.

В народах темных волей рока свет просвещенья зажигать.

Литература

1. Иванова, А. (2022). Русские военные инженеры Порт-Артура // Проект Байкал. – 2022. – № 73. – С. 142–149.
2. Порт-Артур и его общественные сооружения // Строитель. – 1902. – № 7–8. – С. 241–262.
3. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 382–546/551. – С. 6–7.
4. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 358535–57. – С. 109–111.
5. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26035. – С. 288–290.
6. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 132100. – С. 64–65.
7. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 1325449/1–9. – С. 28–31.
8. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133059/1–6. – С. 29–33.
9. РГВИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 35. Алфавитный реестр послужных списков чиновников Главного инженерного управления. 1897–98 гг. Фон Гоген. Формулярный список исправляющего должность архитектора двора его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича академик архитектуры титулярный советник фон Гоген. 8.10. 1897.
10. Позднеев, Д. М. Торговля городов: Дальнего, Да-лянь-ваня, Би-цзы-во и Да-дун-гоу. – Санкт-Петербург: Типография В. Кирбаума, 1902. – 55 с.

References

- Ivanova, A. (2022). Russian military engineers of Port Arthur. Project Baikal, 19(73), 142–149. <https://doi.org/10.51461/pb.73.25>
- Port Artur i ego obshchestvennyye sooruzheniya [Port Arthur and its public buildings]. (1902, April). Builder, 7-8, pp. 241-262.
- Pozdneev, D. M. (1902). Torgovlya gorodov: Dalnego, Da-lian-wang, Bi-tzu-wo and Da-tung-gou [Trade of the cities: Dalny, Da-lian-wang, Bi-tzu-wo and Da-tung-gou]. Saint Petersburg: Printing house of V. Kirbaum.
- RSMHA (Russian State Military Historical Archive). Fund 400. Inv. 12. File 26035. Pp. 288-290.
- RSMHA. Fund 409. Inv. 1. File 132100. Pp. 64-65.
- RSMHA. Fund 409. Inv. 1. File 1325449/1-9. Pp. 28-31.
- RSMHA. Fund 409. Inv. 1. File 133059/1-6. Pp. 29-33.
- RSMHA. Fund 409. Inv. 1. File 382-546/551. Pp. 6-7.
- RSMHA. Fund 409. Inv. 2. File 358535-57. Pp. 109-111.
- RSMHA. Fund 802. Inv. 11. File 35. Alphabetical register of track records of officials of the Main Engineering Directorate. 1897-98. Von Gogen. Official list of the acting architect of the court of His Imperial Highness Grand Duke Vladimir Alexandrovich, academician of architecture, titular adviser von Gogen. (1897, October 8).

Территории массовой жилой застройки все меньше соответствуют современным требованиям высокого качества и комфорта жилой и городской среды. В качестве главных недостатков жилых районов можно обозначить физический и моральный износ застройки, деградацию прилегающих территорий, устаревшие функциональную и планировочную структуры. Исследуются методы с целью создания индивидуального алгоритма их реконструкции. На примере микрорайонов Красноярска проиллюстрированы методы реконструкции с сохранением формы и обновлением содержания территорий с преобладанием массовой жилой застройки.

Ключевые слова: массовая застройка; индустриальное наследие; микрорайон; жилищная среда; программа реновации; реконструкция жилых территорий; Красноярск. /

The areas of large-scale residential development are becoming less and less suitable for modern requirements for high quality and comfort of the residential and urban environment. The main disadvantages of the residential areas are physical and moral deterioration of the building, degradation of adjacent territories, as well as outdated functional and planning morphology. The authors study the methods to create an individual algorithm for reconstruction of such areas. The example of micro-districts of Krasnoyarsk illustrates the methods of reconstruction with the preservation of the form and renewal of the content of territories with a predominance of large-scale residential development.

Keywords: large-scale residential development; prefabricated heritage; micro-district; residential environment; program of the renovation; reconstruction of residential areas; Krasnoyarsk.

Методы реконструкции жилых территорий массовой застройки / Methods of reconstruction of large-scale residential development areas

текст

Яна Чуй

Сибирский федеральный университет

Клавдия Камалова

Сибирский федеральный университет

Ирина Кукина

Сибирский федеральный университет /

text

Yana Chui

Siberian Federal University

Klavdia Kamalova

Siberian Federal University

Irina Kukina

Siberian Federal University

Среда микрорайонов крупнопанельного домостроения 1970–1990-х годов строительства, созданных в рамках концепции социалистического города по нормативам прошлого века, не соответствует потребностям современного человека. Помимо физического и морального устаревания архетипов жилой застройки значительно расширилась палитра функционального использования территорий, жилых зданий и их деградация, что все меньше отвечает современному качеству и комфорту жилой среды.

Микрорайоны планировались так, чтобы обеспечить непрерывное и безопасное пешеходное движение, изолированное от развивающегося городского транспорта, с высокой долей открытых зеленых насаждений. Школы, детские сады ограждены от магистральных территорий или располагаются внутри микрорайона в шаговой доступности. Наивысшей ценностью с точки зрения реконструкции обладают междворовые пространства, плавно переходящие друг в друга, они способны обеспечить доступную пешеходную связь с объектами социального и коммерческого обслуживания (детскими садами, школами, магазинами), а также с остановками общественного транспорта. Тем не менее эти территории страдают целым рядом недостатков: размещение социального и общественного обслуживания на дворовых территориях и, как следствие, отсутствие частных дворовых пространств; несовпадение кадастровых границ с фактическим использованием территории; отсутствие архитектурно-планировочного разнообразия; неблаговостроенные связи внутри территорий микрорайона; невозможность разрешения конфликта автомобильного хранения и потребностей пешеходов; отсутствие дифференциации открытых общественных пространств на общедоступные, полуприватные и приватные.

В последние годы принят ряд национальных программ, стимулирующих совершенствование городской среды и направленных на улучшение условий проживания. Проектирование реновации и реконструкции микрорайонов панельного домостроения на территории нашей страны активно началось в середине 80-х гг. прошлого века, например, в институтах системы Госстроя СССР «Гражданпроект» для Одессы, Красноярска, Вильнюса,

Москвы, Новосибирска и других крупных городов.

Но реальный масштабный процесс реновации стал возможен только вследствие принятия Градостроительного и Земельного кодексов РФ, установивших ответственность землевладельцев за землепользование, и в настоящее время преимущественно происходит в Москве.

Для Красноярска задача комплексного развития территорий массовой жилой индустриальной застройки является крайне актуальной. В первую очередь потому, что, по некоторым оценкам, застройка типовых серий занимает до 30% от общего числа объектов жилого фонда города. Реконструкция данных районов ограничивается ремонтом проездов и благоустройством дворовой территории в собственности МКД в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» по программе «Формирование комфортной городской среды». Процесс должен быть инициирован жителями домов совместно с управляющей компанией, по дворовой территории не должно быть земельных споров, у управляющей компании – долгов. Реновация прилегающих к микрорайонам территорий и земельных участков в муниципальной собственности внутри также осуществляется в рамках программы «Формирование комфортной городской среды» и зависит от голосования общественности. Реконструкция жилого фонда рассматривается в рамках капитального ремонта и ограничивается ремонтом внутридомовых инженерных систем, лифтов, крыши, подвальных помещений, фундаментов и фасада. В 2021 году принят Закон Красноярского края от 08.07.2021 № 11–5320 «О регулировании отдельных отношений в сфере комплексного развития территории», согласно которому в рамках комплексного развития территории жилой застройки допускается снос или реконструкция многоквартирных домов, построенных в период индустриального домостроения, с 1930 по 1975 год включительно, по типовым проектам, не признанных аварийными. Однако в практике указанная статья закона на территории края не применяется из-за отсутствия маневренности плотно заселенного жилого фонда для временного размещения граждан на время реконструкции, отсутствия инвестиций и непроработанности программ; что в том числе повышает риск потерять средовые ка-

Исследования выполнены при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда науки в рамках реализации научного проекта «Методы реконструкции жилых территорий с преобладанием массовой застройки на примере Красноярска» / Acknowledgements: The research was carried out with financial support from the Krasnoyarsk Regional Science Foundation as part of the research project "Methods of reconstruction of residential areas with a predominance of large-scale residential development on the example of Krasnoyarsk"

а

Условные обозначения:

- улица; (⊕) — многофункциональная площадь района;
- — дворовая территория; ■ — коллективное общественное пространство;
- — буферное озеленение;
- — рекреационная территория

б

чества территории при условии точечной замены жилого фонда.

Несмотря на то что в последние годы предпринимается достаточно много усилий и инвестиций в ремонт проездов, косметический ремонт домов, малых архитектурных форм, в целом среда этих микрорайонов остается индифферентной. В данной связи становятся актуальными исследование современных процессов трансформации территорий микрорайонов 70–90-х годов строительства и разработка методов их индивидуальной реконструкции с целью организации и регулирования процесса реконструкции. Данный подход в исследовании рассмотрен по социальному, экономическому и экологическому направлениям с целью создания инвестиционной заинтересованности, индивидуализации территории, концентрации активности жителей и благоприятных условий проживания.

Некоторые методы реконструкции жилых территорий с преобладанием массовой жилой застройки

Принимая во внимание наличие положительных и отрицательных качеств территорий массовой застройки, актуальным становится исследование международного опыта реконструкции подобных селитебных территорий. Предварительный анализ примеров реновации жилых районов панельной застройки 1960–1990 годов различных стран показывает, что в зависимости от экономических, социальных и культурных условий реконструкция массового жилищного наследия осуществляется различными методами и темпами – от внутренней перепланировки квартирного фонда и локальной реновации территорий до массового сноса и создания жилой среды по новым стандартам. Наиболее разнообразная палитра примеров реконструкции, без сомнений, принадлежит немецкому опыту. В Германии разработано и внедрено большое количество разнообразных программ реновации федерального, муниципального и местного уровней. Все они, опираясь на современные требования к качеству жилища в большей или меньшей степени (в зависимости от источников финансирования), направлены на улучшение условий проживания, повышение визуальных и функциональных качеств территории, поиск опти-

мальных концепций модернизации районов постсоциалистического периода.

Наиболее широкое распространение получил метод внутренней перепланировки квартирного фонда. В разных странах он осуществляется по-разному и зависит преимущественно от преобладающих, устоявшихся форм собственности.

В России внутренняя перепланировка помещений получила широкое применение после процесса приватизации государственного и муниципального имущества и носит стихийный характер. Таким образом, первый этап реконструкции массовой жилой застройки социалистического периода начался через приведение жилых помещений, ставших частной собственностью, в соответствие с индивидуальными представлениями о комфорте. Так, например, наибольшую популярность получило объединение гостиной с кухней или ванной с туалетом, что не допускалось нормами, диктующими разделение жилых и обслуживающих помещений или раздельного санузла для квартир с количеством комнат более одной. Позднее и по настоящий момент популярность получило объединение нескольких квартир, позволившее увеличить общую площадь жилища и расширить состав помещений дополнительными кладовыми, гардеробными и санузлами. Важнейшее значение процесс приватизации оказал и для перевода помещений первых этажей под коммерческое использование, навсегда изменив принципы эксплуатации придомового пространства.

На фоне отечественного опыта стихийного распространения внутренней перепланировки, не имеющей отношения к плановой реконструкции, интерес представляет проект крупномасштабной модернизации жилого фонда района Вайнгартен-Запад во Фрайбурге (Weingarten-West, Freiburg) с населением около 5,8 тыс. человек, где в рамках федеральной программы «Районы с особыми потребностями развития – Социальный город» (Soziale Stadt) было проведено обновление жилого фонда за счет перепланировки целых этажей в зависимости от потребностей населения. В основу реконструкции легла концепция «Жилые отношения» (Wohnverwandtschaften), которая заключается в создании пространства для совместного проживания

^ Рис. 1. Жилой район Вайнгартен-Запад во Фрайбурге, 2015 (landschaftsarchitektur-heute.de):

а) концепция открытых общественных пространств; б) коммерчески активный центр с многофункциональной площадью района

6

a

^ Рис. 2. Трансформации жилой застройки района Марцан-Хеллерсдорф в Берлине. Фото К. В. Камалова: а) до реконструкции; б) после реконструкции

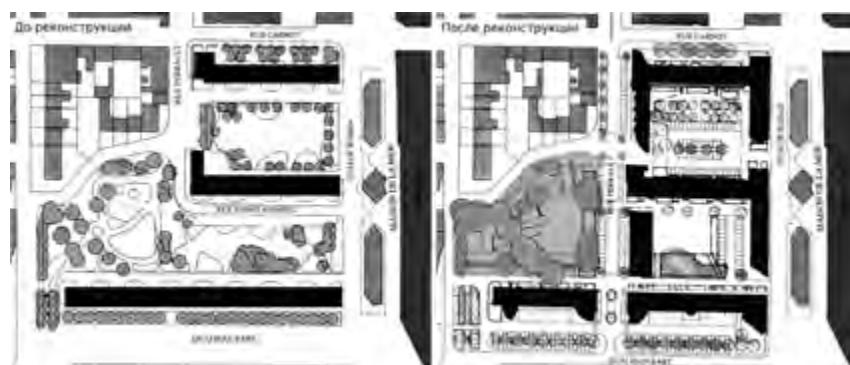
разных поколений [1]. В районе были модернизированы 752 квартиры, а 140 из них были созданы заново за счет перепланировки 90 крупногабаритных квартир. Таким образом удалось переформатировать однообразную типологию квартир через объединение и перераспределение жилой площади, с расширением состава помещений для квартир семейного заселения и вычитанием «неиспользуемых» квадратных метров из апартаментов для одиноких соседей. В добавление на первых этажах домов были устроены помещения общедомового назначения, которые, в свою очередь, стали использоваться как дополнительные общественные гостиные. Адаптации под потребности различных социальных групп подверглась и социальная инфраструктура района. На территории в числе вновь организуемых пространств был создан коммерчески активный центр с многофункциональной площадью, доступной к переоборудованию для размещения рынка, еженедельное посещение которого стало важным социальным ритуалом и местом встреч соседей, друзей и знакомых. Несмотря на сочетание различных форм собственности в районе, важной составляющей реализации федеральной программы стало активное участие жителей в проектировании новых пространств и жилой среды. В результате собственники реконструируемых объектов за счет привлечения к проектированию и удовлетворению запросов арендаторов получили сплоченное соседское сообщество, заинтересованное в продлении арендных договоров и обеспечении благополучия района (рис. 1).

Другим методом в рамках реконструкции территорий массовой жилой застройки является метод преобразования или трансформации застройки. Интерес представляет улучшение качества архитектуры с изменением этажности, внешнего облика жилых зданий или нивелирование недостатков жилой среды с помощью достройки жилых групп. В российском опыте данный метод практически не используется, если не считать интеграцию точечной застройки в уже сложившиеся планировочные элементы. Одной из наиболее известных и самой масштабной площадкой апробации метода трансформации жилой застройки является район Марцан-Хеллерсдорф в Берлине (Marzahn-Hellersdorf, Berlin)

общей площадью 1954 га и количеством населения свыше 100 тыс. человек. Располагается район в северо-восточной части столицы примерно в 20 километрах от центра. Структура района, складывающаяся из плотной сетки закрытых жилых групп высотой от девяти этажей и выше до реконструкции, характеризовалась как однообразная. В результате в числе главных задач обновления стало повышение качества жилой среды за счет изменения параметров жилища со снижением этажности и расширением квартирографии застройки; за счет дифференциации открытых пространств средствами ландшафтной архитектуры с выделением участков частной, муниципальной, общественной собственности; за счет улучшения инфраструктуры района, например обеспечения каждого домохозяйства парковочным местом рядом с жилым домом; за счет 100% обеспеченности социальной инфраструктурой вследствие сокращения численности населения (рис. 2). Таким образом, пустеющий неблагополучный жилой район получил новое развитие: обширные дворовые пространства были превращены в сады, а квартиры первых этажей в зонах застройки малой (сокращенной до трех этажей) этажности получили приквартирные палисадники с индивидуальным входом. С целью повышения архитектурных качеств типовой застройки для отдельных жилых групп разработан дизайн-код. Главным инструментом стало применение различных материалов в облицовке фасадов. Например, для жилых групп, посвященных водной стихии, преобладающим цветом отделки стал синий, а в благоустройстве применено большое количество геопластичных форм, напоминающих волны. Отдельной мерой улучшения среды стало выстраивание иерархии пространств – в результате каждый двор получил статус полупубличного пространства, предназначенного для отдыха соседей, а игровые площадки для детей были вынесены на междворовые территории, дополнив систему общественных пространств, включающих ранее административный центр и парк. Следует заметить, что в Германии жители повсеместно оставили районы массового крупнопанельного домостроения, проблема отселения жителей для целей радикальной реконструкции не стояла. Стояла цель, наоборот, привлечения граждан в опустевшие

а

б

районы за счет радикального изменения качества жилищного фонда, общественных пространств и социальных объектов, среды жизнедеятельности с возможностью развития малого и среднего бизнеса и т. д. Так, например, в Дрездене один из микрорайонов был преобразован в городские виллы.

Данный пример, направленный на разуплотнение жилых районов, для российского опыта не видится приемлемым. Главной причиной является совершенно другая экономическая ситуация с повсеместной приватизацией собственности и низким уровнем дохода населения, для которого жилье в панельной застройке остается единственно доступным сегментом, несмотря на все ранее перечисленные недостатки. В этом контексте интерес представляет французский подход к реконструкции с преобразованием типовой архитектуры здания, а не сносом. Одним из таких примеров является реконструкция жилого квартала Набережная Роан в Лорьяне (Quai de Rohan, Lorient) (рис. 3). Низкое качество застройки, несмотря на выгодное местоположение, повлияло на репутацию данного комплекса. Предложенный известным архитектором Р. Кастро проект доказал возможность радикальной модернизации кварталов социального жилья без тотального сноса существующей застройки и впоследствии стал образцом для реконструкции многих французских муниципалитетов [2]. Программой реконструкции зданий было предусмотрено: внутренняя перепланировка с сохранением 430 квартир нового качества и расширением типологии от 4 до 52 типов; возведение новых (компенсационных) жилых корпусов с 50 дополнительными квартирами; выделение 1100 кв. м площади для коммерческого пользования. При реализации проекта существующие протяженные здания подлежали «дроблению» на части и демонтажу нескольких секций для обеспечения доступа к набережной. С целью формирования силуэта развертки часть этажей были также демонтированы для создания переменной этажности от трех этажей, пластику фасада разнообразили с помощью пристройки выступающих элементов эркеров, балконов и лоджий.

В качестве следующего можно выделить метод локального преобразования территории. В практике

реконструкции районов с преобладанием массовой застройки зачастую данный метод реализуется за счет благоустройства открытых общественных пространств и междворовых территорий, способных удовлетворить запросы группы жителей и создать новое пространство для общения.

В России интерес к стратегии развития районов массовой застройки через активизацию открытых территорий получил развитие после программы реновации 2017 года. В том же году был объявлен международный архитектурно-градостроительный конкурс на разработку концепций для пяти экспериментальных площадок, подлежащих реновации [3, 4]. Одним из проектов основанным на потенциале междворовых территорий стал проект группы MLA+ и Bugmoscow. В рамках реконструкции 81-го квартала района Хорошево-Мневники ими было предложено создание внутреннего рекреационного пространства, способного выступить «мостом» между дворами, объектами социальной инфраструктуры и территориями общего пользования.

В настоящее время в России в результате продолжительного действия федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» этот метод становится все более популярным. В Красноярске формирование открытых общественных пространств осуществляется на земельных участках улично-дорожной сети вдоль транспортных магистралей, на местах снесенной ветхой многоквартирной жилой застройки и на неограниченных внутримикрорайонных территориях, находящихся в муниципальной собственности. Например, в микрорайоне Черемушки на муниципальной территории вдоль улицы Шевченко сформированы два открытых общественных пространства района: скверы «Юнга» и «Черемушки». В Железнодорожном районе вдоль улицы Железнодорожников общественные территории зоны уличной дорожной сети, сформированные жилыми домами, преобразованы в скверы с организованными транзитными пешеходными путями, зонами тихого отдыха и зонами различной активности для детей (сквер «Уют», сквер на ул. Железнодорожников, 10 и др.). В Советском районе вдоль улицы 9 Мая было организовано линейное рекреационное пространство с трассировкой

^ Рис. 3. Реконструкция жилого квартала Набережная Роан в Лорьяне, официальный сайт Р. Кастро: а) общий вид; б) планы

б

а

в

^ Рис. 4. Жилой район
Город садов Древиц
в Потсдаме (fairkehr-
magazin.de):

а) план реконструкции;

б) Конрад-Вольф-Аллея до
реконструкции;

в) линейное общественное
пространство Конрад-
Вольф-Парк после
реконструкции

пешеходных путей, местами отдыха и скейт-площадкой. Внутри территории третьего микрорайона жилого района Северного на неиспользуемом земельном участке, находящемся в муниципальной собственности и расположенном между жилым домом (Комсомольский проспект, 23) и территорией средней школы № 143, был преобразован во внутримикрорайонный сквер «Северный».

В этом контексте интерес представляет реконструкция района Город садов Древиц в Потсдаме (Drewitz, Potsdam), расположенного вдоль юго-западной границы Берлина между трассой и крупным торговым центром. Район с количеством населения около 5,6 тыс. человек занимает территорию площадью 38,8 га и состоит из кварталов крупнопанельной застройки средней этажности 1980-х годов постройки [5]. В качестве основной проблемы окраинного района Древиц руководителем агентства Project Kommunikation К. Хагенау было обозначено большое количество резидентов с низким уровнем дохода, исходя из этого главной задачей реконструкции стало улучшение социального климата. Помимо модернизации и совершенствования технических качеств зданий большое внимание было уделено расширению

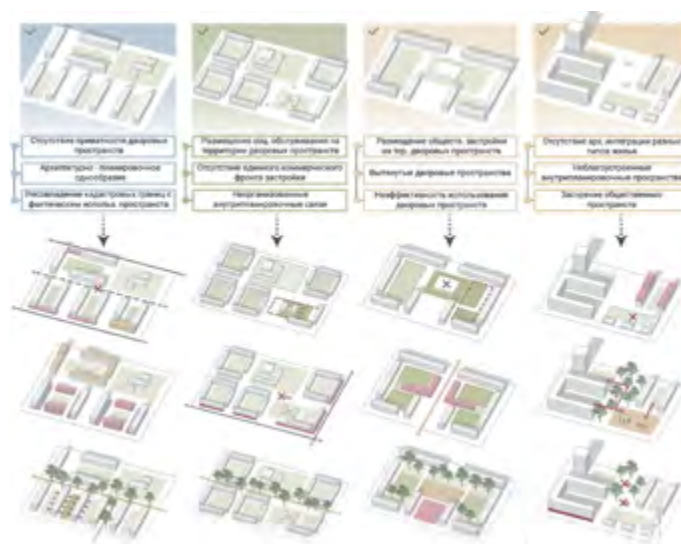
типологической линейки квартирного фонда. А для решения социальных вопросов в центре района на месте 4-полосной магистрали Конрад-Вольф-Аллея (Konrad-Wolf-Allee) было создано линейное общественное пространство Конрад-Вольф-Парк (Konrad-Wolf-Park) (рис. 4). Новое многофункциональное общественное пространство с разнообразными возможностями для тихого и активного отдыха: здесь были обустроены стена для скалолазания, спортивное оборудование для людей преклонного возраста, детские площадки, батуты, качели, места пассивного отдыха с современной уличной мебелью. Центральным ядром пространства стала площадь с фонтаном, способствовавшая встречам и общению жителей района. Организация открытого общественного пространства, доступного каждому, послужила импульсом развития всего района и смогла ответить на запросы и потребности жителей различных возрастных и социальных групп. [6] В дальнейшем в рамках программы повышения качества жилой среды было реализовано оснащение всего района специальной зеленой системой водо- и электроснабжения, что способствовало снижению уровня вредных выбросов и выведению территории массовой застройки на современный уровень жизнедеятельности.

Инструментарий реконструкции жилых территорий с преобладанием массовой застройки Красноярск

Сопоставление анализа опыта реконструкции жилой среды позволило сделать вывод о том, что потенциал развития жилых районов массовой крупнопанельной застройки без сноса жилых объектов высок и методы реконструкции близки, но действуют в разном правовом и экономическом поле. В рамках исследования жилых территорий Красноярск в качестве перспективных территорий для реконструкции выявлены жилые планировочные элементы с преобладанием массовой застройки 1970–1990 гг., для которых характерны запутанные границы землевладения и землепользования, плохая связность с окружающими территориями, отсутствие архитектурно-планировочного разнообразия и неблагоустроенные связи внутри территорий микрорайона. Их можно расценивать как некий внутригородской

а

б

Условные обозначения: ■ – периметральная многоквартирная застройка квартального типа 1945–1950 годов; ■ – периметральная многоквартирная застройка квартального типа 1950–1960 годов (тип 1); ■ – периметральная многоквартирная застройка квартального типа 1950–1960 годов (тип 2); ■ – периметральная многоквартирная застройка квартального типа 1970–1990 годов; ■ – периметральная многоквартирная застройка микрорайонного типа 1970–1980 годов; ■ – строчная многоквартирная застройка квартального типа 1960–1980 годов; ■ – индивидуальная частная застройка; ■ – смешанная застройка; ■ – общественная застройка

ресурс для повышения эффективности использования территории города.

Очевидно, что в первую очередь в проектах реконструкции жилых территорий с преобладанием массовой застройки целесообразно повысить интенсивность использования территории. В качестве примера можно рассмотреть территорию в жилом районе Первомайском, расположенном в Кировском районе Красноярска. В настоящее время жилой фонд района представлен домами 1940-х годов, в значительной степени относящихся к ветхим и аварийным, застройкой сталинского ампира 1950-х годов, и основную часть занимают панельные и блочные дома различных типовых серий 60–70-х и 80–90-х годов застройки. Анализ современного использования территории показал, что около 45% используется неэффективно и имеет довольно низкую плотность застройки – коэффициент не превышает 1.

В рамках дипломного проектирования был предложен вариант реконструкции территории, целями которого было сохранение комфортной и социально-активной жилой среды с повышением эффективности землепользования и плотности застройки. В результате доказано, что преобразование среды с увеличением плотностных характеристик до требуемых показателей возможно за счет наращивания этажности периметральной застройки до 8 этажей и точечного включения внутри жилых групп за счет частичной достройки с целью разграничения внутриворового и общественного пространств, организации зеленых связей внутри планировочных элементов, а также снос ветхой и аварийной застройки и строительство на ее месте новых жилых групп. Главным преимуществом проекта является улучшение внутриворовочной структуры района с повышением качества среды. Предлагается сформировать зеленые внутриворовочные пешеходные связи, которые также будут подключены к городской рекреации; реконструировать существующую панельную застройку, на первых этажах которой предусмотреть помещения для малого и среднего бизнеса, ориентированного на жилую среду, а также, вследствие «залезания» социальных и общественных объектов на внутриворовые территории, предлагается сформировать иерархию пространств по степени приватности. Преимуществом потенциальной

реконструкции является развитие существующего общественного ядра района и организация транспортно-пересадочного узла на прирельсовой территории (рис. 5).

Другим, не менее интересным примером является жилой район Черемушки, расположенный в Ленинском районе Красноярска. Большая часть территории занята вторым поколением крупнопанельной типовой застройки, сформированной преимущественно в 1970–1980 годах в рамках плана, разработанного институтом «Красноярсгражданпроект». С 2000-х годов на территории района осуществляется только застройка точечного характера. Анализ современного использования территории показал, что около 45% используется неэффективно, отсутствует развитая инфраструктура культурно-бытового обслуживания.

Дипломным проектом предлагается организация нового общественно-делового ядра на месте заброшенной нефтебазы, с отведением неблагоприятной для жилья территории под индустриальный парк и сохранением конструкции нефтехранилищ в качестве естественных декораций. Соседняя культурно-просветительская зона предполагает возведение спортивного, музейно-выставочного центров, замыкается эта композиция библиотекой. Далее за главным пешеходным транзитом (остановка – библиотека) располагается жилой квартал с различными типологиями жилья: многоквартирные высотные жилые дома до 17 этажей, многоквартирные дома средней этажности, кооперативы. Замыкается данная линия торговым центром. В зоне среднеэтажной застройки 1960-х годов предлагается обновление фасадов зданий, точечная интеграция жилых объектов. Главной осью данной территории является пешеходная улица от восстановленного Дома культуры, которую формируют не только коммерчески активные первые этажи, но и отдельно стоящее административное здание и офисный центр. Объемно-пространственная композиция данной улицы начинается с жилых башен – доминант и завершается площадью со зданием крытого рынка. В зоне микрорайонной застройки 1980-х годов реконструкция в большей степени направлена на благоустройство междворовых территорий и создание индивидуального характера среды (рис. 6).

^ Рис. 5. Фрагмент выпускной квалификационной работы «Комплексное развитие территории района Первомайского в Красноярске (в границах улиц Затонской, Транзитной, Мичурина, Грунтово-вой», И. В. Евдокимова, руководителя Я. В. Чуй, И. А. Ряпосов:

а) схема типов застройки; б) предложения по улучшению внутриворовочной структуры района

> Рис. 7. Фрагмент выпускной квалификационной работы «Регенерация жилой застройки панельного домостроения 1958–1964 годов микрорайона VI жилого района Зеленая Роща в Красноярске» А. А. Горша, руководители И. В. Кукина, К. В. Камалова:
а) до реконструкции;
б) после реконструкции

а

б

Анализ жилой застройки 70–90-х Красноярска доказывает, что в настоящее время немаловажное значение имеет несовпадение кадастровых границ с фактическим использованием земельных участков. Это проявляется в том, что придомовые территории, не используемые жильцами, оккупируются коммерческими предприятиями (торговые павильоны, киоски), владельцы которых не заинтересованы в благоустройстве прилегающей территории; несанкционированными гаражами или парковками. В качестве примера можно привести жилой район Зеленая Роща, расположенный в Советском районе Красноярска. На территории микрорайона преобладает жилая застройка 60–80-х годов строительства, представленная 5-этажными панельными жилыми домами и многоэтажной застройкой от 9 до 14 этажей с сопутствующими объектами обслуживания. Градостроительные проблемы функционирования придомовых территорий заключаются в стихийной интеграции коммерческих функций в структуру первых этажей внешнего периметра застройки и в здания детских дошкольных учреждений. На территориях микрорайона большое количество за-

в Рис. 6. Фрагмент выпускной квалификационной работы «Реконструкция жилого района Черемушки в Красноярске», Е. Д. Кириченко, руководители Я. В. Чуй, К. В. Камалова

брошенных и заросших земельных участков, оставшихся вне межевания, тем самым оставленных для спонтанного использования.

В рамках дипломного проектирования предложен вариант реконструкции территории, целями которого было четкое разделение жилых и общественных пространств, с упорядоченной системой землепользования. Разработанная стратегия развития района Зеленая Роща предусматривает формирование коммерческо-активной центральной оси с развитой системой общественных учреждений, сервиса и досуга, сближение мест проживания и работы – внедрение трудовой деятельности в пространство жилой планировочной единицы, вывод объектов обслуживания из дворовых пространств и внутренней структуры микрорайона, то есть развитие транзитно-ориентированного микрорайона. Развитие жилого пространства сопровождается формированием единой системы зеленых насаждений, включающей зеленые коридоры, узловые дворовые пространства, набережную, совершенствование дренажных систем, интегрирующих в природную среду. Сохранение естественных систем зеленых пространств, создание полузакрытых групп соседства, ориентированных на общественное пространство, приводит к контролю территории. В проекте социально значимые территории объединены в общественное ядро. Сеть образовательных учреждений связана общественным пространством в пределах безопасной пешеходной доступности – внутрирайонным бульваром с сопутствующими функциями: детской игровой площадкой, пространством для инвалидов, местами для отдыха, бульвар связывает три микрорайона и Гвардейский парк. Отход от монотонности восприятия массовой жилой застройки возможен путем разнообразия фасадных решений (рис. 7). Одним из ключевых моментов повышения качества жилой среды является модернизация жилых и общественных зданий. Из неструктурированного пространства микрорайона, образованного однотипными панельными жилыми зданиями, вычислены жилые ареалы различных архетипов за счет реконструкции объемов жилых зданий, способствующих смешиванию проживания семей различного достатка, – это пристройка дополнительных пространств к кухням, выходы с первых этажей на свой собственный приле-

гающий участок, надстройка мансардных этажей, возможность устройства террас и эксплуатируемых кровель, устройства подъемников или лифтов, если это необходимо, трансформация подземных погребов. Однако данный подход обостряет отношения между различными группами населения, главной причиной конфликта становится нарушение границ территорий разной собственности. Из-за специфики межевания и правообладания выделенными участками жилой застройки реновация территории становится возможной только при условии проведения дополнительных исследований в смежных областях экономики и социологии и разработке механизма реализации, и привлечения собственников помещений и территорий к креативному диалогу по созданию среды жизнедеятельности общими усилиями.

Стратегия развития территорий с преобладанием массовой застройки требует различных (индивидуальных) мер на разных уровнях и в разных масштабах. Первостепенными задачами адаптации архитектурных решений к современным параметрам качества жилища являются обновление инженерно-технических потребностей и расширение ассортимента квартирного фонда. Для территорий важным является создание комфортной окружающей среды с выстраиванием иерархии открытых пространств от частного до общегородского уровня и повышение уровня использования территории. Сам процесс организации реконструкции в реальности сталкивается с рядом проблем, главная из которых – невозможность территориальной реконструкции в достаточной мере.

Изученные методы реконструкции жилых районов требуют детальной проработки в части формулирования методов реконструкции с целью последующего внедрения в программы реновации жилья в Красноярске, а также совершенствования документов градостроительного проектирования.

Литература

1. Официальный сайт администрации Баден-Вюртемберг : Baden-Württemberg [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.baden-wuerttemberg.de> (дата обращения 01.02.2023).
2. Бабуров, В. А. Лорьян: Реконструкция кварталов типового жилья. // Блог «Записки урбаниста», 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://townplanner.livejournal.com/3775.html> (дата обращения: 01.02.2023).
3. Энгель, Б. Типовая жилая застройка в социалистическом городе. Наследие, ценности и перспективы. – Берлин : DOM publishers, 2019. – 240 с.
4. Официальный сайт российского интернет-портала в сфере архитектуры Archi.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archi.ru/russia/76711/nachalo-bolshogo-eksperimenta> (дата обращения: 01.02.2023).
5. Официальный сайт администрации города Потсдам: Potsdam [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.potsdam.de> (дата обращения: 01.02.2023).
6. Чуй, Я. В. Социально-пространственная трансформация открытых общественных пространств жилой среды под влиянием динамических процессов жизнедеятельности // Современная архитектура мира. – 2019. № 1(12). – С. 193-203.
7. Камалова, К. В. Интеграция рабочего пространства в жилую структуру, ее трансформация и развитие // Архитектура и строительство. – 2016, № 4. — С. 65-70
8. Кириченко, Е. Д. К вопросу о функционировании жилой среды территорий массовой застройки на примере района Черемушки города Красноярска // Город, пригодный для жизни : Материалы IV Международной научно-практической конференции, Красноярск, 11–12 ноября 2021 года / Отв. за выпуск Д. Е. Лемытская. – Красноярск: Сибирский федеральный университет. – 2022. – С. 37-41.
9. Кукина, И. В., Федченко, И. Г. Альтернативы идеологем: социалистический и социальный город // Проект Байкал. – 2022. – Т. 19, № 74. – С. 72-77.
10. Кукина, И. В., Федченко, И. Г., Липовка, А. Ю. Развитие планировочной структуры Красноярска // Проект Байкал, 2022. – Т. 19, № 71. – С. 79-91.

11. Кукина, И. В., Чуй Я. В., Горша, А. А. Ключевые аспекты формирования открытых общественных пространств на жилых территориях // Градостроительство и архитектура. – 2019. – Т. 9, № 4(37). – С. 132-139.
12. Кукина, И. В. Постсоциалистический город, подходы к реновации // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2020 году : Сборник научных трудов РААСН: в 2 томах / Российская академия архитектуры и строительных наук. Том 1. – Москва : Издательство АСВ, 2021. – С. 270-275.
13. Кукина, И. В., Ряпосов, И. А., Камалова, К. В., Чуй, Я. В. КРТ – панacea или нерегламентируемое уплотнение города // Проект Байкал. – 2021. – Т. 18, № 70. – С. 140-148. – DOI 10.51461/projectbaikal.70.1903. – EDN FMSZLQ.
14. Пилипенко, И. В. Динамика жилищного строительства в республиках СССР в 1920–1980 гг. Часть 2 // Историко-экономические исследования. – 2022. – Т. 23, № 1. – С. 7-43.
15. Страшнова, Ю. Г. Социально-экологическая значимость методов реконструкции пятиэтажной жилой застройки без сноса // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. – 2022. – № 1 (37). – С. 26-35.

References

- Archi.ru. (n.d.). Retrieved February 1, 2023, from <https://archi.ru>
- Baburov, V. (2013). *Lorian: Rekonstruktsiya kvartalov tipovogo zhilia [Lorient: Reconstruction of blocks of typical housing]*. Zapiski urbanista. Retrieved February 1, 2023, from <https://townplanner.livejournal.com/3775.html>
- Chui, Ya. V. (2019). Sotsialno-prostranstvennaya transformatsiya otkrytykh obshchestvennykh prostranstv zhiloy sredy pod vliyaniem dinamicheskikh protsessov zhiznedeyatelnosti [Socio-spatial transformation of open public spaces of residential areas under the influence of dynamic processes of living]. *Sovremennaya arkhitektura mira*, 1(12), 193-203.
- Engel, B. (2019). *Mass Housing in the Socialist City. Heritage, Values, and Perspectives*. Berlin: DOM publishers.
- Kamalova, K. V. (2016). Integratsiya rabochego prostranstva v zhiluyu strukturu, ee transformatsiya i razvitie [Integration of the working space in the residential structure, its transformation and development]. *Academia. Arhitektura i stroitelstvo*, 4, 65-70.
- Kirichenko, E. D. (2022). K voprosu o funktsionirovani zhiloy sredy territoriy massovoy zastroyki na primere rayona Cheremushki goroda Krasnoyarska [On the issue of the functioning of the residential environment of the territories of mass development, on the example of the Cheryomushki district of Krasnoyarsk]. *Gorod, prigodnyy dlya zhizni [City for Life]*. Proceedings of the IV international research to practice conference (pp. 37-41). Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
- Kukina, I. V. (2021). Postsotsialisticheskiy gorod, podkhody k renovatsii [Post-socialist city, approaches to renovation]. In *Sbornik nauchnykh trudov RAASN: V 2 tomakh* (Vol. 1, pp. 270-275). Moscow: Izdatelstvo ACB.
- Kukina, I. V., Chui, Ya. V., & Gorsha, A. A. (2019). Klyuchevye aspekty formirovaniya otkrytykh obshchestvennykh prostranstv na zhilykh territoriyakh [Key aspects of formation of open public spaces in residential territories]. *Urban construction and architecture*, Vol. 9, 4 (37), 132-139.
- Kukina, I., & Fedchenko, I. (2022). Alternatives of ideologemes: Socialist and social city. *Project Baikal*, 19(74), 72-77. DOI: 10.51461/projectbaikal.74.14. EDN: DAFXWC.
- Kukina, I., Fedchenko, I., Lipovka, A., Logunova, E., Kamalova, K., & Unagaeva, N. (2022). Development of Krasnoyarsk planning structure. *Project Baikal*, 19(71), 79-91. DOI: 10.51461/projectbaikal.71.1945. EDN: JSRNAQ.
- Kukina, I., Ryaposov, I., Kamalova, K., & Chui, Ya. (2021) A panacea or unregulated density of the city? *Project Baikal*, 18(70), 140-148. DOI: 10.51461/projectbaikal.70.1903. EDN: FMSZLQ.
- Land Baden-Württemberg. (n.d.). Retrieved February 1, 2023, from <https://www.baden-wuerttemberg.de>
- Pilipenko, I. V. (2022). Dinamika zhilishchnogo stroitelstva v respublikakh SSSR v 1920–1980-e gg. Chast 2 [Dynamics of housing construction in the Republics of the USSR in the 1920s-1980s. Part 2]. *Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya*, 23(1), 7-43.
- Potsdam. (n.d.). Retrieved February 1, 2023, from <https://www.potsdam.de>
- Strashnova, Yu. G. (2022). Sotsialno-ekologicheskaya znachimost metodov rekonstruktsii pyatietazhnoy zhiloy zastroyki bez snosa [Socio-ecological significance of methods of reconstruction of five-storey residential buildings without demolition]. *Biوسفерная совместимость: Человек, регион, технологии*, 1(37), 26-35.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда науки в рамках реализации научного проекта «Принципы преобразования промышленно-конверсионных территорий города в контексте стратегии устойчивого развития». / Acknowledgements: The research was carried out with financial support by the Krasnoyarsk Regional Science Foundation as part of the research project "Principles of Transforming Urban Industrial Conversion Areas in the Context of a Sustainable Development Strategy".

Преобразование промышленно-конверсионных территорий играет важную роль в стратегии устойчивого развития городов. Рациональность, эффективность и связность становятся ключевыми характеристиками современного урбанизированного пространства. Формообразующими факторами преобразования следует считать размещение в структуре города, площадь реконструируемого земельного участка, наличие объектов культурного наследия. Главными результатами преобразования являются повышение комфорта городской среды, эффективности пользования внутригородскими землями, экономическое и социальное благополучие.

Ключевые слова: постиндустриализация; промышленное наследие; реновация; конверсия; адаптация; ревитализация; интеграция. /

The transformation of industrial conversion territories plays an important role in the strategy of the urban sustainable development. Rationality, efficiency and connectivity are becoming the main characteristics of the modern urban space. The formative factors of transformation are: the urban context, the area of the reconstructed plot and the presence of heritage. The main results are an increase of the urban comfort, effectiveness of the inner-city land use, as well as economic and social well-being.

Keywords: post-industrialization; industrial heritage; renovation; conversion; adaptation; revitalization; integration.

Конверсионные территории – катализатор городского развития / Conversion areas as a catalyst of urban development

текст

Клавдия Камалова

Сибирский федеральный университет

Елена Логунова

Сибирский федеральный университет

Ирина Кукина

Сибирский федеральный университет

text

Klavdiia Kamalova

Siberian Federal University

Elena Logunova

Siberian Federal University

Irina Kukina

Siberian Federal University

Одной из проблем развития городских территорий в XXI веке является образование в структуре градостроительной ткани обширных депрессивных участков. Ревизия земельных ресурсов городов России показывает: в среднем только 20–37% территорий заняты жилой застройкой, до 20% – рекреационными объектами и 12–19% – промышленными предприятиями. Площадь территорий, не вовлеченных в градостроительную деятельность, достигает 30% [1, с. 38]. К последним зачастую относятся земли с неопределенными или особыми видами пользования, бывшие промышленные зоны, бросовые участки, земли со сложной топографией. Принимая во внимание постоянно нарастающую антропогенную нагрузку, все более актуальным становится вопрос рационального пользования внутригородскими территориями. Важнейшее значение приобретает поиск путей и методов стабилизации стагнирующих фрагментов, образовавшихся в результате модернизации или закрытия производственных объектов [2, с. 86]. Среди перечисленных именно промышленно-конверсионные территории обладают высоким потенциалом для последующего развития. Ценностью является их внутригородское расположение, сложившееся в результате «поглощения» производственных окраин интенсивно развивающимися

городами. Одним из главных препятствий для включения в процессы жизнедеятельности можно считать принадлежность к окраинным поясам промышленного города (от англ. urban fringe belts), отличающимся спонтанным характером формирования с запутанной структурой землепользования, чересполосицей промышленных, коммунальных, складских, рекреационных и др. территорий, неоднородностью пространства, сложной системой улично-дорожной сети [3, с. 168]. Город в развитии «переступил» окраинные пояса, таким образом сформировались протяженные кольцеобразные, местами прерывные территории, нарушающие логику его структуры и функционирования. Проблема интеграции соседствующих с конверсионными территориями приобрела масштабный характер.

Предварительный анализ мирового опыта позволяет утверждать, что преобразование рудиментарных фрагментов градостроительной ткани под общественные, жилые и многофункциональные комплексы становится катализатором развития для прилегающих пространств и города. Изучение реализованных практик преобразования промышленно-конверсионных территорий с адаптацией их в зависимости от возможностей и потребностей конкретной ситуации позволяет сформировать подходы

а

б

> Рис. 1. Дизайн-завод «Флаконт» и культурный центр «Хлебозавод № 9» в Москве (Россия):

а – общий вид;

б – транзитная пешеходная улица.

Источник: prorus.ru

а

б

в проектах реконструкции стагнирующих фрагментов градостроительной ткани.

Важнейшее значение для преобразования промышленно-конверсионных территорий имеет размещение в структуре города, характеризующееся, как правило, уникальностью транспортных и пешеходных связей, наличием планировочных ограничений, ландшафтными особенностями участка, функциональным наполнением окружающего пространства и нижнего яруса прилегающей застройки. Анализ градостроительных условий промышленных территорий показывает – одним из главных экономически-обоснованных факторов их размещения является организация эффективной транспортной логистики. С точки зрения преобразования она же выступает и физическим барьером [3, с. 167], сдерживающим налаживание связей с окружающими районами, и ресурсом для интеграции реконструируемого объекта в общегородскую и междугороднюю инфраструктуры.

Яркими примерами «сдерживания развития территории» являются дизайн-завод «Флакон» и культурный центр «Хлебозавод № 9» в Москве (Россия), образованные вследствие реконструкции хрустально-стеклянного завода (1841 год) и хлебоулочного комбината (1934 год) (рис. 1). Расположение объектов между магистралью городского значения – ул. Большая Новодмитровская и веткой железнодорожного пути участка Савеловской дороги обусловило ориентацию функционирования пространств преимущественно на близлежащую станцию метро «Дмитровская» и проектируемую станцию МЦД (Московский центральный диаметр) с одноименным названием. Анализ показал, что отсутствующая взаимосвязь между районом и конверсионными территориями, которая в период действия предприятий была неактуальна из-за закрытого режима эксплуатации, после реконструкции также не получила развитие. Пространства, пополнившие ряд объектов креативных индустрий, вошли в систему общегородского обслуживания. На территории общей площадью 5 га были организованы площадки различных форматов – от открытых рекреационных пространств, способных трансформироваться в разные времена года и суток для проведения массовых мероприятий, до помещений совместной работы (ковор-

кинга), студий, офисов и торговых залов индивидуальных предпринимателей, многочисленных точек розничной торговли и пунктов общественного питания. С точки зрения привлекательности и «Флакон», и «Хлебозавод № 9» вполне соответствуют востребованному в настоящее время формату молодежных общественных пространств, однако говорить об их интеграции в повседневную жизнедеятельность района не приходится. Образованные объекты получили автономный режим работы. Ни функциональных, ни планировочных, ни пространственных связей с окружающими жилыми группами организовано не было. Несмотря на высокую степень проницаемости внутренних пространств, местным населением оно используется исключительно как транзитное. Наиболее востребованным элементом является внутренняя улица, организованная как параллельная альтернатива шумной транспортно-активной ул. Бутырской. Она соединяет станцию метро с окружающими жилыми объектами. Значение улицы усиливается за счет размещения вдоль пешеходного маршрута предприятий торговли и общественного питания.

Аналогичным примером с точки зрения размещения, но противоположным с точки зрения интеграции в городскую среду является многофункциональный центр Manufaktura, ранее – ткацкая фабрика (1872 год), расположенная в центре города Лодзь (Польша) на пересечении ул. Заходня, Древновской и Огородовой между Старомейским парком и католическим кладбищем (рис. 2). Несмотря на специфичное окружение, идеей реконструкции фабрики, автором которой выступил последний директор М. Михальски, стала организация главного общественного пространства с площадью для встреч населения. Для Лодзи – бывшего крупнейшего центра текстильной промышленности, терпевшего убытки начиная с 1989 года из-за перехода к либерально-рыночной экономике с банкротством серии предприятий, высочайшим уровнем безработицы и преступности, и как результат миграцией населения в соседние Краков и Варшаву [4, с. 49], данное решение имело важный стратегический характер в социально-экономической политике реновации. Обоснованием концепции послужило отсутствие исторического центра

^ Рис. 2. Многофункциональный центр Manufaktura в Лодзи (Польша): а – состояние до реконструкции; б – состояние после реконструкции. Источник: en.manufaktura.com

а

б

у города, стремительно сформированного в период промышленного бума на месте небольшого поселения, окруженного крупными предприятиями. В результате согласно проекту Virgile&Stone и Sud Architectes в 13 корпусах фабрики общей площадью 150 тыс. кв. м был сформирован крупнейший в Центральной Европе торгово-культурно-развлекательный центр с 260 магазинами, кинотеатром, спортивным центром, детским игровым пространством, музеями и театром, гостиницей и др. На первоначальном этапе современное общественное пространство стало причиной закрытия маленьких магазинчиков и кафе на ул. Петровской, всегда считавшейся «сердцем города». Со временем нагрузка выровнялась, а вокруг мануфактуры произошла реконструкция серии промышленных объектов. В том числе ревитализация подверглась хлопчатобумажная фабрика в районе К. Млын, а в 2014 году здесь также был открыт центр культуры и предпринимательства Art_Inkubator с художественными студиями, конференц-залами и галереями; под молодежное творческое пространство была преобразована фабрика Ф. Рамисха получившая название OFF Piotrkowska, включившая также мастерские, дизайнерские бутики, галереи, офисы, модные клубы и рестораны; в 2013 году фабрики Л. Грохмана были перепрофилированы под экономический центр Лодзи [5]. Уникальная история создания городского центра на месте производственных объектов способствовала восполнению недостатка инфраструктуры общегородского обслуживания. Важное значение сыграло богатое архитектурное наследие. Однако из-за островного характера расположения промышленно-конверсионных территорий полноценной интеграции в жизнедеятельность города не случилось. Эффективная маркетинговая кампания обозначила вновь образованное пространство в качестве культурного и туристского центра, объединившего традиции четырех культур «основателей» (русская, польская, еврейская и немецкая). Это способствовало привлечению большого потока посетителей из разных стран, а сохранение фабричной архитектуры послужило уникальной идентификацией в череде прочих туристских достопримечательностей. Отток населения значительно сократился.

а > Рис. 3. Многофункциональный комплекс Battersea и район Nine Elms:
а – состояние до реконструкции;
б – проектное предложение;
в – променад вдоль набережной реки Темзы.
Источник: redeveloper.ru

Особенную роль для повышения качества городской среды имеет преобразование портовых территорий. Сокращению промышленной деятельности вдоль береговой линии послужили постепенное наращивание скоростных возможностей железнодорожных и авиационных грузоперевозок, современная экологическая повестка и переоценка значимости прибрежных территорий. Огромное количество портов, подвергшихся консервации и банкротству, открыли возможность для формирования городской среды нового качества. К успешным примерам можно отнести: формирование крупных жилых районов Oostelijke Eilanden в Амстердаме (Нидерланды), Norra Djurgårdsstaden в Стокгольме (Швеция), Jatkasaari и Kalasatama в Хельсинки (Финляндия), «Южный берег» и «Новоостровский» в Красноярске (Россия); создание многофункциональных общественных комплексов «Красный Октябрь» на о. Болотном в Москве (Россия), «Пакаузы на Стрелке» в Нижнем Новгороде (Россия); благоустройство крупных рекреационных пространств Hafepark во Франкфурте-на-Майне (Германия) и адаптацию портовых территорий для многофункционального использования Medienhafen в Дюссельдорфе (Германия), Hafencity в Гамбурге (Германия) и многие другие.

Одним из числа самых масштабных за последние годы примеров влияния реконструкции промышленно-конверсионных объектов в структуре окраинных поясов на развитие городской среды стало преобразование угольной электростанции Battersea (1933 год, 1950-е годы), расположенной на берегу реки Темзы на юге Лондона (Великобритания) в пешеходной доступности от здания парламента. Электростанция была возведена в пределах коммунально-складской окраины Лондона конца XIX – начала XX века. В результате роста эксплуатационных доходов и снижения производительности электростанции к 1983 году было принято решение о ее остановке. Практически сразу объекту, выполненному в стиле ар-деко по проекту знаменитого архитектора Д. Г. Скотта, был присвоен статус памятника II степени. Стоит отметить, что только 6% всех объектов культурного наследия Лондона обладают подобным высоким статусом охраны. Реставрация здания электростанции и трансформация ее под культурный и бизнес-центр с размещением

театра, художественной галереи, офисных и досуговых помещений, предприятий общественного питания от ресторанов до кофеен стали лишь первым этапом преобразования целого района Nine Elms (рис. 3). Начавшийся в 2013 году на территории площадью 17 га процесс реконструкции в результате распространился на 195 га. На прилегающих к Battersea территориях уже ведется строительство жилых зданий, общий объем которых к завершению проекта должен составить 750 тыс. кв. м, для заселения 25 тыс. человек. В проектировании первых жилых объектов участвуют Н. Фостер и Ф. Гери. К настоящему моменту проложена ветка метро с открытием двух новых станций, реализуется проект системы общественных пространств общей площадью 7,7 га, в том числе с отведением 2,5 га под новый парк. Одной из важнейших градостроительных задач является восстановление пешеходных связей наземного уровня городской среды с устройством променада вдоль набережной реки Темзы, призванного восполнить пробел пешеходно-

креационного каркаса между парком Battersea и променадом South Bank. Благодаря наследованию системы примыкающих устойчивых пешеходных, транспортных и пространственных связей интеграция бывшего промышленного комплекса окажет положительный качественный эффект на развитие городского пространства, приумножая площадь преобразований в 11 раз.

Примеры реконструкции промышленно-конверсионных территорий показывают – интеграция отдельных крупных объектов в границы окраинных поясов в процессы жизнедеятельности современного города происходит за счет создания общественно-деловых, многофункциональных, жилых комплексов и общественных пространств. В результате ранее обособленные монопрофильные фрагменты «растворяются» в городской среде. Феномен преобразуемых территорий заключается в сохранении уникальной морфологической структуры и пространственных характеристик, обусловленных сложившимися

б

а

^ Рис. 4. HafenCity:
а – застройка вдоль
ул. Сандторкай;
б – пешеходная улица.
Фото К. В. Камаловой

условиями транспортных связей, наличием застройки, представляющей архитектурную ценность и новое функционирование.

С точки зрения выстраивания иерархии градостроительных связей между преобразуемыми объектами и окружением большое значение имеет площадь земельного участка, подлежащего реконструкции [6, с. 5]. Можно выделить 4 группы объектов: промышленный район, включающий несколько предприятий, различных по площади, наполнению и функционированию; комплекс разнохарактерных производств; крупное предприятие единого цикла; отдельные сооружения. Анализ мирового опыта позволяет определить предельные границы преобразуемых объектов, площадь которых варьируется от 0,2 га до 380 га. Условно к объектам первой величины можно отнести территории преобразования от 100 га и больше, вторая величина характеризуется объектами площадью от 60 га до 120 га, третья – от 10 га до 60 га, и самая малая – от 0,2 га до 10 га. Принципиальной разницей при формулировании стратегии преобразования выделенных групп является количество вновь интегрированных функций и степень взаимодействия их с окружающей средой.

К примерам первой величины можно отнести организацию парков Landschaftspark и Duisburg-Nord, расположенных рядом с городом Дуйсбург (Германия) и являющиеся частью большого промышленного района, каждый из которых занимает площадь более 100 га. Реновация подобных объектов относится к проектам регионального планирования и после преобразования редко сохраняет единство решений.

Другим примером первой величины является реконструкция бывшего завода «ЗИЛ» в Москве (Россия), территории которого занимают площадь 357,9 га. Условия внутригородского расположения определяют его как крупный планировочный район. Схожим характером обладает реконструируемый порт HafenCity в Гамбурге (Германия). В границах преобразуемой территории площадью 127 га вместе с жильем, запланированным на 15 тыс. жителей, располагается знаменитая Филармония на Эльбе Elbphilharmonie, международный морской и автомобильный музеи, корпуса шести высших

учебных заведений, кампус средней общеобразовательной школы и шесть дошкольных образовательных учреждений, офисы 930 компаний, 45 из которых являются мировыми лидерами. Общее количество рабочих мест нового центра на данный момент (проект до конца не реализован) составляет 45 тыс. Для объектов данной величины, развивающихся как самостоятельный район большое значение имеет обеспечение связности с примыкающей городской средой. Физическую связь HafenCity с центром обеспечивают четыре пешеходных моста, пролегающих на втором уровне над транспортной магистралью. Многоуровневость нижнего яруса также является особенностью определения границ жилых и общественных пространств преобразуемой территории, стесненные условия продолговатых участков которой не позволили сформировать квартальную застройку (рис. 4). В результате приватность придомового пространства отдельно стоящих жилых зданий обеспечена разнесением уличного и дворового пространств на разные высотные отметки. А в объектах вдоль насыщенных транспортных магистралей, таких как ул. Сандторкай, и вовсе включена в тело здания, с поднятием жилых помещений на второй этаж. Ментальная связь преобразуемого объекта поддерживается преемственностью пропорций соседних исторических кварталов, стадийностью изменения масштабов застройки от городской среды к вновь образуемым пространствам и применением отделочного материала (красный кирпич), характерного для старых портовых складов [7, с. 248]. Несмотря на разницу архитектурной стилистики и подходов к планировочной организации отдельных фрагментов, создается впечатление абсолютно открытого, безбарьерного и высоко проницаемого городского пространства с сохранением «единства и гармонии при осознании, что есть «старое», что есть «новое» в данной среде... Переход от исторического ареала к современному сделан постепенным, мягким, эффективным при сохранении достоинств исторической застройки и преимуществ новейшей архитектуры. Так же постепенно происходит насыщение пространства функциями: от закрытых жилых, через открытые локальные пространства (дворики жилых кластеров, музея, театра)

до открытых общественных площадей общегородского значения, включая пирсы международных морских лайнеров» [8, с. 129].

К наиболее распространенному виду освоения территорий третьей величины относится жилая застройка. Причиной тому служит подходящая для размещения жилых планировочных элементов площадь с максимальной величиной до двух микрорайонов. К числу данных объектов относятся жилой комплекс «Садовые кварталы» площадью 14 га в Москве (Россия), организованный в результате переноса завода резиновых изделий «Каучук» (1897 год). Генеральным проектом предусмотрено возведение вокруг открытого общественного пространства четырех замкнутых жилых кварталов, общеобразовательной школы и офисного здания. Композиционным центром комплекса является водоем, созданный здесь в память об искусственных прудах петровского времени. Исторический контекст преобразуемой территории прослеживается в сохранении парцел-

ляции участков и продлении направлений исторически сложившихся примыкающих улиц, которые призваны интегрировать новый фрагмент городской среды. Однако достаточно частая сетка исторически сложившихся направлений разрезает вновь образуемую среду на мелкие фрагменты, что вступает в противоречие с идеей создания целостной жилой среды. Для обеспечения пешеходной непрерывности проектом предусмотрено отведение отдельной галереи на отметке выше уровня земли для беспрепятственного и безопасного движения жителей между жилыми группами и детей до школы (рис. 5). Такое многоуровневое разведение функций нижнего яруса жилой застройки позволило повысить интенсификацию использования помещений нижних этажей, восполнить недостаток объектов обслуживания для прилегающих жилых кварталов, а центральное наземное пространство перевести в категорию общегородских.

К объектам третьей (малой) величины можно отнести такие примеры, как гастрономический кластер

^ Рис. 5. Жилая пешеходная улица в «Садовых кварталах». Фото К. В. Камаловой

Teurasatamo, появившийся в результате реконструкции скотобойни в Хельсинки (Финляндия); Domino park площадью 2 га, благоустроенный на месте сахарного завода в Нью-Йорке (США); центр дизайна Artplay площадью 3,65 га, образованный вместо завода «Плутон» в Москве (Россия); музейно-образовательный комплекс «ГЭС-2» площадью 4 га на месте электростанции и арт-кластер «Красный Октябрь» площадью 5 га на месте одноименной шоколадной фабрики, расположенные на Болотном острове в центре Москвы (Россия); открытое общественное пространство «Новая Голландия» площадью 7,8 га, появившееся в результате реконструкции судостроительных складов в центре Санкт-Петербурга (Россия); дизайн-кластер Arabia, открывшийся на месте фарфоровой фабрики Хельсинки (Финляндия), и мн. др. Ограниченная поздней застройкой площадь объектов не обладает необходимым ресурсом для интеграции жилых или многофункциональных объектов. Главным

признаком преобразования подобных, как правило, является восполнение недостающих функций, которые в случае расширения и присоединения дополнительных территорий пополняются сопутствующей инфраструктурой.

Отдельным искусством преобразования промышленно-конверсионных территорий является сохранение уникального «духа» территории через консервацию и адаптацию промышленных артефактов и ценной архитектурной застройки к современным видам использования. Интерес представляют виды взаимодействия вновь возводимых жилых объектов с архитектурным и градостроительным наследием [7, с. 246]. В качестве примера можно привести реновацию района Strijp-S в Эйндховене (Нидерланды), образованного на месте компании Philips (1892 год). Уникальной особенностью объекта является большое количество сохранившихся зданий (120 тыс. кв. м – 36% от общей площади), обладающих статусом исторических памятников. Центральными аутентичными

а

б

< Рис. 7. Торговый комплекс «Квант»: а – вид со стороны ул. Красной Армии; б – вид со стороны ул. А. Лебедевой. Фото К. В. Камаловой

объектами преобразуемого пространства стали часовая башня, физическая лаборатория, машиностроительная фабрика и ряд цехов по производству продуктов из металла и стекла. Благодаря инновационным решениям в части ландшафтного дизайна и архитектурной подсветки удалось повысить привлекательность пространства. Маркетинговая кампания по продвижению данной территории как места, в котором объединяются искусство, наука и технологии, выделила Strijp-S» из числа похожих центров культурных и креативных индустрий. Среди основных эффектов, которых удалось достичь в результате реновации района, можно выделить общее обновление городского пространства. В результате произошедших изменений положительный экономический эффект развития получил и весь район Эйнховен, заняв лидирующие позиции в числе регионов высоких технологий. Абсолютным преимуществом стал союз исторической застройки и смелых современных дизайнерских решений, превратив данный объект в нидерландскую и европейскую столицу дизайна, где ежегодно проходит Голландская неделя дизайна, а также биеннале STRP (фестиваль искусств, технологий и поп-культуры).

Однако не только объекты культурного наследия могут стать основой развития уникальной идентификации. Обеспечение связности между сложившимися традициями и архитектурой нового жилища можно увидеть в объектах промышленных портовых зон Oostelijke Eilanden в Амстердаме (Нидерланды), стратегия новой застройки которого включает современную интерпретацию исторической типологии традиционного жилища с привычными для данной местности «лоскутными» фасадами и организацией «морского фасада» [7, с. 248]. При этом уникальным решением становится организация нижнего яруса блокированной застройки островов Java и Vorneo с индивидуальными придомовыми площадками, включающими выход к пирсу, что для жителей Амстердама открывает дополнительные возможности пользования водными магистралями города (рис. 6). В целом данный проект включает преобразование четырех островов порта – Java, Sporenburg, Vorneo, Cruquius и обширной территории между железной дорогой и береговой линией, примыкающей к островам с юго-западной стороны.

Жилая среда каждого из островов, несмотря на схожесть внешней границы, решена по-своему.

Для российских городов – региональных центров с богатой промышленной историей характерны такие же процессы развития и связанные с ними проблемы. Так, например, за Красноярском начиная со второй половины XX века закрепился статус крупнейшего промышленного центра Восточной Сибири. В течение полувека здесь формировалась многоотраслевая структура экономики с развитием предприятий различного профиля: металлургия, машиностроение, металлообработка, деревообработка и химическая промышленность.

Уже генеральным планом «Большого Красноярска» 1930-х годов главной площадкой для размещения промышленности был определен правый берег реки Енисей. Основными аргументами для размещения «социалистического города» на правом берегу стали пологий рельеф и доступ к реке против холмистого рельефа Николаевской и Покровской сопки, окруживших существующую застройку левого берега. В соответствии со стратегией развитию подлежали деревообработка и машиностроение, в перспективу также закладывалось формирование алюминиевого производства. До наступления Великой Отечественной войны генеральный план утвердить не успели [9]. Освоение территорий приняло стихийный характер. Вследствие масштабной эвакуации предприятий в восточном направлении с 1941 по 1942 год в Красноярск эвакуировали до 30 промышленных предприятий. Преобладающее количество объектов расположилось на правом берегу реки Енисей, между небольшими поселками вдоль железной дороги.

К 2000-м годам прекращение закона централизованного планирования, отмена госплана, политико-экономический кризис и либерализация экономики привели к резкому сокращению количества производственных предприятий в Красноярске. Согласно генеральному плану, утвержденному в 2014 году, к 2030 году было запланировано сокращение промышленной зоны не менее чем на 20% в границах городского округа. Таким образом, общая площадь «освобожденных» территорий должна достигнуть 1300–1400 га. В результате анализа генерального плана, принятого в 2022 году на срок

> Рис. 8. Торгово-развлекательный комплекс «На Свободном»:
а – вид на главный фасад;
б – внутренняя торговая улица.
Фото К. В. Камаловой

а

б

до 20 лет, очередного большого сокращения площади не выявлено. Главными изменениями в части размещения промышленных зон является вынос их с внутригородских в периферийные районы, со значительным уплотнением производств вдоль северо-восточной границы (там, где планируется формирование «Красноярской технологической долины»).

В настоящее время опыт Красноярска в сфере преобразования промышленно-конверсионных территорий сводится к двум направлениям: репрофилирование под торгово-развлекательные комплексы; редевелопмент для размещения жилых комплексов и районов. К примерам первого направления относятся торговый комплекс «Квант» (рис. 7), открывшийся в 2001 году на месте завода фоточувствительных материалов с одноименным названием; торгово-развлекательный комплекс «На Свободном» (рис. 8) и выставочно-деловой центр MixMax, занявшие в 2005 году корпуса бывшего завода телевизоров «Искра»; торгово-офисный комплекс «Атмосфера дома», оборудованный к 2012 году на месте шелкового комбината (позже АО «Шелен»).

Преимуществом данных объектов является их расположение в структуре города. Окруженные жилой застройкой, они долгое время выступали в качестве физической преграды, что негативно сказывалось на функ-

ционировании городской среды. Самым главным достоинством их преобразования стало повышение транспортной и пешеходной проницаемости. Так, благодаря открытию внутреннего подземного перехода торгового комплекса «Квант» удалось связать ул. Ленина и ул. А. Лебедевой, такая взаимосвязь способствовала функциональному развитию нижнего яруса самого объекта и прилегающего фронта улицы. В первый и второй этажи бывшего заводского здания было включено порядка 20 коммерческих помещений. Особенностью и одновременно недостатком стала жесткая локализация преобразования, не охватившая прилегающие территории. Отсутствие комплексного решения привело к изменениям функций и внешнего облика одного-двух зданий. Препятствием для интеграции послужили сложная структура землепользования, витиеватость внутренних проездов, неоднородность пространства. Отсутствие объектов культурного наследия позволило достаточно свободно обходиться с объемно-планировочными решениями, что в свою очередь привело к достаточно хаотичному процессу репрофилирования предприятий. Ярким примером является преобразование бывшего завода телевизоров «Искра», в результате которого на территории площадью 44,6 га было выделено множество земельных участков частной собственности. При этом каждый из участков, имея соб-

а

б

> Рис. 9. Жилой комплекс «Южный берег».
Фото К. В. Камаловой

ственные границы, привел к тотальной блокировке транспортного и пешеходного движений. В результате с точки зрения целостности городской среды промышленно-конверсионные территории и после преобразования остались физической преградой для прилегающих жилых массивов.

В качестве примеров второго направления можно привести жилой район «Южный берег» (рис. 9), строительство которого ведется с 2018 года на территории судостроительного завода им. Побезимова; в настоящее время под жилье осваиваются территории Красноярской судовой верфи (ЖК «Берег») и комбайнового завода (ЖК «Новоостровский»). Все эти территории располагаются вдоль береговой линии Енисея, обладают обширной площадью и призваны внести разнообразие в жилой фонд города Красноярска. Пример «Южного берега» показывает, что несмотря на отсутствие в структуре общественных объектов, новые жилые комплексы у воды притягивают большое количество посетителей. Таким образом, междворовое и межквартальное пространство зачастую имеет транзитный характер функционирования, что дополнительно поддерживается размещением общественных функций на нижних этажах застройки.

Представленный анализ опыта градостроительных практик позволяет утверждать, что преобразование промышленных территорий ведет к изменению (восстановлению) структуры современного города. В ходе систематизации примеров доказано преобладание профиля высокотехнологичных и креативных индустрий, ориентации на социальные востребованные сферы: образование, культуру, создание общественных пространств [10, с. 130]. Наиболее распространенным типом можно считать торгово-развлекательные комплексы, на втором месте – культурные и дизайнерские кластеры, на третьем – офисы и жилье. Во время как в отечественном опыте преобладает редевелопмент территорий под жилую застройку.

В качестве главных задач реконструкции можно выделить интеграцию обособленных промышленно-конверсионных объектов в процессы жизнедеятельности города, их адаптацию под актуальные нужды городского развития с увеличением функциональной емкости урбанизированного пространства, поддержку исторически сложившихся планировочных и композиционных характеристик среды с обеспечением целостности и системности городской ткани. Ранее пространственно закрытые территории становятся новыми центрами общественной активности, сосредоточением объектов современной архитектуры, экономического и социального притяжения за счет появления коммерческих зон, зон офисно-деловой застройки, транспортно-пересадочных узлов. Это способствует «растворению» бывших монофункциональных участков окраинных поясов в структуре города. Насыщение нижнего яруса обеспечивает связность городского пространства. Все вместе благоприятно влияет на восстановление общей логики функционирования урбанизированной среды.

Потенциал регенерации бывших промышленных территорий позволяет повысить интенсификацию пользования внутригородским землями. А вновь образуемые многофункциональные пространства благодаря предшествующей богатой истории отличаются особым индивидуальным содержанием и характером планировочной организации [11, с. 124].

Литература

1. Сарченко, В. И. Методология и методика формирования эффективных инвестиционных программ развития городских территорий с учетом скрытого потенциала: монография. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2017. – 384 с.
2. Кукина, И. В., Федченко, И. Г., Липовка, А. Ю. Развитие планировочной структуры Красноярска // Проект Байкал. – № 71 (2022). – С. 79–91.

3. Логунова, Е. Н. Развитие окраинных поясов города под влиянием экономических циклов и морфологических трансформаций // Современная архитектура мира. – 2019. – № 1 (12). – С. 166–177.

4. Александрова, А. Ю. Трансформация городского пространства: от индустриального прошлого к центру культуры и туризма (кейс города Лодзь) // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2017. – № 2. – С. 47–60.

5. Цимер, А. Фабрики Лодзи: вчера и сегодня // интернет-портал Culture.pl <https://culture.pl/ru/article/fabriki-lodzi-vchera-i-segodnya> (дата обращения 10.03.2023).

6. Дмитрик, Н. О. Реновация промышленных объектов как метод стабилизации городского пространства на примере г. Одессы, Украина // The scientific heritage. – 2019. – № 39-1. – С. 4–8.

7. Камалова, К. В. Принципы формирования современной жилой среды в условиях общегородского центра // Современная архитектура мира. № 1(16) (2021). – С. 234–250.

8. Кукина, И. В. Концепция буферных зон как метод толерантного градорегулирования // Архитектурно-градостроительный процесс: Регламентации и свобода, 2013. – С. 123–138.

9. Градостроительство Сибири / В. Т. Горбачев, Н. Н. Крадин, Н. П. Крадин [и др.]. – Санкт-Петербург : Издательский дом «Коло», 2011. – 784 с.

10. Москва RE: промышленная. Типология производственных территорий и лучшие практики редевелопмента: отчет. – Архитектурное бюро «Роздественка», 2017. – 194 с.

11. Хорн, К. "Конверсия": промышленные объекты и территории // ППроект Байкал. – 2018. – № 55. – С. 114–124.

References

Aleksandrova, A. Yu. (2017). Transformatsiya gorodskogo prostranstva: ot industrialnogo proshlogo k tsentru kultury i turizma (keisy goroda Lodz) [Transformation of urban space: From industrial past to cultural and tourism centre (the case of Lodz)]. *Sovremennyye problemy servisa i turizma [Service and Tourism: Current Challenges]*, 11(2), 47–60. DOI: 10.22412/1995-0411-2017-11-2-7-00.

Cymer, A. (2017). *Fabriki Lodzi: vchera i segodnya [Industrial Lodz: Past and present]*. Culture.pl. Retrieved March 10, 2023, from <https://culture.pl/ru/article/fabriki-lodzi-vchera-i-segodnya>

Dmytryk, N. O. (2019). *Renovatsiya promyshlennykh obektov kak metod stabilizatsii gorodskogo prostranstva na primere g. Odessa, Ukraina [Renovation of industrial objects as a method of stabilising the urban space on the example of the city of Odessa, Ukraine]*. *The scientific heritage*, 1(39), 4–8. EDN: HVQNMQ.

Gorbachev, V. T., Kradin N. N., Kradin, N. P., et al. (2011). *Gradostroitel'stvo Sibiri [Urban planning of Siberia]*. St. Petersburg: Kolo Publishing House.

Horn, C. (2018). 'Conversion': Industrial facilities and territories. *Project Baikal*, 15(55), 114–124. DOI: 10.7480/projectbaikal.55.1297. EDN: TZFJOL.

Kamalova, K. V. (2021). Printsipy formirovaniya sovremennoy zhiloi sredy v usloviyah obshchegorodskogo tsentra [Principles for organization of contemporary residential areas into the city center]. *Sovremennaya arhitektura mira [Contemporary World's Architecture]*, 1(16), 234–250. DOI: 10.25995/NIITIAG.2021.16.1.013. EDN: TQMLKI.

Kukina, I. V. (2013). Kontseptsyya bufernykh zon kak metod tolerantnogo gradoregulirovaniya [The concept of buffer zones as a method of tolerant urban regulation]. In *Arhitekturno-gradostroitel'ny protses: reglamentatsii i svoboda [Architectural and urban planning process: Regulations and freedom]* (pp. 123–138). EDN: MVYHV.

Kukina, I. V., Fedchenko, I. G., Lipovka, A. Yu., Logunova, E. N., Kamalova, K. V., & Unagaeva, N. A. (2022). Razvitiye planirovochnoy struktury Krasnoyarska [Development of Krasnoyarsk planning structure]. *Project Baikal*, 19(71), 79–91. DOI: 10.51461/projectbaikal.71.1945. EDN: JSRNAQ.

Logunova, E. N. (2019). Razvitiye okrainnykh po yasov goroda pod vliyaniem ekonomicheskikh tsykvov i morfologicheskikh transformatsii [The urban fringe belts development influenced by economic cycles and morphological transformations]. *Sovremennaya arhitektura mira [Contemporary World's Architecture]*, 1(12), 166–177. DOI: 10.25995/NIITIAG.2019.12.1.025. EDN: TLIFLB.

Moskva RE: promyshlennaya. Tipologiya proizvodstvennykh territorii i luchshie praktiki redevelopmента [Moscow RE: industrial. Types of industrial facilities and best practices of redevelopment]. (2017). Moscow: Architectural bureau 'Rozhdestvenka'.

Sarchenko, V. I. (2017). *Metodologiya i metodika formirovaniya effektivnykh investitsionnykh program razvitiya gorodskikh territorii s uchedom skrytogo potentsiala [Methodology for the formation of effective investment programs for the development of urban areas, taking into account the hidden potential]*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.

Работа выполнена по Программе фундаментальных научных исследований Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ) и Министра России / Acknowledgements: The work was carried out according to the Program of Fundamental Scientific Research of the National Research Moscow State University of Civil Engineering (NRU MGSU) and the Ministry of Construction of Russia.

Петропавловская церковь 1872 года в деревне Нагорный Иштан является одним из самых известных памятников деревянного зодчества Сибири. В статье рассматривается история поселения, строительная история церкви, определяется первоначальный архитектурный облик и облик второго строительного этапа. Выявлен проект архитектора Е. Е. Еремеева, по которому строился храм в Нагорном Иштане. Раскрываются особенности архитектуры исследуемого памятника. Сформулирована архитектурно-художественная и стилистическая характеристика храма. Архитектура и конструкции церкви, как и многие постройки XIX века, сочетают в себе традиционные для деревянного зодчества формы и новые стилистические влияния. Выполненные комплексные научные обследования объекта позволили оценить варианты реставрационных решений и обоснованность оптимального решения по сохранению Петропавловской церкви.

Ключевые слова: деревянное зодчество; традиции; новизна; методика реставрации; Нагорный Иштан. /

The Peter and Paul Church built in 1872 in the village of Nagorny Ishtan is one of the most famous monuments of wooden architecture in Siberia. The article reveals the history of the settlement, the construction history of the church, determines the original architectural appearance and the appearance of the second construction stage. The article also presents the project of the architect E. E. Eremeev, according to which the temple was built in Nagorny Ishtan. The features of the architecture of the monument under study are revealed. The architectural, artistic and stylistic characteristics of the Peter and Paul Temple are formulated. The architecture and structures of the church, like many buildings of the XIX century, combine traditional forms of wooden architecture and new stylistic influences. The complex scientific surveys of the object made it possible to evaluate the options for the restoration solution and the validity of the optimal solution for the preservation of the Peter and Paul Church.

Keywords: wooden architecture; traditions; novelty; restoration technique; Nagorny Ishtan.

Петропавловская церковь в Нагорном Иштане Томской области / Peter and Paul Church in the village of Nagorny Ishtan, Tomsk region

текст

Андрей Бодэ

Московский научно-исследовательский государственный строительный университет

Светлана Петрова

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Марина Салимова

ООО «Научно-реставрационное объединение», Москва

Алексей Салимов

Московский научно-исследовательский государственный строительный университет

text

Andrey Bode

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Svetlana Petrova

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Marina Salimova

Scientific and Restoration Association LLC

Alexey Salimov

National Research Moscow State University of Civil Engineering

В сибирской деревне Нагорный Иштан сохранилась Петропавловская церковь, удивительно красиво сочетающаяся с ландшафтом. Над излучиной реки и лесными долями возвышается крутой холм, на котором стоит церковь, символизирующая присутствие и утверждение человека в бескрайнем природном пространстве.

История поселения Нагорный Иштан уходит в XVII век. Деревня, расположенная на протоке р. Томи – Иштанке, была основана в 1653 году игуменом Усть-Киргизского монастыря Ефремом как миссионерский стан и заселена монастырскими крестьянами с Южного Урала [1]. Есть версия основания Нагорного Иштана в 1600 году, основанная на данных «Списка населенных мест Сибирского края» [2], но этот источник нередко грешит ошибками и опечатками.

В XIX веке казенное село Нагорный Иштан, Иштан или Иштановское, располагалось «по Нарынскому почтовому тракту» и относилось к Николаевской волости Томского уезда, а с 1870-х годов это уже Нелюбинская волость [3]. В состав прихода Нагорно-Иштанской церкви входили деревни Луговая, Кижирова, Орёл, Козюлина, Пушкарёва, Больше-Брагина, Мало-Брагина, Юрты Горбуновы [4].

Среди населения Нагорного Иштана к началу XX века преобладали русские и поляки. Последних активно селили здесь с 1860-х годов, о чем свидетельствуют документы этого времени. Для переселенцев-поляков с согласия местных жителей были отведены и распланированы участки к юго-западу от имеющихся домовладений [5]. Кроме собственно двора с домом и небольшого огорода, вновь прибывшим выделялись большие участки земли под «конопляники». Выращивание конопли для получения волокна (пеньки) имело большое промышленное значение с XV до начала XX века, после чего посевы были значительно сокращены [6].

В 1880-х годах в Томской губернии проводились работы по урегулированию планов населенных мест. «Снятие» плана и распланирование села Нагорный Иштан осуществлялось согласно «общественному приговору», который 16 августа 1886 года подписали жители села – «государственные крестьяне, все домо-

хозяева, имеющие право голоса на сельских сходах». Было принято решение установить размер усадебных мест 12 сажень по улице и 70 сажень вглубь двора, «усадьбы для тех домов, кои за теснотой строений, а также и для тех, кои расположены вблизи реки Иштана <...> отвести на юго-запад от села, по направлению к деревне Губиной, а также и на случай расширению села <...> отвести место для усадеб там же; отвод для нового кладбища <...> отвести на северо-запад между дорогами в деревню Козюлину и в деревню Губину; место для сельского училища <...> отвести среди села Иштана, принимая во внимание вновь проектируемую улицу; для хлебозапанных магазинов на северо-запад по направлению к вновь предполагаемому кладбищу; улицу вновь проектированную иметь не более, как в 10 сажень ширины...» [7].

С 1878 года в селе была открыта школа Министерства внутренних дел [8]. В документах учебное заведение названо училищем, законоучителем в которой был местный священник [9]. Кроме того, здесь имелся хлебный магазин, питьевой дом и мелочная лавка [3, 10–12].

После революции был создан Нагорно-Иштанский сельсовет Нелюбинской волости [13], в 1920-х годах он относился к Коларовскому району Томского округа [2, с. 74], а в 1932-м село включили в состав Моряково-Затонского сельского совета [14]. С 1930-х годов на базе села действовали разные сельхозпредприятия [15]. На сегодняшний день это село (в прошлом растущее: в 1859 году – 259 жителей, 1893 – 329, 1899 – 366, 1911 – 490, 1929 – 519 [2, 10–12, 16]) фактически является дачным поселком. Однако уцелевшая здесь церковь привлекает к себе особое внимание.

Петропавловская церковь была поставлена на государственную охрану в 1978 году [17]. Храм известен тем, что стал частью декораций для фильма «Сибиряда» (режиссер А. Кончаловский), удостоенного в 1979 году Гран-при Каннского кинофестиваля. У стен полузаброшенной церкви снимались кадры фильма, и для съемок в 1979 году провели минимальные ремонтные работы. Были заменены нижние венцы, отремонтирована металлическая кровля, восстановлены цоколь, утраченная обшивка стен и декор фасадов, сделаны наличники окон со ставнями.

^ Холм над протокой Иштанкой

^ Петропавловская церковь в деревне Нагорный Иштан

В основе объемно-пространственной композиции Петропавловской церкви лежит традиционная для церквей структурная схема, когда на одной продольной оси расположены основной объем, трапезная и колокольня. Хронологически и стилистически церковь принадлежит эпохе эклектики. Основной объем храма близок классицистическим стандартам, в архитектуре колокольни присутствуют русские мотивы. В архитектуре храма можно заметить и отголоски сибирского барокко XVIII века, что выражается в особенной пластичности купола, в обработке углов декоративным рустом.

Петропавловская церковь представляет собой здание, состоящее из разновеликих объемов – четверика молитвенного помещения, прямоугольного алтаря, двухчастной трапезной и колокольни. Основной объем церкви – несколько растянутый в ширину четверик, увенчанный восьмигранным куполом, поставленным на невысокое восьмигранное основание. Завершает купол главка, стоящая на восьмигранном барабане. Прямоугольный алтарь, ширина которого чуть уступает ширине основного объема, перекрыт двускатной кровлей. Трапезная сейчас состоит из двух частей, что свидетельствует о наличии строительной истории и изменении первоначальной композиции здания при позднейших перестройках. Колокольня конструктивно не связана со зданием церкви, что говорит о ее позднейшем происхождении. Над глухим четвериком нижнего яруса колокольни помещен невысокий глухой также четырехгранный объем и восьмерик яруса звона с широкими гранями по сторонам света, увенчанный шатром и главкой с крестом. С запада к колокольне примыкает неисторическое входное крыльцо. Лестница на колокольню устроена в отдельном помещении северной части притвора.

Бревенчатые стены здания рублены с остатком («в обло») и поставлены на кирпичном цоколе. Третий ярус колокольни рублен без выпусков бревен («в лапу»). Колокольня срублена из более тонких бревен по сравнению со срубами церкви.

В скромном декоре фасадов конца XIX века с горизонтальной тесовой обшивкой стен и простыми обрамлениями проемов (первоначальные наличники утрачены) выделялись углы срубов, обработанные «кув-

шинообразными» пилястрами, треугольные фронтоны, восьмигранные профилированные филенки в тимпанах фронтонов церкви и среднем ярусе колокольни, а также кокошники на широких гранях основания шатра колокольни.

Окна постройки прямоугольные, сильно вытянутые по вертикали, одинакового размера, за исключением более узких окон, фланкирующих дверные проемы северного и южного входов основного объема. Заполнение всех окон утрачено, в проемах сохранились кованые металлические решетки из полосового и квадратного в сечении металла, закрепленные между косяками. Проемы яруса звона прямоугольные с декоративно вырезанными верхними углами, также напоминающими мотивы барокко.

В интерьере доминирует центральная часть с деревянным сомкнутым восьмигранным сводом каркасной конструкции, остальные помещения имеют плоские перекрытия из толстых досок. Все части церкви, кроме притвора, связаны между собой широкими проемами. Стены и потолки внутри были оштукатурены и побелены, на потолках частично сохранились профилированные карнизы и круглые потолочные розетки.

Петропавловская церковь 1872 года в Нагорном Иштане была не первой. Документальное подтверждение существования здесь храма относится к началу 1850-х годов. В апреле 1850-го, согласно высочайшему указу, епископом Томским и Енисейским Парфением было «дозволено строить Томской губернии и Округа Николаевской волости в деревне Иштановой новую деревянную церковь на деревянных стойках во имя Верховных Апостолов Петра и Павла, по утвержденному Томскою Губернскою Строительною Комиссиею плану и фасаду». За постройкой в деревне «Иштанско-Нагорной» наблюдал томский окружной землемер Есипов, в январе 1852 года он рапортовал о том, что строительство завершено согласно плану и фасаду, кроме печей и иконостаса [18].

1852 годом датируют первую деревянную церковь с колокольней в Нагорном Иштане и клировые ведомости 1850–1860-х годов [19]. Уместно обратить внимание на то, что в клировых ведомостях с 1894 года датой со-

^ Купол Петропавловской церкви

^ Подкровельные конструкции Петропавловской церкви

оружия первой церкви называется уже 1854 год [20], а с 1901-го в документы попадает новая дата – 1864 [21]. Именно эта дата фигурирует во многих публикациях, что не соответствует действительности, так как более тщательный анализ документов позволяет назвать 1852 год. Выстроенный храм был обнесен деревянной оградой [22]. Но 2 мая 1868 года «от палов с полей» церковь сгорела. Сгорел и «общественной» дом священника, выстроенный прихожанами. К счастью, всю церковную утварь удалось спасти [23].

В некоторых изданиях часто упоминается, что сгоревшая в 1868 году в Нагорном Иштане церковь была выстроена в 1864-м и именовалась Троицкой. Кроме

даты пожара, все эти сведения не подтверждаются источниками. Скорее всего, такая ошибка вызвана сходством наименований сел: Троицкая церковь, которую выстроили в 1864 году, находилась в селе Иштан-на-Менгере того же благочиния [24]. Осложнили понимание истории интересующего нас храма искажения, допущенные с течением времени составителями клировых ведомостей.

Многочисленные прихожане и «доброхотные датели» не оставили село без храма, и уже в 1869 году решено было вместо сгоревшей «построить новую деревянную церковь во имя первоверховных Апостолов Петра и Павла по Высочайше утвержденному чертежу № 5-го» [25]. Храм был выстроен по выбранному образцовому проекту и освящен в 1872 году [26] по благословению епископа Томского и Семипалатинского Платона. В алтаре существующего храма внизу фиксируются бревна со следами пожара. Не исключено, что в процессе строительства новой церкви были использованы бревна от предшествующего храма.

Образцовое проектирование в XIX веке получило в стране широкое распространение. Однако при сравнении плановой и объемной композиции рассматриваемого храма с чертежами образцового проекта № 5 [27] налицо явные расхождения. Несмотря на то что Нагорно-Иштанская церковь выстроена по традиционной схеме (алтарь, собственно храм, трапезная и колокольня), предложенной в образцовом проекте, и имеет прямоугольную апсиду, основной объем существующего здания иной, что, конечно же, не соответствует проектному решению храма.

Церковь в Нагорном Иштане более всего напоминает образцовый проект, что был выполнен архитектором Е. Е. Еремеевым. Он сохранился в фонде Томской строительной комиссии, и, согласно этому чертежу, в 1855 году строились церкви в селе Новотроицком Бийской округи, селе Боборыкине Богородской волости и в других поселениях [28].

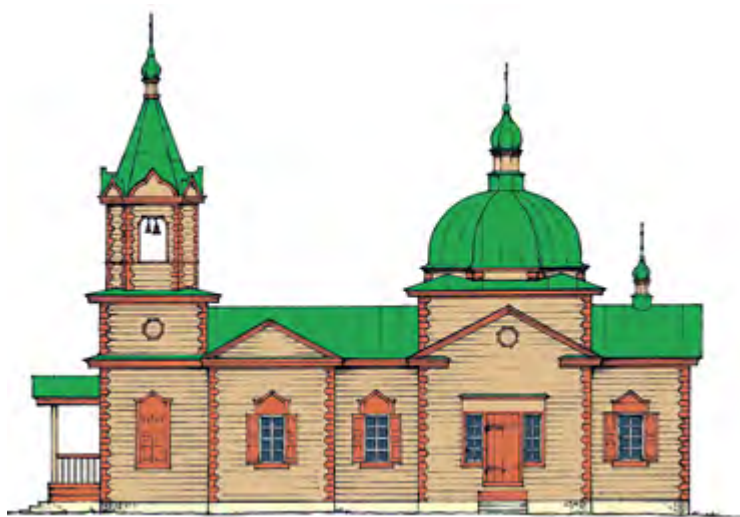
В образцовом проекте мы видим почти квадратную в плане церковь, апсиду и меньшей ширины трапезную с примыкающей к ней колокольней [29]. В нашем же случае трапезная равна по ширине основному объему,

> На колокольне Петропавловской церкви

^ Петропавловская церковь. Первоначальный облик.
Рисунок-реконструкция А. Б. Бодэ

^ Петропавловская церковь. Облик второго строительного этапа.
Рисунок-реконструкция А.Б. Бодэ

а между ними имеется более узкий переход. Затем располагается равная по ширине колокольня. По всей видимости, удлинение плановой формы церкви в Нагорном Иштане произошло в 1895 году. В августе в строительное отделение Томского общего губернского управления из Духовной консистории послали на утверждение проект «на расширение церкви», составленный епархиальным архитектором В. В. Хабаровым. Проект строительным отделением был утвержден. Но, к сожалению, в деле не имеется указаний, что конкретно было сделано [30]. Не отмечен этот факт и ни в одной из клировых ведомостей. Однако при осмотре храма видно, что здание состоит из разновременных срубов.

В 1901 году все строения церкви были застрахованы. Помимо храма в документе указываются жилые дома для причта и сторожка. Этот же источник зафиксировал и ограду [31]. Подробное описание здания содержит страховая оценка 1910 года: «Петро-Павловская церковь – деревянная, снаружи обшита тесом и покрашена масляной краской, внутри оштукатурена, покрыта железом, окрашенным зеленою масляною краскою. Длина церкви, считая и колокольню – 9 саж. 1 арш., наибольшая ширина – 3 саж. 1 арш., высота до верха карниза – 2 саж. 1 арш.; на церкви имеется одна большая главка и одна малая (над алтарем); окон 10 шт., дверей наружных створчатых 3, железом не обиты; внутренних 3 шт., иконостас 9 арш., высотой 4 арш.; церковь отапливается одною печью – контрамаркой. Колокольня в два яруса, высотой до верха карниза – 2 саж. 1 арш. Строение сохранилось хорошо» [32].

В 1911 году священник при описании храма отметил, что их деревянная церковь поставлена «на деревянных стойках», которые требуют «замены каменным фундаментом, что предполагается сделать будущей весной и на что епархиальным начальством разрешено употребить из церковных сумм 553 рубля указом Консистории от 26 апреля 1911 года [33]. И уже в ведомости 1912 года сказано, что церковь «зданием деревянная, на каменном фундаменте, с таковою же колокольнюю в одной связи» [34].

История Томской епархии в целом, ее формирование и существование в советский период изложены

в работе М. В. и Н. П. Фаст «Нарымская Голгофа» [35], где вкратце приводятся сведения по истории церквей. Рассматривается история бытования Петропавловской церкви и в статье С. В. Березовской, посвященной формированию христианских традиций на территории города Северска, к которой относится и село Нагорный Иштан [36].

В 1930-е годы церковь не была закрыта, но, по всей видимости, и не использовалась. Поэтому весной 1940 года сельский совет по распоряжению Томского райисполкома вывесил объявление с предложением для желающих взять в аренду «здание церкви и культурное имущество для удовлетворения своих религиозных потребностей» [37]. Никто не отозвался на это предложение, и вновь было послано обращение к областным властям с просьбой закрыть храм. Распоряжением исполкома Новосибирского облсовета от 14 июня 1940 года он был закрыт и передан под избу-читальню [38]. К этому времени здание уже было достаточно ветхим.

Когда в церкви закрыли избу-читальню, неизвестно, но в 1962 году руководство Моряковского поселкового совета поставило вопрос о необходимости ее сноса [39].

В 1962 году были сделаны фотографии здания церкви, которые позволяют представить ее общее состояние [40]. К тому моменту еще уцелела малая главка с крестом над алтарем, полностью сохранялась обшивка, не было повреждений центрального купола, частично присутствовали оконные переплеты. До 1964 года велась переписка о возможности сноса церкви, но решение так и не было принято.

К моменту составления в 1977 году паспорта на памятник состояние церкви ухудшилось: в нижних частях стен отсутствовала обшивка, были утрачены оконные и дверные заполнения и главка над алтарем, практически полностью исчезла кровля на трапезной и переходе. На сегодняшний день церковь обветшала в еще большей степени. Пользователем храма с 2018 года является Томская епархия, срок действия договора – до 2023 года [41]. В 2021 году был разработан проект реставрации Петропавловской церкви. Выявленные в процессе исследований два строительных этапа определяют проектное реставрационное решение.

^ Традиционные жилые дома в Нагорном Иштане

Итак, первоначально церковь, построенная в 1872 году, состояла из основного четверика, алтаря, небольшой трапезной и притвора. Крыши алтаря, четверика и трапезной были такими же, как и сейчас. На первом строительном этапе над притвором была колокольня. Здание было поставлено на деревянном фундаменте из стоек. Наружную обшивку сделали не сразу, но все же она относится к первому строительному этапу. Интерьеры первоначально были деревянными. Стены церкви внутри были открытые бревенчатые отесанные. Потолки – из половин бревен и толстых досок, в молитвенном помещении купол, подшитый досками, был окрашен серо-голубой краской. Снаружи к притвору примыкало открытое крыльцо.

На рубеже XIX – XX веков была сделана пристройка нового притвора с колокольней. Трапезная была расширена за счет объединения с притвором путем устройства в стене широкого проема-арки. На втором строительном этапе изменились интерьеры: стены и потолки были покрыты штукатуркой по дранке, стали гладкими белыми с профилированными карнизами и розетками. В 1912 году деревянные сваи, пришедшие в негодность, были заменены каменным фундаментом с кирпичным цоколем.

Полноценное возвращение облика первого этапа невозможно, поскольку объект претерпел необратимые изменения в виде пристройки притвора с колокольней. Облик второго строительного этапа, сложившийся на рубеже XIX – XX веков, и дополненный новым фундаментом и кирпичным цоколем 1912 года, достаточно исследован, полностью понятен и может быть достоверно воссоздан. Именно его мы и берем за основу проектного реставрационного решения.

Однако открытые деревянные интерьеры первого строительного этапа обладают значительно большей историко-архитектурной ценностью, чем штукатурные стены и потолки второго строительного этапа. Позднейшее изменение интерьеров обезличило деревянный храм, поскольку подобные оштукатуренные с профилированными карнизами интерьеры в конце XIX – начале XX века встречаются повсеместно в жилых домах. Кроме того, что штукатурка интерьеров на 80% утрачена, здание подлежит

переборке, и, соответственно, новая штукатурка уже не будет подлинной. Поэтому в проектом решении предполагается воссоздание интерьеров, соответствующих первому строительному этапу (1872).

Итак, проектом предусматривается сохранение сложившейся в начале XX века объемно-планировочной структуры здания, включающей четверик, алтарь, трапезную и притвор с существующими проемами и проходами, соединяющими помещения. Церковь расположена в зоне обрушения берега Иштанки. В качестве одного из вариантов спасения памятника рассматривался возможный перенос церкви на другое место. Однако благодаря активным действиям региональной общественности, обеспокоенной судьбой памятника, было принято решение отреставрировать храм и оставить его на историческом месте [42, 43].

В 2019 году Томское отделение ВООПИК совместно с жителями Нагорного Иштана при участии общественных объединений, волонтеров из Томска и Северска, при поддержке Министерства культуры РФ и ФГБУ «Роскультпроект» в рамках государственной программы «Волонтеры культуры» провели комплекс мероприятий по благоустройству территории памятника архитектуры – старейшего на территории Томской области деревянного храма в Нагорном Иштане [44].

Надеемся, что проект реставрации Петропавловской церкви будет реализован. Значение данного памятника деревянного зодчества велико не только для Томского края, но и для всей Сибири.

Литература

1. Семь чудес природы Томской области и другие достопримечательности природы : фотоальбом. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та 2013. – 75 с.
2. Список населенных мест Сибирского края. Т. 2 : Округа Северо-восточной Сибири / Сиб. краевой исполнит. комитет. – Новосибирск, 1929. – 954 с.
3. Список населенных мест Томской губернии [за 1878 год]. – Томск, 1878.
4. Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год. – Томск, 1911. – 810 с.
5. Гос. архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 828. Л. 2 (1866 г.).

6. Большая советская энциклопедия. – Москва, 1973. – Т. 13. – С. 35.
7. ГАТО. Ф. 144. Оп. 2. Д. 379. Л. 7-7об. (1886 г.).
8. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4212. Л. 11об. (1911 г.).
9. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2835. Л. 57об. (1889 г.).
10. Список населенных мест Томской губернии за 1893 год. – Томск, 1893. – С. 12–13.
11. Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. – Томск, 1899. – С. 34–35.
12. Список населенных мест Томской губернии за 1911 год. – Томск, 1911. – С. 62.
13. ГАТО. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 66 (1918 г.).
14. ГАТО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 776. Л. 2 (1932 г.).
15. ГАТО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 382. Л. 14 (1937 г.).
16. Списки населенных мест Российской империи. Вып. 60 : Томская губерния... по сведениям 1859 года. – Санкт-Петербург, 1868. – С. 18.
17. Решение исполкома Томского облсовета от 17.02.78 № 51 «О до- полнительной постановке на охрану памятников истории и культуры Томской области». – URL: <https://upload.wikimedia.org/wikivoyage/ru/c/c1/Ru-tom-d17021978.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).
18. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 277. Л. 1–2, 7 (1850–1852 гг.).
19. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 183. Л. 31(1858 г.); Д. 2067. Л. 55 (1862 г.); Д. 2114. Л. 91 (1864 г.); Д. 2164. Л. 91 (1865 г.); Д. 2166. Л. 101 (1865 г.); Д. 2217. Л. 86 (1866 г.); Д. 2242. Л. 90 (1867 г.); Д. 2275. Л. 47 (1868 г.).
20. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3106. Л. 55 (1894 г.); Д. 3167. Л. 67 (1895 г.); Д. 3227. Л. 51 (1896 г.); Д. 3283. Л. 52 (1897 г.); Д. 3356. Л. 55 (1898 г.).
21. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3494. Л. 50 (1901 г.); Д. 3562. Л. 58 (1902 г.); Д. 3619. Л. 59 (1903 г.); Д. 3963. Л. 12 (1909 г.).
22. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2217. Л. 86 (1866 г.); Д. 2242. Л. 90 (1867 г.).
23. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2275. Л. 47 (1868 г.).
24. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3440. Л. 21 (1900 г.).
25. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2305. Л. 55 (1869 г.).
26. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2375. Л. 57 (1872 г.).
27. Атлас проектов и чертежей сельских построек... – Санкт-Петербург, 1853.
28. ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1192. Л. 17 (1855 г.).
29. ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1192. Л. 17 (1855 г.).
30. ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 408 (1895 г.).
31. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3562. Л. 58об. (1902 г.).
32. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2136. Л. 94 (1910 г.).
33. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4212. Л. 11 (1911 г.).
34. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4350. Л. 11 (1912 г.).
35. Фаст, М. В., Фаст, Н. П. Нарымская Голгофа. – URL: <https://narymskaya-golgofa.blogspot.com/> (дата обращения: 20.03.2023).
36. Березовская С.В. Христианские традиции на территории г. Северска // Труды музея г. Северска. Вып. 1 : Томск. – 2000. – С. 77–94.
37. ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 6. 1939–1940 гг. Л. 70–72.
38. ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 6. 1939–1940 гг. Л. 69.
39. ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 109. 1962–1964. Л. 2.
40. ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 109. 1962–1964. Л. 3, 4.
41. Договор безвозмездного пользования недвижимого имущества (здания, помещений в здании, сооружения) находящегося в казне Российской Федерации, являющегося объектом культурного наследия от 03.09.2018 № БП-1-09-тф/18.
42. Судьба живописного места Нагорный Иштан, где снималась кинопопея «Сибиряда». 26.10.2019. – URL: <https://news.rambler.ru> (дата обращения: 20.03.2023).
43. Деревянную церковь из «Сибиряды» перенесут в Томск. 21.07.2020. – URL: <https://www.interfax.ru> (дата обращения: 20.03.2023).
44. Петиция «Спасти старейшую деревянную церковь в Нагорном Иштане» // change.org. – URL: <https://www.change.org> (дата обращения: 10.04.2023).

References

- Atlas proektov i chertezhei selskikh postroek [Atlas of designs and drawings of rural structures].* (1853). St. Petersburg.
- Berezovskaya, S. V. (2000). Khristianskie traditsii na territorii g. Severska [Christian traditions on the territory of Seversk]. *Proceedings of the Museum of Seversk*, 1, 77–94. Tomsk.
- Derevyanuyu tserkov iz "Sibiriadu" perenesut v Tomsk [The wooden church from Sibiriyada will be moved to Tomsk].* (2020, July 21). Interfax. Retrieved March 20, 2023, from <https://www.interfax.ru>
- Dogovor bezvozmeznogo polzovaniya nedvizhimogo imushchestva (zdaniya, pomeshchenii v zdanii, sooruzheniya) nakhodyashchegosya v*

- kazne Rossiiskoi Federatsii, yavlyayushchegosyz obyektom kulturnogo naslediya No. BP-1-09-tf/18 [Agreement on the Gratuitous Use of Immovable Property (Buildings, Premises, Structures) in the Treasury of the Russian Federation which is an Object of Cultural Heritage No. BP-1-09-tf/18].* (2018, September 3).
- Fast, M. V., & Fast, N. P. (2004). *Narymskaya Golgotha*. Retrieved March 20, 2023, from <https://narymskaya-golgofa.blogspot.com/>
- O dopolnitelnoi postanovke na okhranu pamyatnikov istorii i kultury Tomskoi oblasti [On the additional protection of historical and cultural monuments of Tomsk oblast], *Decision of the executive committee of Tomsk Oblast Council № 51* (1978, February 17). Retrieved March 20, 2023, from <https://upload.wikimedia.org/wikivoyage/ru/c/c1/Ru-tom-d17021978.pdf>
- RSHA (Russian State Historical Archive)*. Fund 799. Inv. 33. File 2136. L. 94 (1910).
- Sem chudes prirody Tomskoi oblasti i drugie dostoprimechatelnosti prirody: Photoalbum [Seven natural wonders of the Tomsk region and other natural attractions: A photo album].* (2013). Tomsk: Publishing House of Tomsk State University.
- SATO (State Archives of Tomsk Oblast)*. Fund 3. Inv. 41. File 408 (1895).
- SATO*. Fund 6. Inv. 1. File 1192. L. 17 (1855).
- SATO*. Fund 144. Inv. 1. File 277. L. 1-2, 7 (1850-1852).
- SATO*. Fund 144. Inv. 1. File 828. L. 2 (1866).
- SATO*. Fund 144. Inv. 2. File 379. L. 7-7 rev. (1886).
- SATO*. Fund 170. Inv. 1. File 183. L. 31 (1858); File 2067. L. 55 (1862); File 2114. L. 91 (1864); File 2164. L. 91 (1865); File 2166. L. 101 (1865); File 2217. L. 86 (1866); File 2242. L. 90 (1867); File 2275. L. 47 (1868).
- SATO*. Fund 170. Inv. 1. File 2217. L. 86 (1866); File 2242. L. 90 (1867).
- SATO*. Fund 170. Inv. 1. File 2275. L. 47 (1868).
- SATO*. Fund 170. Inv. 1. File 2305. L. 55 (1869).
- SATO*. Fund 170. Inv. 1. File 2375. L. 57 (1872).
- SATO*. Fund 170. Inv. 1. File 2835. L. 57 rev. (1889).
- SATO*. Fund 170. Inv. 1. File 3106. L. 55 (1894); File 3167. L. 67 (1895); File 3227. L. 51 (1896); File 3283. L. 52 (1897); File 3356. L. 55 (1898).
- SATO*. Fund 170. Inv. 1. File 3440. L. 21 (1900).
- SATO*. Fund 170. Inv. 1. File 3494. L. 50 (1901); File 3562. L. 58 (1902); File 3619. L. 59 (1903); File 3963. L. 12 (1909).
- SATO*. Fund 170. Inv. 1. File 3562. L. 58 rev. (1902).
- SATO*. Fund 170. Inv. 1. File 4212. L. 11 (1911).
- SATO*. Fund 170. Inv. 1. File 4212. L. 11 rev. (1911).
- SATO*. Fund 170. Inv. 1. File 4350. L. 11 (1912).
- SATO*. Fund R-238. Inv. 1. File 776. L. 2 (1932).
- SATO*. Fund R-496. Inv. 1. File 382. L. 14 (1937).
- SATO*. Fund R-936. Inv. 1. File 66. (1918).
- SATO*. Fund R-1786. Inv. 1. File 6. 1939-1940. L. 69.
- SATO*. Fund R-1786. Inv. 1. File 6. 1939-1940. L. 70-72.
- SATO*. Fund R-1786. Inv. 1. File 109. 1962-1964. L. 2.
- SATO*. Fund R-1786. Inv. 1. File 109. 1962-1964. L. 3, 4.
- Siberian regional executive committee. (1929). *Spisok naseleennykh mest Sibirskogo kraya (T. 2: Okruga Severo-vostochnoi Sibiri) [List of populated places of the Siberian region (Vol. 2: Districts of North-East Siberia)]*. Novosibirsk.
- Spiski naseleennykh mest Rossiiskoi imperii (Vyp. 60: Tomskaya guberniya... po svedeniyam 1859 goda, c.18) [Lists of populated places of the Russian Empire (Issue 60: Tomsk province... according to data of 1859, p. 18)].* (1868). St. Petersburg.
- Spisok naseleennykh mest Tomskoi gubernii za 1878 god [List of populated places of Tomsk province for 1878].* (1878). Tomsk.
- Spisok naseleennykh mest Tomskoi gubernii za 1893 god [List of populated places of Tomsk province for 1893].* (1893). (pp. 12-13). Tomsk.
- Spisok naseleennykh mest Tomskoi gubernii za 1899 god [List of populated places of Tomsk province for 1899].* (1899). (pp. 34-35). Tomsk.
- Spisok naseleennykh mest Tomskoi gubernii za 1911 god [List of populated places of Tomsk province for 1911].* (1911). (p. 62). Tomsk.
- Spravochnaya kniga po Tomskoi eparkhii za 1909/10 god [Reference book on Tomsk diocese for 1909/10].* (1911). Tomsk.
- Sudba zhivopisnogo mesta Nagornyi Ishtan, gde snimalas kinoepopeya "Sibiriyada" [The fate of the picturesque place Nagorny Ishtan, where the Sibiriyada film epic was filmed].* (October 26, 2019). Ushayka.ru. Retrieved March 20, 2023, from <https://news.rambler.ru>
- The Great Soviet Encyclopedia.* (1973). (Vol. 13, p. 35). Moscow.
- TRO VOOPIK (n.d.). *Petitsiya "Spasti stareishuyu derevyanuyu tserkov v Nagornom Ishtane" [Petition "Save the oldest wooden church in Nagorny Ishtan"]*. Change.org. Retrieved April 10, 2023, from <https://www.change.org>

С 7 по 12 марта на форумной зоне Всероссийского молодежного экологического кампуса ЭКО.ЦЕХ на территории бывшего БЦБК состоялся XVII Всероссийский архитектурный фестиваль «АрхБухта. Преломление». Тема трактуется предельно широко – от физических явлений до человеческих переживаний. Даются описания работ победителей фестиваля.

Ключевые слова: АрхБухта; «Преломление»; творчество; Байкальск; арт-объекты. /

From 7 to 12 March, the 17th All-Russian Architectural Festival "ArchBukhta. Refraction" was held at the forum site of the All-Russian Youth Environmental Campus ECO.TSEKH on the territory of the former BPPM. The theme is interpreted broadly – from physical phenomena to human experiences. The article describes the works of the Festival winners.

Keywords: ArkhBukhta; "Refraction"; creativity; Baikalsk; art objects.

АрхБухта. Преломление/23 / ArchBukhta. Refraction/23

текст

Роман Малинович
АНО «Клуб Молодых
Архитекторов»

Александра Чичкань
Иркутский национальный
исследовательский техни-
ческий университет
фото

Виктория Орлова

text

Roman Malinovich
Irkutsk National Research
Technical University
Alexandra Chichkan
Irkutsk National Research
Technical University

Фестиваль проводится ежегодно уже 17 лет и представляет собой конкурс арт-объектов и малых архитектурных форм. АрхБухта традиционно проходит на берегу зимнего Байкала. Стройка арт-объектов происходит в непростых условиях на свежем, иногда морозном воздухе. Встреча с приключениями и поиск единомышленников – вот что манит участников фестиваля. В этом году участниками фестиваля стали 22 команды студентов по направлениям архитектуры и строительства, а также практикующие архитекторы, дизайнеры, урбанисты из Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Барнаула, Пскова, Омска и Москвы; всего более 100 человек.

Тема фестиваля 2023 года «Преломление» была ярко выражена в работах участников с помощью льда, дерева, снега, металла и света. «Преломление» – это физическое явление, благодаря которому мы наблюдаем множество ярких эффектов. Радуга, белый снег, мерцающие звезды, восходящее солнце – все рождает преломление. Не секрет, что даже личность человека сталкивается с преломлением в каждый трудный и счастливый момент жизни. Преломление света, звука (и чего угодно) всегда временно, но очень ярко. Организаторы фестиваля предложили поразмышлять на эту абстрактную тему, написать свое сочинение с помощью льда, снега и дерева.

> Гран-при фестиваля.
Команда «Футурум»,
арт-объект «Сети»

в I место. Команда «ТЕТРИС», арт-объект «Шаманский танец»

«Тема фестиваля соответствует времени: мы уходим от индустриального наследия и переходим к новому творческому переосмыслению ценности самого места – Байкальска как города будущего. Но и, конечно, самой территории комбината как пространства для нового креативного молодежного творчества. Самое главное – необходим экологический акцент. Форумная зона показала, что те возможности, которые у нас появились, идеально соответствуют для проведения такого рода мероприятий». Руководитель проектов БАЙКАЛ. ЦЕНТР Андрей Бородин.

Итогом всей работы стали 22 арт-объекта, в большинстве своем связанные с динамичными, криволинейными поверхностями и объемами. Победители были определены экспертным советом, состоящим из опытных архитекторов, преподавателей, представителей площадки ЭКО. ЦЕХ, а также гостями фестиваля, выступившими с лекциями об идентичности в архитектуре и малых архитектурных формах – Бикташевой Дианой и Хасановой Ариной (Институт развития города, Казань).

Гран-при фестиваля завоевала команда «Футурум» с арт-объектом «Сети». Объект представляет рыболовные сети, натянутые между столбами бывшей Лесной биржи. Раньше здесь производилась разгрузка леса для начала производственного цикла на БЦБК. Выбор места обусловлен наличием высоких двухветвевых колонн, которые позволили реализовать задуманную идею. Объемная композиция из сетей, парящая в воздухе, создает эффект живого объекта. Для строительства этого арт-объекта команда сотрудничала с группой профессиональных альпинистов! Жюри единогласно выбрало «Сети» за яркую идею и масштабность работы.

I место заняла команда студентов ИРНИТУ «ТЕТРИС». Арт-объект «Шаманский танец» – башня, сделанная по системе тенсегрители. Тенсегрители – принцип построения конструкций из стержней и тросов, в которых стержни работают на сжатие, а тросы – на растяжение. При этом стержни не соприкасаются друг с другом, но висят в пространстве, а их относительное положение фиксируется растянутыми тросами, в результате чего ни один из стержней не работает на изгиб. За счет своей конструкции башня двигается от ветра и прикосновений,

^ Команда «B. READY» – арт-объект «Хлебопреломление»

Команда «Вунзел» - арт-объект «Наблюдатель»

качаясь и волнуясь. Арт-объект олицетворяет танец шамана, когда тот входит в транс, переходя из материальной среды в духовную и тем самым преломляя свой разум и восприятие мира. Презентация проекта проходила с показом некоего шаманского ритуала-танца от участников команды.

II место получила команда студентов из Новосибирска «Кискотека», арт-объект «Погодите, это реально?». Новосибирцы уже второй раз участвуют в нашем фестивале, и в этом году они представили монументальную деревянную конструкцию-портал. «За основу

мы взяли форму куба, что символизирует устойчивость, надежность и постоянство. Физическое преломление используется в ледяном проеме, проходя через который человек попадает в совершенно другое измерение. Мы формируем иллюзию, что деревянная конструкция опирается на ледяное основание, хотя на самом деле, когда лед растает, она останется неизменной. Таким образом создается эффект обмана ожиданий зрителя», – пишут участники команды. Ребята реализовали летний вариант конструкции, без использования льда.

> II место. Команда «Кискотека», арт-объект «Погодите, это реально?»

< Команда «CherryPizza» – арт-объект «А стоит ли?»

III место – команда «АрхДоктора», башня «Южный Октагон». Объект состоит из двух прямоугольный параллелепипедов, по сторонам которых движутся световые потоки (лучи) в виде брусков. По одному прямоугольному параллелепипеду скользят лучи падения, по другому – лучи отражения. В плане – это пересечение двух квадратов, которые образуют октагон (восьмиугольник). Линии преломления образуются внутри объекта диагональными связями, дополнительно подсвеченные ленточным светом.

Специальные призы получили команда «Вунзел» с инсталляцией «Наблюдатель», команда студенток «B. READY» из СФУ (Красноярск) с арт-объектом «Хлебопреломление» и команда студентов из НГУАДИ (Новосибирск) «CherryPizza» с работой «А стоит ли?».

Работы участников стали функциональными элементами развивающейся территории ЭКО. ЦЕХ и города Байкальска.

«В этом году делаем объекты, которые максимально интегрированы в то пространство, в котором они находятся, и не просто являются точками притяжения, а наполняют территорию. Мы постарались сделать их максимально прочными, так как они будут располагаться на тех площадках, где строятся». Руководитель Клуба молодых архитекторов Роман Малинович.

Фестиваль проводится АНО «Клуб Молодых Архитекторов» (г. Иркутск) при поддержке Центра развития Байкальского региона (БАЙКАЛ. ЦЕНТР) и администрации города Байкальска, а также при содействии Иркутской региональной организации «Союз архитекторов России».

> III место. Команда «АрхДоктора», башня «Южный Октагон»

Изложены результаты 24-го градостроительного семинара Международного Байкальского зимнего градостроительного университета в Иркутске – Усолье-Сибирском. Дано сравнение содержания проектов команд в разработке стратегии возрождения сибирского города и поиске новых социально-пространственных моделей. Участие студентов в междисциплинарных проектных командах позволяет не только закрепить академический материал, но и научиться создавать совместно перспективные идеи с учетом жестких требований градостроительной реальности. Экспертам такие мероприятия помогают найти новые идеи и направления для роста, студентам – разобраться в градостроительном навыке, командном творчестве. Представлены дискуссионные позиции градостроительного семинара, методика командной работы в актуальном контексте как в анализе, так и перспективе самобытного сибирского города.

Ключевые слова: инновации; креативность; перспективное планирование; командная проектная работа./

The article outlines the results of the 24th International Baikal Winter Urban Planning Seminar of the International Baikal Winter University of Urban Planning Design in Irkutsk and Usolye-Sibirskoye. The comparative study shows how the teams developed a strategy for revitalising the Siberian city and searching for new socio-spatial opportunities. Participation of students in interdisciplinary project teams provides the opportunity not only to consolidate the academic material, but also to learn how to create promising ideas together, taking into account the demanding realities of urban planning. Such events help the experts look for new ideas and growth directions, and help the students gain insight into urban planning skills and teamwork. The article presents the viewpoints of the participants of the urban planning workshop, the methodology of teamwork in the current context of both analysis and the perspective of an indigenous Siberian city.

Keywords: innovations; creativity; future-oriented planning; team project work.

Зимник-2023: градостроительное наследие и трансформация Усолья-Сибирского / Zimnik 2023: Urban heritage and transformation of Usolye-Sibirskoye

текст

Валерий Козлов

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Иван Хомутинников

Иркутский национальный исследовательский технический университет

органкомитет

Аверченко Дарья,
Маргеева Дарья,
Позднякова Екатерина,
Макарова Анастасия /

text

Valery Kozlov

Irkutsk National Research Technical University

Ivan Khomutinnikov

Irkutsk National Research Technical University

organising committee

Daria Averchenko,
Daria Margeeva,
Ekaterina Pozdnyakova,
Anastasia Makarova

24-й Международный Байкальский зимний градостроительный университет в Иркутске традиционно стартовал в феврале – марте 2023 года в партнерстве с Госкорпорацией «Росатом» по инициативе и поддержке Администрации города Усолье-Сибирское. Основная цель градостроительного семинара – разработка перспектив развития г. Усолья-Сибирского, интеграции нового химического кластера и города. Ежегодный градостроительный семинар проходил в двух городах: основная проектная часть в Усолье-Сибирском; конференция и презентация результатов проектных команд состоялась в Иркутске на базе Иркутского научно-исследовательского технического университета. Организационную миссию взял на себя Институт архитектуры, строительства и дизайна ИРНТУ. Ядро оргкомитета составили сотрудники и студенты архитектурных кафедр. Кроме российских представителей, к участию были приглашены студенты университетов, политики, урбанисты, архитекторы, студенты и преподаватели из Индии, Китая, Австрии. Градостроительство по-прежнему выбирает ориентиром новое строительство, а не реконструкцию. В командных проектах проявляются новые модели развития городов и более уважительное отношение к месту на земле. Кульминация завершеного градостроительного семинара – в эволюции образа жизни и работы; это возможности для переосмысления среды обитания и городских пространств Усолья-Сибирского.

Градостроительный семинар 2023 года в Иркутске и Усолье-Сибирском продолжил размышления последних семинаров в регионе на тему преодоления экологического ущерба в городах, трансформации территории и пригодного для жизни, привлекательного города, методов интеграции производства в компактном городе, эволюции образа жизни в условиях кризисов.

Градостроительные паттерны семинара

Программа градостроительного семинара, предложенная оргкомитетом, предусматривала работу пяти междисциплинарных проектных команд и предложила командам паттерны – ключевые фрагменты города для разработки перспективных предложений:

- 1) исторический центр города;
- 2) существующий административный центр города;
- 3) район бывшего кирпичного завода;
- 4) территория промышленного узла;
- 5) привокзальный район города.

Стратегия пространственных сюжетов

В итоге градостроительного семинара отметим, что в заключительных презентациях проектных команд, разработанных самостоятельные проекты внутри общей задачи, намечаются функциональные и пространственные сюжеты проектов будущего города Усолье-Сибирское. В градостроительных проектах вышеназванные паттерны следовали следующим градостроительным сюжетам, сценариям:

- 1) исторический центр и берег Ангары в стратегии регенерации исторического ядра города как пространственно традиционной культуры;
- 2) площадь общегородского центра города – главное общественное пространство, влияющее на пространственную структуру и облик общегородского центра будущего города;
- 3) квартал бывшего кирпичного завода: концептуальная разработка планировочной единицы (квартала) в целостной городской ткани;
- 4) промышленная территория как мотор инновационно-креативных городских пространств и изменение взаимосвязи между производством и историческим городом;

^ Команды за работой

v Команда экспертов

5) концепции модернизации ткани городского застройки и интеграция повседневной городской жизни с транспортным узлом Транссиба.

Эволюция самобытного города

Усолье Сибирское – город с уникальной многослойной исторической средой XVII–XXI веков, сформированной преимущественно прямоугольной сетью кварталов. В каждом из исторических и современных кварталов формировались небольшие соседства, составляющих культурное основание образа жизни, которое отличает подлинно городские сообщества. В мозаику исторического города включено небольшое, но бесконечно разнообразное, дружелюбное, непредсказуемое и в экономическом смысле эффективное пространство – это настоящий город, у истоков которого – историческое наследие и топография высоких берегов реки Ангары.

Усолье-Сибирское в центре Приангарской агломерации

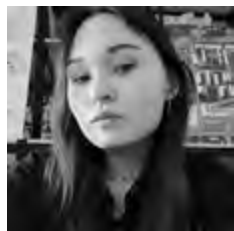
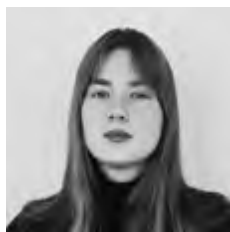
В настоящее время средние и малые города составляют типичный городской ландшафт региона, страны; такое же впечатление и от ситуации в мире. Усолье Сибирское – будущая столица химии и старейший сибирский город с населением более 74 тыс. чел. Его впечатляющий природный ландшафт – широкие панорамы с протяженной береговой линией реки Ангары и Транссибирский транспортный коридор составляют инфраструктуру градостроительной системы в проектной концепции послевоенной Иркутско-Черемховской линейной агломерации городов. Перспектива создания Федерального центра химии в Усолье-Сибирском придает новый статус городу и импульс в составе линейной системы городов, а также подчеркивает социально-градостроительную ответственность производства в развитии городской формы с учетом потенциала агломерации. С другой стороны, новая перспектива предлагает молодежи проектировать будущее пространство города и деятельность населения как живые процессы и пространства со своими собственными системами равновесия, способные производить то, что необходимо для жизни, ликвидируя нанесенный вред перед будущими поколениями.

^ Защита проекта

Команда «Melh»

Ассистент:

Дмитрий Случик
(Россия, Иркутск)

Участники:

Екатерина Емельянова
(Россия, Москва)
Камиля Закирова
(Россия, Казань)
Ярослава Зенова
(Россия, Казань)

Площадь общегородского центра: главное общественное пространство, влияющее на пространственную структуру и облик общегородского центра будущего города.

Стратегия. Из презентации проектной команды. Предполагаемый вектор развития данной территории – гражданский и культурный центр, место просвещения, развития городских сообществ, укрепления социальных связей, который актуализирует значимость культурного наследия и учит работе и взаимодействию с ОКН, знакомит с основами «экологичного»

мышления и позволяет внедрять эко-политику на разных уровнях гражданского участия и содействия; повышение пешеходной и транспортной связанности между районами, создание систем общественных пространств с цельным зеленым каркасом.

Проект отражает консенсус в отношении того, что успешный город должен иметь оживленные общественные пространства, где разворачивается социальная, культурная и политическая жизнь, где повседневная жизнь пронизана лучшими проявлениями урбанизма.

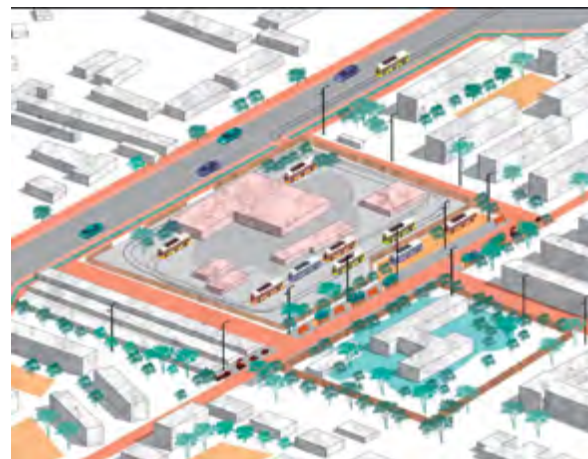
Новая городская повестка дня, принятая на конференции Хабитат III в Кито (2016), способствует развитию общественного пространства как человеческого измерения городского контекста, способного предоставлять возможности взаимодействия и обмена, способствуя гражданской идентичности и социальной сплоченности. С 2012 года Программа Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (Хабитат) продвигает общественное пространство как ресурс для более компактных, взаимосвязанных и социально инклюзивных городов путем консолидации знаний, подходов и методологий в области общественного пространства для местных органов власти.

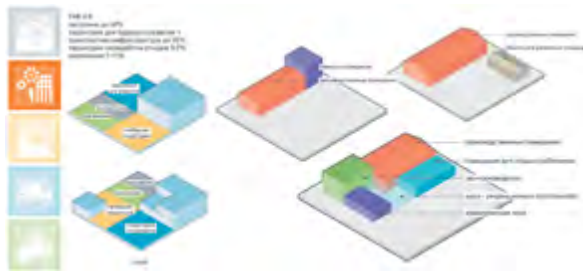
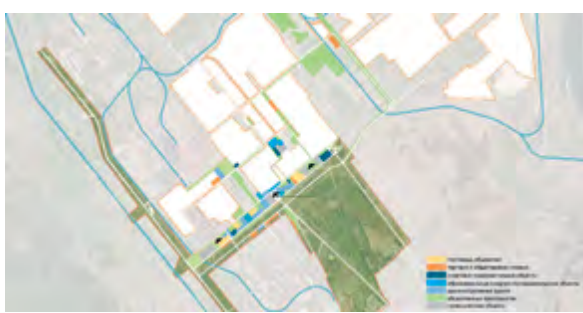
Концепция. Общественное пространство является ключевым элементом устойчивого развития города. Несмотря на свое широкое и зависящее от контекста значение, общественное пространство является общим благом, призвано быть открытым, инклюзивным и демократическим, что является основополагающим правом человека.

Фрагмент. Идея заключается в создании ряда сопутствующих проектов, которые могли бы обращать внимание на проблемы района, например, проекты по дигитализации наследия или сборники антропологических заметок о ценности объектов культурного наследия для самих жителей.

Атмосфера. Предложено оживление главной планировочной оси городского центра и прилегающих кварталов новыми социокультурными функциями: ремесленные и обучающие компании, торгово-сервисные предприятия и др.

Посредством демо-проектов уникальное оборудование ФЦХ и технологические плоды инженерной мысли сделать доступными для граждан, в том числе людей, интересующихся производством, наукой и техникой.

Команда «Моногорожане»

Промышленная территория является мотором инновационно-креативных городских пространств и нового стыкового пространства между производством и историческим городом.

Стратегия. Из пояснительной записки команды. Стратегия рассмотрена в трех уровнях: методические рекомендации, универсальные для любого моногорода; стратегия развития промышленной зоны непосредственно Усолья-Сибирского; проект точечного развития территорий как прототип дальнейших изменений.

Ось инноваций. Ситуации городского контекста при объединении вокзала Транссиба и промышленного кластера должны послужить достоверным знанием для создания основы прогрессивного развития агломерации на основе определения различных кластеров с их «постхимическими» новыми структурами, способными выражать будущие ценности через образы их собственной исторической памяти.

Концепция. Из пояснительной записки команды. Новая идентичность: моделирование в трех уровнях отражает попытку сбалансировать количественный и качественный подходы к разработке критериев, основанных на международных стандартах. В результате станет легче планировать и создавать здоровую городскую среду.

Будущий промышленный кластер становится пилотной областью, где будет завершен эксперимент по созданию новой городской идентичности.

Фрагмент. Из пояснительной записки команды. Для того, чтобы внедрить решения в городскую ткань, предлагается проработать зону между производственной и жилой зонами, бульвар по улице Химическая, а также модуль малого производства для внедрения в существующую застройку.

Команда предлагает:

– Использовать метод смешанных типологий для внутренних ресурсов территорий малого города и создать квартал-завод ФЦХ по модели техно-кампуса (интеграция производственных, социальных, деловых, образовательных функций) в малом городе, что обеспечивает синергию технологий и современного бизнеса и научного знания.

– Использовать градостроительный контекст участка бывшего кирпичного завода для разработки городских комфортных жилых кварталов размещения работников промышленного кластера.

Атмосфера. Из пояснительной записки команды. За основу была взята территория между улицами Химическая и Коростова – главное связующее звено между основной частью города и производства. Эта территория имеет потенциал стать, с одной стороны, буфером, с другой же – комфортным транзитом до работы. Зона будет функционировать как креативно-промышленный кластер, включающий в себя малые предприятия, новые или связанные с существующими производствами предприятия малого бизнеса.

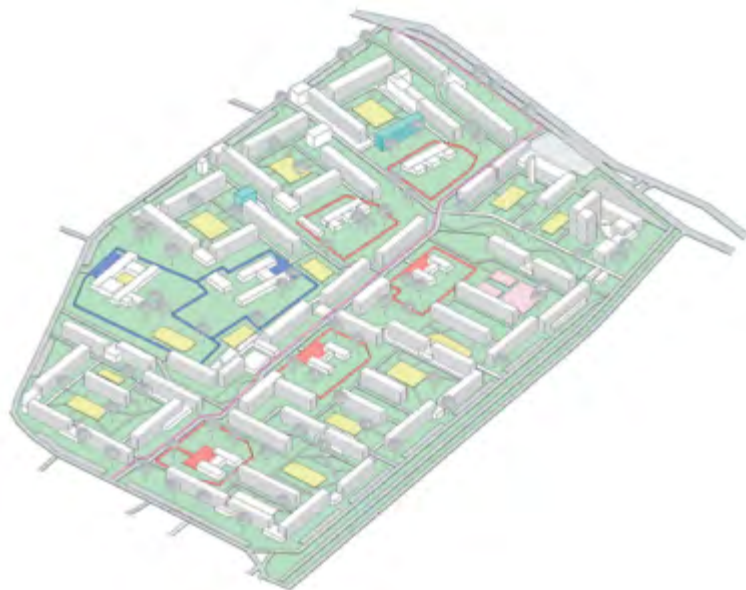
Ассистент:

Шардули Жоши
(Индия, Пуна)

Участники:

Евгения Никитина
(Россия, Казань)
Дарья Тучак
(Россия, Самара)

Команда «3»

Разработка концепции модернизации ткани городского застройки и интеграции повседневной городской жизни с городским транспортным узлом Транссиба.

Стратегия. Из пояснительной записки команды: одной из главных задач, которые стояли перед командой при разработке проекта является реновация жилых спальных кварталов, работа над которыми началась с анализа аварийного фонда и состояния существующей застройки.

Экономическая эффективность исторической среды

должна происходить из идеи многофункциональности и множественности мелких событий и типологий. Этическим и прагматическим императивом этой стратегии является самодостаточность дворовых соседств и последующее развитие междворовых и межквартальных горизонтальных связей.

Концепция. Проект команд основывается на интеграции производства ФЦХ и малого города. Малый город – узел в агломерации в Транссибирском транспортном

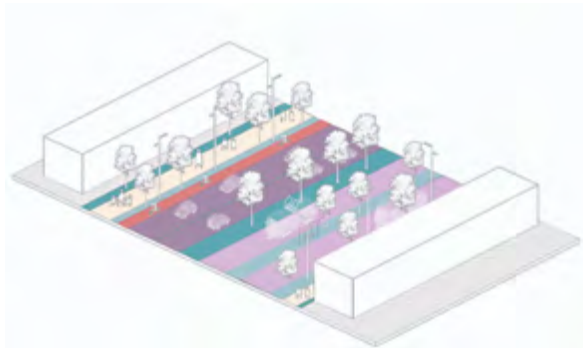

Ассистент:

Анастасия Федюнина
(Россия, Владивосток)

Участники:

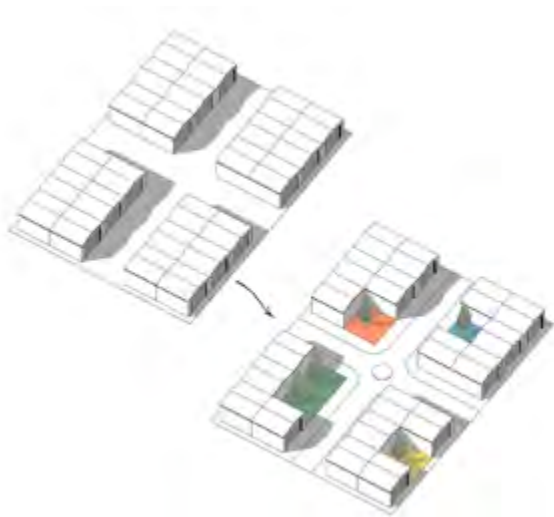
Артём Ефимов
(Россия, Санкт-Петербург)
Айнур Кольбе
(Россия, Москва)
Михаил Лесик
(Россия, Владивосток)
Анастасия Смирнова
(Россия, Ростов-на-Дону)

коридоре. В пространственном планировании города сохранить трамвай как связь двух узлов – район ж/д вокзала и ФЦХ. Предприятия ФЦХ сделать мотором развития транспорта малой мобильности в тенденции градостроительных идей «человеко-центричности». Концепция доступного 15-минутного малого города: пешком – 0,8–1,2 км; немного объектов доступно на таком расстоянии. Но со средствами индивидуальной мобильности расстояние увеличивается до 4–7 км.

Фрагмент. Из пояснительной записки команды. Проектом предусмотрено создание своеобразных въездных ворот в город и детальная проработка основных осей.

Атмосфера. Среди главных мер, которые предложены командой – внедрение в жилые кварталы сервисной экономики, мест приложения труда, реорганизация улично-дорожной сети.

Команда «Кирзавод»

Разработка планировочной единицы (квартала) целостной городской ткани в границах кирпичного завода как модель реконструкции квартальной застройки.

Стратегия. Из пояснительной записки команды. Территория кирпичного завода – самая подходящая площадка для формирования нового видения развития районов Усолья-Сибирского.

В квартале прежнего кирпичного завода предлагается модель совместного планирования, где иерархия и проектное мышление отходят на второй план, а горизонтальные связи становятся инструментом преобразования. Сложившаяся среда уже показывает отдельные независимые парцеллы, которые существуют на принципах солидарности. Квартал – пространство взаимодействия разных социальных групп, главной задачей которых становится использование горизонтальных связей как инструмента преобразования.

Концепция. Из пояснительной записки команды. Переходя на уровень концепции, мы определяем основные направления преобразований:

- постепенный переход от ИЖС к комфортной современной малоэтажной многоквартирной застройке;
- оптимальное использование незастроенной территории, трансформация «остатков» завода в функциональную точку притяжения;
- восстановление реки Скипидарки и ее природного окружения, включение ее в комплекс локального парка;

- формирование внутри квартала линий улиц и проходов и создание на их основе сети общественных пространств;

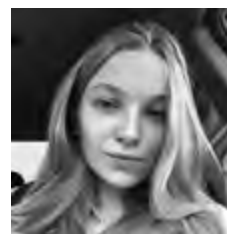
- усиление связанности территории с городскими территориями.

Фрагмент. Проектная команда предлагает:

- Использовать метод смешанных типологий для внутренних ресурсов территорий малого города и создать квартал – завод ФЦХ по модели техно-кампуса (интеграция производственных, социальных, деловых, образовательных функций) в малом городе, что обеспечивает синергию технологий, современного бизнеса и научного знания.

- Использовать градостроительный контекст участка бывшего кирпичного завода для разработки городских комфортных кварталов размещения работников ФЦХ.

Атмосфера. Из пояснительной записки команды. Комфортное и безопасное пространство увеличивает привлекательность всей территории, способствует формированию вовлеченности населения в развитие среды и местной экономики.

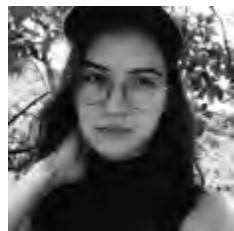

Ассистент:
Анастасия Пивоварова
(Россия, Челябинск)

Участники:
Анастасия Амосова
(Россия, Иркутск)
Дарья Крючкова
(Россия, Москва)
Тимофей Майко
(Россия, Москва)
Евгений Маренин
(Россия, Москва)

Команда «5»

Исторический центр и берег Ангары в стратегии возрождения исторического ядра города, места зарождения промышленного города.

Стратегия. Проект рефлексирует регенерацию промышленной территории ФЦХ и разрабатывает приемы поддержки будущего и старого производственного имиджа малого города, возрождает границы и целостный образ места возникновения промышленного города.

Концепция. В основу проекта положена регенерация площади и воссоздания образа

ул. К. Маркса. Проект возрождает пространство активности центральной части города – Базарной площади по ул. Карла Маркса, опирается на платформу развития креативных сфер (дизайн, образование, IT-индустрия), сохраняя и насыщая историческую ткань города функциями для восстановления памяти места и создания нового центра притяжения.

Составной частью проектной концепции исторического ядра Усолья-Сибирского является пространственный сценарий прилегающего берегового пространства реки Ангары и переход к месту бывших соляных фабрик на острове Варничном. Концепция осмысления роли и пространственно-функциональных характеристик берегов реки как единого зеленого пространства в проекте базируется на природном каркасе города – экологической инфраструктуре, непрерывной системе зеленых насаждений и акваторий. В основу положены взаимосвязанные пешеходные прогулочные пространства на берегу реки. Одно из предложений – создание линейного парка с общественными фруктовыми садами.

Фрагмент. В проекте команды активное пространство в исторических постройках связано с суперсовременными пространствами (мастерские, дизайн-маркет,

фаблэб), которые образуют качественно новый культурный продукт. Они вызывают интерес, к ним стягиваются другие форматы: студенческие лаборатории, сфера обслуживания и пр. На базе исторических объектов могут быть созданы культурные и образовательные центры с различными функциями: дизайн, питание, IT, образование, публичные площадки, помещения для выставок, мастерских, арендное жилье, студенческие резиденции.

Атмосфера. Проект формирует исторические места за счет активного проведения общественных мероприятий, связывающих потенциал архитектурного наследия площади, улицы Ленина и улицы Карла Маркса и дворов, что активизирует взаимодействие горожан с исторической средой (цели – восстановить историческую значимость места, сохранить исторический облик зданий, развить культурный потенциал и статус территории в сознании горожан, привлечь креативные и бизнес-активности).

Ассистент:
Дарья Новиченко
(Россия, Иркутск)
Участники:
Ирина Алексеева
(Россия, Красноярск)
Ольга Михеева
(Россия, Владивосток)
Гульгена Муратова
(Россия, Казань)
Полина Шурупова
(Россия, Москва)

В многолетнем архиве Международного Байкальского зимнего градостроительного университета представлены концептуальные финальные проекты команд, позволившие увидеть связи с экспертной дискуссией промежуточного форума в Усолье-Сибирском, включая конференцию в Иркутске, итоговую работу жюри. Метод выбора базовых городских паттернов для командных проектов не противоречит встречному движению организационных инициатив, которые формулируют градостроительные сюжеты в качестве стартовых задач перед началом работы международных междисциплинарных команд.

Юбилейный 25-й Международный Байкальский зимний градостроительный университет в Иркутске, как в прежние годы, в феврале-марте в ИРНТУ объе-

динит около 30 студентов из университетов разных стран, разных специальностей, градостроительных культур, которые в течение 3-х недель в командах будут обмениваться идеями, разрабатывать проекты трансформации городов Иркутского региона. Предложения команд сочетают в себе долгосрочное видение и идеи конкретных действий, составляя таким образом ряд проектов для местных властей, принимающих решения. Вместе с тем, в юбилейный год оргкомитет предложит цикл семинаров, круглых столов, форумов по обмену мнениями в разных форматах для более чем 1500 студентов-участников и экспертов из пяти континентов мира. Программа семинаров в год 25-летия продолжится в течение всего года, а начинается с Юбилейного градостроительного семинара 2024!

2024 – юбилей градостроительного семинара

Дается обзор фестиваля лыжного клуба архитекторов АРХИГЕШ-2023. Рассказывается об основных направлениях фестиваля, его главных событиях, о составе участников. Характеризуются образовательная программа «АРХ-КОНЦЕПТ», развлекательная и спортивная программы.

Ключевые слова: АРХИГЕШ-2023; лыжный клуб архитекторов; деловой, спортивный, развлекательный блок; победители; конкурсы. /

The article provides an overview of ARCHIGESH 2023, a festival of the ski club of architects. The festival's areas of focus, its main events and its participants are presented. The ARCH-CONCEPT educational programme, as well as entertainment and sports programmes are described.

Keywords: ARCHIGESH 2023; ski club of architects; business, sports, entertainment blocks; winners; contests.

АРХИГЕШ-2023 / ARCHIGESH 2023

текст

Елена Евсеева
Валерий Цой

Фонд поддержки творческой и спортивной деятельности архитекторов и проектировщиков /

text

Elena Evseeva
Valery Tsoy

Foundation for the Support of Creative and Sports Activities of Architects and Designers

XVIII фестиваль лыжного клуба архитекторов АРХИГЕШ-2023 прошел Шерегеше со 2 по 7 апреля при рекордном количестве участников – 344. Томская команда «ТОМАТЫ», выступившая основным организатором, предложила тему фестиваля – 18+, 1970-е. Это и определило стилистику выступления команд на капустнике во время открытия, спонсорских вечеринок, конкурса на лучший костюм и на лучший постер. Для справки: именно в 1970-е, а точнее – в 1978 году образовался лыжный клуб архитекторов (ЛКА СССР), и мы считаем себя продолжателями этой славной традиции.

На закрытии XVII фестиваля в марте 2022 томичи с трепетом ожидали, что организация АРХИГЕША-2023 год достанется им. Так и случилось. Сразу посыпались идеи по сценарию выступлений всех команд, в конце концов решили остановиться на 1970-х.

Костюмированное открытие фестиваля в стиле 70-х получилось ярким и зрелищным.

Программа фестиваля, включающая три основных блока – делового, спортивного и развлекательного, получилась очень насыщенной: мероприятия начинались в 9 утра и заканчиваются 11 вечера. В чатах АРХИГЕША даже прозвучали предложения по увеличению длительности фестиваля с 5 до 7 дней.

В этом году мы вышли за временные границы фестивальной недели в Шерегеше и традиционной программы:

– в марте была запущена образовательная программа «АРХ-КОНЦЕПТ». Подключилось 18 экспертов из разных регионов, приняли участие 25 команд молодых архитекторов и студентов из 21-го учебного заведения от Владивостока до Санкт-Петербурга. Финальная часть прошла на фестивале;

– в рамках образовательной программы провели конкурс на Центр шорской культуры (этнографический и фестивальный комплекс) на территории СТК Шерегеш. Это была очередная попытка донести идею о необходимости появления подобного объекта на курорте. Надеемся, что наша инициатива перерастет в реальный конкурс и строительство центра.

Диплом 1-й степени получила команда «Schaft» ФГАОУ СФУ: Алексеева Д. А., Куликова Е. А., Романова И. В. Диплом 2-й степени – команда «ОМКА» ФГАОУ СибАДИ, НГАСУ: Жунусова А. Ш., Кунавина С. С., Слюдикова А. М. Диплом 2-й степени получила также команда «АрхКухня» ФГАОУ МИИГАиК: Мишина С. В., Суханов А. А., Чайковская А. В. Диплом 3-й степени – команда «Шалаш» ФГАОУ ВО СБГАСУ: Николаева С. А., Савельев В. В., Михайлова А. А.;

– на закрытии был объявлен конкурс на тему «Разработка концепции единого пешеходного пространства в границах территории КРТ СТК «Шерегеш», сектор «F». Итоги планируется подвести летом.

В рамках деловой части также состоялись:

– клаузура на элементы архитектурного освещения оказалась результативной. В номинации «Практикующие архитекторы» 1-е место – Волошко Р. Ю. («КРАСКИ», Красноярск); 2-е место – Демков С. Б. (Иркутск); 3-е место – Бармин А. В., Бармина М. Ю. («АЗИОПА», Екатеринбург). В конкурсе студентов: 1-е место – команда «ОМКА» ФГАОУ СибАДИ: Кунавина С. С., Слюдикова А. М.; 2-е место – команда «Evgeniy Burtasov architects»: Буртасов Е. А.; 3-е место – команда «SAS» ФГАОУ ТГАСУ: Кукаркина А. С., Потапова В. М., Дикальчук И. С.;

^ После карнавала

- лекции Никиты Явейна (Санкт-Петербург) «8 современных музеев» и «Историческая среда как источник нового формообразования в архитектуре»;
- лекция Алексея Мякоты (Красноярск) «Проект как исследование и построение дискретного пространства»;
- круглый стол «О необходимости создания межрегионального проектно-аналитического центра, способствующего развитию современной архитектуры и полноценной искусственной и природной среды обитания»;
- презентации партнеров и спонсоров фестиваля. Было очень много творческих споров и дискуссий.

В развлекательной части состоялись:

- традиционный капустник с театрализованными представлениями команд на открытии фестиваля;
- музыкальный квартирник;
- конкурс на лучший постер фестиваля;
- конкурс на лучший тематический костюм;
- конкурс народного творчества;
- апре-ски на свежем воздухе после соревнований от спонсоров;
- АрхиКвиз по теме фестиваля от спонсоров;
- тематическая вечеринка от спонсоров;
- карнавальная спуск.

В спортивном блоке прошли соревнования по горным лыжам и сноуборду (слалом-гигант, стартовало 170 участников); настольному, бильярду и кикеру. Командный кубок в этом году снова выиграла «АЗИОПА» из Екатеринбурга.

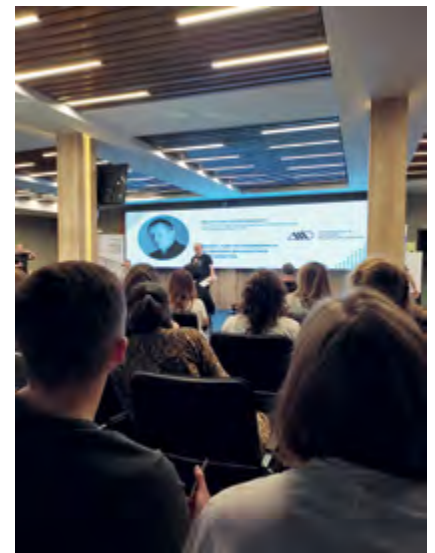
Спасибо спонсорам и партнерам за поддержку и участие в «АРХИГЕШ 2023»: ООО «ВЕКА Рус»; ООО «Ларта Гласс»; ООО «Кнауф ГИПС»; ООО «КНАУФ Инсулейшн»; ООО «Рото Франк»; ООО «Статио Проджект»; ООО «Интерьерные решения»; Knauf Ceiling Solutions; ГК «Уральский гранит»; ООО «Ламинат Рус»; ООО «ГЕЦЕ РУС»; ООО «МасТех»; ООО «Печи Горбунова»; ООО «Сарос Проект».

> Иркутская команда

v Звезда карнавала Александр Бармин (Екатеринбург)

v Лекция Алексея Мякоты

^ На старте женщины

Результаты соревнований ЛКА 2023

Абсолютные чемпионы

Горные лыжи слалом-гигант

Саяпина Дарья, Новокузнецк
Цой Валерий, Новокузнецк
Сноуборд слалом-гигант
Колупаева Ксения, Томск
Казанцев Андрей, Екатеринбург

Горные лыжи слалом-гигант

Женщины 66+

Хныченкова Виктория, Екатеринбург
Крайняя Ольга, Новокузнецк
Свитич Людмила, Новокузнецк

Женщины 56–65

Власова Светлана, Екатеринбург
Афанасьева Валентина, Новокузнецк
Бойвидова Инесса, Новосибирск

Женщины 41–55

Вихорева Наталья, Томск
Ямпольская Валентина, Екатеринбург
Титова Ольга, Томск

Женщины 17–40

Саяпина Дарья, Новокузнецк
Заблотская Наталья, Новосибирск
Крюк Дарья, Томск

Мужчины 71+

Крайний Константин, Новокузнецк
Брусницын Владимир, Екатеринбург
Поль Леонид, Екатеринбург

Мужчины 61–70

Власов Олег, Екатеринбург

Кужелев Григорий, Новосибирск
Зыков Сергей, Кемерово

Мужчины 46–60

Цой Валерий, Новокузнецк
Десятков Леонид, Екатеринбург
Климов Александр, Екатеринбург

Мужчины 31–45

Заблотский Илья, Новосибирск
Диндиенко Михаил, Барнаул
Кудрявцев Сергей, Санкт-Петербург

Мужчины 17–30

Абрамов Никита, Томск
Петров Дмитрий, Иркутск
Козлов Константин, Красноярск

Сноуборд слалом-гигант

Женщины 36+

Бушковская Татьяна, Екатеринбург
Струговой Елена, Москва

Женщины 26–35

Колупаева Ксения, Томск
Дроздова Марина, Красноярск
Габидулина Рада, Новокузнецк

Женщины до 17–25

Лютлова Вероника, Москва
Кузнецова Мария, Москва
Митришкина Анастасия, Новокузнецк

Мужчины 60+

Бармин Александр, Екатеринбург

Мужчины 41–60

Казанцев Андрей, Екатеринбург

Волошко Роман, Красноярск
Бежанов Павел, Горно-Алтайск

Мужчины 26–40

Саяпин Игорь, Новокузнецк
Дубовщук Иван, Иркутск
Тонких Михаил, Омск

Мужчины 17–25

Скуратенко Сергей, Красноярск
Коньшев Лев, Екатеринбург
Буртасов Евгений, Красноярск

Настольный теннис

Женщины

Свитич Людмила, Новокузнецк
Салосина Елена, Екатеринбург
Дорошенко Полина,???

Мужчины

Зуев Сергей, Екатеринбург
Кужелев Антон, Новосибирск
Ведерников Артемий, Екатеринбург

Бильярд

Глибочан Владислав, Кемерово
Брусницын Владимир, Екатеринбург
Демков Сергей, Иркутск

Кикер

Федорова Екатерина, Томск
Дроздов Дмитрий, Красноярск
Крылосов Александр, Екатеринбург

Командный кубок в этом году выиграла «АЗИОПА» из Екатеринбурга.

v Фото Дубовщук Иван

зарубеж / abroad

Теория архитектуры осваивает новые подходы. Программная статья Ларисы Копыловой приводит ответы архитекторов нового урбанизма на вызовы современной цивилизации: постиндустриальность, экологический кризис, разрушение исторических городов – и дает эстетическую оценку роли ордерной и vernacular архитектуры в современном традиционном городе. Читатель найдет здесь примеры историзма в национальных школах США, Англии, Франции, Италии и Голландии.

Тем временем растет уровень теоретических и практических опытов стран Ближнего и Среднего Востока. Подборка статей от авторов из Иордании посвящена нескольким аспектам этой древней культуры.

Статья авторов из Казахстана и Британии представляет своеобразный взгляд на ситуацию в британском городе Кардиффе в плане представлений о социальной справедливости и инклюзивной городской среде. С этим материалом переключается статья, напоминающая об основах правовых, законодательно оформленных отношениях между жителями города, которые берут свое начало еще в Древнем Риме.

Диалог, совместное творчество и взаимное обогащение регионов – вот наиболее перспективный путь развития архитектуры и урбанистики сегодня и завтра.

Елена Григорьева
Константин Лидин

Architectural theory works out new approaches. The program article by Larisa Kopylova shows how architects of New Urbanism responded to the challenges of modern civilization: post-industrialism, ecological crisis, the destruction of historic cities, and gives an aesthetic assessment of the role of order and vernacular architecture in the modern traditional city. The reader will find examples of historicism in national schools of the USA, England, France, Italy and Holland.

Meanwhile, the level of theoretical and practical experience in the Near and Middle East is growing. A selection of articles by authors from Jordan focuses on several aspects of this ancient culture.

The article by authors from Kazakhstan and Great Britain provides a unique viewpoint on the situation in the British city of Cardiff in terms of perceptions of social equity and inclusive urban public realm. It has something in common with another article that reminds of the basic legislative relations between the inhabitants of the city, which date back to Ancient Rome.

A dialogue, joint creation and mutual enrichment of regions are the most promising ways of developing architecture and urbanism today and tomorrow.

Elena Grigoryeva
Konstantin Lidin

Рассмотрены основные идеи нового урбанизма – градостроительного движения, возникшего в 1980-х годах, близкого принципам традиционного города. На примере национальных школ Европы и США показано распространение этих идей. Проанализированы ответы архитекторов нового урбанизма на вызовы современной цивилизации – постиндустриальность, экологический кризис, разрушение исторических городов. Дана эстетическая и семиотическая оценка роли орденой и вернакулярной архитектуры в современном традиционном городе. Прослежены различия и пересечения в национальных школах США, Англии, Франции, Италии, Голландии и др.

Ключевые слова: традиционный город; вернакуляр; ордер; Л. Крие; А. Дюани; Е. Плате-Зайберк; Р. Бонтемпи; К. Терри./

The article discusses the main ideas of New Urbanism, an urban development movement that has existed since the 1980s and is close to the principles of a traditional city. The spread of these ideas is shown on the example of national schools in Europe and the USA. The responses of the architects of New Urbanism to such challenges of modern civilization as post-industrialism, ecological crisis, destruction of historical cities are analyzed. An aesthetic and semiotic assessment of the role of order and vernacular architecture in a modern traditional city is given. Differences and intersections in the national schools of the USA, England, France, Italy, Holland and others are traced.

Keywords: New Urbanism; traditional city; vernacular; order; L. Krier; A. Duany; E. Plater-Zyberk; P. Bontempi; Q. Terry.

Новый урбанизм в Европе и США: национальные школы / New Urbanism in Europe and the USA: National schools

текст

Лариса Копылова

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова /

text

Larisa Kopylova

Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture

Новый урбанизм, или Возвращение традиционного города

Новый урбанизм – глобальная архитектурная идея, оказавшая влияние на современное градостроительство. Рождение нового урбанизма случилось на рубеже 1970–1980-х годов, а к 1996-му движение полностью оформилось, с теорией, институтами, постройками. Истоки нового урбанизма лежат в городах-садах и ансамблях City Beautiful начала XX века [1]. У нового урбанизма несколько линий: наиболее концептуально проявленные – американская, английская и русская. Первый город нового урбанизма – Сисайд во Флориде (США) – построили американские градостроители Андрес Дюани и Элизабет Плате-Зайберк в 1983 году. В дальнейшем они спроектировали более 300 городов и реализовали их в США и других странах. В 1991 году Дюани и Плате-Зайберк (архбюро D. P. Z.) закрепили свои практические достижения в «Принципах Эуани» (Ahwanee Principles) – первой декларации принципов нового урбанизма. Они же стали авторами термина.

Английскую линию представляют прежде всего градостроитель Леон Крие и принц Чарльз Уэльский, а их детище – город Паундбери в Дорсете, Великобритания (1988–2025). Принц Чарльз изложил свои «10 принципов» в книге «Образ Британии» [2], а Крие свою градостроительную теорию – в книге «Архитектура: выбор или судьба» [3].

В 1984 году Михаил Филиппов провозгласил манифест традиционного города на конкурсе «Стиль 2001 года» журналов JA и A+U, выиграв первую премию с серией акварелей, которые председатель жюри известный урбанист Альдо Росси назвал «фантастически красивыми» и сказал, что они «намечают путь развития в сторону гармоничного, гуманистического состояния архитектуры» [4, с. 4–7]. В акварелях панельный район постепенно заменялся классическим городом, который Филиппов в дальнейшем воплотил в своих градостроительных ансамблях. Он изучал старый город путем рисования и на основе познанного эстетического феномена проектировал новый. Дальше так и сложилось: в России – интуитивно эстетический подход, на Западе – рационально юридический.

Доказательством стало появление в 1993 году Конгресса нового урбанизма (Congress for the New Urbanism), а в 1996 – Хартии нового урбанизма [5], которая и закрепила термин. В том же году к существующим организациям добавилось англо-европейское движение European Urban Renaissance, в 2003-м – Совет европейского урбанизма (CEU) с отделениями в Норвегии, Германии, Дании, Швеции и т. д., в 2001-м – INTBAU (International Network for Traditional Building, Architecture & Urbanism) – международная сеть традиционного строительства, архитектуры и урбанизма под покровительством принца Чарльза. Эти организации вступают в отношения с правительствами городов и стран, знакомят их со своими идеями, и не без отклика. В 2020 году президент США Дональд Трамп издал указ о приоритете классического стиля при строительстве федеральных зданий, а в Великобритании в том же году министерство строительства и ЖКХ выпустило документ, на 90% основанный на принципах нового урбанизма.

Города нового урбанизма постепенно распространились по Европе и Америке, они возникли в России и Китае, Южной Америке и Австралии. Не везде они назывались этим термином, не обязательно опирались на теорию. Как и в случае с искусством Ренессанса, здесь наличествовало возрождение и выживание. Скажем, во Франции в конце 1960-х Франсуа Спозери построил Порт-Гримо в Сен-Тропе в традиционном стиле рыбацкой деревни. В наше время его называют французской Венецией и уже охраняют как памятник архитектуры. Подобные же традиционные деревни появились в Испании и Португалии.

Если сделать выжимку из принципов архбюро D. P. Z., теории Л. Крие и Хартии нового урбанизма, то эталонный новый урбанизм – это компактное поселение с традиционной (например, радиально-кольцевой или квартальной) планировкой, где есть центральная площадь, традиционные улицы с фасадами, где все необходимые для жизни функции находятся в пешеходной доступности, а часто прямо на первых этажах жилых зданий, где жители представляют собой сообщество, а в архитектуре предпочитают классику и вернакуляр, т. е. постройки в местных традициях из местных материалов. По сути,

речь идет о хорошо забытом старом городе. Что же тогда нового в новом урбанизме?

Новые вызовы: постиндустриальность, экология, угроза утраты исторического города

Если концепция индустриального города XX века (город при заводе) нашла свое выражение в модернистском панельном районе, то в постиндустриальной цивилизации, наступившей в 1990-х, когда производство в большинстве своем выводится из города, его качество зависит от разнообразия услуг. Городу нужны люди для функционирования городской экономики, а люди едут в те города, в которых есть образование, культура, медицина и т. д. Индекс качества города в современной урбанистике измеряется количеством и доступностью функций (скажем, в центре Москвы их 200, а в спальном районе пять), зависит от экологии, среды. КБ «Стрелка» разработало индекс качества российских городов, сделанный на основе анализа 1112 поселений нашей страны. Количество функций – магазинов, кафе, аптек, салонов красоты – это малый бизнес, а он в панельном районе не живет, ему нужна традиционная улица с потоком пешеходов [6]. Так мы возвращаемся к традиционному городу как идеальной модели постиндустриальности. Традиционный город, естественно, опирается на опыт исторического. Сейчас адаптивность исторического города к разным функциям, его востребованность и современность понятна большому числу людей. Удивительно, что новые урбанисты предложили традиционный город в эпоху 1980-х, когда переход к постиндустриальной модели еще не был столь очевидным.

С точки зрения экологии и устойчивого развития дело с традиционным городом обстоит так. В 1972 году вышел доклад Римского клуба «Пределы роста», где речь шла о конечности ископаемых ресурсов, энергетическом и экологическом кризисе планеты. Архитектура оставляет огромный антропогенный след. Самое вредное для природы – снос зданий и новое строительство [7]. Массовое жилье из бетона рассчитано на 30–50 лет жизни (плюс проблема морального устаревания). Потом его надо сносить и строить новое, о чем свидетельствует замена 9-этажных домов на 25-этажные в российских мегаполисах. С этой точки зрения долговечные здания из натуральных материалов, которые служат 200–300 лет (достаточно посмотреть на города XVIII – XIX веков) весьма экологичны, а значит, ориентация на вернакулярную архитектуру, как правило, из кирпича и камня, вполне решает эту проблему. К тому же эти дома имеют массивные толстые стены, которые медленно нагреваются и остывают, поэтому в них не нужны кондиционеры. Так новый урбанизм пытается ответить на экологический вызов.

Наконец, в 1970-х произошло осознание эстетической ценности исторического города. Вторжения панельно-бетонного строительства после Второй мировой войны нанесли ему глубокие раны. При помощи ЮНЕСКО города начали охранять не отдельными ансамблями, а городскую среду в целом. Тут мы подходим к важному для нового урбанизма пункту: что такое традиционный город? Как оценивать город как произведение? У ЮНЕСКО есть пять критериев включения объектов культуры в Список Всемирного наследия. Первые два в наибольшей степени относятся к городу. Во-первых, объект охраны должен быть произведением творческого гения человека, во-вторых, он должен выражать человеческие ценности, характерные для определенного периода и места. Дальше идут пункты, подходящие для конкретных произведений. Но что значит произведение творческого гения? Ведь город создается многими людьми, и не все из них гении. В нем много рядовых зданий, которые часто возведены не архитекторами, а строителями. Что это вообще такое

– эстетический феномен города? Можно ли его изучить и воспроизвести?

Полагаю, что именно этим и ценен новый урбанизм. Старый город подвергся рефлексии, и был создан алгоритм, по которому строится неотрадиционный город нового урбанизма. Придумав это название, градостроители Дюани и Плате-Зайберк не просто применили эпитет «новый», но создали ноу-хау – дизайн-код города. В этой статье разберем, что это за алгоритм, на примере национальных школ США, Англии, Франции, Италии, Испании, Португалии, Германии, Голландии и Швеции. Русской школе традиционной архитектуры, в которой осмысление старого города происходило иным методом и которая решила масштабные задачи и добилась высоких художественных результатов, будет посвящена отдельная статья.

Традиционный профиль улицы с фасадами

Пожалуй, одно из самых больших открытий новых урбанистов – возрождение традиционной улицы типа коридора под открытым небом, с четким профилем (поперечным разрезом). Почему человеку хорошо на узкой улице со сплошной стеной из фасадов, если при этом фасады (короткие, длиной от 12 до 20 м) приветливо раскрываются на улицу окнами, террасами, светящимися витринами, а благоустройство структурировано и широкие тротуары, лавки, фонари, деревья, фонтаны приглашают людей задержаться на такой улице подольше, – соответственно, на ней заводится городская жизнь? Алан Джейкобс показал, что именно здесь лежит секрет великой улицы [8]. Одна из важнейших задач градостроителя – найти хорошие пропорции между шириной улицы и высотой фасадов, чтобы создать ясное, уместное, хорошо обозримое пространство. Удачным считается соотношение 2:1, где два – ширина улицы, а один – высота фасадов, но возможны и варианты. Например, на Невском проспекте пропорция ширины улицы к высоте фасадов 2:1 (примерно 36 м к 18 м), на улице Джуббонари в Риме – 0,3:1, а на Елисейских полях – 5:1. Дюани и Плате-Зайберк также предписывали в своих городах определенную пропорцию. Так, ширина улицы в поселке Сисайд – 5,5 м, а высота фасадов – 10–12 м. В Паундбери ширина улиц – от 6 до 10 м, а высота 2–3-этажных домов составляет 9–14 м. Но на центральной площади дома выше, и соотношение меняется. Во всех дизайн-кодах, написанных новыми урбанистами, профиль (поперечный разрез) улицы всегда показывает соотношение высоты домов, ширины улицы, ширины тротуара, высоты деревьев и т. д.

Город как образ социума

Однако традиционного профиля улицы не достаточно. Важнейшая черта традиционного города – наличие фасадов, смотрящих на улицу. Слово «фасад» родственно английскому *face* и французскому *face*, что означает «лицо». Фасады воспринимаются человеком в антропоморфном ключе, это слышно в языке. Окна «смотрят», стена без окон и дверей – глухая или слепая. Но это касается не любых фасадов, а только антропоморфных, имеющих ордерные композиции, пусть упрощенные до предела (цоколь, стена с проемами, карниз, крыша). Фасады стоят в ряд и смотрят на улицу. Они контактируют с улицей и друг с другом. Для этого им нужен общий язык. Таким языком, как правило, является ордер и шире – вернакулярная архитектура. Традиционный город – это образ социума и результат общественного консенсуса. Как пишет философ Роджер Скратон, рядовым зданиям не надо быть гениальными, как неуместно человеку настаивать на своей гениальности в общении с соседями. Наше общение с людьми строится на поиске консенсуса, между «вписаться» и «выделиться» мы выбираем первое,

и это мы называем манерами. Дома подлаживаются друг к другу, не будучи одинаковыми [9]. Действительно, у домов разное строение и разный декор, но одного морфотипа, как у всех людей разные глаза, носы и рты, но у всех они есть. Ведь город, как мы помним, – единство непохожих. Дома стоят обращенные лицом к улице, как мы стоим на наших групповых фотографиях¹. Это семиотическое значение традиционного города было новыми урбанистами осмыслено и формализовано в дизайн-кодах, регламентирующих ширину фасадов, количество и размер окон и дверей, высоту и форму крыш и т. д.

Традиционная планировка

Она вторична по отношению к традиционному профилю улицы. Главное, что улица есть в принципе (поскольку в модернистском спальном районе вообще нет такого понятия: улицы, как правило, заменены проездами). Планировка в городах нового урбанизма бывает радиально-кольцевой, квартальной (Плесси-Робинзон), нерегулярной средневековой, однако с центральной площадью (Паундбери, квартал Дом-Рёмер), барочной трехлучевой (Сисайд). Гораздо важнее принцип полицентричности, постулированный Л. Крие. В городе все функции должны быть в пешеходной (10-минутной) доступности и должна быть главная, центральная площадь. Значит, поселение нового урбанизма по определению небольшое. Большой же город складывается из нескольких таких поселений со своими центрами.

Фоновая и авторская архитектура = вернакуляр и классика

Мы не случайно обратили внимание на то, что ЮНЕСКО охраняет города, например исторические центры Санкт-Петербурга и Рима, целиком – как ткань и среду. Новый урбанизм поставил своей целью возрождение: моделирование, алгоритмизацию, возвращение в профессиональный язык – традиционного города со всей его тканью, даже с фоновой застройкой, и это случилось впервые. Все-таки архитекторы начала XX века, например русские неоклассики Серебряного века, в своем интересе к прошлому ориентировались скорее на ансамбли русского классицизма, чем на целостную ткань с рядовыми зданиями. Новые урбанисты видят город как соединение фоновой и авторской застройки. Как правило, авторскими, или иконическими – по терминологии Ч. Дженкса, являются общественные здания, а рядовыми – жилые. Это естественное для города взаимное дополнение общественного и частного, *res-publica* и *res-privata*, как говорит Леон Крие. Застройка нового урбанизма ориентируется на местные строительные традиции, местные материалы, местных мастеров, в чем состоит социальное (поддержка местных компаний) и экологическое (не надо везти материалы и строителей издалека, тратить энергию и ресурсы) значение нового урбанизма, уважение к гению места и бережное отношение к ландшафту. А вот площади и общественные пространства создаются как авторские ансамбли, преимущественно в ордерной архитектуре [10].

Иерархия и небесная линия

Здесь мы подходим к еще одному важному семиотическому аспекту традиционного города, в значительной степени утраченному в модернизме. Это иерархия. В современном мегаполисе самыми высокими являются не храмы, театры и музеи, а небоскребы торговых и финансовых компаний, что красноречиво свидетельствует о ценностях цивилизации и не утрачивает городской силуэт. Новый урбанизм возвращает в город традиционную иерархию. Как в плане расположения на земле – главные здания, церкви и ратуша, стоят на центральной

площади, так и в плане контакта с небом – в небесной линии царят шпили и купола, т. е. те же церкви и ратуша. Конечно, так получается не везде и не всегда, но вектор направлен в эту сторону. Связь с небом у традиционного города более бережная: своеобразный «пейзаж» из скатных крыш образует более мягкую линию, нежели утилитарный изломанный силуэт высотных параллелепипедов.

После того как определены критерии нового урбанизма и возрождаемого им традиционного города, перейдем к конкретным примерам национальных школ Европы и США. Поскольку новый урбанизм ориентируется на вернакуляр – традиционный стиль местного строительства, естественным образом возникают национальные школы. Причем архитекторы, работающие в разных странах, строят города нового урбанизма в традициях той страны, в которой находятся. Люксембуржец Леон Крие в Паундбери строит английскую деревню, его брат Роб Крие в Голландии – каналы и краснокирпичные дома с высокими треугольными фронтонами, типичные для Амстердама, бюро Breitman & Breitman под Парижем – османовскую эклектику. И так далее. Взаимное опыление идеями у представителей нового урбанизма осуществляется на базе как общих институций, так и неоклассической архитектурной школы Университета Нотр-Дам в Чикаго и Премии Ричарда Дрихауса, вручаемой в области традиционной архитектуры.

Американская школа

Основатели нового урбанизма – американские градостроители Андрес Дюани и Элизабет Платэ-Зайберк – формализовали ауру исторического города с помощью дизайн-кода. Они написали дизайн-коды для первых известных городов – Сисайда и Селебрейшна во Флориде (США), Паундбери (Великобритания). Самым первым был Сисайд, курортный городок на берегу моря, заложенный в 1980 году, больше похожий на дачный поселок. Застройка представляет собой стоящие вдоль улицы, облицованные сайдингом коттеджи с палисадниками, террасами и галереями, типичные для американских приморских городов. Вернакулярная архитектура стала важным признаком нового урбанизма. Но в общественных пространствах присутствуют и авторские здания в разных стилях. Сами градостроители не строили дома, но отбирали проектировщиков: в их число попали неоклассики Леон Крие и Альдо Росси и модернист Стивен Холл. Новые урбанисты предписывали традиционную планировку и традиционный профиль улицы, где дома выходят на улицу главными фасадами, но стиль не регламентировали. В дальнейшем именно это стало характерной особенностью американской школы нового урбанизма, и, забегая вперед, можно сказать, что эта универсальность позволила новому урбанизму распространиться по миру и оказать влияние даже на модернистскую архитектуру. Другая важная особенность школы, как уже говорилось, – создание градостроительного кода города, определяющего множество параметров – от профиля улицы, ширины тротуаров и проезжей части, парковочной разметки, количества деревьев до строительных материалов, деталей, вывесок, заборов и т. д. Например, в Сисайде малые террасы обязательно должны выходить прямо на улицу ради социальной интеграции. Такой эстетико-юридический подход к городу позволяет в проектировании рядовых домов обходиться без архитекторов. Сисайд с его обликом дачного поселка не оставляет ощущения полноценного города, возведенного единой художественной волей, возможно, из-за нехватки авторской руки или из-за слишком обобщенного ордера. К тому же в нем нет большого количества функций, которые формируют город и сооб-

1. Для сравнения: модернистское здание, отрицающее антропоморфность, проектируется изнутри наружу, как правило, не имеет фасада, являясь скульптурой, либо имеет одинаковые фасады-сетки и взрывает контекст, разрывая городскую ткань.

^ Рис. 1. Кентлендс (Мериленд), США. Архитекторы А. Дюани, Э. Плате-Зайберк. 1988–1998 (www.dpz.com)

^ Рис. 2. Сисайд во Флориде (США). Градостроители А. Дюани, Э. Плате-Зайберк. 1980–1983 (www.dpz.com)

щество. Однако это первый опыт нового урбанизма, и его влияние на практику и теорию огромно.

Селебрейшну с разнообразием функций повезло больше. Девелоперская компания Disney начала строить его в начале 1990-х годов. Авторы генерального плана – Жаклен Робертсон и Роберт Стерн, Дюани и Плате-Зайберк выступили как консультанты по дизайн-коду. Селебрейшн – город площадью 20 км², состоящий из восьми частей – отдельных деревень и парков. В 2004 году там жило 9500 чел., к 2020-му число жителей выросло до 11200. Здесь наблюдаем то же смешение стилей: общественные здания создали постмодернисты М. Грейвз и Р. Вентури, модернисты Ф. Джонсон и С. Пелли. Город построен по всем правилам нового урбанизма, с традиционными улицами и домами. Роль центральной площади играет озеро, на набережной которого стоят здание городской управы, почта и прочие важные учреждения. Город представляет собой сплоченное местное сообщество. Здесь издают свою газету, проводят общие праздники, есть собственный телевизионный канал и сайт в интернете.

Дюани и Плате-Зайберк построили сотни городов не в последнюю очередь благодаря тому, что новый урбанизм в США был поддержан частными девелоперами и местной властью. Кроме «дачной» планировки с отдельно стоящими коттеджами, у них встречаются сблочированные дома с двускатными крышами, кирпичные или с грубой каменной облицовкой, более близкие к традиционной английской деревне (Эванс Фарм в штате Вирджиния) или традиционному американскому провинциальному городу XIX века. Таков Кентлендс в штате Мэриленд. За счет разноцветных кирпичных и штукатурных фасадов с ордерными деталями он выглядит весьма поэтично.

Кентлендс в Гейтерсбурге спроектирован в 1988 году на месте бывшей фермы. Фермерскую усадьбу XVIII века сохранили и превратили в музей, который расположен в парке в центре поселения. Городок состоит из нескольких районов со своими центральными площадями. Планировка – традиционная, частично регулярная, частично довольно причудливая: есть улицы со сплошным фронтом фасадов, но изогнутые, есть проулки между

домами, есть более широкие и прямые торговые улицы с коммерческими и офисными первыми этажами, жилыми – вторыми и третьими.

Вместе с соседним сообществом Лендлейк количество жителей в Кентлендсе составляет около 8 тыс. чел. Здесь гораздо больше городских функций, чем в Сисайде: есть церковь и синагога, детсад, начальная и средняя школы, волейбольные и теннисные корты, бассейн, городской совет и даже театр. Это полноценный город, живущий уже более тридцати лет. Никакого смешения стилей тут не наблюдается. В плане художественного единства это более удачный пример, чем Сисайд и Селебрейшн.

В 2009 году А. Дюани и Э. Плате-Зайберк были удостоены Премии Ричарда Дрихауса, которая считается аналогом Нобелевской премии в области традиционной архитектуры (была учреждена в пике модернистской премии Прицкера в 2003 году, по сравнению с которой номинал удвоен и составляет 200 тыс. долларов США). В 2003 году премию Дрихауса получил Леон Крие, автор Паундбери, позже Жаклен Робертсон и Роберт Стерн, авторы Селебрейшна, а затем почти все новые урбанисты. Градостроительная теория была изложена Дюани и Плате-Зайберк в книге «Новое городское искусство: элементы городского планирования» [11] и в других сочинениях.

Кроме указанных авторов, наиболее влиятельный архитектор и теоретик нового урбанизма в США – Питер Калторп, спроектировавший как американские города, так и ЖК «Загородный квартал» под Москвой. Калторп предложил концепцию транзитного города TOD (Transit oriented development), где центром является железнодорожная станция, вокруг которой формируется в радиусе 800 м пешеходный высокоплотный город с общественными функциями, а за его пределами размещено жилье и разрешены автомобили. TOD можно считать компромиссом между поселением нового урбанизма и спальным районом. Такие города не обладают эстетическим единством, зато отвечают на упреки новому урбанизму в малом масштабе и дискриминации автомобилистов. Примером TOD может служить Арлингтон в Вирджинии (США). А вот для Подмоскovie Калторп предложил любопытное соединение нового урбанизма

> Рис. 3. Кентлендс (Мэриленд), США. Архитекторы А. Дюани, Э. Плате-Зайберк. 1988–1998 (www.dpz.com)

с модернистским стилем – «Загородный квартал». Несмотря на лаконичный стиль ортогональных построек, здесь очень гармоничные пропорции городского пространства за счет узких улиц и высокой проницаемости фасадов: огромные окна, террасы на крышах, озелененные террасы на первых этажах предполагают сообщество людей, доверяющих друг другу. Однако стемалитовая облицовка домов не лучшее решение, так как она, в отличие от натуральных материалов, быстро и некрасиво стареет.

Таким образом, для американской школы типичен акцент на градостроительстве, социологии и экологии, без регламентации стиля архитектуры. Сильной стороной американской школы является открытие алгоритма традиционного города, наличие инструмента в виде дизайн-кода. Стилевая толерантность привела к универсальности, которая позволила новому урбанизму распространиться по миру. Недостатком можно считать отсутствие ярких ансамблей. Архбюро D. P. Z. и Калторп прежде всего градостроители. Хотя D. P. Z. привлекали архитекторов, выдающихся ансамблей не случилось. С ними не работали признанные авторы ордерной архитектуры. Приглашенные архитекторы представляли разные стили – классику, постмодернизм и модернизм. Напрашивается вывод, что стилевая толерантность не очень перспективна в плане художественного качества.

Английская школа

Паундбери – образцово-показательный город нового урбанизма. Это предместье Дорчестера было задумано принцем Чарльзом и спланировано архитектором Леоном Крие в 1988 году как альтернатива депрессивным панельным районам. Поскольку Паундбери строился долго (четвертую очередь завершат в 2025 году), градостроители и архитекторы успели учесть критику. Паундбери изначально создавался как полноценный город для жизни, а не курорт. Сейчас в нем 4600 жителей, 2500 рабочих мест. Особо стоит отметить 35% социального жилья и множество экологических инноваций.

Паундбери традиционен по форме и по смыслу. Традиционная планировка Паундбери создана Леоном Крие в пике модернистскому принципу зонирования

– разделения районов на жилые, административные, культурные и т. д. Паундбери состоит из четырех частей, в каждой из них все функции смешаны, каждая имеет почти средневековую по запутанности планировку английской деревни и свой центр – рыночную площадь, т. е. это традиционная планировка, усиленная проповедимой Крие идеей полицентричности. Во-вторых, перед нами традиционные улицы с фасадами, но дома не всегда образуют сплошной фронт, иногда это отдельно стоящие домики с крошечными палисадниками, тем не менее структура традиционной улицы сохраняется.

В-третьих, стоит похвалить город за иерархию, которая намечалась в других городах нового урбанизма, но в Паундбери реализована в значительной мере, так как здесь есть общая для всего города главная площадь Королевы-матери (бабушки принца Чарльза, привившей ему любовь к архитектуре). Площадь в плане асимметрична, но имеет четкие границы, как это бывает в естественно сложившихся исторических городах.

Большинство зданий на площади спроектированы в стиле классицизма выдающимся английским неоклассиком Квинланом Терри в соавторстве с сыном Френсисом. Тема дорического, ионического и коринфского ордера развита в кирпиче и портовом камне в диалоге с шедеврами Альберти, Сансовино, Шинкеля. Постройки представляют собой авторское высказывание, в отличие от остальной вернакулярной застройки в духе английской деревни. Дома на площади достигают 6–7 этажей, они гораздо выше, чем в остальном городе, а ратуша со шпилем превратилась в городскую доминанту. Одноэтажная ораторианская церковь, впрочем, не велика, но изящна, как большинство ордерных построек К. Терри. Таким образом, принцип традиционной иерархии, главенства значимых построек в силуэте города и на земле, баланс между рядовой вернакулярной и авторской классической застройкой, здесь в целом соблюдается.

Дизайн-код Паундбери – это свод правил, в котором скрупулезно описано, какими могут быть пристройки к зданиям, материалы стен, крыш и архитектурных деталей, системы водостоков, каминные, окна, двери, сады, заборы и сараи. Скажем, окна и двери рекомендуются

< Рис. 4. Паундбери в Дорсете. Великобритания. Мастерплан Л. Крие. 2013. Предоставлено Duchy of Cornwall

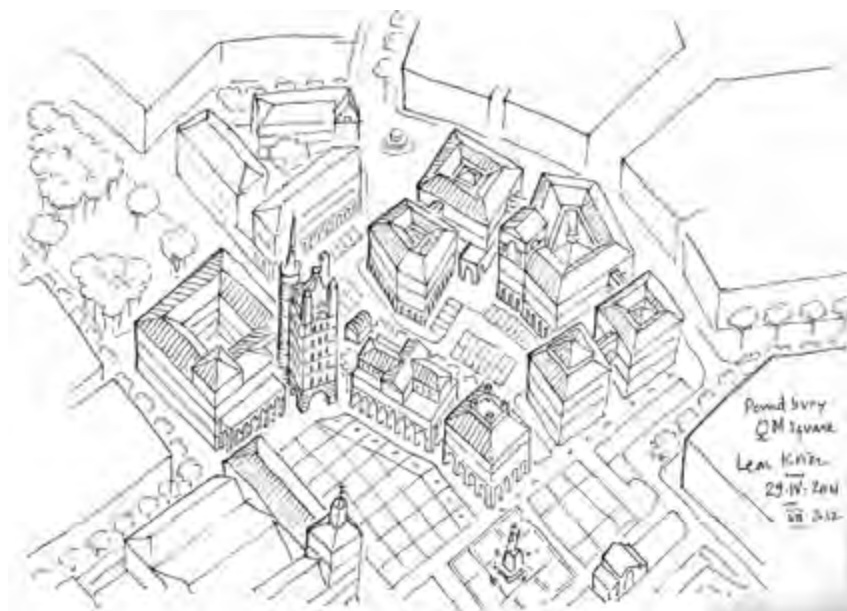
чинить, а не менять; камень для строительства брать из четырех местных карьеров, а кирпичи укладывать либо английским, либо фламандским способом. Запрещены куполообразные застекленные крыши, заводские сборные строения, пластиковые навесы, вывески из пластика или с внутренней подсветкой, телеантенны и «тарелки». С улицы не должно быть видно сушилок для белья, счетчиков, мусорных ящиков и вентиляционного оборудования! Интересно, что обилие правил элит не столько жителей Паундбери, сколько соседей из старого Дорчестера, приезжающих тем не менее сюда погулять и за покупками. Город кажется им слишком элитарным.

Именно в элитарности упрекают чаще всего новый урбанизм, называя его поселением жильем для толстосумов. Но Паундбери опровергает этот миф. Социальная инновация Паундбери состоит в чередовании частного жилья с доступным, которое по качеству не отличается от остального. Социальным жильем, доля которого 35%, владеют благотворительные фонды, сдающие его за небольшую цену малообеспеченным гражданам. Корреспондентка, посетившая Паундбери по моему заданию в 2009 году для написания статьи, опросила местных жителей. Один из них, безработный 38-летний Стивен, декоратор по профессии и экс-наркоман, снимает квартиру за 20 фунтов в неделю в двух шагах от центра. Счастлив, собирается вернуться к профессии, хотя и сетовал, что продовольственный магазин – один на всю округу. Молодая женщина Тина, снимающая с семьей квартиру в Паундбери, сказала, что городок нравится, но за три года так и не удалось подружиться с соседями, а жаль, дети одного возраста, могли бы играть вместе. То есть градостроители социальные слои смешивают, чтобы избежать гетто, но не все жители хотят смешиваться. Остальные 65% города вполне уважаемы. 40% населения городка – пенсионеры, причем не только местные, здесь покупают недвижимость люди из разных районов страны. Цены в среднем на 10% выше, чем в других предместьях. Квартиры и маленькие дома с одной спальней стоят от 100 до 200 тыс. фунтов, 5–6-спальные дома – от 500 тыс. фунтов. Спустя 30 лет можно сказать, что Паундбери – успешный бизнес-проект. Жилье раскуплено, рост цен доказывает его востребо-

ванность. Людей привлекает благородство и визуальный комфорт городка. По опросам Oxford brooks, 85% жителей довольны, что сюда переехали [12].

Вначале мы говорили, что города нового урбанизма были предназначены стать ответом на вызовы современного мира: постиндустриальность, экологический кризис и исчезновение старого города. Авторы Паундбери последовательно на них отвечают. Про эстетическую иерархию, характерную для старого города, речь была выше. Все функции, как и положено в постиндустриальном городе, находятся в пешеходной доступности и перемешаны с жильем, даже предприятия. Впрочем, они маленькие, гуманные по отношению к экологии и тщательно вписаны в традиционный архитектурный контекст: это фабрика мюсли и шоколадная фабрика. Есть больница, стоматологическая, альтернативная и детская благотворительная клиники, хоспис, финансовые и адвокатские конторы, детские сады и ясли, агентства недвижимости,

v Рис. 5. Паундбери в Дорсете. Великобритания. Площадь Королевы-матери. Концепция Л. Крие. Предоставлено Л.Крие

флористы и салоны красоты. Несмотря на то что число рабочих мест составляет половину от количества населения, многие все же ездят на работу в Дорчестер.

Что касается экологического вызова, то Паундбери – форпост экотехнологий. Здесь построено 11 экодомов с солнечными коллекторами для нагрева воды, солнечными батареями и сбором дождевой воды с последующим использованием для полива и смыва в туалетах. Расходы на эксплуатацию таких домов ниже на 50%. Все они сертифицированы по международной экосистеме BREEAM с оценкой «превосходно». Энергоэффективны эти дома благодаря не только техническим новшествам, но и традиционной архитектуре. Толстые стены уменьшают теплопроводность и, следовательно, потребность в отоплении и кондиционировании. Традиционные камень и кирпич сохраняются веками, а значит, дома не придется сносить через 50–60 лет, как это происходит с панельной застройкой. А ведь именно снос зданий

наносит природе наибольший вред. По городу ходят два электрических автобуса. По соседству создано предприятие по переработке сельхозпродукции в газ, которого хватает на обслуживание 50 тыс. домов летом и 4500 зимой. Сам город стал местом паломничества архитекторов и специалистов по экостроительству.

Паундбери вписывается в идею устойчивого развития и иным способом. Леон Крие, опираясь на взгляды философа Р. Скратона и социального мыслителя Д. Канслера, часто говорит о кризисе глобального мира: «Мы должны вернуться к использованию местных натуральных строительных материалов, местной еды, к работе маленьких местных компаний, к планированию маленьких городов, которые сыты непосредственным окружением, строить здания, адаптированные к местному климату, снижая распространение CO₂ <...> Небольшие местные строительные компании, строившие Паундбери, выжили во время экономического кризиса». Город дей-

> Рис. 8. Реплика Паундбери в Китае. Темз таун в Шанхае (<http://emergenturbanism.com>)

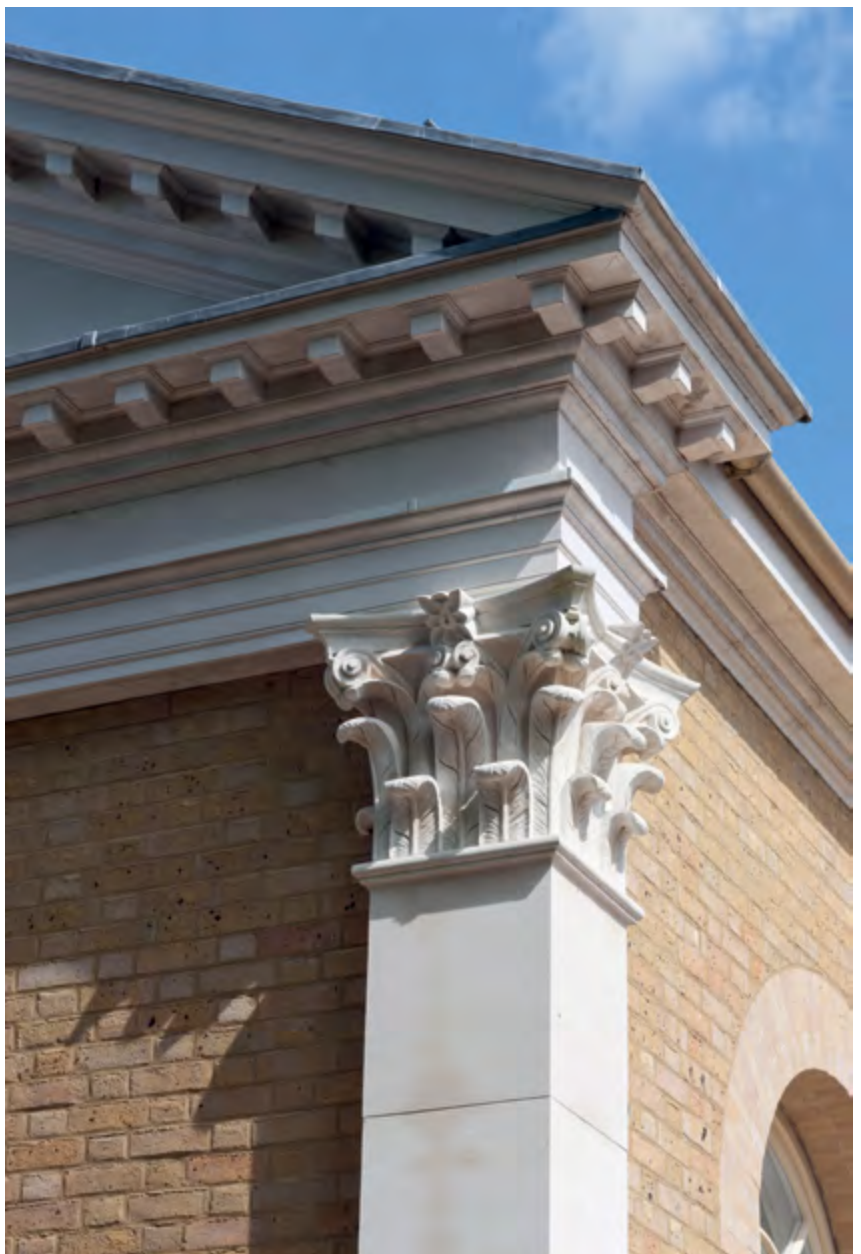
ствительно строили местные строительные фирмы. Они легко освоили традиционные технологии. В противном случае Крие и принцу Чарльзу пришлось бы бороться с крупными строительными корпорациями, которые стали бы навязывать свои стандартизированные технологии. Так что польза вышла двойная: местное население получило работу, а архитектор, заказчик и жители – традиционную среду.

Паундбери доказывает, что традиционные модели работают. Город породил реплики по всему миру, например по его образу был построен Темза-Таун в Шанхае. Таким образом, английская школа предложила наиболее комплексный подход, учитывающий эстетический, иерархический, социальный и экологический аспекты города.

Французская школа

Для французской школы характерен довольно большой размах. Если в Паундбери 4500 жителей, то французы построили традиционные города до 50 тыс. чел. Архитекторы Марк и Нада Брайтман, бюро которых базируется в Париже, создали генплан одного из наиболее крупных поселений нового урбанизма в парижских окрестностях – Плесси-Робинзон – с населением около 29 тыс. чел. Плесси-Робинзон – город, основанный еще в IX веке, много раз достраивался и расширялся. В нем сочетается историческая застройка и утилитарный модернизм 1950–1960-х. Бюро Breitman & Breitman реставрировало исторический центр и построило несколько кварталов в традиционном стиле, в основном ориентируясь на парижскую эклектику 1830–1840-х годов. Кроме того, архитекторы обновили монотонные модернистские фасады с помощью классических деталей (карнизов, тяг, рустованного цоколя, оконных обрамлений, пилястр, узорных балконов), в частности на площади Шарля Перро. Это любопытный опыт: оказывается, можно даже модернизм одеть в одежды обобщенной неоклассики, типичной для 1930–1950-х годов и получить более разнообразную и гуманную среду. Это уникальный опыт французской школы.

Еще более крупный пример нового урбанизма во Франции – Валь-д-Эроп. Девелоперская компания Disney совместно с французскими властями задумала город как дополнение к расположенному под Парижем

^ Рис. 9. Плесси-Робинзон под Парижем. Архитекторы Марк и Нада Брайтман. 1989–2018

^ Рис. 10. Валь-д-Эроп под Парижем

^ Рис. 11. Площадь Тосканы в Валь-д-Эроп под Парижем. Архитектор П.-К. Бонтемпи. 2008. Предоставлено П.-К. Бонтемпи

парку Диснейленд и одноименному курорту. Жаклен Робертсон отвечал за общую (обобщенно кварталную) планировку, а Брайтманы и другие архитекторы спроектировали несколько кварталов, в основном в духе османовского Парижа в стиле классицизирующей эклектики с типичными парижскими высокими мансардными крышами, французскими окнами, кружевными балконными оградками. Марк и Нада Брайтман создали несколько городов нового урбанизма во Франции, ориентируясь на местный вернакуляр, их можно считать заметными представителями французской школы. В то время их проекты для Бельгии опираются на стиль традиционной застройки, типичной для этой страны.

Новый урбанизм – масштабное явление, которое невозможно охватить в отдельной статье, поэтому сконцен-

трируемся на наиболее выдающихся по художественному качеству примерам. К их числу относится овальная площадь Тосканы, которую итальянский архитектор Пьер Карло Бонтемпи построил в Валь-д-Эроп под Парижем. Хотя сам город, как говорилось, ориентирован на парижскую застройку 1830–1840-х, его центральная часть – площадь Тосканы и прилегающие кварталы – принадлежит итальянской школе. Это исключение из правила. Обычно новые урбанисты проектируют в стиле местной застройки, но в данном случае в городе нужен был выдающийся градостроительный ансамбль, и Бонтемпи позвали специально для этого.

Итальянская школа

Зодчий Пьер Карло Бонтемпи родился в 1954 году в области Эмилия-Романья, недалеко от Пармы, где и сейчас находится его мастерская. Учился в университете Флоренции и в Институте принца Чарльза. Построил несколько традиционных маленьких городов: Фонти-ди-Матильде, Санта-Костанца в Италии, гольф-курорт во Франции. В 2014 году Бонтемпи стал лауреатом премии Дрихауса (а в 2012 году участвовал в рамках фестиваля «Арх-Москва» в выставке «Историзм», куратором которой выступил российский архитектор Максим Атаянц). Овальная площадь Тосканы с обелиском в центре выглядит как привычный традиционный европейский город, прототипом стала площадь Амфитеатра в Лукке. Античный памятник, обстроенный в последующие века, вдохновил Бонтемпи на создание по периметру площади фронта из коротких фасадов, каждый из которых представляет собой ордерную композицию. Это исключительно важный прием, характерный для многих традиционалистов современности, причем внутренняя структура зданий не обязательно соответствует этим узким, по 20 м, фасадам. Они нужны, потому что фасад – лицо дома и потому что такой ритм наиболее комфортен для восприятия человека.

Поначалу можно принять площадь Тосканы за исторический город. А потом он постепенно до тебя доходит, поражая безошибочностью рисунка, пропорций, материалов. Есть ощущение, что ничего нельзя изменить, не испортив. Бонтемпи «вслушивается» в старую

< Рис. 12. Фонти-ди-Матильде. Эмилия-Романья, Италия.
Архитектор П.-К. Бонтемпи. 2009 (<http://www.piercarlobontempti.it>)

архитектуру. Его бюро находится в старой итальянской постройке, т. е. архитекторам обеспечено ежедневное телесное переживание классического пространства. Сказывается и опыт итальянского мастера в реконструкции старых городов, знание итальянской «ткани». При этом его собственная классика получается новая, пережившая авангард, уцелевшая в крушениях XX века и как бы открытая заново. Традиция – это пересечение свободы и истории, говорил Х. Гадамер. Встреча с традицией произошла – и результат художественно убедительный.

Другой известный проект Бонтемпи, в котором принял участие итальянский архитектор Э.-М. Маццола и российский архитектор Максим Атаянц, – курортный городок Фонтини-ди-Матильде в провинции Эмилия-Романья, недалеко от Пармы. Отель, двадцать домов, термы и маленькая церковь. От дороги и веющего с Апеннин жесткого ветра городок загорожен бастионом, в котором поместился паркинг. Очень мало приемов: окно, ставни изящного рисунка, люкарны, арки. Ни одной колонны. Нет украшений. Эта архитектура помнит заявление Лооса: «Орнамент – это преступление», которое было когда-то программным для модернизма и которое сегодня модернизм то и дело опровергает, покрывая себя принтами и перфорируя все подряд поверхности. У Бонтемпи все чисто. Классика совлекла с себя все ненужное. Вышла, как богиня, из купальни.

В чем секрет? Почему у Бонтемпи получилось то, что так трудно сегодня делать? Человек, который в наше время проектирует классику, – это канатоходец. Одно неверное движение – и падение в постмодернистскую иронию, в неумелое подражание или в наглуемую усмешку. Почему у Бонтемпи получилось пройти по этому канату? Знания реставратора, страхующие от ошибок в материалах, от «картонности», соединились с художественной инвенцией. Можно показать отдельные штрихи XXI века в его постройках: как смягчается симметрия палладианского фасада асимметрично размещенными эллипсовидными окнами; как палладианский фасад в качестве прообраза берется не парадный, а второстепенный, без колонн и без портика, т. е. от торжественности колонного портика Бонтемпи уходит, оставив чистое

благородство пропорций; как «высушиваются» капители пилястр, превращаясь в полоски; как эллипсовидные окошки на фасадах – то вертикальные, то горизонтальные – становятся как бы «подписью» Бонтемпи. Но дело не в них. Нужно было пережить модернизм прошлого века и начисто забыть классические пропорции (а из архитектурного образования во всем мире за редким исключением их устранили полностью), чтобы вдруг открыть их заново. Увидеть глазами архитектора XXI века. На мой взгляд, современной архитектуре и искусству в целом недостает интонации, которую можно было бы определить словами Гадамера как «актуальность прекрасного». Пьер Карло Бонтемпи исправил ситуацию.

Сделаю небольшое отступление о культурном контексте и духовных предпосылках нового урбанизма. В 1970–1980-х годах в культуре в целом появилась тенденция, к которой принадлежит и новый урбанизм. Возникла плеяда архитекторов-неоклассиков в России и на Западе. Возник интерес к «внеавторской» барочной музыке и сохранению памятников архитектуры, тогда же были высказаны идеи ретроразвития архитектора Бориса Еремина, тогда же Михаил Филиппов провозгласил свой манифест «Стиль 2001 года» по замене панельного района традиционным городом, эстетика которого осваивается, по словам автора, «путем смиренного рисования». То есть произошло осознание «присутствия прошлого» (именно так – Presence of the Past – называлась Венецианская архитектурная биеннале 1980 года). У русских композиторов Владимира Мартынова, Валентина Сильвестрова и Арво Пярта произошел поворот к «тихим песням» и новой простоте. Эта музыка ориентировалась, говоря словами Пярта, на григорианский хорал и творчество Фра Анжелико, исходя из понимания, что на языке авангарда это содержание высказать не получается. И был создан новый язык, основанный на традиционной тональной системе и благозвучии [13]. Так и архитекторы традиционного направления предпочли новый тип художественного высказывания: не авангардный, а канонический, но с художественной инвенцией. Концепция автора тоже поменялась: из демиурга авангардного искусства он превратился опять в мастера на службе у Бога, общества,

> Рис. 14. Квартал Дом-Рёмер. Франкфурт-на-Майне. 2010–2018 (<https://de.wikipedia.org>)

заказчика. Эти авторы внесли в современную культуру то, что в ней категорически отсутствовало, – понятие искусства, отвечающего за познание мира и умножение красоты, освященного, хотя и неявно, религией (небывалое сочетание для XX века, в котором связь культуры и религии, за редкими исключениями, разорвана, а познание часто служило злу). В современном искусстве (contemporary art) заметна только ницшеанская интонация мятежа и провокации, другие есть, но незаметны. А такая интонация работает лишь на короткой волне, поскольку никакого положительного смысла не предлагает. Как говорил Ясперс, «мышление Ницше <...> пусто, когда тот, кто обращается к нему, хочет обладать тем, что действительно и существует; в нем есть полнота, когда он принимает участие в движении» [14].

Испанская и португальская школы

Для этих южных стран в большей мере характерна ситуация не возрождения, но выживания традиционного поселения. Это и понятно: традиционные деревни здесь никуда не исчезали. Примером служит построенный

в Рис. 13. Франсиско и Джаиме Парладе. Марбелья, Испания. 1980-е (www.laherediaresidents.com)

в Испании в 1980-х братьями-архитекторами Франсиско и Джаиме Парладе приморский городок Ла-Херидиа на берегу Гибралтарского залива, на склоне горы, с видами на море и марокканское побережье. Типичный средиземноморский город с домами в сельском андалузском стиле – с терракотовыми полами и порталами, черепичными крышами, коваными оградками, цветной плиткой. Поселение из двухсот с лишним домов украшают площади с фонтанами и сады. Здесь больше вернакулярной, народной архитектуры, чем во всех приведенных выше примерах. В этом же ключе действует португальский архитектор Хосе Корнелио да Сильва, мастер-реставратор, специалист по реконструкции исторических городов. Его деревня в Альгейрао (Португалия) по формам и материалам неотличима от деревень столетней давности.

Немецкая школа

В немецкой школе создан прецедент по замене модернистского города традиционным. Здесь можно увидеть параллель с идеями ретроразвития Бориса Еремина и манифестом Михаила Филиппова, а также со знаменитым нереализованным проектом площади Патерностер в Лондоне, для которой по инициативе принца Чарльза был создан классический квартал Симпсона [15]. Во Франкфурте-на-Майне в 2012–2018 годах восстановили в довоенных формах центральный квартал Дом-Рёмер (Dom-Roemer), разрушенный бомбежками во время Второй мировой войны, заменив им морально устаревший модернистский технопарк 1970-х. В городе возникло общественное движение за восстановление исторического центра Франкфурта – старого города, состоявшего до войны из средневековых домов и застройки начала XX века, примыкавшего к соборной площади. По инициативе городского сообщества модернистские здания были снесены, в 2010–2011 годах был проведен ряд архитектурных конкурсов, и из 170 участников выбрано 20 архбюро, в том числе Meurer Architects. Ганс Колхофф, Jordan Mueller, Prof. Bernd Winking Architects и др., которые спроектировали 35 домов, составивших новый старый город. Дома проектировались согласно архивным документам в духе местной традиции с островерхими

крышами уклоном не меньше 55 градусов. Часть домов – реконструкции с фахверковыми этажами на каменном цоколе, часть – новые постройки в стиле старых, с бетонными конструкциями, но отделанные камнем, сланцем, штукатуркой с высоким ремесленным качеством. Центром старого города стала площадь Хюнемаркт. Масштаб работ был велик, пришлось переносить вход в метро, сносить подземную парковку, переселять арендаторов, снос Технопарка обошелся в 20 млн евро при общей стоимости строительства квартала в 200 млн. Но власти пошли на это, поскольку запрос общества на сложность, культуру, изящество был очевиден. Квартал Дом-Рёмер подвергся критике со стороны некоторых журналистов, усмотревших в нем восстановление архитектуры времен нацизма, но был высоко оценен историками архитектуры, а жители приняли новый старый город со всем сердечным удовольствием.

Другой представитель немецкой традиционной школы – молодой архитектор Себастиан Треезе, который в 2019

году получил премию Дрихауса, также движется в русле, близком новому урбанизму, но пока в его портфолио нет городов, лишь отдельные кварталы в традиционном стиле, построенные в Берлине, в основном в стиле неоклассицизма начала XX века и промышленного ар-деко 1920-х.

Шведская школа

В 1995–2004 годах американский архитектор польско-еврейского происхождения Александр Володарский, родившийся в СССР, с конца 1960-х работающий в Стокгольме, спроектировал квартал Санкт-Эриксомрадет. Район Св. Эрика – один из самых крупных проектов нового урбанизма. В нем 770 домов. Главная ось района проходит с юга на север через круглый парк, окруженный двумя подковообразными жилыми домами (Grubbensringen), мимо двух башен ведет вниз по большой полукруглой лестнице Груббена и заканчивается зеркальным прудом. В круглом парке находится часовня Св. Эрика, которая была пе-

^ Рис. 15. Квартал Санкт-Эриксомрадет. Стокгольм. Архитектор А. Володарский. 1995–2004 (<https://commons.wikimedia.org>)

^ Рис. 16. Цитадель в Брокпольдере. Голландия. Архитектор Р. Крие, К. Коль (<https://cksa.de>)

ренесена на 120 м к западу при строительстве жилого комплекса. Налицо приметы классического ансамбля, а в застройке преобладает стиль шведского классицизма 1920-х годов (стиль *Swedish Grace*), характерный для Стокгольма. Как и квартал Дом-Рёмер во Франкфурте-на-Майне, район Санкт-Эриксомрадет критиковали архитекторы и журналисты, но приветствовали власти и жители города. В 2004 году район получил награду CNU Chart Award.

Голландская школа

В Нидерландах несколько традиционных городов построил люксембургский архитектор, теоретик и философ Роб Крие, брат Леона Крие. Он работал в соавторстве с Кристофом Кодем в бюро, расположенном в Берлине, пока оно не распалось. Их небольшой, но известный проект – Цитадель в Брокпольдере. В плане город выглядит как крепость, однако пересеченная главной улицей с главной площадью на этой оси. По углам неправильного четырехугольника находятся «бастионы». Кварталы неправильной формы имеют замкнутые дворы. Застройка выполнена в традиционном голландском духе: кирпичные таунхаусы с островерхими крышами, красный и коричневый кирпич с белыми деталями. Традиционно для Голландии каналы вписаны в план города. В нем 300 частных домов и 180 домов, сдаваемых в аренду. В застройке сочетаются как отдельные особняки, так и сблокированные здания, есть даже жилье в «бастионах».

Таким образом, Крие и Коль практикуют стиль голландского вернакуляра. Другой их известный проект – мастерплан поселения Брандерворт на 17 тыс. жителей в голландской провинции Брабант, которое строится с 1996 года. Там Крие и Коль спроектировали также несколько кварталов, в том числе квартал Де-Весте, который Роб Крие назвал самым красивым городом в его жизни.

В 2022 году и Роб Крие дождался премии Дрихауса. Количество традиционных городов, построенных этим бюро, впечатляет, причем расположены они в основном в Голландии, которая считалась форпостом модернизма, а также в Германии. Таким образом, традиционные

города востребованы повсюду. Стоит отметить, что европейцы, поднимая на знамена радикальный модернизм и экспортируя его в другие страны, для себя строят традиционные поселения, рассчитанные на долгую жизнь, которые принимаются на ура местной властью и жителями.

Создав привлекательные для людей города с традиционными улицами и классической архитектурой, с разнообразными функциями, перемешанными с жильем и находящимися в пешеходной доступности, новый урбанизм предложил ответ на вызов постиндустриальной цивилизации. Призывая строить в местных традициях из местных натуральных материалов силами местных строителей, новые урбанисты попытались ответить на экологический вызов. На угрозу разрушения исторического города новый урбанизм тоже ответил. Старый город подвергся рефлексии, и был создан алгоритм, по которому строится неотрадиционный город. В американской школе для этого придумали писать для каждого поселения дизайн-код, регламентирующий все пропорции, кроме стиля архитектуры. Напротив, в английской, французской, итальянской, голландской, шведской школе стиль предписывается строго традиционный, а дизайн-код применяется не всегда. При этом соблюдается пропорция между вернакулярными, фоновыми зданиями и авторскими ансамблями, проектируемыми чаще всего в ордерной архитектуре, ими оформляются значимые места. Иерархия старого города также была учтена и принята в качестве канона как в традиционной планировке (главные здания – на центральной площади), так и в небесной линии (главные здания – доминанты в силуэте). Из перечисленных примеров в плане художественных достижений стоит выделить Паундбери с площадью Королевы-матери Терри и Валь-д-Эроп с площадью Тосканы Бонтемпи. Для истории архитектуры конца XX – начала XXI века новый урбанизм и возвращение традиционного города – глобальная архитектурная и культурная идея и ключевое художественное

> Рис. 17. Брандевоорт в Брабанте. Голландия. 1996–2021.
Архитектор Р. Крие, К. Коль (<https://cksa.de>)

явление, некое вневременное настоящее, доказавшее свою жизнеспособность в новом тысячелетии.

Литература

1. Fullton, W. *New Urbanism: Hope or Hype for American Communities: Report of Lincoln Institute of Land Policy*. – Cambridge, 1995. – URL: <https://www.lincolninst.edu/sites/default/files/pubfiles/the-new-urbanism-full.pdf> (дата обращения: 04.01.2023).
2. HRH Prince Charles. *A Vision of Britain: A Personal View of Architecture*. – London: Doubleday, 1989. – 160 p.
3. Krier, L. *Architecture. Choix ou Fatalite*. – Paris : Editions Norma, 1996. – 208 p.
4. Ревзин, Г. Венецианская биеннале. VII Междунар. архит. выставка. Россия. Михаил Филиппов. – Москва : А-Фонд, 2000. – 80 с.
5. Хартия нового урбанизма – URL: <https://www.cnu.org/who-we-are/charter-new-urbanism> (дата обращения: 23.02.2023).
6. Ревзин, Г. Как устроен город будущего. – Москва : Strelka Press, 2022. – 216 с.
7. Ла Рош, П. Роль зданий в изменении климата // Веб-журнал «ЭКА.ру». – URL: https://www.ec-a.ru/index.php?mn=razdel&mns=61caeit35zi8e_ru (дата обращения: 16.01.2023).
8. Джейкобс, А. Великие улицы. – Москва : Искусство – XXI век, 2014. – 344 с.
9. *The Fabric of the City*. – URL: https://www.rogerscruton.com/images/The_Fabric_of_the_City.pdf (дата обращения: 04.01.2023).
10. Krier, L. *Classical architecture and vernacular building // New classicism*. – New York : Rizzoli, 1990. – P. 44–51.
11. Duany, A., Plater-Zyberk, E., Alminana, R. *The New Civic Art: elements of town planning*. – New York : Rizzoli, 2003.
12. Копылова, Л. Экопоселение Паундбери // Проект Россия. – 2014. – № 71. – С. 154–156.
13. Чередниченко, Т. *Музыкальный запас. 1970-е. Проблемы. Портреты. Случаи*. – Москва : НЛО, 2005.
14. Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. *Переписка 1920–1963*. – Москва : Ad Marginem, 2001.
15. Papadakis, A. *L'architecture Moderne Classique*. – Paris: Finest S.A. / Edition Pierre Terrail, 1996. – P. 183–187.

References

- Cherednichenko, T. (2005). *Muzykalnyi zapas. 1970-e. Problemy. Portrety. Sluchai [Musical stock. 1970-e. Problems. Portraits. Cases]*. MOSCOW: NLO.
- Duany, A., Plater-Zyberk, E., & Alminana, R. (2003). *The New Civic Art: Elements of Town Planning*. New York: Rizzoli.
- Fullton, W. (1995). *New Urbanism: Hope or Hype for American Communities*. Report of the Lincoln Institute for Land Policy. Cambridge. Retrieved January 4, 2023, from <https://www.lincolninst.edu/sites/default/files/pubfiles/the-new-urbanism-full.pdf>
- HRH Prince Charles (1989). *A Vision of Britain: A Personal View of Architecture*. London: Doubleday.
- Jacobs, A. (2014). *Great Streets*. Moscow: Iskusstvo-XXI vek.
- Kopylova, L. (2014). Экопоселение Паундбери [Poundbury Eco-Settlement]. *Project Russia*, 71, 154-156.
- Krier, L. (1990). Classical architecture and vernacular building. In *New classicism* (pp. 44-51). New-York: Rizzoli.
- Krier, L. (1996). *Architecture. Choix ou Fatalite*. Paris: Editions Norma.
- La Roche, P. (n.d.). *Buildings and climate change*. ECA.ru. Retrieved January 16, from https://www.ec-a.ru/index.php?mn=razdel&mns=61caeit35zi8e_ru
- Martin Heidegger-Karl Jaspers. Perepiska 1920-1963 [The Heidegger-Jaspers correspondence (1920-1963)]*. (2001). Moscow: Ad Marginem.
- Papadakis, A. (1996). *L'architecture Moderne Classique*. Paris: Finest S.A. / Edition Pierre Terrail.
- Revzin, G. (2000). *Venetsianskaya biennale. VII Mezhdunar. archit. Vystavka. Rossiya. Mikhail Filippov [The Venice Biennale. VII International Architectural Exhibition. Russia. Mikhail Filippov]*. Moscow: A-Fond.
- Revzin, G. (2022). *Kak ustroen gorod budushchego [How the city of the future works]*. Moscow: Strelka Press.
- Scruton, R. (n.d.). *The Fabric of the City*. Retrieved January 4, 2023, from https://www.rogerscruton.com/images/The_Fabric_of_the_City.pdf
- The Charter of New Urbanism*. (n.d.). *Congress for the New Urbanism*. Retrieved February 23, 2023, from <https://www.cnu.org/who-we-are/charter-new-urbanism>.

Иордания богата ценными местами, история которых уходит вглубь веков. Эти объекты привлекают широкое внимание не только на местном уровне, но и во всем мире. Город Аль-Тафила на юге Иордании является одним из таких объектов, имеющих исключительное историческое, культурное и архитектурное значение. Именно в этом месте родилась великая, древняя, но малоизвестная цивилизация Набатея. В настоящее время неконтролируемый процесс быстрой урбанизации приводит к инфраструктурной деградации, оказывая глубокое пагубное влияние на памятники истории и культуры. В статье в качестве примера рассматривается судьба крепости Ас-Села, одного из старейших памятников культуры Набатея. Показана необходимость включения крепости Ас-Села в более широкую экономическую и архитектурную систему района Аль-Тафила.

Ключевые слова: архитектура; история; культурное наследие; градостроительство; Иордания; Набатея; крепость Ас-Села. /

Jordan is rich in valuable sites whose history goes back centuries. These objects attract wide attention not only at the local level, but also around the world. The city of Al-Tafilah in southern Jordan is one of such sites of exceptional historical, cultural and architectural significance. It is the place where one great, ancient, but little-known civilization of Nabatea was born. Currently, the uncontrolled process of rapid urbanization leads to infrastructural degradation, having a profound detrimental effect on historical and cultural monuments. The article considers as an example the fate of As-Sela' fortress, one of the oldest monuments of Nabataean culture. The necessity of including As-Sela' fortress in the broader economic and architectural system of the Al-Tafilah district is shown.

Keywords: architecture; history; cultural heritage; urban planning; Jordan; Nabataeans; As-Sela' fortress.

Урбанизация исторических мест: пример крепости Ас-Села / Urbanization of historical places: Case of As-Sela' fortress

текст

Фирас Гандах

Прикладной университет

Аль-Балка

Майсолин Аль-Адайлах

Университет дельи Студи

Габриэле д'Аннунцио

Омния Шейха

Дамасский университет /

text

Firas Gandah

Al-Balqa Applied University

Maysoleen Al-Adayleh

Gabriele d'Annunzio

University

Omniya Sheikhha

Damascus University

Исторические места играют важную роль в сохранении памяти о городе, создании городской идентичности и формировании современного городского пейзажа. Однако историческая структура городского пейзажа зачастую входит в конфликт с задачами экономического развития города.

Иногда в таком конфликте побеждают сторонники сохранения исторического наследия. Один из недавних примеров такой победы – запрет на вхождение туристических круизных лайнеров в пространство между островами Венеции. Запрет вступил в силу с 1 августа 2021 года и запретил судам длиной более 180 метров или весом 25000 тонн заходить в лагуну. Запрет принят в надежде сохранить исторические каналы, водные пути и общественные площади Венеции, то есть традиционный ландшафт «прекрасной смеси территории с акваторией».

Круизные лайнеры в Венеции уже много лет являются источником споров из-за продолжающейся кампании, возглавляемой протестной группой No Grandi Navi («Нет большим кораблям»), и петиций международных архитекторов и художников. За прошедшие годы было введено множество правил, направленных на сокращение количества судов, прибывающих в Венецию. Однако, поскольку эти суда вносят значительный вклад в экономику, существенного решения так и не было принято.

Несколько лет назад более 50 ведущих деятелей архитектуры, искусства, кино и моды, в том числе сэр Норман Фостер, директор Лондонской национальной галереи Николас Пенни и директор Фонда Гуггенхайма Ричард Армстронг, подписали петицию, призывающую держать большие круизные лайнеры подальше от Венеции. Петиция была создана поддерживаемой ЮНЕСКО Ассоциацией международных частных комитетов по охране Венеции и объясняет, что корабли не только являются «эстетическим вторжением» в город, но и создают «вероятный риск катастрофы» для хрупкой лагуны, окружающей Венецию. Призыв был услышан, и охрана культурного наследия победила экономику [1].

Но и противоположные примеры найти нетрудно. В том же 2021 году Комитет Всемирного наследия принял решение лишить британский город Ливерпуль статуса объекта культурного наследия, поскольку

новые застройки набережной города нанесли непоправимый ущерб целостному облику города. Ливерпуль был внесен в список Всемирного культурного наследия в 2004 году за то, что стал свидетелем развития одного из крупнейших мировых торговых центров в XVIII – XIX веках. В 2012 году город оказался в специальном списке Всемирного наследия, находящегося под угрозой. Это не остановило процессы застройки центральной части города, и Ливерпуль утратил свой культурно-исторический статус, а вместе с ним и привилегии, престиж и значительную часть туристической привлекательности [2].

Повседневные проблемы развития городов непрерывно входят в противоречия с долговременными задачами сохранения памяти. Общего решения этой проблемы, очевидно, не существует. Каждый раз приходится заново взвешивать требования текущего момента и вечные задачи поддержания связи между прошлыми и будущими поколениями.

Древнее царство Набатея

На территории современной Иордании расположены основные памятники уникальной культуры набатеев. Этот кочевой народ перешел к оседлому образу жизни в те же времена, когда в Греции расцветал классический период Афин и Спарты, а македонский царь Филипп готовил своего сына Александра к дальним военным походам. Через три века набатеи достигли вершин экономического и культурного развития – на фоне увядания утонченной эллинистической культуры и подъема воинственного Рима.

На пике своего могущества в конце первого века до н. э. Набатея доминировала на территории от южной Сирии, палестинского Негева до северо-запада Саудовской Аравии. Территория набатеев в значительной степени пересекалась с их караванными торговыми путями, которые простирались еще дальше – до Синайского полуострова и портов Средиземного моря. Особенно выгодной для страны была торговля специями. Набатея монополизировала поставки ароматических смол – ладана и мирры, которые были важнейшими предметами ритуальной практики. Набатея, таким

Introduction

Historical sites play an important role in preserving the memory of the city, creating an urban identity and shaping the modern urban landscape. However, the historical structure of the urban landscape often comes into conflict with the tasks of economic development of the city.

On some occasions supporters of the preservation of historical heritage win in such a conflict. One of the recent examples of such a victory is the ban on the entry of tourist cruise liners into the space between the islands of Venice. The ban came into force on August 1, 2021, and stopped vessels longer than 180 meters or weighing 25,000 tons from entering the lagoon. The ban was adopted in the hope of preserving the historical canals, waterways and public squares of Venice, that is, the traditional landscape of the “beautiful mixture of the territory with the water area.”

Cruise liners in Venice have been a source of controversy for many years due to the ongoing campaign led by the protest group “No Grandi Navi” (No big ships), and petitions by international architects and artists. Over the years, many regulations have been introduced to reduce the number of ships arriving in Venice. However, since these vessels make a significant contribution to the economy, no significant decision has been made.

A few years ago, more than 50 leading figures of architecture, art, cinema, and fashion, including Sir Norman Foster, Nicholas Penny, the director

of London's National Gallery and Richard Armstrong, the director of the Guggenheim Foundation, signed a petition calling for keeping large cruise liners away from Venice. The petition was created by the UNESCO-backed Association of International Private Committees for the Protection of Venice and explains that the ships are not only an “aesthetic intrusion” into the city, but also a “probable risk of disaster” for the fragile lagoon surrounding Venice. The call was heard, and the protection of cultural heritage defeated the economy (Pianigiani and Bubola, 2021).

But it is not difficult to find opposite examples. In the same year, 2021, the World Heritage Committee decided to deprive the British city of Liverpool of the status of a cultural heritage site, since the new developments of the city's embankment caused irreparable damage to the integral appearance of the city. Liverpool was listed as a World Cultural Heritage Site in 2004 for witnessing the development of one of the world's largest shopping malls in the 18th and 19th centuries. In 2012, the city was included in a special list of World Heritage in danger. This did not stop the development of the central part of the city, and Liverpool lost its cultural and historical status along with its privileges, prestige and a significant part of the tourist attraction (Macaskill, 2021).

Everyday problems of urban development continuously come into conflict with long-term tasks of memory preservation. Obviously, there is

образом, превратилась в перекресток торговых путей между основными центрами региона – Грецией, Римом, Палестиной и египетской империей Птолемея [3].

Нельзя сказать, что расцвет Nabatei протекал абсолютно мирным путем взаимовыгодной торговли. Первое историческое упоминание о взаимодействии набатеев с греками датируется 312 годом до н. э. в трудах Диодора и описывает их победу над Антигоном I и империей Селевкидов. Nabatei участвовали в римских войнах в Южной Аравии и в походах Ирода Великого, но в целом история Nabatei выглядит удивительно миролюбивой для того воинственного времени. Немало примеров, когда Nabatea получала прямую выгоду от военных конфликтов соседей – так, после падения династии Птолемея в 30 году до н. э. под ударами Рима по всему Леванту в поисках работы широко разбрелись квалифицированные александрийские ремесленники. Это рассеяние совпадает со сроками появления многих прекрасных памятников архитектуры в Nabatee. Вполне вероятно, что эти ремесленники отправились в Nabateu и поделились своими секретами и эстетическими предпочтениями в набатейской архитектуре [4].

Замечательной особенностью архитектуры набатеев является гармоничное сочетание этих разнородных элементов. Ордерная система греков, торжественная барочность римлян, величественная неподвижность египтян и прихотливая асимметрия пещерных комплексов – все это удивительным образом сливается в единый образ, лишенный эклектической пестроты. Только тренированный взгляд специалиста способен определить, к какой из соседних с набатеями культур тяготеет тот или иной элемент. Человек неискушенный не видит никаких противоречий, воспринимая памятники набатейской культуры как единое целое.

Набатейская территория была аннексирована римским императором Траяном в 106 году нашей эры. После этого расцвет постепенно сменился упадком, хотя через столицу Nabatei Петру проходили сразу два важных торговых пути: один из них связывал Аравию и Персидский залив со Средиземным морем, другой – Красное море с Сирией. Выгодное географическое положение поддерживало процветание набатеев, однако начиная

в Рис. 1. «Дорога царей» от Красного моря до границ Сирии. As-Sela была одной из крепостей, охранявших эту важную торгово-транспортную артерию древнего мира / Figure 1. “The Road of the Kings” from the Red Sea to the borders of Syria. As-Sela’ was one of the fortresses that guarded this important trade and transport artery of the ancient world

с III века н. э. маршруты торговых караванов стали проходить севернее, и Петра утратила свое значение. В 363 и 747 годах в этом районе произошли два сильнейших землетрясения, что еще более способствовало упадку государства. Постепенно жизнь в Nabatee угасла, и великолепные памятники набатейской культуры были забыты на полторы тысячи лет.

Интерес к памятникам Nabatei вновь проснулся только в XIX веке. В 1812 году швейцарский востоковед И. Л. Буркхардт первым спустился по ущелью Сик и обнаружил таинственный город, высеченный из розового и желтого песчаника. С тех пор археологи изучают

no general solution of this problem. Each time we have to re-weigh the requirements of the current moment and the eternal tasks of maintaining communication between past and future generations.

1. The ancient kingdom of Nabatea

The main monuments of the unique Nabataean culture are located on the territory of modern Jordan. These nomadic people moved to a sedentary lifestyle at the same time when the classical period of Athens and Sparta was flourishing in Greece, and the Macedonian king Philip was preparing his son Alexander for long-distance military campaigns. Three centuries later, the Nabataeans reached the heights of economic and cultural development – against the background of the withering of refined Hellenistic culture and the rise of warlike Rome.

At the peak of its power at the end of the first century BC, Nabatea dominated the territory from southern Syria, the Palestinian Negev to the northwest of Saudi Arabia. The territory of the Nabataeans had largely overlapped with their caravan trade routes, which stretched even further – to the Sinai Peninsula and the ports of the Mediterranean Sea. The spice trade was especially profitable for the country. Nabatea monopolized the supply of aromatic resins – frankincense and myrrh, which were the most important items of ritual practice. Nabatea thus turned into the crossroads of trade routes between the main centers of the region – Greece, Rome,

Palestine and the Egyptian Ptolemaic Empire (Schmid, 2008).

It cannot be said that the heyday of Nabatea proceeded absolutely peacefully through mutually beneficial trade. The first historical mention of the interaction of the Nabataeans with the Greeks dates back to 312 BC in the writings of Diodorus and describes their victory over Antigonus I and the Seleucid Empire. The Nabataeans participated in the Roman wars in Southern Arabia and in the campaigns of Herod the Great, but overall, the history of Nabatea looks surprisingly peaceful for that warlike time. There are many examples when Nabatea directly benefited from the military conflicts of its neighbors – for example, after the fall of the Ptolemaic dynasty in 30 BC under the blows of Rome, a lot of skilled Alexandrian artisans widely dispersed throughout the Levant in search of work. This scattering coincides with the dates of the appearance of many beautiful architectural monuments in Nabatea. It is likely that these artisans went to Nabatea and shared their secrets and aesthetic preferences to Nabataean architecture (Shifman, 2017).

A remarkable feature of the Nabataean architecture is the harmonious combination of these heterogeneous elements. The order system of the Greeks, the solemn baroque of the Romans, the majestic immobility of the Egyptians and the whimsical asymmetry of cave complexes – all of the above surprisingly merge into a single image devoid of eclectic hetero-

набатейские древности, но многое в этой великолепной культуре все еще остается неразгаданным [5].

Крепость Ас-Села

На юге Иордании, между городами Аль-Тафила и Бусайра, находится одно из самых значительных исторических мест в регионе. Ас-Села, эдомитско-набатейская горная крепость. Этот впечатляющий исторический и архитектурный замок, которому более 3000 лет, расположен над плато Эдом.

Ас-Села находится всего в нескольких километрах от древнего эдомитского города Бушера (Бозра) и занимает скалистый выступ высотой около полукилометра над окружающим вади, на Эдомитском плато. Это место расположено примерно в 50 км к северу от Петры, недалеко от современной Бусейры [6].

Некоторые признаки указывают, что набатейцы высекали крепость Ас-Села раньше знаменитой Петры.

> Рис. 2. Вход в крепость Ас-Села, вид с воздуха / Figure 2. Entrance to As-Sela' fortress, aerial view

В крепости Ас-Села находится вавилонский обелиск, который является первым в своем роде в Иордании и четвертым в мире, относящимся ко времени между (555–930) годами до н. э., форма резьбы вавилонского царя, держащего в руках скипетр, как обелиск был высечен на высотной скале на юго-восточном фасаде замка [7]. Этот памятник представляет собой убедительное свидетельство вавилонского присутствия на юге Иордании и является самым ярким свидетельством важности Ас-Села даже в железном веке. Согласно хронике Набонида, монарх путешествовал через Эдом (Удумму) по пути из Вавилона в Аравию примерно в середине шестого века до нашей эры.

Расположение крепости Ас-Села на высокой скале предохранило ее от разрушения, но это же обусловило ее труднодоступность для археологов. Только в 1996 году группа экспертов по альпинизму, исследующих обелиск, из Французского института древностей посетила место расположения Ас-Села в этом важном стратегическом месте, на одном из фасадов замка Ас-Села. Испанская экспедиция в Ас-Села в 2018 году в составе четырех опытных альпинистов обнаружила керамику и черепки снаряжения, относящиеся ко второму железному веку, а также резьбу и надписи на памятниках этой горной твердыни [8].

Комплекс Ас-Села состоит из жилых, оборонительных и религиозных единиц, все они отражают социальную жизнь в то время, когда, по оценкам, в этом районе проживало по меньшей мере 100000 человек. Комплекс Ас-Села состоит примерно из 85 дворцов, 300 резных пещер и других произведений архитектурных скульптур. В ходе раскопок были обнаружены руины высеченных пещер, которые использовались в качестве жилищ или складских помещений.

Гора Ас-Села хорошо подходила в качестве укрепленного места отдыха, как упоминали. Страбон (64 год до н. э. – 24 год н. э.), римский историк, описал его как набатейскую твердыню. «Укрепленный скальными породами, участок вокруг крутой и отвесный, а внутренние участки содержат множество колодцев, как для домашнего использования в садах, так и для орошения», – цитируют Джонсон и Уиткомб [9].

geneity. Only a trained eye of a specialist is able to determine which of the neighboring Nabataean cultures one or another element tends to. An inexperienced person does not see any contradictions, perceiving the monuments of Nabataean culture as a single whole.

The Nabataean territory was annexed by the Roman Emperor Trajan in 106 AD. After that, the heyday gradually gave way to decline, although two important trade routes passed through the Nabataean capital Petra at that time: one of them connected Arabia and the Persian Gulf with the Mediterranean Sea, the other — the Red Sea with Syria. The favorable geographical position supported the prosperity of the Nabataeans, but starting from the III century AD, the routes of trade caravans began to pass more to the north, and Petra lost its importance. In 363 and 747, two major earthquakes occurred in this area, which further contributed to the decline of the state. Gradually, life in Nabataea faded away and the magnificent monuments of Nabataean culture were forgotten for fifteen hundred years.

Interest to the monuments of Nabatea woke up again only in the XIX century. In 1812, the Swiss orientalist I. L. Burckhardt was the first to descend the Sik Gorge and discovered a mysterious city carved out of pink and yellow sandstone. Since then, archaeologists have been studying Nabataean antiquities, but much of this magnificent culture remains mysterious (Tholbecq 2001).

Ас-Сале обладает естественной защитой: он окружен со всех сторон глубокими долинами, в саму крепость имеется только один проход. Узкий 17-метровый коридор в скале, известный как «траншея», или «резак», или «сик», с восточной стороны заканчивается в относительно ровном дворе и ведет к винтовой лестнице, вырубленной в песчаной скале примерно на 600 метров вверх к замку, на вершину относительно плоской горы с восточной стороны.

Туннель окружен естественными каменными башнями, оборудованными караульными помещениями и увенчанными остатками хорошо построенных оборонительных стен.

Вода и земля Набатеев

Регион, в котором расположена крепость Ас-Села, во все времена испытывал два бедствия – аридный климат и высокую сейсмическую активность. Близость пустынь Нефуд, Руб-эль-Хали, Дахна на протяжении большей части года сформирует крайне сухую и жаркую погоду, которая в короткий период дождей сменяется бурными осадками. Реки этого региона отличаются непостоянством, и большинство из них периодически пересыхают.

Набатейцы преуспели в создании эффективной системы для сбора и подъема воды, что ярко видно в Ас-Селе. Водоснабжение крепости питается из 340 независимых источников (колодцев, родников, периодических рек и ручьев). Специальные насосы поднимают воду на вершину холма, в водяные цистерны (каласы), высеченные в камне. Две дюжины цистерн вырублены в коренной породе плато из белого песчаника, и все они собирают критически важные для поддержания жизни осадки через связанную систему каналов и отводящих стен. Вся эта система существовала уже в эдомитский период, когда набатейские колонисты освоили и усовершенствовали навыки управления водными ресурсами [10].

Исследователи упоминают загадочные груды камней, которые встречаются по всей территории Набатеев. Существует гипотеза (весьма правдоподобная), согласно которой резкие перепады между дневной и ночной температурой способствовали извлечению воды из воздуха

2. As-Sela' Fortress

In the south of Jordan, between the cities of Al-Tafilah and Busayra, there is one of the most significant historical sites in the region - As-Sela', Edomite-Nabataean mountain fortress. This impressive historical and architectural castle, which is more than 3,000 years old, is located above the Edom Plateau (Corona Atlas, 2023).

As-Sela' is located just a few kilometers from the ancient Edomite city of Bushehr (Bozra) and occupies a rocky ledge about half a kilometer high above the surrounding wadi, on the Edomite plateau. This place is located about 50 km north of Petra, near modern Buseira.

Some signs indicate that the Nabataeans carved the fortress of As-Sela' before the famous Petra. In the fortress of As-Sela' there is a Babylonian obelisk, which is the first of its kind in Jordan and the fourth in the world, dating back to the time between (555-930) BC, the shape of the carving of the Babylonian king holding a scepter in his hands, as the obelisk was carved on a high-altitude rock on the southeastern facade of the castle (Dalley and Goguel, 1997). This monument is a convincing evidence of the Babylonian presence in the south of Jordan and is the clearest evidence of the importance of As-Sela' even in the Iron Age. According to the chronicle of Nabonidus, the monarch traveled through Edom (Udumma) on his way from Babylon to Arabia around the middle of the sixth century BC.

в этих своеобразных «конденсаторах». Остывшие за ночь камни оставались холодными еще несколько часов после восхода солнца, и горячий воздух отдавал воду в виде росы – эту воду искусно собирали и хранили жители Набатеев [11].

Интереснейшие инженерные приемы использовали набатейские строители, чтобы противостоять землетрясениям. В сухом климате прекрасно сохранились элементы в виде деревянных колышков и клиньев, вставленных между камнями при строительстве стен набатейских твердынь. Эти упругие элементы из местного кедра придавали каменной кладке необходимую эластичность и сопротивление на изгиб. При прохождении сейсмической волны стены изгибались и упруго деформировались, но не разрушались. Так древняя кладка простояла тысячи лет [12].

^ Рис. 3. Археологи-альпинисты поднимаются к крепости по северной стене.

Фотографии сделаны экспедицией Американского археологического общества в 2018 году / Figure 3. Archaeologists-climbers climb the fortress on the northern wall. The photos were taken by an expedition of the American Archaeological Society in 2018. (<https://www.asor.org/anetoday/2019/03/New-Discoveries-at-Sela/>)

The location of the As-Sela' fortress on a high rock prevented it from destruction, but this also caused its inaccessibility for archaeologists. Only in 1996, a group of mountaineering experts exploring the obelisk from the French Institute of Antiquities visited the location of As-Sela' Castle in this important strategic location, on one of the facades of As-Sela' Castle. A Spanish expedition to As-Sela' in 2018, consisting of four experienced climbers, discovered ceramics and shards of equipment dating back to the Second Iron Age, as well as carvings and inscriptions on the monuments of this mountain stronghold (Steiner, 2021).

As-Sela' Castle consists of residential, defensive and religious units, all of which reflect social life at a time when it is estimated that at least 100,000 people lived in the area. The As-Sela' complex consists of about 85 palaces, 300 carved caves and other works of architectural sculptors. During the excavations, the ruins of carved caves were discovered, which were used as dwellings or storage rooms.

Mount As-Sela' was well suited as a fortified resting place, as mentioned. Strabo (64 BC – 24 AD), a Roman historian, described it as a Nabataean stronghold. "Fortified with rocks, the outside area is on the steep slopes, and the interior areas contain many wells, both for home use in gardens and for irrigation," Johnson and Whitcomb quote (Johnson and Whitcomb, 1978).

в Рис. 4. Особенности геологии и гидрологии региона Иордании таковы, что водоносные пласты иногда залегают выше, чем уровень земли в долинах. Тогда воду приходится не поднимать в горные крепости, а спускать по системе акведуков. Одно из промежуточных водохранилищ, восстановленных в Петре /

Figure 4. The peculiarities of the geology and hydrology of the Jordan region are such that aquifers sometimes lie higher than the ground level in the valleys. Then the water does not have to be lifted into the mountain fortresses, but has to be lowered through the aqueduct system. One of the intermediate reservoirs restored in Petra

Пример использования инженерно-технических и эстетических достижений набатеев реализован недавно в Саудовской Аравии. Осенью 2021 года известный французский архитектор Жан Нувель объявил о своем новом экстраординарном проекте в природном заповеднике Шараан недалеко от набатейских чудес Хегра, объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО. Первый саудовский археологический объект, внесенный в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2008 году. Хегра – древний город площадью 52 гектара – был главным южным городом набатейского царства. Он включает в себя более 100 хорошо сохранившихся гробниц с тщательно продуманными фасадами, вырезанными в обнажениях песчаника. Современные исследования показывают, что Хегра была самым южным форпостом римлян после завоевания набатеев в 106 году нашей эры.

Работы Жана Нувеля предлагают современное дизайнерское видение этого 2000-летнего архитектурного наследия со времен набатеев, высеченных в скале из песчаника возрастом в миллионы лет. «Слияние ландшафта

As-Sela' has natural protection: it is surrounded from all sides by deep valleys, there is only one passage into the fortress itself. A narrow 17-meter corridor in the rock, known as a "trench" or "cutter" or "sic" on the east side ends in a relatively flat courtyard and leads to a spiral staircase cut into the sandy rock about 600 meters up to the castle, to the top of a relatively flat mountain on the east side.

The tunnel is surrounded by natural stone towers, equipped with guard rooms and topped with the remains of well-built defensive walls.

3. Water and land of Nabatea

The region in which the As-Sela' fortress is located has always experienced two disasters – an arid climate and high seismic activity. The proximity of the deserts of Nefud, Rub-el-Khali, Dakhna for most of the year forms an extremely dry and hot weather, which in a short period of rains is replaced by heavy precipitation. The rivers of this region are unstable, and most of them dry up periodically.

The Nabataeans succeeded in creating an effective system for collecting and lifting water, which is clearly seen in As-Selo. The water supply of the fortress is carried out from 340 independent sources (wells, springs, periodic rivers and streams). Special pumps lift water to the top of the hill, into water tanks (kalas) carved in stone. Two dozen cisterns have been cut into the bedrock of the white sandstone plateau, and all of them collect

и истории, истории прошлых цивилизаций в необыкновенном ландшафте – единственное место, где можно создать такой шедевр», – сказал Жан Нувель. Архитектор хочет сохранить этот уникальный ландшафт. «АлУла – это музеев. Каждое вади и откос, каждый участок песка и скалистых очертаний, каждый геологический и археологический объект заслуживают самого пристального внимания. Жизненно важно, чтобы мы сохранили всю его самобытность и привлекательность, которые в значительной степени основаны на его отдаленном, а иногда и архаичном характере. Мы должны сохранить маленькую тайну, а также обещание будущих открытий», – добавил он [13].

Крепость Ас-Села и город Аль-Тафила: мнение архитекторов

В процессе подготовки этой статьи авторы провели серию собеседований с иорданскими архитекторами, имеющими большой практический опыт в этой области. Собеседование проводилось в форме открытого опроса по теме «Какова роль памятников истории и культуры в жизни современного города?».

Практически все наши собеседники высказали мнение о том, что памятники получают недостаточно внимания и поддержки как со стороны властей разного уровня, так и со стороны общественности. Основная причина заключается в том, что управление развитием городов сосредоточено на текущих, сиюминутных проблемах экономики и социальной жизни. Долговременное, стратегическое планирование развития города требует большой политической воли и дальновидности с одной стороны и реальной научной базы – с другой. Современные истоки планирования развития городской среды были заложены относительно недавно. Лишь в конце XIX века урбанистика как научная дисциплина начала возникать из хаоса промышленных городов эпохи первой технической революции. Первыми урбанистами, как обычно, стали мечтатели со своими проектами идеальных городов, но именно они заложили вполне реалистичный фундамент требований к санитарии и гигиене, логистике города, транспортировке людей и товаров, а также представления об инклюзивном комплексе удобств, доступных каждому жителю города.

life-critical sediments through a connected system of channels and drainage walls. This whole system had already existed in the Edomite period, when the Nabataean colonists had mastered and upgraded their skills of water management (Da Riva, 2015).

Researchers mention mysterious piles of stones that are found throughout the territory of Nabatea. There is a hypothesis (very plausible), according to which sharp drops between daytime and nighttime temperatures facilitated the extraction of water from the air in these peculiar "condensers". The stones that had cooled overnight remained cold for several hours after sunrise, and the hot air gave off water in the form of dew – this water was skillfully collected and stored by the inhabitants of Nabatea (Wardam, 2007).

The most interesting engineering techniques were used by Nabataean builders to resist earthquakes. In a dry climate, elements in the form of wooden pegs and wedges inserted between the stones during the construction of the walls of the Nabataean strongholds have been perfectly preserved. These elements made from the local cedar gave the masonry the necessary elasticity and bending resistance. During the passage of a seismic wave, the walls bent and elastically deformed, but did not collapse. Therefore, the ancient masonry stood for thousands of years (Al Qablan, 2019).

Современное планирование развития города, по словам опрошенных, это тонкий процесс поисков равновесия между ожиданиями социальной справедливости (со стороны горожан), требованиями экономического процветания (со стороны деловых кругов), бережного отношения к экологии городской среды и культурному наследию (со стороны общественности). К тому же на ситуацию постоянно влияют хаотические процессы на рынке недвижимости и меняющиеся тренды демографии, моды и политики.

Тем не менее успешное и устойчивое развитие может обеспечить только комплексный генеральный план для целого города или региона. Разработка такого плана потребует участия множества экспертов в различных областях, а также большой политической и предпринимательской проницательности от руководителей реализации этого плана. Кроме того, воплощение комплексного генерального плана в жизнь потребует участия всех слоев населения – от самых пожилых носителей традиционного уклада жизни до молодежи, которой принадлежит будущее.

Пока совершенно непонятно, на каком языке и на какой идеологической платформе могут договориться все эти люди с их разнообразными интересами, потребностями и мировоззрениями. И в этом пункте мы видим, какую огромную ценность представляет наследие древней культуры набатеев. Возрастая на перекрестке торговых путей, взаимодействуя с самыми различными (а иногда и прямо враждебными друг другу) культурами, набатеи находили способы брать лучшее у каждой из культур, с которыми соприкасались. Nabatea – это уникальный пример мультикультурного общества, в котором ни одна из входящих культур не доминирует, но каждая вносит свой вклад в общий диалог. Две тысячи лет назад набатеи уже нашли то самое равновесие между экономикой, политикой, эстетикой и национальным самосознанием, которое мы так напряженно ищем сейчас.

Рекомендации и перспективы

В заключение мы хотели бы предаться фантазиям и представить себе, что наши выводы и рекомендации прочитают кто-либо из числа людей, принимающих решение

An interesting example of the use of engineering, technical and aesthetic achievements of the Nabataeans was recently implemented in Saudi Arabia. In the autumn of 2021, the famous French architect Jean Nouvel announced his extraordinary new project in the Sharaan Nature Reserve near the Nabataean wonders of Hegra, a UNESCO World Heritage Site. The first Saudi archaeological site that was included in the UNESCO World Heritage List in 2008. Hegra, an ancient city with an area of 52 hectares, was the main southern city of the Nabataean kingdom. It includes over 100 well-preserved tombs with elaborate facades carved into sandstone outcrops. Modern research shows that Hegra was the southernmost outpost of the Romans after the conquest of the Nabataeans in 106 AD.

Jean Nouvel's works offer a modern design vision of this 2,000-year-old architectural heritage from the time of the Nabataeans, carved into a sandstone rock millions of years of age. "The fusion of landscape and history, the history of past civilizations in an extraordinary landscape is the only place where you can create such a masterpiece," Jean Nouvel said. The architect wants to preserve this unique landscape. "AlUla is a museum. Every wadi and escarpment, every stretch of sand and rocky outlines, every geological and archaeological site deserves the closest attention. It is vital that we preserve all of its identity and appeal, which are largely based on its remote and sometimes archaic character. We must keep a little secret, as well as the promise of future discoveries," he added (Pelloux, 2021).

в Рис. 5. Вероятно, так выглядело внутреннее пространство горных крепостей набатеев в период процветания государства. Реставрация выполнена в Королевской комиссии по охране памяти Алулы (Дубай, ОАЭ). Цивилизация набатеев и предшествовавшее ей царство Дадан включало весь Североарабский регион /

Figure 5. Most likely, this is what the interior of the Nabataean mountain fortresses looked like during the period of prosperity of the state. The restoration was carried out at the Royal Commission for the Protection of the Memory of Alula (Dubai, UAE). The Nabataean civilization and the preceding kingdom of Dadan included the entire North Arab region

в сфере управления развитием городов. В таком случае мы могли бы предложить следующие пункты:

1. Повышение роли государственного (правительственного) регулирования в регулировании всех аспектов развития городов, включая эстетический (стилистический) и имиджевый аспект. Вероятно, в плоскости традиционного облика и духа исторических городов должна быть разработана столь же ясная и объективная система параметров, аналогичная системе параметров, регулирующих санитарные или противопожарные нормы. Понятие эстетической ценности культурного наследия должно быть избавлено от субъективного влияния личных вкусов того или иного эксперта (а тем более чиновника). Например, одним из таких параметров может стать использование традиционных местных строительных материалов и технологий;

2. Привлекательность города для туристов, несомненно, является важным параметром как с экономической, так и с имиджевой стороны. Однако крайне важно внимательно изучать и всячески стимулировать

4. As-Sela' Fortress and Al-Tafilah city: Architects' opinion

In the process of preparing this article, the authors conducted a series of interviews with Jordanian architects with extensive practical experience in this field. The interview was conducted in the form of an open survey on the topic: "What is the role of historical and cultural monuments in the life of a modern city?"

Almost all of our interlocutors expressed the opinion that the monuments receive insufficient attention and support both from the authorities of different levels and from the public. The main reason is that the management of urban development is focused on the current, momentary problems of the economy and social life. Long-term, strategic planning for the development of the city requires great political will and foresight on the one hand and a real scientific base on the other. The modern origins of urban development planning were laid relatively recently. It was only at the end of the nineteenth century that urbanism began to emerge as a scientific discipline from the chaos of industrial cities of the era of the first technical revolution. The first urbanists, as usual, were dreamers with their projects of ideal cities, but it was they who laid a completely realistic foundation for the requirements for sanitation and hygiene, logistics of the city, transportation of people and goods, as well as ideas about an inclusive complex of amenities available to every resident of the city.

Modern city development planning, according to respondents, is a delicate process of finding a balance between the expectations of social justice (on the part of citizens), the requirements of economic prosperity (on the part of business circles), careful attitude to the ecology of the urban environment and cultural heritage (on the part of the public). In addition, the situation is constantly influenced by chaotic processes in the real estate market and changing trends in demography, fashion and politics.

However, successful and sustainable development can only be ensured by a comprehensive master plan for an entire city or region. The development of such a plan will require the participation of many experts in various fields, as well as great political and entrepreneurial insights from the leaders in charge of the implementation of this plan. In addition, the implementation of a comprehensive master plan will require the participation of all segments of the population – from the oldest carriers of the traditional way of life to the youth who own the future.

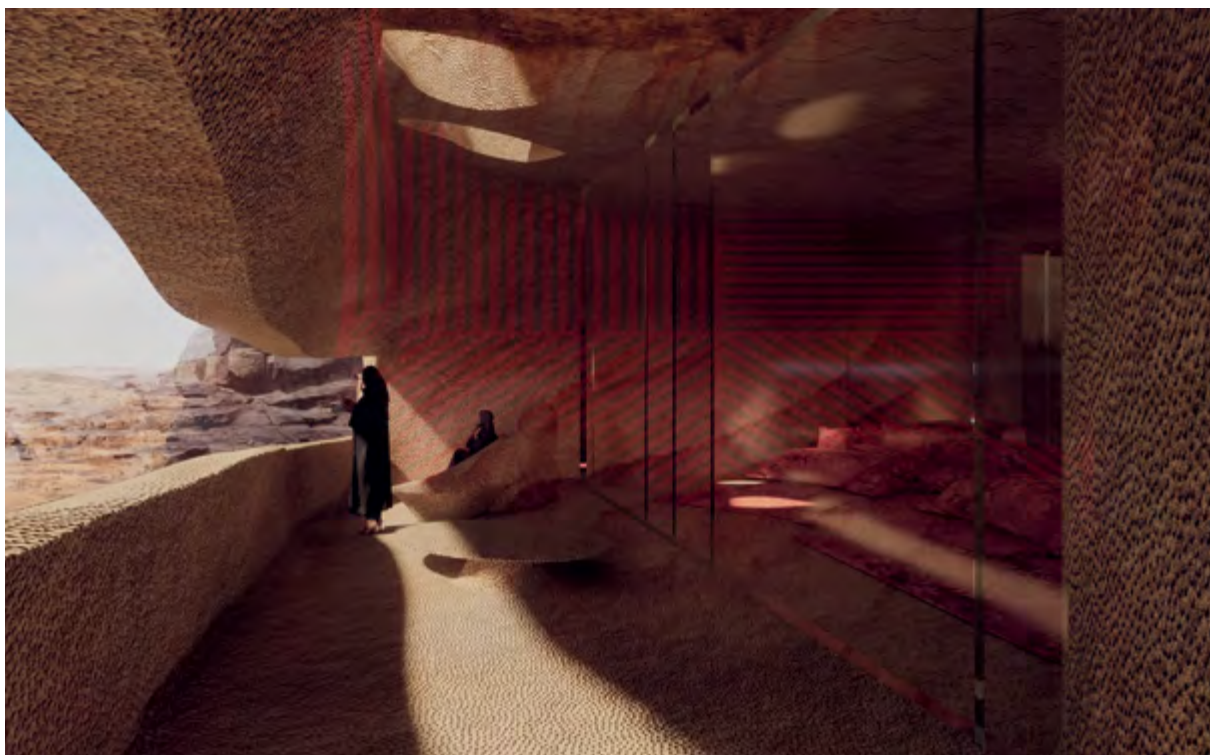
It is still completely unclear in what language and on what ideological platform all these people with their diverse interests, needs and worldviews can agree. And at this point we see what a great value is the heritage of the ancient Nabataean culture. Growing up at the crossroads of trade routes, interacting with the most diverse (and sometimes directly hostile to each

привлекательность города для его жителей. Для этого необходимо изучать и применять в современном контексте те приемы, которые уже тысячи лет назад позволяли создать комфортную среду для представителей самых разных групп городского населения, как постоянных жителей, так и гостей города. Набатейская культура способна дать многое для достижения этих целей;

3. Совершенно необходимо всячески повышать уровень знаний жителей города о его истории, традициях, уникальных особенностях и направлении его развития. Особенно важно бороться с безграмотностью молодежи в этом вопросе. Для этого следует опираться на современные средства общения (социальные сети,

интернет), использовать авторитетные мнения ученых и архитекторов с мировыми именами, поддерживать инициативы «снизу» в сфере традиционных искусств и ремесел начиная с дошкольного возраста.

Хотя урбанизация и расширение города неизбежны, это не является несовместимым с ростом, который сохраняет отличительные черты архитектурного наследия и создает сообщество, которое люди могут назвать домом. Городские чиновники по планированию, местные архитекторы, заинтересованные стороны и жители должны работать вместе, чтобы найти подходящие способы сохранения и продвижения замечательной структуры и характера города.

> Рис. 6. Жан Нувель, проект отеля «Шараан» (оазис Алула). Отель будет в основном вырезан в песчаниковых скалах по образцу набатейских крепостей / Figure 6. Jean Nouvel, the project of the Sharaan Hotel (Alula Oasis). The hotel will be mostly carved into sandstone rocks modeled after Nabataean fortresses

other) cultures, the Nabataeans found ways to take the best from each of the cultures they came into contact with. Nabatea is a unique example of a multicultural society in which none of the incoming cultures dominates, but each contributes to the overall dialogue. Two thousand years ago, the Nabataeans had already found the very balance between economics, politics, aesthetics and national identity that we are so intensely looking for now.

Conclusion. Recommendations and prospects

In conclusion, we would like to indulge in fantasies and imagine that our conclusions and recommendations will be read by someone from among the decision-makers in the field of urban development management. In this case, we could suggest the following points to consider:

1. increasing the role of state (governmental) regulation in regulating all aspects of urban development, including aesthetic (stylistic) and image aspects. Probably, in the plane of the traditional appearance and spirit of historical cities, an equally clear and objective system of parameters should be developed, similar to the system of parameters regulating sanitary or fire safety standards. The concept of the aesthetic value of cultural heritage should be freed from the subjective influence of the personal tastes of an expert (and even more so of an official). For example, one of these parameters may be the use of traditional local building materials and technologies;

2. the attractiveness of the city for tourists is undoubtedly an important parameter both from the economic and image side. However, it is extremely important to carefully study and stimulate the attractiveness of the city for its residents in every possible way. To do this, it is necessary to study and apply those techniques that thousands of years ago made it possible to create a comfortable environment for representatives of various groups of the urban population, both permanent residents and guests of the city in the modern context.. Nabataean culture can give a lot to achieve these goals;

3. it is absolutely necessary to raise the level of knowledge of the residents of the city about its history, traditions, unique features and the direction of its development in every possible way. It is especially important to combat the illiteracy of young people in this matter. To do this, it is necessary to rely on modern means of communication (social networks, the Internet), use authoritative opinions of scientists and architects with world-renowned names, support initiatives "from below" in the field of traditional arts and crafts, starting from preschool age.

Although urbanization and urban expansion are inevitable, it is not incompatible with growth that preserves the distinctive features of architectural heritage and creates a community that people can call home. City planning officials, local architects, stakeholders and residents should work together to find suitable ways to preserve and promote the remarkable structure and character of the city.

Литература

1. Pianigiani, G., Bubola, E. (Oct. 10, 2021). Italy's Government to Ban Cruise Ships From Venice. NY Times Retrieved from URL: <https://www.nytimes.com/2021/07/13/world/europe/venice-italy-cruise-ship-ban.html> Дата обращения 26.02.2023
2. Macaskill, A. (July 21, 2021). UNESCO strips English city of Liverpool of its world heritage status. Reuters, Retrieved from URL: <https://www.reuters.com/world/uk/unesco-strips-englands-liverpool-world-heritage-status-2021-07-21/> Дата обращения 26.02.2023
3. Schmid, S. (2008). The Hellenistic Period and the Nabataeans / In Jordan: An Archaeological Reader, edited by Russell B. Adams. London: Equinox Publishing Ltd., pp. 353-411
4. Shifman, I. (2017) Nabatean Kingdom. Moscow: Lomonosov [Шифман И. Ш. (2017) Набатейское царство. М.: Ломоносовъ]
5. Tholbecq, L. (2001). Nabataean Monumental Architecture // The World of the Nabataeans, 2, 103-144.
6. Corona Atlas & Referencing System. Retrieved from URL: <https://corona.cast.uark.edu> Дата обращения 26.02.2023
7. Dalley, S. and Goguel, A. (1997) The Sela' Sculpture: A Neo-Babylonian Rock Relief in Southern Jordan // Annual of the Department of Antiquities of Jordan, 41, 169-176.
8. Steiner M. L. (2021). Temples and Cult Places in Iron Age Transjordan // The American Society of Overseas Research (ASOR), Vol. IX, 6. URL: <https://www.asor.org/onetoday/2021/06/temples-cult-places-transjordan> Дата обращения 26.02.2023
9. Johnson, J. H., Whitcomb, D. (1978) Quseir Al-Qadim: Preliminary Report. Cairo: American Research Center in Egypt, Inc.
10. Da Riva, R. (2015), Surface survey of the site of as-Sila/Sela (Tafila, Jordan): water management in the Edomite Plateau during the first millennium BC // Newsletter of Water and Wastewater in Ancient Civilizations (WWAC), 10, 17-20.
11. Wardam, B. (2007). Petra and Nabataean water management system. Jordanwatch. Retrieved from URL: <http://www.jordanwatch.net/archive/2007/7/264822.html> Дата обращения 26.02.2023
12. Al Qablan, H. (2019). On the use of wooden beams as an anti-seismic device in stone masonry in Qasr el-Bint, Petra, Jordan // Journal of Building Engineering, 21, 82-96
13. Pelloux, C. (2021) A New Era In Architecture Jean Nouvel Unveiled Masterpiece Resort In AlUla. Forbes. Retrieved from URL: <https://www.forbes.com/sites/ceciliapelloux/2021/02/17/a-new-era-in-architecture-jean-nouvel-unveiled-masterpiece-resort-in-alula/?sh=6112cb0c2991> Дата обращения 26.02.2023

References

1. Al Qablan, H. (2019). On the use of wooden beams as an anti-seismic device in stone masonry in Qasr el-Bint, Petra, Jordan. Journal of Building Engineering, 21, 82-96.
2. Corona Atlas & Referencing System. (n.d.). Retrieved from <https://corona.cast.uark.edu>
3. Dalley, S. & Goguel, A. (1997). The Sela' Sculpture: A Neo-Babylonian Rock Relief in Southern Jordan. Annual of the Department of Antiquities of Jordan, 41, 169-176.
4. Da Riva, R. (2015, December). Surface survey of the site of as-Sila/Sela (Tafila, Jordan): Water management in the Edomite Plateau during the first millennium BC. Newsletter of Water and Wastewater in Ancient Civilizations (WWAC), 17-20.
5. Johnson, J. H., & Whitcomb, D. (1978). Quseir Al-Qadim: Preliminary Report. American Research Center in Egypt, Inc.
6. Macaskill, A. (2021, July 21). UNESCO strips English city of Liverpool of its world heritage status. Reuters. Retrieved from <https://www.reuters.com/world/uk/unesco-strips-englands-liverpool-world-heritage-status-2021-07-21/>
7. Pelloux, C. (2021) A New Era In Architecture Jean Nouvel Unveiled Masterpiece Resort In AlUla. Forbes. Retrieved from: <https://www.forbes.com/sites/ceciliapelloux/2021/02/17/a-new-era-in-architecture-jean-nouvel-unveiled-masterpiece-resort-in-alula/?sh=6112cb0c2991>
8. Pianigiani, G., & Bubola, E. (2021, October 10). Italy's Government to Ban Cruise Ships From Venice. NY Times. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2021/07/13/world/europe/venice-italy-cruise-ship-ban.html>
9. Schmid, S. (2008). The Hellenistic Period and the Nabataeans. In R. B. Adams (Ed.), Jordan: An Archaeological Reader (pp. 353-411). Equinox Publishing Ltd.
10. Shifman, I. (2017). Nabateiskoe tsarstvo [Nabatean Kingdom]. Moscow: Lomonosov.
11. Steiner, M. L. (2021). Temples and Cult Places in Iron Age Transjordan. The American Society of Overseas Research (ASOR), 9(6). Retrieved from <https://www.asor.org/onetoday/2021/06/temples-cult-places-transjordan>
12. Tholbecq, L. (2001). Nabataean Monumental Architecture. The World of the Nabataeans, 2, 103-144.
13. Wardam, B. (2007). Petra and Nabataean water management system. Jordanwatch. Retrieved from <http://www.jordanwatch.net/archive/2007/7/264822.html>

Древняя культура Иордании развивалась на фоне своеобразного климата и пейзажа, что обусловило особенности традиционного иорданского жилища. В конструкции дома и выборе материалов обнаруживается связь с музыкальными традициями Иордании. Музыкальный жанр народной песни-рассказа и звучание народных музыкальных инструментов поддержаны звукопоглощающими свойствами традиционных строительных материалов – войлока, шерстяных тканей, самана. Пещерное жилище, также типичное для Иордании, с точки зрения акустики изучено недостаточно.

Ключевые слова: архитектура; акустика; музыка; жилище; традиции; Иордания. /

The ancient culture of Jordan developed against the background of a peculiar climate and landscape, which determined the features of the traditional Jordanian dwelling. The design of the house and the choice of materials reveal a connection with the musical traditions of Jordan. The musical genre of folk song-story and the sound of folk musical instruments are supported by the sound-absorbing properties of traditional building materials – felt, woolen fabrics, adobe. The cave dwelling, also typical of Jordan, has not been studied enough from the point of view of acoustics.

Keywords: architecture; acoustics; music; dwelling; traditions; Jordan.

Акустика традиционного жилища и музыка Иордании / Acoustics of a traditional dwelling and music of Jordan

текст

Али Салем Альшурман
Колледж технического университета Luminous,
Амман

РаЕд Какиш
Канадский университет
Дубая/

text
Ali Salem Alshurman
Luminous Technical
University College, Amman
RaEd Qaqish
Canadian University, Dubai

Прежде всего необходимо отметить, что архитектурный и дизайнерский аспект является частью культурной основы любой страны в этом огромном мире, и государство не строится без него. Культура – это совокупность физических, интеллектуальных и эмоциональных особенностей, которые отличают общество от других, и она включает в себя искусство и литературу, образ жизни, основные права человека, системы ценностей, традиции и верования. Эти черты проявляются на разных уровнях осознания, и их сохранение является результатом их осознания.

Архитектурный стиль во внутреннем пространстве иорданских домов менялся на протяжении веков, так как известно, что иорданская земля была заселена многими цивилизациями. Нет сомнений в том, что у каждой цивилизации был особый архитектурный стиль, который отличал ее от цивилизации, которая ей предшествовала, но единственное, что не изменилось в этих цивилизациях, – это факторы окружающей среды и геология, которые производили строительные материалы для этих домов и которым поддались все эти цивилизации, а также культурные и социальные аспекты сыграли выдающуюся роль в этой области.

Концепция архитектурного формирования в архитектуре и городском дизайне тесно связана с искусством архитектуры, поскольку фигурация сочетает в себе эти два понятия от начала процесса проектирования до его конца, и на протяжении многих веков архитектуру называли пластическим искусством в дополнение к скульптуре и живописи, потому что центральным элементом всего этого является визуальная красота [1]. Однако кроме визуального канала значительную роль также играет слуховой (аудиальный) канал восприятия. К сожалению, понятие акустической красоты (аналогичное красоте видимой, визуальной) используется в архитектуре гораздо реже. Целью данного исследования стала попытка связать традиционную архитектуру Иордании с особенностями акустического устройства жилища, выраженного через иорданские традиции в музыке.

Два акустических типа традиционного иорданского жилища

Пейзаж Иордании по преимуществу формируется пустынями и полупустынями, на них приходится около 90% территории страны. Предки современных иорданцев, кочевники-бедуины, до сих пор проживают небольшими семейными анклавами в пустынных районах страны и сохраняют элементы уклада жизни тысячелетней давности.

Традиционный жилой дом бедуина можно рассмотреть как вариации в пределах двух классов – передвижной шатер (в основном из шерстяной ткани или войлока) и каменный дом-пещеру, вырезанный в массиве песчаниковых скал. Первый тип преобладает в равнинных регионах и равнине Хауран в городе Ирбид и к северу от него, вплоть до сирийской границы, а второй – в горных образованиях на юге и юго-востоке Иордании. Скальные породы представляют собой известняк, кремень и различные глины, которые и служат материалом для традиционного жилого дома.

При переходе от кочевого образа жизни к оседлому также возник отдельный тип жилища, построенный из необожженного кирпича из глины с примесью соломы (саман). Этот тип жилища тесно связан с мусульманскими правилами жизни и во многом повторяет аналогичные дома в других районах распространения ислама в сочетании с сухим и жарким климатом (например, в Средней Азии).

В начале XX века (1903 год) европейцы заново открывали для себя Иорданию. Первым иностранным путешественником, посетившим Амман в новое время в начале XX века, была Ада Гудрич-Фрир. Это была весьма своеобразная женщина, претендовавшая на роль спирита, медиума и ясновидящей. Из-за подозрений в мошенничестве она была вынуждена покинуть родную Англию и предпринять путешествие по Ближнему Востоку. В своей книге «Путешествие по Сирии» она пишет о своих впечатлениях от Аммана: «Дома, построенные частично из сырцового кирпича, а частично из древнего материала, как в Мадабе, были удачно расположены, у большинства были портики и балконы, а некоторые были окружены хорошо подметенными дворами» [2, с. 102]

Introduction

First of all, it should be noted that the architectural and design aspect is part of the cultural basis of any country in this vast world, and the state is not built without it. Culture is a set of physical, intellectual and emotional features that distinguish society from others, and it includes: art and literature, lifestyle, basic human rights, value systems, traditions and beliefs. These traits manifest themselves at different levels of awareness, and their preservation is the result of such awareness.

The architectural style in the interior of Jordanian houses has changed over the centuries, as it is known that the Jordanian land was inhabited by many civilizations. There is no doubt that each civilization boasted a special architectural style that distinguished it from the civilization that preceded it, but there were few permanent things that had not changed in these civilizations such as environmental factors and geology that produced building materials for these houses and to which all these civilizations succumbed as well as cultural and social aspects that played an outstanding role in this area.

Заметим, что Ада Гудрич-Фрир в своих записках уделяет особое внимание слуховым впечатлениям. Так, она упоминает о привычке арабов-бедуинов непрерывно напевать несложные мелодии из нескольких нот. Однако, когда она делает замечание своим спутникам, один из них внезапно поражает ее воображение: «Время от времени он раздражался песней – <...> последовательным и полным исполнением, таким тщательным, как будто в любой гостиной, какой-нибудь причудливой старой народной песни, подобранной во время его многочисленных скитаний – и которая, исполненные с артистической живостью мягким тенором, другие, объединенные басом или альтом в гармоничный припев, наполнили воздух мелодией, достойной окружающей тишины» [там же, с. 98].

Вплоть до создания Иордании как независимого государства в 1946 году большинство горожан жили в небольших саманных домах. Эти дома обычно представляли собой одну комнату размером около 4 x 6 м, в которой размещались все удобства, необходимые для проживания. Дымоход представлял собой просто небольшое отверстие в крыше. Стены состояли из трех слоев: внешние слои были сделаны из сухой каменной кладки, затем следовал промежуточный слой наполнителя из уплотненной земли, смешанной с мелкими камнями, а внутренняя часть была разделена арочной стеной, которая часто строилась из сухого камня разной толщины. Общая толщина таких стен могла достигать от 50 до 100 см. Такая значительная толщина стен, в том числе внутренних, обусловлена в первую очередь необходимостью защиты от резких температурных перепадов, типичных для аридного климата Иордании. Комната, используемая в качестве жилой зоны днем, ночью превращается в спальню. В одном из углов комнаты пол приподнят, образуя возвышение – зиккурат или мастабу, скамью и лежак в одном лице [3].

Частым явлением в Иордании является традиционный загородный дом. Как правило, он выстроен с более свободной планировкой, не стесненной дороговизной городской земли. Дом обычно имеет форму квадрата или прямоугольника с обязательным внутренним двором. Во внутреннем дворе расположено множество служебных функций. Здесь размещается кухня с открытым очагом

The concept of architectural formation in architecture and urban design is closely related to the art of architecture, since figuration combines these two concepts from the beginning of the design process to its end, and for many centuries architecture has been called Plastic art in addition to sculpture and painting, because the central element of all this is visual beauty (Al-Daraysa et al, 2014) However, in addition to the visual channel, the auditory (auditory) perception channel also plays a significant role. Unfortunately, the concept of acoustic beauty (similar to visible, visual beauty) is used in architecture much less often. The purpose of this study was an attempt to link the traditional architecture of Jordan with the peculiarities of the acoustic structure of the dwelling, expressed through the Jordanian traditions in music.

Two acoustic types of traditional Jordanian dwelling

The landscape of Jordan is mainly formed by deserts and semi-deserts, they account for about 90% of the country's territory. The ancestors of modern Jordanians, Bedouin nomads, still live in small family enclaves in the desert areas of the country and retain elements of the way of life of a thousand years ago.

и иногда земляной печью. Здесь же хранятся инструменты и запас строительных материалов, так как саманный дом необходимо непрерывно подновлять и обмазывать свежими слоями глины. Здесь же расположены мельница для зерна, колодец, птичий сарай и запас корма, иногда стойло для коз или коров, и здесь же – ванная для купания на открытом воздухе. Все это выстроено из тех же местных материалов – дерева, глины, самана, камней.

Однако значительная часть населения Иордании продолжала жить в семейных шатрах из ткани, войлока и шиферных плиток. Такие черные шатры из верблюжьей

^ Рис. 1. Жилища бедуинов племени Бедул. Бедуины жили в подобных домах на протяжении тысячелетий. Современная Иордания. Фотография Alicia Scott /

Picture 1. The cave dwelling of the Bedouin Bedul. Bedouins have been living in such houses for thousands of years. Modern Jordan. Photo: Alicia Scott

A traditional Bedouin dwelling house can be considered as variations within two classes – a mobile tent (mainly made of woolen fabric or felt) and a stone cave house carved into an array of sandstone rocks. The first type prevails in the lowland regions and the Hauran plain in the city of Irbid and north of it, up to the Syrian border, and the second – in the mountainous formations in the south and southeast of Jordan. The rocks are limestone, flint and various clays, which serve as the material for a traditional residential building.

During the transition from a nomadic lifestyle to a settled one, a separate type of dwelling also appeared, built of unbaked clay bricks with an admixture of straw (adobe). This type of dwelling is closely related to the Muslim rules of life and largely repeats similar houses in other areas of the spread of Islam in combination with a dry and hot climate (for example, in Central Asia).

At the very beginning of the twentieth century (1903), Europeans again, after a long break, began to discover Jordan and seek contacts with its ancient people. The first foreign traveler to visit Amman in modern times at the beginning of the twentieth century was Ada Goodrich-Freer. She was a very peculiar woman

who claimed to be a spiritualist, medium and clairvoyant. Due to suspicions of fraud, she was forced to leave her native England and take a trip to the Middle East. In her book “A Journey through Syria” she writes about her impressions of Amman: “Houses built partly of mud brick and partly of ancient material, as in Madaba, were well located, most had porticos and balconies, and some were surrounded by well-swept courtyards” (Goodrich-Freer, 1905, p. 102).

Note that Ada Goodrich-Freer pays special attention to auditory impressions in her notes. So, she mentions the habit of Bedouin Arabs to continuously hum simple melodies of several notes. However, when she makes a remark to her companions, one of them suddenly strikes her imagination: “From time to time he burst into a song - ... a consistent and complete performance, as thorough, as if in any living room, of some quaint old folk song, picked up during his many wanderings - and which, performed with artistic vivacity by a soft tenor, others, combined by bass or alto into a harmonious chorus, filled the air with a melody worthy of the surrounding silence (Goodrich-Freer, 1905, p. 98).

Until the creation of Jordan as an independent state in 1946, most of the townspeople lived in small adobe houses. These houses

> Рис. 2. Исполнитель традиционной музыки на флейте Саббабах /
Picture 2. The player of the traditional Jordanian flute Sabbabahs

шерсти могли быть довольно значительных размеров, в зависимости от состава семьи, а иногда даже разделялись на несколько комнат занавесами или коврами [4].

Однако в общем спектре жилых домов Иордании есть уникальный элемент, уцелевший с древних времен в виде живой традиции. В районе Петра мухафазы Маџан насчитывается полдюжины общин. Более 60% из 28000 человек проживают в городе Вади Муса, большинство из них из племени Лайатна. Четыре других клана – Бедул, Амаариин, Раваджфа и Саидийин – живут в небольших деревнях, созданных правительством. Однако некоторые бедуины, особенно из семейного анклава Бедул,

по-прежнему предпочитают жить так, как это делали их предки-кочевники на протяжении тысячелетий. Традиционное жилище бедулов в Петре и вокруг нее включает черные шатры из плетеной козьей шерсти, многочисленные каменные сооружения в естественных скальных укрытиях и заселение пустых набатейских гробниц [5].

Абсорбция звука строительными материалами и характер традиционной музыки

Международная система стандартов, на которую опираются нормативные документы строителей, регулирует акустику жилого дома в разделе ISO/TS 19488:2021 (en) Acoustics – Acoustic classification of dwellings. Система предлагает подробную классификацию жилых помещений – от А до F – и способы определения каждого класса. Однако, как ни странно, стандарт сводит акустику жилья к так называемому звуковому давлению, то есть к предельно допустимому уровню шума. Предполагается, что любые звуки, раздающиеся в доме, это нежелательные раздражители, так что чем меньше звуков – тем выше уровень комфорта. Такая вот презумпция виновности любого источника звукового давления, музыки в том числе [6].

С точки зрения системы ISO, иорданское жилище палаточного или саманного типа выглядит почти идеально. Толстая шерстяная ткань или войлок поглощает звуки даже в тонком, несколько сантиметров толщиной, слое. Примерно такими же звукопоглощающими свойствами обладает пористая стена из самана, тем более если она, по иорданским обычаям, имеет толщину от полуметра до метра.

Стены, активно поглощающие звук, соответствуют характеру традиционной музыки. Музыкальные традиции Иордании (впрочем, как и всего Леванта) тяготеют к негромкому, вкрадчивому звучанию. Ритм, как правило, сложный, многослойный и синкопированный. Стены, которые активно поглощают звук, соответствуют природе традиционной музыки. Музыкальные традиции Иордании (как и всего Леванта) тяготеют к мягкому, вкрадчивому звучанию. Ритм обычно сложный, многослойный и синкопированный. Традиционная музыка

usually consisted of a single room measuring about 4 x 6 m, which housed all the amenities necessary for living. The chimney was just a small hole in the roof. The walls consisted of three layers: the outer layers are made of dry masonry, followed by an intermediate layer of filler from compacted earth mixed with small stones, and the inner part is divided by an arched wall, which is often built of dry stone of different thickness. The total thickness of such walls could reach from 50 to 100 cm. Such a significant thickness of the walls, including internal ones, is primarily due to the need to protect against sudden temperature changes typical of the arid climate of Jordan. A room used as a living area during the day turns into a bedroom at night. In one corner of the room, the floor is raised, forming an elevation - a ziggurat or mastaba, a bench and a lounge in one person (Ahmed et al, 2017)

A common occurrence in Jordan is a traditional country house. As a rule, it is built with a freer layout, not constrained by the high cost of urban land. The house usually has the shape of a square or a rectangle with a mandatory courtyard. There are many service functions located in the courtyard. There is a kitchen with an open hearth and, sometimes, an earthen oven. Tools and a stock of build-

ing materials are also stored here, since the adobe house must be continuously renewed and coated with fresh layers of clay. There is also a grain mill, a well, a bird shed and a feed supply, sometimes a stall for goats or cows and an outdoor bathing bathroom. All this is built from the same local materials – wood, clay, adobe, stones.

However, a significant part of the Jordanian population continued to live in family tents made of fabric, felt and slate tiles. Such black camel-hair tents could be quite large, depending on the composition of the family, and sometimes even divided into several rooms by curtains or carpets (Lancaster, 1959).

However, in the general spectrum of residential buildings in Jordan there is a unique element that has survived since ancient times in the form of a living tradition. There are half a dozen communities in the Petra area of the Ma'an Governorate. More than 60% of the 28,000 people live in the city of Wadi Musa, most of them belong to the Layatna tribe. Four other clans – Bedul, Amaariin, Rawajfa and Saidiyin – live in small villages established by the government. However, some Bedouins, especially from the Bedul family enclave, still prefer to live the way their nomadic ancestors did for thousands of years. The traditional dwelling of the Beduls in and around

Иордании – это мягкие звуки флейт Саббабах, барабанов Табла или Дарбука, струнных инструментов Рабаб и Уд и, конечно же, традиционные певческие жанры: Алдалон, Зарифатол, Альджафра, Алтаравид и те, которые присущи в основном бедуинам – Альджайни и Шруги.

Чаще всего традиционное иорданское пение – это, собственно говоря, не совсем песни, а скорее рассказ нараспев или даже целое представление с использованием локальных диалектов. Оно содержит значительный элемент импровизации, зачастую – довольно острые сатирические шутки на злобу дня. В общем, это традиционная форма устной строфической поэзии, восходящей к древнегреческим аэдам и сказителям эпохи эдомитов и набатеев.

Традиционная иорданская песня исполняется в узком кругу слушателей, зачастую она украшает собой процесс повседневного домашнего труда – например, специальные песни для праздничного сбора урожая оливок. Иорданская музыка не предполагает больших залов

или многотысячной аудитории, и акустика традиционного дома приспособлена именно к такому жанру [7].

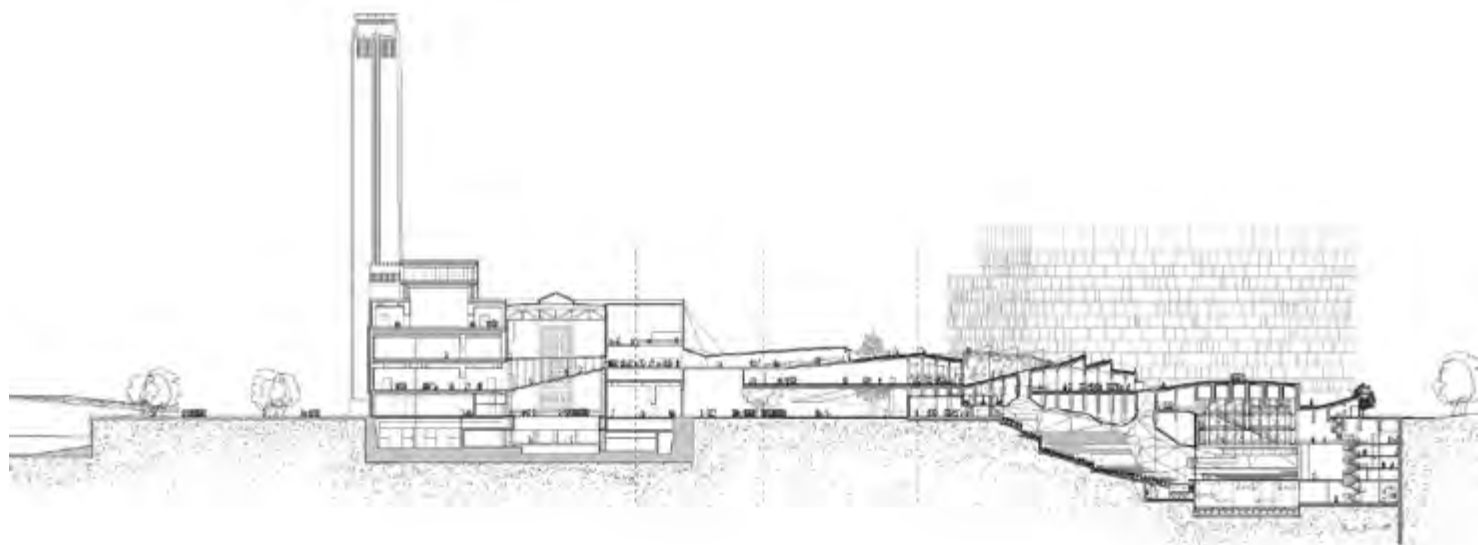
Пещерные жилища и их необычайная акустика

Пещерное жилище обладает совсем другими акустическими свойствами. Плотная материя скалы не поглощает звук, а отражает его. Это дает возможность выстраивать акустические свойства помещения в самых широких пределах.

Акустика подземных помещений давно привлекает внимание археологов и антропологов, поскольку, изучая их, можно было бы получить полезную информацию о поведении доисторического человека. Существуют веские аргументы в пользу гипотезы о том, что в доисторические времена пещеры с особыми акустическими свойствами использовались для ритуальных церемоний с песнями, музыкой и танцами, хотя в европейских пещерах наскальные рисунки, изображающие человеческие фигуры, встречаются редко, а изображения музыкантов или тан-

в Рис. 3. «Пещера». Урбанистический парк и подземный зрительный зал для комплекса галереи Тейт Модерн (Лондон). Проект 2010 года. Руководитель: Ángel Verdasco Novalvos (ETSAG Universidad de Alcalá) (<https://morphotopia.com/The-Cave-Auditorium/>)

Picture 3. The Cave: Urban Park and Underground Auditorium for the Tate Modern Gallery (London). Year: 2010. Tutor: Ángel Verdasco Novalvos (ETSAG Universidad de Alcalá) (<https://morphotopia.com/The-Cave-Auditorium/>)

Petra consists of black tents made of woven goat wool, numerous stone structures in natural rock shelters and the settlement of empty Nabataean tombs (ISO/TS 19488:2021).

Sound absorption by building materials and the nature of traditional music

The international system of standards, on which the regulatory documents of builders are based, regulates the acoustics of a residential building in the section ISO/TS 19488:2021(en) Acoustics – Acoustic classification of dwellings. The system offers a detailed classification of residential premises – from A to F – and ways to determine each class. However, oddly enough, the standard reduces the acoustics of housing to the so-called sound pressure, that is, to the maximum permissible noise level. It is assumed that any sounds heard in the house are unwanted stimuli, so the fewer sounds there are, the higher the comfort level is. Such is the presumption of guilt of any source of sound pressure, including music (Koorring and Simms, 2010)

From the point of view of the ISO system, a Jordanian tent or adobe type dwelling looks almost perfect. Thick woolen fabric or felt absorbs sounds even in a thin, several centimeters thick layer.

A porous adobe wall has approximately the same sound-absorbing properties, especially if, according to Jordanian customs, it has a thickness of half a meter to a meter.

Walls that actively absorb sound correspond to the nature of traditional music. The musical traditions of Jordan (as well as of the whole Levant) tend to a soft, insinuating sound. The rhythm is usually complex, layered and syncopated. The traditional music of Jordan is the soft sounds of flute Sabbabahs, Tabla or Darbuk drums, rabab and oud stringed instruments and, of course, traditional singing genres: Aldalon, Zarifatol, Aljafra, Altarawid and those that are inherent mainly in Bedouins - Alhjaini and Shrugī.

Most often, traditional Jordanian singing is, strictly speaking, not really songs, but rather a story in a singsong or even a whole performance using local dialects. It contains a significant element of improvisation, often quite sharp satirical jokes on the malice of the day. In general, this is a traditional form of oral strophic poetry, dating back to the ancient Greek Aedes and storytellers of the Edomite and Nabataean eras.

The traditional Jordanian song is performed in a narrow circle of listeners, it often adorns the process of everyday household

цоров не встречаются вовсе (на самом деле большинство сюжетов – животные) [8].

Удивительная акустика некоторых пещер привлекает и современных музыкантов. Использование пещер для музыкальных представлений в новое время относится к первой четверти XIX века, когда в пещерах Осселле (Франция) [9], освещенных факелами, исполнялись музыка и танцы, хотя еще в 1822 году пещеры Постумия в Словении были открыты для публики для проведения танцевальных вечеринок с популярной музыкой и общественных мероприятий. В пещере Романешти в Румынии, в горах Пояна-Руска в Трансильванских Альпах регулярно проводятся очаровательные концерты, за которыми следят несколько тысяч человек. На греческом острове Кефалония, в пещере Дрогарати, находится зал Апофеоза, почти полукруглое помещение, в котором благодаря хорошей акустике летом проводятся концерты и другие мероприятия с участием около 500 зрителей. «Куэва-де-Нерха», пещера близ Малаги (Андалусия, Испания), была обнаружена в 1959 году; начиная с 60-х годов она была оборудована большой сценой, расположенной перед естественным фоном в зале Водопада, и в течение многих лет здесь проводятся шоу симфонической музыки, балета, фламенко и других жанров. На Лансароте, в испанском архипелаге Канарских островов, есть система туннелей

и пещер, которая образовалась более 3000 лет назад в результате извержения вулкана Ла Корона; в 1968 году художник-архитектор Сезар Манрике спроектировал внутри него жилой, культурный и природный комплекс под названием «Джамеос дель Агуа», а внутри одной из крупнейших галерей в 1987 году было завершено сооружение зрительного зала вместимостью около 550 мест. Пещеры Ангела в городе Пертоза (на юге Италии), образовавшиеся 35000 лет назад, были обитаемы людьми начиная с бронзового века (два-три тысячелетия до нашей эры). Начальную часть этих пещер пересекает подземная река, так что вход в подземельные коридоры находится на борту баржи. От входной площадки начинаются дорожки и комнаты в трех направлениях, чьи геоморфологические характеристики таковы, что они вдохновили на создание естественных декораций для выступлений разнообразных коллективов. В дополнение к театральной постановке «Ад Данте» [10], в Пертозе уже более 15 лет проходит фестиваль негритянской этнической музыки, а иногда и другие формы музыкальных представлений и концертов. Недалеко от Пертозы находятся пещеры Кастельчивита, карстовая пещера, обитаемая со времен верхнего палеолита, в которой были найдены изделия древних людей. В этом месте в течение нескольких лет показывают пьесу «Орфей и Эвридика» – передвижное представление, проходящее на пути протяженностью около 1 км, с пьесами, танцами и песнями. Это место действительно интересно геологам, спелеологам, палеонтологам и археологам, потому что найденные окаменелости и каменные орудия являются доказательством присутствия человека более 40000 лет назад, но современных музыкантов и артистов привлекает в первую очередь необычная акустика пещеры.

В некоторых случаях впечатляющий эффект удается получить, используя древние пещерные храмы. Так, в 2022 году Аурангабадское археологическое общество (Индия) организовало грандиозный концерт традиционной музыки в пещере Эллора. Пещерный комплекс (объект Всемирного наследия ЮНЕСКО) был построен в период с 600 по 1000 год н. э. и включает в себя индуистские, буддийские и джайнские храмы в дополнение

в Рис. 4. Интерьер номера в отеле «Фейнман Эколodge» напоминает типичное жилище оседлого иорданца /

Picture 4. The interior of the room at the Feynman Ecolodge Hotel looks like a typical cave house of a settled Jordanian

work – for example, special songs for the festive harvest of olives. Jordanian music does not involve large halls or an audience of thousands, and the acoustics of a traditional house is adapted to this genre (Al-Shurman, 2018).

Cave dwellings and their extraordinary acoustics

The cave dwelling has completely different acoustic properties. The dense matter of the rock does not absorb sound, but reflects it. This makes it possible to build the acoustic properties of the room within the widest possible limits.

The acoustics of underground rooms have long attracted the attention of archaeologists and anthropologists, because such study would make it possible to obtain some useful information about the behavior of prehistoric man. There are strong arguments in favor of the hypothesis that in prehistoric times caves with special acoustic properties were used for ritual ceremonies with songs, music and dances, although in European caves rock carvings depicting human figures are rare, and images of musicians or dancers are not found at all (in fact, most of the plots are animals) (Reznikoff, 2008).

The amazing acoustics of some caves also attract modern musicians. The use of caves for musical performances in modern times

dates back to the first quarter of the nineteenth century, when music and dancing were performed in the caves of Osselle (France) (Ianniello, 2011), illuminated by torches, although as early as in 1822 the caves of Postumia in Slovenia had already been opened to the public for dance parties with popular music and social events. In the Romanesti Cave in Romania, in the Poiana Rusca mountains in the Transylvanian Alps, they regularly hold charming concerts, followed by several thousand people. On the Greek island of Kefalonia, in the Drogarati cave, there is the Apotheosis Hall, an almost semicircular room in which, due to its good acoustics, they hold concerts and other events in summer with the participation of about 500 spectators. “Cueva de Nerja”, a cave near Malaga (Andalusia, Spain), was discovered in 1959; since the 60s, it has been equipped with a large stage located in front of the natural background in the Waterfall hall, and for many years shows of symphonic music, ballet, flamenco and other genres have been held here. On Lanzarote, in the Spanish archipelago of the Canary Islands, there is a system of tunnels and caves, which was formed more than 3,000 years ago as a result of the eruption of the volcano La Corona; in 1968, the artist-architect Cesar Manrique designed a residential,

к более чем 100 пещерам, которые в какой-то момент истории служили жилищем странствующим буддийским и джайнским монахам [11].

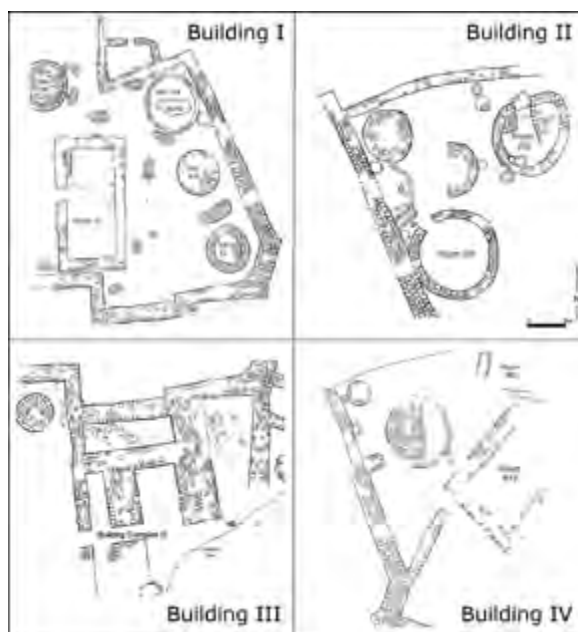
Существуют замечательные примеры, когда в качестве концертных залов используются искусственные подземные полости. Вероятно, самым известным архитектурным объектом такого рода является венгерский пещерный театр Ферторакош, расположенный в бывших каменоломнях начиная с 1937 года. Каменоломня может показаться не слишком подходящим местом для оперы, но люди по всему миру осознают потенциал этих огромных, похожих на пещеры пространств [12].

Ряд примеров можно продолжать. Но смысл нашего высказывания уже ясен: пещерные жилища Иордании несут в себе огромный потенциал в качестве уникальных акустических объектов. К сожалению, памятники истории и культуры Иордании практически не изучены с этой стороны. Туристов в основном привлекают, рассказывая об уникальных видах Петры или других «магнитов» визуального туризма. Но ведь можно представить себе и аудиальный туризм. Кто знает, какие поразительные акустические эффекты наблюдали и использовали древние жители Иордании в своих пещерных жилищах? Что из этого почти совсем утраченного наследия мы еще можем восстановить? Какие прекрасные музыкальные образы сможем мы пережить, если внимательно изучим акустику пещерных жилищ?

Современная архитектура Иордании использует всемирно признанные материалы и технологии – железобетон, стекло, керамический кирпич. Обращение к традиционной архитектуре происходит нечасто и ограничивается чисто декоративным подражанием внешнему облику памятников. Например, известное здание Министерства коммуникационных и информационных технологий претендует на воссоздание «стиля набатеев». И действительно, фасад здания прямо отсылает зрителя к знаменитому фасаду аль Хазна, самому известному объекту из комплекса Петры. Но этим и заканчивается «воспроизведение набатейского стиля». Мудрая экологичность, согласованность с особенностями климата

в Рис. 5. Традиционный дом из самана. После каждого дождя дом заново обмазывают смесью глины и рубленой соломы, что придает зданию характерные заглаженные формы /

Picture 5. Traditional mudbrick house. After each rain, the house is re-coated with a mixture of clay and chopped straw, which gives the building characteristic smoothed shapes

< Рис. 6. Схема четырех саманных домов из раскопок в долине реки Иордан, 5200 лет до н.э. Устройство жилища мало изменилось за семьдесят два столетия (<https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0227288>) /

Picture 6. Diagram of four mudbrick houses from excavations in the Jordan Valley, 5200 BC. The structure of the dwelling has changed little over seventy-two centuries (<https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0227288>)

cultural and natural complex called “Jameos del Agua” inside it, and in 1987, inside of one of the largest galleries, the construction of an auditorium with a capacity of about 550 seats was completed. The Angel Caves in the city of Pertosa (in southern Italy), formed 35,000 years ago, have been inhabited by people since the Bronze Age (2-3 millennia BC). The initial part of these caves is crossed by an underground river, so that the entrance to the underground corridors is located on a board of a barge. From the entrance area, paths and rooms are spread in three directions, their geomorphological characteristics are of such quality that they have inspired the creation of natural scenery for performances of various groups. In addition to the theatrical production of “Dante’s Inferno” (Iannace and Trematerra, 2014), a festival of Negro ethnic music has been held in Pertosa for more than fifteen years, and sometimes other forms of musical performances and concerts are held here as well. Not far from Pertosa there are the caves of Castelchivita, a karst cave inhabited since the Upper Paleolithic, in which the products of ancient people were found. In this place, for several years, the play “Orpheus and Eurydice” has been shown - a traveling performance that takes place on a path about 1 km long, with plays, dances and

songs. This place is of real interest to geologists, speleologists, paleontologists and archaeologists, because the fossils and stone tools found there are the proof of the presence of a man from more than 40,000 years ago, though modern musicians and artists are attracted primarily by the extraordinary acoustics of the cave.

In some cases, an impressive effect can be obtained using ancient cave temples. So, in 2022, the Aurangabad Archaeological Society (India) organized a grand concert of traditional music in the Ellora Caves. The cave complex (UNESCO World Heritage Site) was built in the period from 600 to 1000 AD and includes Hindu, Buddhist and Jain temples in addition to more than 100 caves, which at some point in history served as a dwelling for wandering Buddhist and Jain monks (Sound Effects, 2022).

There are remarkable examples when artificial underground cavities are used as concert halls. Probably the most famous architectural object of this kind is the Hungarian Fertorakos Cave Theater, located in former quarries, since 1937. The quarry may not seem like a very suitable place for opera, but people around the world are realizing the potential of these huge, cave-like spaces (Ryb r et al, 2017).

и пейзажа Иордании, великолепные декоративные качества иорданских песчаников – ничего этого нет.

Несколько ближе к традиционным прототипам находится другой иконический проект современной иорданской архитектуры – отель «Фейнан Эколodge» (Feynan Ecolodge hotel).

В комплексе отеля широко использованы местные материалы, камень и глина, а планировка интерьера хорошо воспроизводит перетекающие пространства пещерных жилищ, включая широкие панорамные выходы во внешнее пространство с видами на мягкие краски пустыни. Но акустические свойства интерьеров отеля не получили должного внимания проектировщиков.

Музыка пейзажей, дорог и жилищ Иордании все еще ждет своих исследователей и архитекторов.

Литература

1. Al-Daraysa M., Abdul-Hadi A., Omar Bayan, Al-Masry (2014) Architectural Design. Amman: Arab Society Library
2. Goodrich-Freer A. (1905) In a Syrian saddle. London: Methuen & Co
3. Ahmed A., Hussein M., Zaba'a A. at al. (2017) Architectural Styles for Models of Heritage Houses in the City of Hilla. Babylon University/ Babylon Center for Civil and Historical Studies, 7, 1
4. Lancaster H. G. (1959) Antiquities of Jordan. London: Lutterworth Press.
5. ISO/TS 19488:2021(en) Acoustics — Acoustic classification of dwellings. URL: <https://www.iso.org/ru/standard/77742.html>
6. Koorring S., Simms D. (2010) The Bedul Bedouin of Petra, Jordan: Traditions, Tourism and an Uncertain Future. Cultural Survival site. URL: <https://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/bedul-bedouin-petra-jordan-traditions-tourism-and> Дата обращения 01.03.2023
7. Al-Shurman A. (2018) Architectural and Aesthetic Characteristics in the Interior Design of Umayyad Palaces in Jordan., unpublished Ph.D. thesis, M.: Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts
8. Reznikoff I. (2008) Sound resonance in prehistoric times: a study of Paleolithic painted caves and rocks. The Journal of the Acoustical Society of America 123, 3603. 4137–41.
9. Ianniello C. Acustica delle caverne. Riv. Ital. Acust. 2011;35:7–22.
10. Iannace G., Trematerra A. (2014) The acoustics of the caves. Applied Acoustics, 86, 42–46

^ Рис. 7. Черный шатер бедуинов (фотография конца XIX века). Бедуинские женщины сушат козий сыр на пологе своего жилища /

Picture 7. The black tent of the Bedouins (photo of the end of the XIX century). Bedouin women are drying goat cheese on the canopy of their home

A number of examples can be continued. But the meaning of our statement is already clear: the cave dwellings of Jordan carry a huge potential as unique acoustic objects. Unfortunately, the historical and cultural monuments of Jordan are practically not studied from this side. Tourists are mainly attracted by telling about the unique views of Petra or other “magnets” of visual tourism. But you can also imagine auditory tourism. Who knows what amazing acoustic effects were observed and used by the ancient inhabitants of Jordan in their cave dwellings? What of this almost completely lost heritage can we still restore? What wonderful musical images can we experience if we carefully study the acoustics of cave dwellings?

Conclusion

Jordan’s modern architecture uses internationally recognized materials and technologies – reinforced concrete, glass, ceramic bricks. The appeal to traditional architecture occurs infrequently and is limited to purely decorative imitation of the external appearance of monuments. For example, the famous building of the Ministry of Communication and Information Technologies claims to recreate the “Nabataean style”. And indeed, the facade of the building directly refers the viewer to the famous facade of Al Khazna, the

most famous object from the Petra complex. But this is the end of the “reproduction of the Nabataean style”. Wise environmental friendliness, consistency with the peculiarities of the climate and landscape of Jordan, magnificent decorative qualities of Jordanian sandstones – none of these is there.

Somewhat closer to the traditional prototypes is another iconic project of modern Jordanian architecture – the Feynan Ecolodge hotel. Local materials, stone and clay are widely used in the hotel complex, and the interior layout reproduces the flowing spaces of cave dwellings well, including wide panoramic exits to the outer space with views of the soft colors of the desert. But the acoustic properties of the hotel interiors have not received due attention from designers.

The music of Jordan’s landscapes, roads and dwellings is still waiting for its researchers and architects.

11. Sound Effects Crafts Sound Impressive Acoustic at Ellora Caves (21 April 2022). PALM technology. URL: <https://www.palmtechnology.in/Sound-Stage-382-Sound-Effects-Crafts-Sound-Impressive.aspx> Дата обращения 01.03.2023

12. Rybár P., Hronček P., Domaracká L., Tometzová D., Jesenský M. (2017) Underground quarries their possible use for mining tourism purposes – Slovak perspectives on the example of the underground stone quarry of Velká Stráň. *Acta Geoturistica*. 8, 2, 87-107

References

Ahmed A., Hussein M., Zaba'a A. et al. (2017). *Architectural Styles for Models of Heritage Houses in the City of Hilla*. Babylon University/ Babylon Center for Civil and Historical Studies, 7, 1.

Al-Daraysa, M., Abdul-Hadi, A., Omar Bayan, & Al-Masry (2014). *Architectural Design*. Amman: Arab Society Library.

Al-Shurman, A. (2018). *Architectural and Aesthetic Characteristics in the Interior Design of Umayyad Palaces in Jordan*, unpublished Ph.D. thesis, M.: Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts.

Goodrich-Freer, A. (1905). *In a Syrian saddle*. London: Methuen & Co.

Tannace, G., & Trematerra, A. (2014). The acoustics of the caves. *Applied Acoustics*, 86, 42–46.

Ianniello, C. (2011). Acustica delle caverne. *Riv Ital Acust*, 35:7, 22.

ISO/TS 19488:2021(en). Acoustics – Acoustic classification of dwellings. Retrieved from <https://www.iso.org/ru/standard/77742.html>

Koorring, S., & Simms, D. (2010). The Bedul Bedouin of Petra, Jordan: Traditions, Tourism and an Uncertain Future. *Cultural Survival site*.

Retrieved from <https://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/bedul-bedouin-petra-jordan-traditions-tourism-and>

Lancaster, H. G. (1959). *Antiquities of Jordan*. London: Lutterworth Press.

Reznikoff, I. (2008). Sound resonance in prehistoric times: a study of Paleolithic painted caves and rocks. *The Journal of the Acoustical Society of America* 123, 3603. 4137–41.

Rybár, P., Hronček, P., Domaracká L., Tometzová, D., & Jesenský, M. (2017). Underground quarries their possible use for mining tourism purposes – Slovak perspectives on the example of the underground stone quarry of Velká Stráň. *Acta Geoturistica*. 8, 2, 87-107.

Sound Effects Crafts Sound Impressive Acoustic at Ellora Caves (2022, April 21). PALM technology. Retrieved from: <https://www.palmtechnology.in/Sound-Stage-382-Sound-Effects-Crafts-Sound-Impressive.aspx>

^ Рис. 8. Стадион АлБайт на 60 000 мест, построенный в пригороде Дохи Аль Кхор, Катар (Al Khor, Qatar) к Чемпионату мира по футболу 2022 года. Технология, аналогичная шатрам бедуинов, позволит после турнира убрать верхний ярус сидячих мест, сократив вместимость стадиона до 32 000 мест. Снятые места планируется передать в дар другим странам, чтобы оставить наследие для развития международного футбола.

Автор проекта: анонимная группа архитекторов. Проект 2018 года. Фотография Neoscape, Inc. / Picture 8. AlBayt Stadium with 60,000 seats, built in Al Khor suburb of Doha, Qatar for the 2022 FIFA World Cup. The technology, similar to the Bedouin tents, will allow removing the upper tier of seating after the tournament, reducing the capacity of the stadium to 32,000 seats. The removed seats are planned to be donated to other countries “in order to leave a legacy for the development of international football.”

Author of the project: anonymous group of architects. Year of the project: 2018. Photo: Neoscape, Inc.

В своих лекциях об условном театре и описании стилей исполнения и декораций в китайских и японских театрах Мейерхольд подчеркивал необходимость учиться у этих театральных стилей и использовать их. Тем не менее он предупреждает о том, что некоторые из этих стилей являются экстремальными. Когда пейзаж считается экстремальным? Воспринимает ли масса одно в любом месте и во все времена? Какова роль культуры в процессе восприятия? Существуют ли различия в интеллектуальном, образовательном и философском контекстах, составившие влиятельное человеческое наследие в восточноазиатском взгляде на мир, отличные от тех, которые кристаллизовались, чтобы сформировать взгляды жителей Запада, что привело к глубоким изменениям в искусстве, театральной форме и содержании, да еще и на уровне его восприятия?

Это исследование направлено на понимание общественного восприятия в разных культурах, чтобы предоставить идеи для режиссеров и сценографов, работающих в разных местах.

Ключевые слова: условный театр; театральные декорации; театр Востока; театральное восприятие; Мейерхольд.

In his lectures on conventional theater and the description of performance styles and scenery in Chinese and Japanese theaters, Meyerhold emphasized the need to learn from these theatrical styles and apply them. However, he warns that some of these styles are extreme.

When is the landscape considered extreme? Does the mass perceive the same thing the same way in any place and at all times? What is the role of culture in the process of perception? Are there any differences in intellectual, educational and philosophical contexts that have created an influential human heritage in the East Asian view of the world, different from those that have crystallized to form the views of Westerners, which led to profound changes in art, theatrical form and content? and even at the level of its perception?

This research aims to understand the public perception in different cultures in order to provide ideas for directors and set designers working in different places.

Keywords: conditional theater; theatrical scenery; theater of the East; Theatrical perception; Meyerhold.

Пространство театральной сцены на Востоке и на Западе / The space of the theater stage in the East and in the West

текст

Моайяд Шафик Хамза
Школа креативных медиа
Колледжа технического
университета Luminous,
Институт SAE, Амман /

text

Moayyad Shafeeq Hamza
School of Creative Media-
SAE, Luminous Technical
University College, Amman

Работая над переводом лекций Мейерхольда на арабский язык, я обратил внимание на его работу с пространством сцены. Упоминания об этом аспекте метода Мейерхольда довольно редки, но они ярко показывают не только метод, но и его динамику, эволюцию от относительной привязанности к реалистическим традициям «Мира искусств» к эстетике конструктивизма и далее, к собственному пониманию пространства и его выразительных возможностей.

Особый интерес, на мой взгляд, представляет влияние театральных традиций Дальнего Востока (Китай, Япония, в меньшей степени Индия) на способы, которыми Мейерхольд решал сценическое пространство в разные периоды своего творчества. Это влияние помогает понять, каким образом авангардные течения начала двадцатого века выявили различия и взаимную дополнимость мировосприятия Запада (Европы) и Дальнего Востока.

Различия между западным и восточным обществами в общении и познании и их антропологический анализ

В современном мире более миллиарда человек считают себя интеллектуальными и эстетическими наследниками Древней Греции. С другой стороны, вдвое больше людей унаследовали древнекитайские традиции мышления. Заметим, что классическая афинская философия и классическое конфуцианское учение возникли практически одновременно, в пятом веке до н. э. Китайская и греческая философии и способы мировосприятия укоренились и прочно утвердились в течение 2500 лет, заметно отличаясь друг от друга, как и их концепции и социальные структуры. Конечно, из-за этой культурной глубины многие привычки укоренились в последователях каждой традиции. Долгие века сыграли свою роль в углублении этих обычаев и опоре на них в формировании уникального взгляда на вещи, окружающий мир и отношения между вещами и организмами.

Психолог, социолог и публицист Ричард Нисбетт в своих книгах последовательно критикует точку зрения, согласно которой различия между жителями Запада и восточноазиатскими народами закреплены генетически [1, 2]. С каждой следующей книгой он все

более эмоционально и настойчиво обосновывает тезис о разнице в образе жизни как единственной причине различий. Культура Древней Греции, пишет он, сформировалась в гористых пейзажах Аттики, где людям, кроме земледелия, помогли маломасштабное сельское хозяйство, охота, рыболовство, а порой и пиратство. Несколько коз и коров, роща оливковых деревьев и небольшой виноградник – этого достаточно, чтобы греческая семья существовала в относительной изоляции от соплеменников. Все это не требовало поддержания устойчивых связей в большом коллективе, поощряя индивидуализм. Так сформировалось европейское мироощущение, делящее мир на центр (я, моя семья, мои козы и мой виноградник) и весь остальной мир, который служит фоном. Правда, в течение тысячи лет Средневековья Европа придерживалась вполне коллективистских традиций, но затем, в эпохи Ренессанса и Просвещения, индивидуализм вновь возобладавал.

Напротив, конфуцианская философия сформировалась в среде с устойчивыми сельскохозяйственными традициями, причем в условиях постоянной угрозы наводнений. В лёссовых долинах Хуанхэ и Янцзы, где зародилась китайская цивилизация, создание и поддержание ирригационной системы было жизненной необходимостью. Это и породило традиционный коллективизм и патриархальные ценности, лежащие в основе конфуцианства. Согласно точке зрения Несбитта и его последователей, эти обстоятельства до сих пор определяют основные различия между жителями Восточной Азии и европейцами. Кроме того, все влиятельные философии Восточной Азии, а именно дао, конфуцианство и буддизм, философии, сформировавшие китайское и восточноазиатское мировоззрение и утвердившие эту гармонию не только с членами общества, но и со всем во Вселенной. Согласно Нисбетту, Вселенная для жителей Восточной Азии очень сложна, а это значит, что для понимания любой ее части нужно понимать окружающий ее контекст, а любая попытка понять что-то без понимания окружающего контекста – просто попытка, обреченная на провал. Культурный и интеллектуальный антропологический фон народов Восточной Азии, который мы объяснили выше, заставляет их чувствовать себя связанными

While working on translating Meyerhold's lectures into Arabic, I paid attention to his work with stage space. References to this aspect of Meyerhold's method are quite rare, but they clearly show not only the method, but also its dynamics, the evolution from relative attachment to the realistic traditions of the "World of Art" to the aesthetics of constructivism and further, to the core understanding of space and its expressive abilities.

Of a particular interest, in my opinion, is the influence of the theatrical traditions of the Far East (China, Japan, to a lesser extent, India) on the way which Meyerhold applied to the stage space in different periods of his work. This influence helps to understand how the avant-garde trends of the early twentieth century revealed the differences and mutual complementarity of the worldview of the West (Europe) and the Far East.

Differences between Western and Eastern societies in communication and cognition and their anthropological analysis

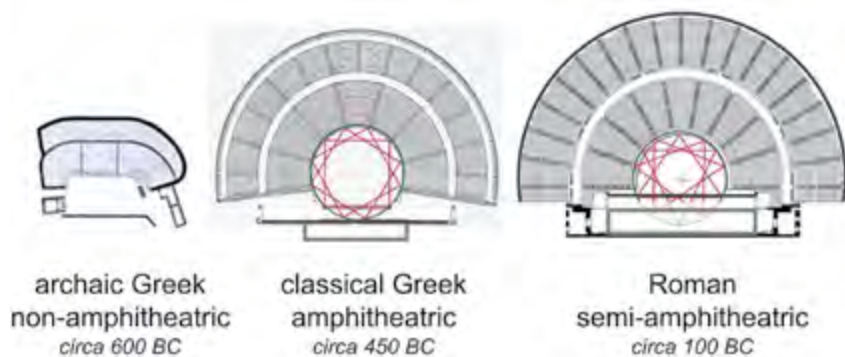
In the modern world, more than a billion people consider themselves the intellectual and aesthetic heirs of Ancient Greece. On the other hand, twice as many people have inherited ancient Chinese traditions of thinking. It should be noted that classical

Athenian philosophy and classical Confucian teaching emerged almost simultaneously, in the fifth century BC. Chinese and Greek philosophies and ways of perceiving the world took root and were firmly established for 2500 years, noticeably differing from each other, like their concepts and social structures. Of course, because of such cultural depth, many manifestations of those customs are ingrained in the followers of each tradition. Long centuries have played a role in deepening these customs and relying on them in forming a unique view on things, the world around them and the relationships between things and organisms for each culture.

Psychologist, sociologist and publicist Richard Nisbett in his books consistently criticizes the point of view that the differences between Westerners and East Asian people are fixed genetically. With each subsequent book, he more and more emotionally and persistently substantiates the thesis about the difference in lifestyle as the only reason for the differences (Nisbett, 2004; Nisbett, 2009). The culture of ancient Greece, he writes, was formed in the mountainous landscapes of Attica, where people, in addition to agriculture, were helped by small-scale agriculture, hunting, fishing, and sometimes piracy. A few goats and cows, a grove of olive trees

^ Рис. 1. Театральное представление в традиционном китайском стиле. Фрагмент свитка «Прекрасный Сучжоу», изготовленного по заказу императора Кинлонга. Автор Ху Янг (между 1736 и 1796 годами) / Picture 1. Xu Yang, 18th century painter from Suzhou, China. Theatre play. Chinese scroll painting. Detail of scroll about Suzhou made on the order of Emperor Qianlong. Between 1736 and 1796

^ Рис. 2. Эволюция пространства античного театра. Театр римского периода имеет полукруглую форму оркестры и более высокое и тщательно продуманное строение сцены. Красные линии указывают на принцип проектирования койлона / оркестры, описанный Витрувием (<https://acoustics.org/the-origins-of-building-acoustics-for-theatre-and-music-performances-john-mourjopoulos/>) / Picture 2. Evolution of the shape of open theatres. Roman period theatres had semi-circular orchestra and taller and more elaborate stage building. The red lines indicate the koilon / orchestra design principle as described by the ancient architect Vitruvius (<https://acoustics.org/the-origins-of-building-acoustics-for-theatre-and-music-performances-john-mourjopoulos/>)

обязательствами, управляемыми условиями, а не изолированными. Восточноазиат понимает себя в свете своих отношений с целым, таким как семья, общество, Дао и другие философии, влияющие на его интеллектуальное формирование. Человек автоматически участвует в наборе отношений, которые облегчают работу. Их самостоятельное поведение невозможно.

Оставим пока без внимания очевидные упрощения и схематизацию, которыми страдает теория Несбитта. Очевидно, Восточная Азия (где проживает больше половины человечества) гораздо разнообразнее, чем ее стереотипное изображение. И пейзаж, и уклад жизни на пространстве от Гималаев до островов Индонезии иногда принципиально отличаются от таковых в долинах равнинных рек Китая. Да и китайская философия за 25 веков накопила множество различных толкований и вариаций первоначального конфуцианства (мы сейчас даже не упоминаем весь спектр индийской философии). Тем не менее различия между восточным и западным мировосприятием есть и, чем бы они ни были вызваны, они могут быть использованы для анализа культурных явлений.

Восприятие пространства и театр

Цельное, неразделенное восприятие мира людьми китайской культуры подтверждается прямыми нейробиологическими исследованиями. Так, в экспериментах по прямому измерению активности мозга (методом МРТ) было показано, что большинство жителей западных стран больше внимания уделяют деталям (или даже одной, наиболее яркой детали), в то время как большинство китайцев активнее воспринимают контекст (фон) изображения [3]. В экспериментах Масуда и Несбитт аналогичный результат получен при измерении запоминаемости контекста (фона) и деталей изображений [4]. Опыты Чуа по измерению движения глаз показали, что большинство китайцев более равномерно исследуют изображение глазами, тогда как европейцы сосредотачиваются на одном фрагменте и внимательно разглядывают одну выделенную деталь [5].

Аналитическое зрение европейцев отражается в устройстве театрального пространства начиная

and a small vineyard – this is enough for a Greek family to exist in relative isolation from their fellow tribesmen. All these did not require to maintain stable ties in a large team and encouraged individualism. This is how the European worldview was formed, dividing the world into a center (Me, my family, my goats and my vineyard) and the rest of the world, which serves as a background. Though, for one thousand years of the Middle Ages, Europe adhered to quite collectivist traditions, but then, in the Renaissance and Enlightenment, individualism had prevailed again.

Confucian philosophy, on the contrary, was formed in an environment with stable agricultural traditions, and under the constant threat of floods. In the loess valleys of the Yellow River and Yangtze, where Chinese civilization originated, the creation and maintenance of an irrigation system was a vital necessity. This gave rise to traditional collectivism and patriarchal values underlying Confucianism. According to the point of view of Nesbitt and his followers, these circumstances still determine the main differences between East Asians and Europeans. In addition, all the influential philosophies of East Asia, namely Tao, Confucianism and Buddhism, were the philosophies that formed the Chinese and East Asian

с Древней Греции. Театр в Афинах развивался как государственное учреждение, государственная организация, где проходят театральные представления в рамках трех Дионисийских фестивалей. Зрители в греческом театре сидят на полукруглом ряду скамеек под названием θεατρον (театрон, место для зрелищ), который представляет собой зрительный зал с видом на круглую площадку орχήστρα (оркестра). В классический период устройство театра усложнилось, на заднем плане появилась занавеска для переодевания актеров – σκηνή (сцена) и специальные ниши для музыкантов и хористов χορός. Таким образом, полукруглая зрительская масса образует как бы вогнутое зеркало, в фокусе которого находится актер. Остальные детали представления играют второстепенную роль – так, προσκήνιον (просцениум, декорации по бокам от сцены) впервые появляются лишь в пьесах Софокла, великого реформатора античного театра [6].

Напротив, житель Восточной Азии едва находил место, свободу и даже время, чтобы представить рассказ или выслушать его, а это часто случается в сельской местности, вдали от центра, поэтому он может услышать его от рассказчика и вместе с ним, через свое воображение, участвовать в процессе построения рассказа и развития его образов в его уме. Таким образом, он улетает в мир истории всякий раз, когда рассказчик находит время и место, чтобы рассказать историю небольшой группе крестьян, когда они находят время для отдыха после сбора урожая или в бурные ночи. Сюжет рассказа, как правило, был чрезвычайно сложен и запутан, со множеством побочных линий и отступлений. Рассказчик прибегал к символам и намекам и украшал историю персонажами из мира животных, птиц и паранормальных явлений – призраков, оборотней, духов и фантастических животных. Чтобы понять историю, реципиент должен связать части с каждым событием и персонажем и найти связь между ними. Чем больше персонажи, отношения и события будут поглощены, тем больше он будет участвовать через воображение в шоу [7].

Полная противоположность тому, что происходило в древних Афинах, в эпоху демократии, где была необходима ясность, их Театр был очевиден, и все, что тре-

worldview and established this harmony not only with members of society, but with everything in the universe. According to Nisbett, the universe is very complex for East Asians, and this means that in order to understand any part of it, you need to understand the context surrounding it, and any attempt to understand something without understanding the surrounding context is just an attempt doomed to failure. The cultural and intellectual anthropological background of the people of East Asia, which we explained above, makes them feel bound by obligations, controlled by conditions, and not being isolated. East Asians perceive themselves in the light of their relationship with the whole, such as family, society, Tao and other philosophies that influence their intellectual formation. A person automatically participates in a set of relationships that facilitate work. Their independent behavior is impossible. Let's ignore for now the obvious simplifications and schematization that Nesbitt's theory suffers from. Obviously, East Asia (where more than half of humanity lives) is much more diverse than its stereotypical image. Both the landscape and the way of life in the space from the Himalayas to the islands of Indonesia sometimes differ fundamentally from those in the valleys of the flat rivers of China.

And Chinese philosophy for twenty-five centuries has accumulated many different interpretations and variations of the original Confucianism (we are not even mentioning the entire spectrum of Indian philosophy here). Nevertheless, there are differences between Eastern and Western worldviews and, whatever they are caused by, they can be used to analyze cultural phenomena.

Perception of space and theater

The integral, undivided perception of the world by people of Chinese culture is confirmed by direct neurological research. So, the experiments on direct measurement of brain activity (by MRI) have shown that most Westerners pay more attention to details (or even one, the brightest detail), while most Chinese perceive the context (background) of the image more actively (Goh & Park, 2009). In the experiments of Masuda and Nesbitt, a similar result was obtained when measuring the memorability of the context (background) and details of images (Masuda & Nisbett, 2001). Chua's experiments on measuring eye movement have shown that most Chinese examine the image more evenly with their eyes, while Europeans focus on one fragment and carefully examine one highlighted detail (Chua, Boland & Nisbett, 2005).

бывалось от публики, – это сосредоточиться на ведущем актере, который разыгрывает диалог или поет. Их поэзия основывалась на ясности идей и логической последовательности [8]. Таким образом, мы оказываемся перед двумя подходами восприятия – наблюдение на Западе, в отличие от воображения в Восточной Азии. В то время как на Востоке есть намек и метафорические знаки, в Греции мы находим прямоту и ясность, и, таким образом, мы можем представить, что естественное должно отражаться в декорациях в Театре, как на уровне актерского мастерства, так и на уровне сценического замысла.

Всеволод Мейерхольд – между Западом и Востоком

Эволюция творческого метода Всеволода Мейерхольда, одного из величайших театральных деятелей новейшего времени, была извилистой и разнообразной. Его первоначальное увлечение восточным театром в первое десятилетие XX века носило вполне поверхностный характер и ограничивалось стереотипными представ-

лениями, в основном сосредоточенными на японском театре Но и Кабуки. Вполне вероятно, что именно из этих экзотических для европейского взгляда явлений Мейерхольд выращивает идею биомеханики – подчинения тела задачам актерской работы над образом, превращения тела в инструмент для эмоционального воздействия на зрителя. Впрочем, все детали театрального представления для Мейерхольда – это элементы механизма для производства эмоций. Театр – это машина для впечатлений (аналогично тому, как Ле Корбюзье рассматривал дом как машину для жилья). В статье «К истории и технике театра» (1912 год), однако, Мейерхольд обращается за обоснованием своего подхода к авторитету античности: «Если условный театр хочет уничтожения декораций, [...] не хочет рампы, [...] не ведет ли такой условный театр к возрождению античного? Да. Античный театр по своей архитектуре есть именно тот самый театр, в котором есть всё, что нужно нашему сегодняшнему театру: здесь нет декораций, пространство –

< Рис. 3. Интерьер театра Кабуки. Раскрашенная ксилография Утагава Тойокуни (1800 г.), Британский музей / Picture 3. Interior of a Kabuki theatre, coloured woodcut triptych by Utagawa Toyokuni, c. 1800; in the British Museum

The analytical vision of Europeans is reflected in the structure of the theater space, starting from Ancient Greece. The theater in Athens has developed as a state institution, a state organization where theatrical performances take place within the framework of the three Dionysian festivals. The audience in the Greek theater sits on a semicircular row of benches called *θεάτρον* (theatron, a place for spectacles), which is an auditorium with a view of the circular platform of *ορχήστρα* (orchestra). In the classical period, the structure of the theater became more complicated, a curtain for dressing actors appeared in the background – *σκηνή* (stage) and special niches for musicians and choristers. Thus, the semicircular spectator mass forms, as it were, a concave mirror, the focus of which is the actor. The rest of the details of the performance play a secondary role – for example, *προσκήνιον*, the scenery on the sides of the screen) first appear only in the plays of Sophocles, the great reformer of the ancient theater (Frederiksen et al. 2015).

On the contrary, a resident of East Asia could hardly find a place, freedom and even time to present a story or listen to it, which often happened in rural areas, far from the center. So he could hear it from the narrator and together with him, by means of his imagi-

nation, participate in the building of the story and its characters in his mind.. Thus, the spectator flies off into the world of stories whenever the narrator finds the time and place to tell the story to a small group of peasants, when they find time to rest after harvest or on stormy nights. The plot of the story, as a rule, was extremely complex and confusing, with many side lines and digressions. The narrator resorted to symbols and hints and decorated the story with characters from the world of animals, birds and paranormal phenomena – ghosts, werewolves, spirits and fantastic animals. To understand the story, the recipient must link the parts to each event and character and find the connection between them. The more characters, relationships and events are absorbed, the more the spectator will participate through his imagination in the show (Xiaohuan Zhao, 2022).

So, an East Asian theater is the exact opposite to what happened in ancient Athens, in the era of democracy, where clarity was needed, their Theater was obvious, and all that was required of the audience was to focus on the leading actor who was acting out a dialogue or singing. Greek poetry was based on clarity of ideas and logical consistency (Hamilton, 1963). Thus, we are faced with two

трехмерное [...] Античный театр с его простотой, с его подковообразным расположением мест для публики, с его орхестрой – тот единственный театр, который способен принять в свое лоно желанное разнообразие репертуара: "Балаганчик" А. Блока, "Жизнь человека" Л. Андреева, трагедии М. Метерлинка...» [9].

Через 10 лет, в начале 1920-х годов, Мейерхольд реализует свой замысел в нескольких спектаклях, построенных в стиле конструктивизма. Воплощением принципов конструктивизма в театре В. Мейерхольда стали три его постановки 1920-х годов: «Великодушный рогоносец» (апрель 1922 г.), «Смерть Тарелкина» (конец 1922 г.) и «Земля дыбом» (начало 1923 г.). Первым художником-конструктивистом, пришедшим в театр к режиссеру, была Л. Попова. Путь Л. Поповой к конструктивизму типичен для художника ее поколения: импрессионизм, кубизм (учеба в Париже), влияние К. Малевича (супрематизм), работа с В. Татлиным. Типично для авангарда и понимание Л. Поповой архитектурной пластики как всеобщей меры вещей, действующей во всех видах

искусства. Декорации Л. Поповой к «Великодушному рогоносцу» представляли собой самодостаточную конструкцию – «станок» из дерева и железа. Будучи законченным произведением абстрактного искусства, она не была привязана к сценической коробке. Это в полной мере импонировало идеям Мейерхольда, который мечтал о спектаклях, не связанных со сценой, исполняемых на площадях и в цехах заводов [10]. По выражению критика А. Гвоздева, конструкция Поповой «...была предназначена не для обыгрывания ее актером, а для самой игры – аналогично тому, как пианист или скрипач играет не с роялем или скрипкой, но на рояле или скрипке» [11, с. 28].

В спектакле «Смерть Тарелкина» оформление В. Степановой было заявлено как выражение «производственного конструктивизма». Живописцы Московского института художественной культуры (ИНХУК) объявили станковую живопись и вообще «чистое» искусство бесцельным пережитком прошлого и потребовали перевода ИНХУК из ведения Комиссариата просвещения в Высший совет народного хозяйства. Художники этого направления рисовали узоры для тканей, эскизы мебели и одежды – в целом их целью было изобретение нового быта. Производственные фантазии Степановой были неосуществимы при тех возможностях, которые могла предоставить разрушенная войной страна. Но в театре конструктивисты нашли почву для самых смелых экспериментов.

Нельзя не заметить переключку идей «производственного конструктивизма» с идеями эстетики повседневного и принципами «ваби-саби» – ведущими принципами японской культуры, начиная с эпохи хэйань (асимметрия, простота, скупость и минимализм выразительных средств, естественность и непритворство, независимость и самодостаточность). Парадоксальным образом эти принципы соединены с футуристической эстетикой прорыва в будущее, создавая огромное напряжение и формируя предельно выразительные пространственные решения.

Эксперименты Мейерхольда над театральным пространством продолжились в постановке гоголевского «Ревизора» в 1926 году. Эраст Гарин, сыгравший

в Рис. 4. Всеволод Мейерхольд, Любовь Попова «Великодушный рогоносец», акт III, сцена с Волопасом. 1922. Государственный музей им. Бахрушина / Picture 4. Vsevolod Meyerhold, Lyubov Popova. "The Magnanimous Cuckold": Act III, scene with Volopas, 1922 © A.A. Bakhrushin State Art Museum

approaches of perception – observation in the West, as opposed to imagination in East Asia. While in the East there is a hint and metaphorical signs, in Greece we find directness and clarity, and thus we can imagine that the natural should be reflected in the scenery of the Theater, both at the level of acting and at the level of stage design.

Vsevolod Meyerhold – between the West and the East

The evolution of the creative method of Vsevolod Meyerhold, one of the greatest theatrical figures of Modern times, was tortuous and diverse. His initial fascination with oriental theater in the first decade of the twentieth century was quite superficial and limited to stereotypical representations, mainly focused on Japanese Noh and Kabuki theater. It is likely that it is from these exotic phenomena for the European view that grows the idea of biomechanics – subordinating the body to the tasks of acting on the image, turning the body into a tool for emotional impact on the viewer. All the details of the theatrical set for Meyerhold are elements of the mechanism for the production of emotions. The theater is a machine for impressions (similar to how Le Corbusier viewed the house as a machine for housing). In the article “On the History and Technique

of Theater” (1912), however, Meyerhold turns for substantiate his approach to the authority of antiquity: “If a conventional theater wants to destroy the scenery, [...] does not want a ramp, [...] does not such a conventional theater lead to the revival of the antique? Yes. The ancient theater in its architecture is exactly the same theater that has everything our theater needs today: there are no scenery, the space is three-dimensional [...] The ancient theater with its simplicity, with its horseshoe-shaped arrangement of seats for the public, with its orchestra is the only theater that is able to take into its bosom a welcome variety of repertoire: “Balanchik” by A. Blok, “The Life of a Man” by L. Andreev, the tragedies of M. Maeterlinck...” (Meyerhold, 1968, p. 133).

Ten years later, in the early 1920s, Meyerhold implemented his idea in several performances built in the style of constructivism. The embodiment of the principles of constructivism in the theater of V. Meyerhold was his three productions of the 1920s: “The Magnanimous Cuckold” (April 1922), “The Death of Tarelkin” (late 1922) and “The Earth stands on End” (early 1923). The first constructivist artist who came to the theater to the director was L. Popova. L. Popova’s path to constructivism is typical for an artist of her

Хлестакова в этом спектакле, так описывает сцену: «Три центральные двери вместе со стенками раскрывались как ворота и пропускали на авансцену игровую площадку, имевшую форму трапеции. Основания ее: ближнее к зрителю – 4,5 метра, дальнее – 3,2 метра, глубина – 3,8 метра. Задняя часть площадки поднята на 60 см, а передняя – на 15 см от пола. Как понятно из этих цифр, площадка была очень небольшой и имела значительный уклон.

Этот уклон создавал для зрителя эффект обратной перспективы. Фигура, находившаяся на дальнем от публики конце площадки, была больше, нежели фигура впереди» [12, С. 118].

В сценографии «Ревизора» Мейерхольд обращается к пространству, не подчиняющемуся законам болонской перспективы, подобно тому, как китайская живопись «гун-би» и японская гравюра «укиё-э» опирается на аксонометрическую систему. Обратная перспектива характерна для византийского искусства (а от него эту систему переняла русская иконопись), а в русском авангарде начала XX века эту систему использовал К. Петров-Водкин. Выпуклое, вывернутое навстречу зрителю сценическое пространство обладало такой выразительностью, что участвовало в представлении наравне с актерами и декорациями (впрочем, весьма немногочисленными).

Трагически прерванная творческая жизнь Всеволода Мейерхольда, как и насильственно подавленное движение конструктивистов в архитектуре и живописи, не позволило реализовать значительную часть потенциальных открытий. Сближение и естественное сращивание западных и восточных эстетических традиций, которое так плодотворно начали конструктивисты, продолжается и сейчас. Западный театр, стремящийся к мимезису, к воспроизведению повседневной реальности, все еще противостоит Условному театру в восточном духе, с его гротескностью и метафорической многозначностью. Впрочем, это можно сказать не только о театре, но и обо всех пространственных искусствах – в том числе об архитектуре. Возможно, двадцать первый век найдет плодотворный баланс между античной ясностью и восточной размытостью, между четкими ритмами ордерной системы и плавными изгибами азиатской архитектуры.

Это исследование не стремится заявить, что мы разные и что нет места для сближения. Вместо этого оно призывает к пониманию друг друга, уважению специфики друг друга и поиску наиболее эффективных методов общения для установления способов общения.

Литература

1. Nisbett, R. E. (2004) *The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently...and Why*. NY: Free Press.
2. Nisbett, R. E. (2009) *Intelligence and How to Get It: Why Schools and Cultures Count*. NY.: W. W. Norton & Company.
3. Goh, J. O., & Park, D. C. (2009). Culture sculpts the perceptual brain. *Progress in brain research*, 178, 95-111.
4. Masuda, T., & Nisbett, R. E. (2001). Attending holistically versus analytically: comparing the context sensitivity of Japanese and Americans. *Journal of personality and social psychology*, 81(5), 922.
5. Chua, H. F., Boland, J. E., & Nisbett, R. E. (2005). Cultural variation in eye movements during scene perception. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 102(35), 12629-12633.
6. Frederiksen R. et al. (2015) *The Architecture of the Ancient Greek Theatre*. Aarhus: Aarhus University Press.
7. Xiaohuan ,Zhao (2022) *Chinese Theatre: An Illustrated History Through Nuoxi and Mulianxi*. Volume One: From Exorcism to Entertainment. Oxfordshire: Routledge.
8. Hamilton, E. (1963). *The Greek way to western civilization*. New York, London: W. W. Norton & Company.
9. Мейерхольд, В. Э. К истории и технике театра // Мейерхольд В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. В 2 ч. – Москва, 1968. – Ч. 1. – С. 133.
10. Филичева, Н. В. (2011). О роли конструктивизма в театрализации художественного пространства. // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 2 (1). – С. 222–229.
11. Гвоздев, А. А. Театр имени В. С. Мейерхольда (1920–1926). – Ленинград : Academia, 1927.
12. Гарин, Э. П. С Мейерхольдом: Воспоминания. – Москва : Искусство.

generation: impressionism, Cubism (while studying in Paris), the influence of K. Malevich (suprematism), work with V. Tatlin. Typical of the avant-garde is L. Popova's understanding of architectonic plasticity as a universal measure of things operating in all types of art. L. Popova's decorations for the "Magnanimous Cuckold" were a self-sufficient construction – a 'machine' made of wood and iron. Being a finished work of abstract art, it was not tied to a stage box. This fully impressed the ideas of Meyerhold, who dreamed of performances unrelated to the stage, performed on squares and in the workshops of factories. In the words of critic A. Gvozdev, Popova's construction "... was not intended to be played by an actor, but for the game itself – similar to how a pianist or violinist does not play with a piano or violin, but on a piano or violin" (Filicheva, 2011, p. 28).

In the play "The Death of Tarelkin", the design of V. Stepanova was declared as an expression of 'industrial constructivism'. The painters of the Moscow Institute of Artistic Culture (INHUK) declared easel painting and 'pure' art in general an aimless relic of the past and demanded the transfer of INHUK from the jurisdiction of the Commissariat of Education to the Supreme Council of the National Economy. Artists of this direction drew patterns for fabrics, sketches of furniture and clothing – in general, their goal was to invent a new way of life. Stepanova's production fantasies were unfeasible with the opportunities that a war-torn country could provide. But in the theater, constructivists found the ground for the most daring experiments (Gvozdev, 1927).

It is impossible not to notice the overlap of the ideas of 'industrial constructivism' with the ideas of everyday aesthetics and the principles of 'wabi-sabi' – the leading principles of Japanese culture since the Heian era (asymmetry, simplicity, avarice and minimalism of expressive means, naturalness and frankness, independence and self-sufficiency). Paradoxically, these principles are combined with the futuristic aesthetics of a breakthrough into the future, creating enormous tension and forming extremely expressive spatial solutions.

Meyerhold's experiments on the theater space continued in the production of Gogol's "The Inspector" in 1926. Erast Garin, who played Hlestakov in this performance, describes the scene as follows: "The three central doors, together with the walls, opened like gates and let a playground, which had the shape of a trapeze, into the foreground. Its bases: the closest to the viewer is 4.5 meters, the farthest is 3.2 meters, the depth is 3.8 meters. The back of the platform is raised by 60 cm, and the front is 15 cm from the floor. As is clear from these figures, the site was very small and had a significant slope.

This bias created a reverse perspective effect for the viewer. The figure at the far end of the platform from the audience was larger than the figure in front" (Garin, 1974, p. 127).

In the scenography of the "Inspector", Meyerhold refers to a space that does not obey the laws of the Bologna perspective, just as the Chinese painting 'gong-bi' and the Japanese engraving 'ukiyo-e' relies on an axonometric system. Inverse perspective is typical for Byzantine art (Russian iconography adopted this system from it), and in the Russian avant-garde of the early twentieth century this system was used by K. Petrov-Vodkin. The convex stage

space, turned towards the viewer, had such an expressiveness that it participated in the performance on a par with the actors and scenery (however, very few). The tragically interrupted creative life of Vsevolod Meyerhold, as well as the violently suppressed constructivist movement in architecture and painting, did not allow the realization of a significant part of potential discoveries. The convergence and natural fusion of Western and Eastern aesthetic traditions, which the constructivists so fruitfully began, continues even now. The Western theater, striving for mimesis, for the reproduction of everyday reality, still opposes the Conditional Theater in the Eastern spirit, with its grotesqueness and metaphorical ambiguity. However, this can be said not only about the theater, but also about all spatial arts – including architecture. Perhaps the twenty-first century will find a fruitful balance between antique clarity and oriental blurriness, between the clear rhythms of the order system and the smooth curves of Asian architecture.

This study does not seek to state that we are different and that there is no place for rapprochement. Instead, this study calls for understanding each other, respecting each other's specifics, and finding the most effective communication methods to establish ways to communicate.

References

- Chua, H. F., Boland, J. E., & Nisbett, R. E. (2005). Cultural variation in eye movements during scene perception. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 102(35), 12629-12633.
- Filicheva, N. V. (2011). O roli konstruktivizma v teatralizatsii khudozhestvennogo prostranstva [On the role of constructivism in the theatricalization of artistic space]. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 2(1), 222-229.
- Frederiksen, R. et al. (2015) *The Architecture of the Ancient Greek Theatre*. Aarhus: Aarhus University Press.
- Garin, E. P. (1974). *S Meierkholdom: Vospominaniya [With Meyerhold: Memories]*. Moscow: Iskusstvo.
- Goh, J. O., & Park, D. C. (2009). Culture sculpts the perceptual brain. *Progress in brain research*, 178, 95-111.
- Gvozdev, A. A. (1927). *Teatr imeni Meierkhilda (1920-1926) [V. S. Meyerhold Theater (1920-1926)]*. Leningrad: Academia.
- Hamilton, E. (1963). *The Greek way to western civilization*. New York, London: W. W. Norton & Company.
- Masuda, T., & Nisbett, R. E. (2001). Attending holistically versus analytically: comparing the context sensitivity of Japanese and Americans. *Journal of personality and social psychology*, 81(5), 922.
- Meyerhold, V. E. (1968). *K istorii i tekhnike teatra [On the history and technique of theater]*. In Articles. Letters. Speeches. Conversations: In 2 parts. (P. 1, 133). Moscow: Iskusstvo.
- Nisbett, R. E. (2004). *The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently...and Why*. NY: Free Press.
- Nisbett, R. E. (2009). *Intelligence and How to Get It: Why Schools and Cultures Count*. NY: W. W. Norton & Company.
- Xiaohuan Zhao (2022). *Chinese Theatre: An Illustrated History Through Nuoxi and Mulianxi. Volume One: From Exorcism to Entertainment*. Oxfordshire: Routledge.

С 1980-х годов в Великобритании принципы урбанизма значительно изменили города в контексте формирования общественных пространств мирового класса для обеспеченных социальных групп. Количество исследований перформативной роли общественных пространств все еще ограничено. Проанализировано влияние общественного пространства на социальное равенство. Исследование проведено с помощью морфологического анализа района, натурных наблюдений и фотографирования. Показано, что общественные пространства мирового класса являются скорее исключительными, чем инклюзивными, предложены стратегии для дальнейших преобразований городской среды.

Ключевые слова: общественное пространство; социальный контроль и равенство; районы мирового класса; городское планирование.

Urbanism principles in the context of the UK have significantly changed its urban public realm since the 1980s to shape a “world-class” public realm by welcoming high-income groups. However, there are still limited investigations into the performative role of the public realm. Therefore, the research aims to ask what the social impact of the equitable public realm is for every citizen. These findings will be archived through morphological mappings, observation, and photographing. While the research confirms that “world-class” public realms in cities are rather exclusive than inclusive, there is a framework for potential urban transformations.

Keywords: public realm; social control and equity; world-class developments; urban design; Cardiff.

Роль общественных пространств мирового класса в Кардиффе / A role of the “world-class” public realm in Cardiff

Введение

За последние четыре десятилетия крупные города в странах с рыночной экономикой претерпели значительные градостроительные преобразования. Основная идея заключалась в создании образа успешного города мирового класса для привлечения международного бизнеса и инвестиций с помощью городских общественных пространств. Р. Сеннетт (Sennet, 2010, с. 261) определяет общественное пространство не только как место, состоящее из таких материальных элементов, как здания, улицы и площади, но и как сочетание нематериального, включающее отношения между людьми, различными социальными группами и культурами, а также ощущение места в «киберпространстве». Более того, общественное пространство имеет не только географию, но и историю и культуру, такие как этические и поведенческие нормы и ценности, а также разного рода отношения между ее участниками, в том числе положительные и отрицательные. Все эти аспекты общественного пространства представляет собой современная городская среда.

В настоящее время социальное неравенство в общественном пространстве является одной из важных тем дискуссий в урбанистике. Хотя существует множество

научных трудов об инклюзивной и справедливой городской среде, необходимо более углубленное изучение для создания социально, экономически, политически справедливого и комфортного общественного пространства, потому что все архитектурно-градостроительные преобразования направлены на усиление городской формальности. Таким образом, цель исследования – определить, в какой степени и для кого общественные пространства являются социально справедливыми и как их следует контролировать. Основная задача – изучение вопросов создания справедливого общественного пространства. Будут рассмотрены три основных вопроса:

– Кому выгодны общественные пространства Кардиффского залива, имеющего статус района мирового класса?

– Какова взаимосвязь между такими ключевыми аспектами, как общественный контроль, социальная справедливость и городская неформальность, при таком подходе в проектировании?

– Какие стратегии проектирования могут быть эффективными для создания более справедливого общественного пространства в рамках пространственной политэкономии города?

Из-за практических и временных ограничений данное исследование в первую очередь фокусируется на общественном пространстве, контролируемом крупными частными и государственными интересами. Это связано с тем, что большая часть городского пространства в программах нелиберального городского планирования инвестируется и управляется государством, частным и квази-частным капиталом. Несмотря на существенные городские преобразования общественных пространств в зоне регенерации, этот район обладает потенциалом для изучения результатов урбанизма с точки зрения архитектурно-градостроительных связей и непространственного обще-

текст

Адилет Кожахметов
Казахский национальный исследовательский технический университет им. К. И. Сатпаева

Асим Инам

Архитектурная школа Кардиффского университета

Алексей Абилов

Казахский национальный исследовательский технический университет им. К. И. Сатпаева /

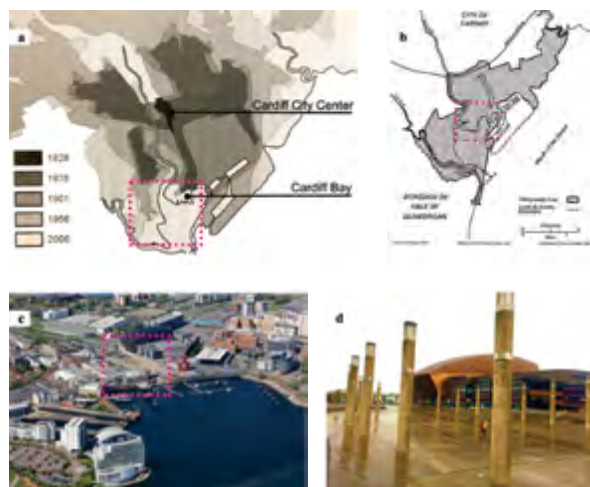
text

Adilet Kozhakhmetov
Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satbayev

Aseem Inam
Cardiff University

Alexey Abilov

Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satbayev

< Рис. 1. Район исследования: а – градостроительное развитие города Кардифф с 1820 года; б – зона регенерации Кардиффского залива; в – основная часть регенерации Кардиффского залива (source: Punter, 2006); д – площадь Роальда Даля (источник: авторы, 2021) / Fig. 1. Study area. a – The growth of the built-up area of Cardiff since 1820; b – Cardiff Bay regeneration area; c – Core area of Cardiff Bay regeneration (source: Punter, 2006); d – Roald Dahl Plass (source: authors, 2021)

Introduction

Over the past four decades, large cities in market-led systems have undergone significant urban transformations. The primary idea has been to create an image of a successful “world-class” city to attract international businesses and investments through a well-designed and maintained urban public realm. Sennett (2010, p. 261) identifies the public realm not only as a place of tangible elements, such as buildings, streets, and squares but as a combination of intangible that includes a relationship between individuals, different social groups, and cultures, as well as the sense of place in ‘cyber-space’. Moreover, a public realm has not only geography. It has a history and culture, such as ethical and behavioural norms and values, as well as different kinds of relationships among its participants, including positive and negative. All these aspects of the public realm are what cities represent nowadays.

Social inequity in the public realm is one of the critical debates in urbanism. Although there is plentiful academic research on the inclusive and equitable urban public realm, there needs to be more studies on creating a socially, economically and politically equitable public realm. It is because all physical improvements in the

ственного контроля, которые влияют на перформативную роль и повседневную социальную справедливость. Таким образом, этот район дает возможность глубже понять взаимосвязь между подходами урбанизма мирового класса и социальным аспектом общественного пространства.

Предпосылки исследования

С конца 1980-х годов в крупных городах Великобритании произошли значительные преобразования общественных пространств (Punter, 2006). Были инициированы проекты городского развития, такие как регенерация Кардиффского залива – района, призванного стать «морским направлением мирового класса» (Punter, 2006, с. 172). Корпорация развития Кардиффского залива (CBDC), созданная правительством Уэльса в 1987 году, освоила территорию площадью около 1089 га, что было предусмотрено планом восстановления набережной (Cardiff County Council, 2007, с. 44). Большая часть плана регенерации была завершена (рис. 1). Несмотря на обширную территорию зоны регенерации, градостроительным ядром и символическим общественным пространством является площадь Роальда Даля. Она формирует градообразующий узел мирового класса перед зданиями Правительства Уэльса, Уэльского Миллениум-центра (Wales Millennium Centre) и соединяется с основными пешеходными, транспортными и морскими маршрутами. Несмотря на существенные преобразования в общественном пространстве Кардиффского залива, этот район имеет ряд архитектурно-градостроительных и социальных проблем, которые влияют на комфортность использования и раскрытие потенциала всего района

> Рис. 2. Расположение основной зоны исследования (источник: карты Google, 2021) /

Fig. 2. The primary study area (source: illustrated on Google maps, 2021)

public realm are designed to foster urban formality. Thus, this study aims to add a more comprehensive academic discussion on to what extent and for whom the public realm could be equitable and how it should be controlled. While the primary purpose of this paper is to study issues for producing an equitable public realm, it will examine three main research questions:

- Given the nature of “World-class destination” claims made for Cardiff Bay, who benefits from this public realm and does not?
- What is the relationship between key aspects such as control, equity, and informality in such a design approach?
- What type of design strategies can be effective for producing a more equitable public realm within the spatial political-economy of the city?

Due to practical and time constraints, the study scope primarily focuses on the public realm controlled by private and state interests. It is because most of the public realm in neoliberal planning agendas is invested in and led by the state, private and quasi-private capital. While there have been substantial urban transformations in the regenerated public realm, this site has a number of urban and social problems that negatively impact daily

регенерации. Таким образом, пример исследования Кардиффского залива дает возможность применить соответствующую методологию для анализа различных городских районов мирового класса в крупных городах.

Методология

Методы сбора данных, применяемые в исследовании, являются качественными и количественными. Качественный метод включает морфологический анализ архитектурно-градостроительного планирования, натурное наблюдение и фотографирование района. Архитектурно-градостроительные составляющие общественного пространства исследуются с помощью морфологического анализа застройки района: исследуется проницаемость участка, доступность общественных мест, улиц, тротуаров и дорожек и связь с соседними районами. Кроме того, морфологический анализ застройки используется для оценки плотности и измерения вместимости и загруженности общественного пространства и функционального микса для оценки исключительности функций. Нематериальные элементы, такие как взаимодействия между людьми и их поведение в общественном пространстве, изучаются путем натурных наблюдений, включая фотографирование в разные дни недели и в разное время. Количественный метод включает анализ демографических данных, который дополняет результаты анализа градостроительной морфологии и натурных наблюдений с целью изучения социальной справедливости в контексте района в градостроительном масштабе Кардиффа. Вторичные данные получены из опубликованных научных работ, официальных и правительственных веб-страниц и интернет-платформ.

Результаты исследования

Изначально исследуемое общественное пространство было предназначено для крупных международных мероприятий на площадках мирового класса, таких как Уэльский Миллениум-центр (Cardiff Country Council, 2011). Тем не менее до настоящего времени нет оценки перформативной роли зоны регенерации Кардиффского залива. Следовательно, район интересен для изучения результатов привилегированности района с точки зрения общественного контроля и социальной справедливости. Кто не имеет приоритета? Например, имеет ли право

use to revise the potential of the regeneration area. Therefore, the area provides an opportunity to understand deeper the relationship between “world-class” urbanism approaches and the social aspect of the public realm.

Research background

Since the late 1980s, there have been considerable improvements in the public realm in the UK (Punter, 2006). The government initiated urban development projects, such as the Cardiff Bay regeneration area, designed to be a “world-class maritime destination” (Punter, 2006, p.172). Cardiff Bay Development Corporation (CBDC), the Welsh Government established in 1987, developed an area of about 1,089 hectares in Cardiff Bay, which was a part of the Waterfront Regeneration Plan (Cardiff County Council, 2007, p. 44). Currently, most of the regeneration plan has been completed around the central and symbolic public realm is Roald Dahl Plac (fig. 1). The public realm spatially creates a core of the “world-class” area on the front of the Welsh Assembly Government and the Wales Millennium Centre and connects with the main pedestrian, vehicle, and navy routes.

Уэльская школа архитектуры организовать выставку? Допустимо ли собираться для выражения политических взглядов? Что если общественное пространство будет предоставлено бездомным людям? Таким образом, общественное пространство района регенерации является подходящим местом для анализа результата архитектурно-градостроительных решений (рис. 2).

Рис. 3 иллюстрирует, что, хотя район регенерации Кардиффского залива имеет три основных транспортных связующих направления, в пределах исследуемой территории необходимо улучшить связанность. Не хватает велосипедных дорожек, которые могли бы улучшить транспортную связь общественных пространств района. Кроме того, общественное пространство вокруг площади Роальда Даля фрагментировано в масштабе пешеходной связи. Таким образом, район более комфортен для людей, пользующихся автомобилями, где «право на город» находится в руках владельцев частного автотранспорта.

Анализ муниципальных и частных общественных пространств показывает, что частные владельцы контролируют большую часть городского пространства.

Methodology

The data collection methods applied for this research are qualitative and quantitative. The qualitative method involves morphological mapping, direct non-participant observation and photography of the area. The spatial elements of the public realm are examined through morphology mappings, such as site permeability, accessibility to public places, streets, sidewalks and paths created by the movement of people, and connectivity with neighbourhoods. Also, morphology mapping will be used to evaluate a regeneration density to measure the capacity and congestion of the public realm and a functional mix that shows the diversity of activities to assess the exclusiveness of functions. Intangible elements, such as social interaction and the relationship between individuals and their behaviours in the public realm, are studied by direct observations, including photography during different weekdays and daytime. The quantitative method involves demographic data analyses. The secondary data comes from internationally published works of other researchers in journals, official and governmental web pages, and up-to-date platforms.

< Рис.3. Пешеходно-транспортная связанность общественного пространства (источник: карты Google, 2021) / Fig.3. Connectivity of the public realm (source: illustrated on Google maps, 2021)

Международные компании и британские корпорации в частном порядке владеют территорией вокруг площади Роальда Даля, где Правительство Уэльса проводит международные форумы и саммиты (рис. 4). По данным Н. Бреннера и Н. Теодора (Brenner, Theodore, 2002), большинство из них представляют собой девелоперские компании в сфере недвижимости и развлечений, ориен-

< Рис. 4. Анализ общественных и частных пространств: а – соотношение общественных и частных пространств; б – основные владельцы Кардиффского залива (источник: карты Google, 2021; рассчитано на основе сервиса EDINA Digimap, 2021) / Fig. 4. Analysis of public and private realms: а – Relation of public and private realms; б – Major landlords in Cardiff Bay (source: illustrated on Google maps 2021; calculated from EDINA Digimap Service 2021)

Findings and results

Initially, the public realm is designed for “major international events at world-class venues such as ...Wales Millennium Centre” (Cardiff Country Council, 2011). Still, there is no analysis of the everyday performative role of the Cardiff Bay regeneration area. Consequently, the area is interesting to analyse to whom the site benefits regarding control and equity. Who is losing out? For example, to what extent is it equitable to organise an exhibition of the Welsh School of Architecture? Is it allowed to gather to express political issues? What if the public realm is given to homeless people? Thus, the public realm of the Cardiff Bay regeneration area is an appropriate site to analyse for potential design interventions (fig. 2).

Fig. 3 illustrates that while the Cardiff Bay regeneration area has three main transport linking directions, there needs to be more connectivity within the study area. There is a lack of cycling lanes that could better connect the public realm in this area. Besides, the public realm around Roald Dahl Plass is fragmented in a scale of walking. Therefore, it suggests that the site is more equitable for people who use cars, where “the right to the city” is in private transport owners’ hands.

The analysis of public/private realms shows that private landlords control most of the urban realm. International companies and UK corporations privately own the core area around Roald Dahl Plass in Cardiff Bay, where The Welsh Government is a place for “international” forums and summits (fig. 4). As Brenner and Theodore (2002) argue, findings suggest that most of them are development, property and entertainment businesses focused on making a profit by attracting a particular social group who could afford their services. The landlords set their own rules in terms of control, where some social actions and informalities are prohibited. This kind of right to the public realm belongs to a strong form of control, Lynch (2001) advises. For example, the spatial public realm within Mermaid Quay does not allow any informal businesses without their permission. Thus, not everyone could be equitable, mainly who could not afford to pay.

Analysis of the public realm for car users illustrates that the vast proportion of the public realm is equitable for drivers only. Although the public realm for pedestrians is 64%, one-third is a privately owned public realm managed and controlled by private

тированные на получение прибыли за счет привлечения финансово обеспеченных социальных групп. Владельцы устанавливают собственные правила общественного контроля, где запрещены социальные акции и неофициальные скопления людей. К. Линч (Lynch, 2001) полагает, что такого рода право на общественное пространство относится к сильной форме общественного контроля. Например, в общественных пространствах на набережной Мермейд (Mermaid Quay) не допускается ведение уличной торговли без разрешения частных владельцев. Таким образом, общественные пространства района социально справедливы не ко всем участникам, а только к тем, кто может себе позволить их услуги.

Анализ общественного пространства для пешеходов относительно общественного пространства для автомобилистов показывает, что подавляющая часть городской среды предназначена в основном для автомобильного транспорта. Хотя общественное пространство пешеходов составляет 64%, одна треть – это частное общественное пространство, управляемое частными интересами. Таким

образом, только 43% всего общественного пространства могут быть социально комфортными для жителей Кардиффа (рис. 5).

Анализ интерфейсов застроек показывает, что почти половина из них, которые являются границами частных и общественных пространств, в основном недоступны (рис. 6). Это означает, что они «нежизненные», более того не способствуют социальной активности. Следовательно, это приводит к отсутствию социально-психологической безопасности в районе. Например, Х. Камалипур и Н. Пеймани (Kamalipour, Peimani, 2019, с. 8) утверждают, что глухие интерфейсы застроек дают возможность быть присвоенными уличной торговлей. Однако К. Линч (Lynch, 2001) утверждает, что без права контроля присвоение и использование общественного пространства невозможны.

Анализ плотности застройки в районе регенерации Кардиффского залива показывает, что в основном плотность зданий низкая (рис. 7). В то время как треть зданий являются высотными, коэффициент плотности застройки низкий, что уменьшает оживленность всего района.

> Рис. 5. Анализ общественных пространств, находящихся в государственной и частной собственности, применительно к автомобильным дорогам: а – доля автомобильных дорог в общественном пространстве (источник: рассчитано на основе сервиса EDINA Digimap, 2021; карты Google, 2021); б – общественное пространство для пешеходов; с – частное общественное пространство; d – дороги (источник: авторы, 2021) /

Fig. 5. Analysis of public and privately owned public realms in relation to car roads: a – Share of car roads in public and private realms (source: calculated from EDINA Digimap Service, 2021; illustrated on Google Maps, 2021); b – Publicly owned public realm; c – Privately owned public realm; d – Car ways (source: authors, 2021)

interests. Therefore, only 43% of all public realm might be equitable for Cardiff citizens (fig. 5).

The analysis of interfaces represents that almost half of the interfaces, which are edges of private and public realms, are mainly impermeable (fig. 6). It means there are 'dead' and inhibit social activity. Consequently, it might lead to a lack of social and psychological safety. For example, Kamalipour and Peimani (2019, p. 8) claim that blank interfaces give a possibility to be appropriated by street trading. However, Lynch (2001) argues that without a right to control appropriation and modification of the public realm is impossible.

The Cardiff Bay regeneration area's building footprint density analysis illustrates that most of the land is open (fig. 7). While a third of buildings are high rise, the FAR is significantly low, which might decrease the neighbourhood's liveliness. Primarily, open spaces are used for wide roads, parking lots, and large plazas. It suggests that regarding social control, the Cardiff Bay regeneration area highly depends on the CCTV and police forces. This urban morphology does not provide enough "eyes on streets" to improve a feeling of invisible social security.

^ v Рис. 6. Анализ интерфейсов застроек: а – интерфейсы застроек (источник: рассчитано на основе карты Google, 2021); б – глухие интерфейсы; с – пешеходный отступы; д – парковочный отступы; е – открытый и прозрачный; ф – открытый и непрозрачный (источник: авторы, 2021) / Fig. 6. Analysis of interfaces:

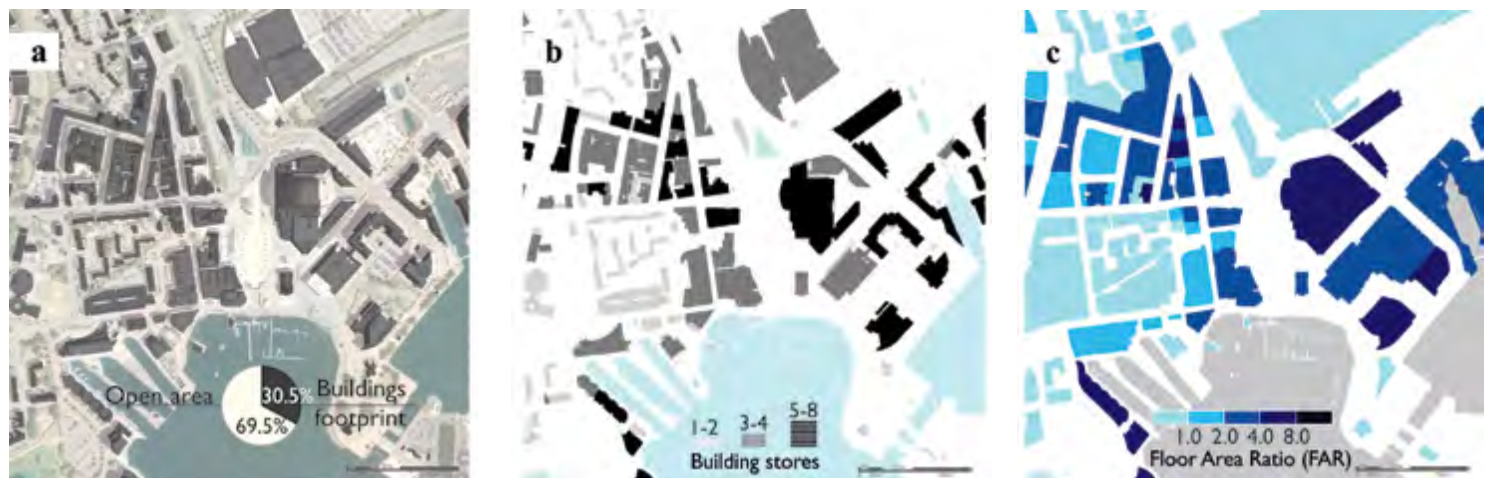
a – Interfaces (source: calculated from Google Maps, 2021); б – Impermeable interfaces; с – Pedestrian setbacks; д – Car setbacks; е – Direct and transparent; ф – Direct and opaque (source: authors, 2021)

В первую очередь открытые пространства используются для широких автомобильных дорог, парковок и больших площадей. Это говорит о том, что с точки зрения общественного контроля район регенерации Кардиффского залива сильно зависит от постоянного видеонаблюдения и полиции. Такая градостроительная морфология не обеспечивает достаточных «глаз на улицах», чтобы усилить ощущение социально-психологической безопасности.

Анализ работы предприятий в вечернее и ночное время показывает, что в основном этот район активен до 18:00. Несмотря на то, что 17% организаций работают до позднего вечера, достаточно большая территория с восточной стороны площади Роальда Даля требует большей социальной активности (рис. 8). Охрана района осуществляется преимущественно с помощью системы видеонаблюдения, т. е. общественный контроль «защищен в частном порядке». Это связано с отсутствием функционального микса, а значительная часть глухих интерфейсов застроек не взаимодействует с внутренним пространством в вечернее и ночное время. Таким образом, определенные части района недостаточно комфортны для прогулок в вечернее и ночное время в одиночку из-за масштабных монофункциональных зданий, которые закрываются в 18:00.

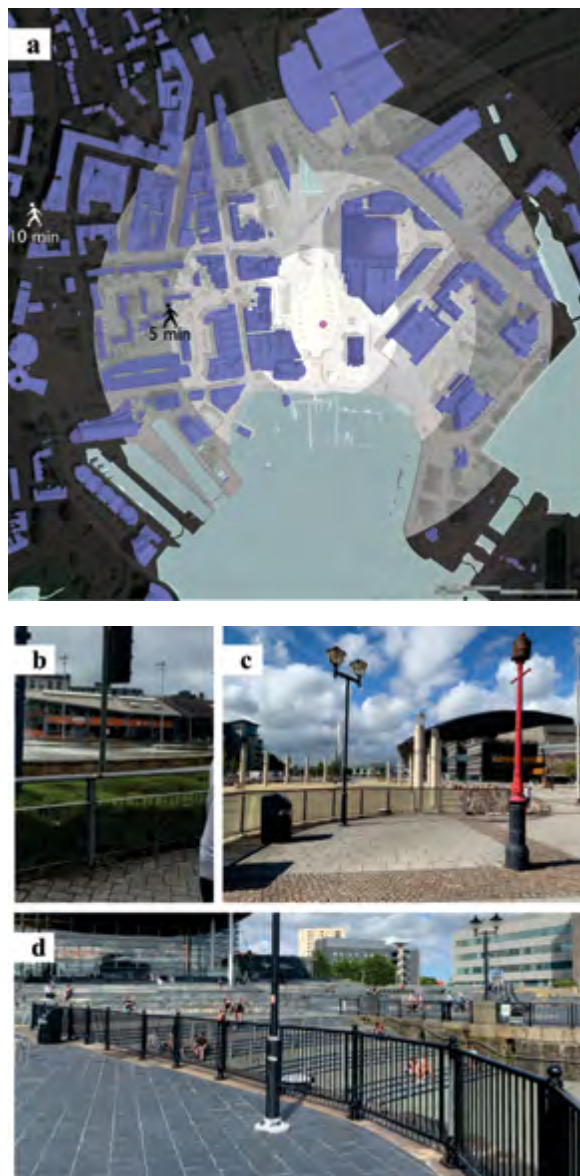
v Рис. 7. Анализ плотности застройки: а – границы застроек; б – высотность зданий; с – коэффициент плотности застройки (источник: рассчитано на основе сервиса EDINA Digimap, 2021; карты Google) / Fig. 7. Analysis of densities: а – Building footprints; б – Building heights; с – Floor area ratio (source: calculated from EDINA Digimap Service, 2021; illustrated on Google maps, 2021)

▲ Рис. 8. Анализ психологического ощущения безопасности в ночное время: а – время работы общественно-коммерческих организаций (источник: рассчитано на основе сервиса EDINA Digimap 2021; карты Google, 2021); б – площадь Роальда Даля; с – сквер перед Миллениум-центром; д – улица Бют-Плейс (источник: авторы, 2021) / Fig. 8. Analysis of a night-time safety feeling: а – Working hours of ground level night-time economy (source: calculated from EDINA Digimap Service 2021; illustrated on Google maps 2021); б – Roald Dahl Plass; с – Square in front of the Wales Millennium Centre; д – Bute Place street (source: authors, 2021)

> Рис. 10. Анализ пешеходной доступности общественного пространства: а – пешеходная доступность общественно-пространства (источник: рассчитано на основе сервиса EDINA Digimap, 2021); б – ограждения основных улиц; с – ограждения площади Роальда Даля; д – ограждения сквера перед Wales Millennium (источник: авторы, 2021) / Fig. 10. Analysis of permeability and accessibility: а – Public realm permeability (source: calculated from EDINA Digimap Service, 2021); б – Edge of a primary street; с – Edge of Roald Dahl Plass; д – Edge of a square in front of the Wales Millennium Centre (source: authors, 2021)

Анализ функционального микса Кардиффского залива показывает, что в районе доминируют огромные монофункциональные здания (рис. 9). Большинство из них – это места для посещения, скомпонованные в мегазданиях, таких как Миллениум-центр, Дрегон-центр (Dragon Centre) и торговый центр на набережной Мермейд. Все перечисленные здания стали доминантами района, демонстрируя мощь огромных инвестиций частных корпораций. Район ориентирован исключительно на потребление, в то время как перформативная роль общественного пространства с точки зрения социальной справедливости может не соответствовать финансовым возможностям большинства горожан. В основном такие объекты нацелены на получение прибыли. Более того, подобные городские районы приводят к социальному неравенству из-за монофункционального разделения.

В радиусе 200 м пешеходная доступность составляет 62,1%, поскольку большая часть территории – открытые пространства. Однако анализ связанности общественных пространств и доступности иллюстрирует, что в основном городская среда сильно зависит от автотранспорта, разделена широкими магистральными дорогами и заборами, и это делает общественные пространства некомфортными для пешеходов (рис. 10). Анализ доступности для пешеходов и маломобильных групп населения показывает, что общественные пространства вокруг центральной площади являются достаточно открытыми. Однако из-за ландшафтных и физических барьеров требуется преодолеть значительное расстояние, чтобы добраться до определенных мест, таких как терраса гавани или участок на другой стороне центральной площади. Р. Сеннетт (Sennett, 2010) утверждает, что такого рода общественные пространства делают их фрагментированными и неудобными для детских колясок и маломобильных групп населения с инвалидными колясками, что приводит к дискомфорту и не способствует регулярному посещению.

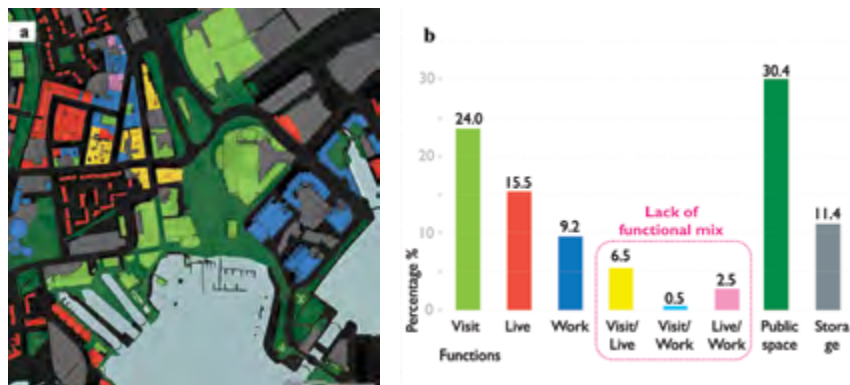
Анализ зеленых насаждений в общественных пространствах показывает их низкую долю зеленых. На площади Роальда Даля всего несколько зеленых насаждений на большой мощеной арене (рис. 11). Это делает общественное пространство менее пригодным для повсед-

The analysis of the ground-level night-time economy illustrates that the area is mainly active until 6 p.m. Although 17% of businesses work late at night, more than the capacity to provide 'eyes on streets' is needed for the large open area, mainly on the east side of Roald Dahl Plass (fig. 8). Consequently, the Cardiff Bay regeneration area is fragmentarily active. The rest of the ground is secured mainly by CCTV, representing how ground control is 'privately secured'. There is a lack of functional mix, and many impermeable interfaces do not interact with a private inner realm at night. Therefore, some parts of the Cardiff Bay regeneration area are not equitable enough for night-time to walk alone due to mono-functional buildings that close at 6 p.m.

Cardiff Bay's functional mix analysis shows that many mono-functional buildings dominate the core area (fig. 9). Most are visit functions gathered in mega-buildings, such as Wales Millennium Centre, Dragon Centre and Mermaid Quay Shopping Centre. All the listed buildings have the potential to be urban shrines of the area, showing the power of significant investments by private corporations. The site is only consumption-oriented, whereas the performative role of the public realm, in terms of equity, might

lack the affordability of such profit-oriented facilities. Moreover, such urban areas lead to social inequity due to the geography of divisions.

Within the 200m radius, permeability is 62.1%. It is because the vast majority of the land is open spaces. However, analysis of the site connectivity (fig. 10) and accessibility illustrates that the core area is highly car-dependent and fragmented by wide car roads and fences, which makes

^ Рис. 9. Анализ функционального микса: а – функции в районе Кардиффского залива (источник: рассчитано на основе сервиса EDINA Digimap, 2021; карты Google, 2021); б – уровень функционального микса (источник: авторы, 2021) /

Fig. 9. Functional mix analysis: a – Functions in Cardiff Bay (source: calculated from EDINA Digimap Service; 2021, illustrated on Google maps, 2021); b – Level of the functional mix (source: authors, 2021)

невного использования и не способствует социальной сплоченности, как, к примеру, парки. Следовательно, при разработке потенциальных градостроительных стратегий следует учитывать возможность формирования социального комфорта общественных пространств за счет озеленения.

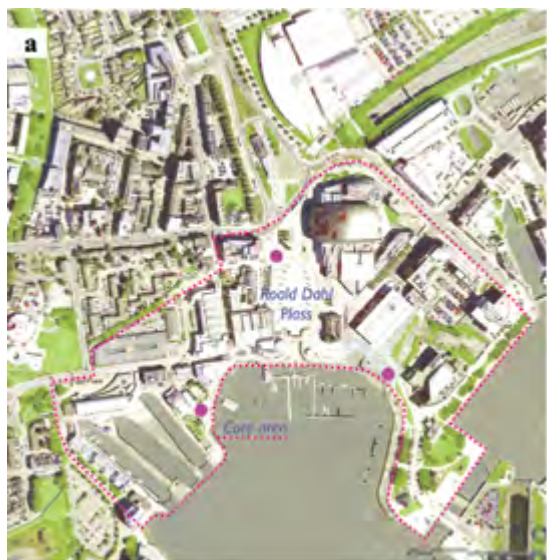
Анализ погодных условий показывает, что погода в Кардиффе часто бывает дождливой и ветреной, в основном в осенний, зимний и весенний сезоны. Например, в 2006 году фестиваль «Кардифф Мела» (Cardiff Mela) был отменен из-за плохой погоды. Комфортность общественного пространства зависит даже от его использования с целью создания различных мест для социальных взаимодействий с учетом погодных условий (рис. 12). Следовательно, данное место является неподходящим для мероприятий на открытом воздухе. Это требует адаптации общественного пространства для повседневного использования с учетом примыкающих частных общественных пространств, в которых позволено находиться при предъявлении чека об оплате.

Демографический анализ показывает, что в районе Кардиффского залива живут холостые люди среднего возраста. Хотя они высококвалифицированные специалисты, имеют высокий доход и могут позволить себе иметь автомобиль, большинство из них живут в квартирах (рис. 13). Однако существует зона социального жилья, отличающаяся от нового района регенерации с точки зрения дохода, квалификации и численности населения. Таким образом, перформативная роль общественного пространства в районе регенерации Кардиффского залива заключается в повышении уровня социальной справедливости в неоднородном демографическом обществе. Социальные взаимодействия и точки соприкосновения играют решающую роль в повышении социального равноправия.

Натурное обследование общественного пространства с точки зрения комфортного времяпровождения детей показало, что это место привлекательно за счет водных элементов, таких как фонтаны и набережные, а также художественных инсталляций и скульптур (рис. 14). В то время как некоторые фрагментированные части об-

< Рис.11. Анализ озеленения общественного пространства: а – участки озеленения общественного пространства (источник: проиллюстрировано на картах Google, 2021); б – зеленый островок на площади Роальда Даля; с – озеленение сквера перед Wales Millennium Centre; d – озеленение в районе гавани (источник: авторы, 2021) /

Fig.11. Analysis of greenery: a – Public realm greenery (source: illustrated on Google Maps 2021); b – Greenery on Roald Dahl Plass; c – Greenery on a square in front of the Wales Millennium Centre; d – Greenery in the harbour (source: authors, 2021)

the public realm inequitable for pedestrians. Analysis of accessibility for pedestrians and vulnerable groups shows that the core public realm is highly accessible. However, many borders could require long distances to reach some places, such as the harbour area. Sennett (2010) argues that this kind of public realm makes it fragmented and inconvenient for children’s pushchairs or wheelchairs and disabled buggies, leading to closed communities on a bigger scale.

Analysis of greenery in the public realm represents a low proportion of green spots and trees. Roald Dahl Plass has only a few green locations and a large paved area (fig. 11). It makes the public realm less equitable for daily use that does not facilitate social cohesion as parks. Therefore, design strategies should consider how to increase equity through greenery.

The analysis of weather conditions in Cardiff illustrates that almost half of a year is rainy and windy, primarily in the autumn, winter and spring seasons. Consequently, it might be inequitable for some open-air activities. It requires adaptiveness of the public realm for everyday use in cohesion with the private realm, which is mainly sheltered. For example, in 2006, Mela Cardiff Festival was cancelled due to poor weather conditions. Equity in the public

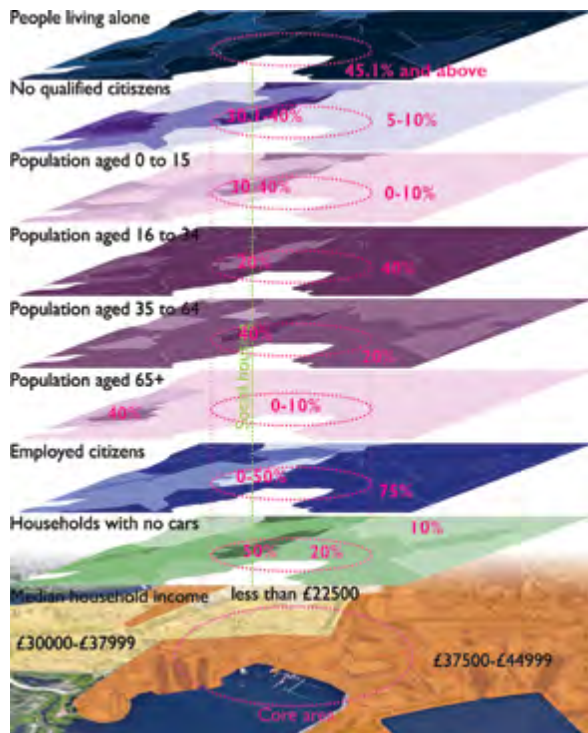
realm even depends on the use of it for community building in different places and ways, including weather conditions (fig. 12).

The demographic analysis demonstrates that the core area in Cardiff Bay is occupied mainly by middle age people that live alone. Although they are highly qualified, employed with high income, and can afford a car, most live in flats (fig. 13). However, there is a social housing area in contrast to the regenerated site regarding income, qualification, and population. Therefore, the performative role of the public realm in the Cardiff Bay regeneration area is vital to increase social equity in a diverse demographic society. Social exchange and interaction play a crucial role in improving equity.

The observation of the public realm in the core area of Cardiff Bay from children’s perception illustrates that the public realm is attractive with water elements, such as fountains and waterfronts, as well as art installations and edges of public space (fig. 14). While some fragmented parts of the public realm could be interesting for children, the large area on Roald Dahl Plass’s is dull. O’Brien et al. (2000) suggest that “a lack of attention to the different ways children use their cities will hinder advances in social policies designed to enhance participation for all children”.

^ Рис. 12. Пользование общественным пространством в разных погодных условиях: а – солнечный день; б – облачный, ветреный день; с – дождливый, ветреный день (источник: авторы, 2021) / Fig. 12. Use of the public realm in different weather conditions: a – Sunny days; b – Cloudy-windy days; c – Rainy-windy days (source: authors, 2021)

> Рис. 13. Демографический анализ в различных социальных слоях (источник: рассчитано на основе сервиса EDINA Digimap, 2021; карты Google, 2021) / Fig. 13. Cardiff Bay demographic analysis in layers (source: calculated from EDINA Digimap Service, 2021; illustrated on Google Maps, 2021)

ественного пространства относительно интересны детям, широкая площадь Роальда Даля менее привлекательная для социальной активности. Авторы (O’Brien et al, 2000) предполагают, что «недостаточное внимание к различным способам использования детьми городской среды будет препятствовать прогрессу в социальной политике, направленной на расширение участия всех детей».

Изначально площадь Роальда Даля была спроектирована как арена для проведения международных мероприятий в Кардиффе (Punter, 2006). Однако на долю этих официальных мероприятий в течение года приходится не более 2,5 месяцев. Такая перформативная роль в основном ориентирована на прибыль и туризм; в оставшуюся, большую часть года общественное пространство не используется для каких-либо мероприятий. Следовательно, огромное общественное пространство является непривлекательным для частого посещения жителями. Хотя площадь Роальда Даля используется как формальное пространство для официальных мероприятий, необходимо пересмотреть, как использовать его по-другому. Недавние события свидетельствуют о том, что все социальные действия считались неформальными и преступными, когда скопления людей стали результатом длительного карантина из-за пандемии COVID-19. Несмотря на то что общественное пространство активно использовалось для проведения собраний и ночных вечеринок, единственным развлечением для людей

Initially, the core area of Roald Dahl Plass in Cardiff Bay was designed to be an arena for international events in Cardiff (Punter, 2006). However, these formal events occur at least 20% of the year. While such a performative role is profit and tourist-oriented mainly, 80% of the year, the public realm is free of any events. Consequently, this core public realm could be empty and not interesting to visit frequently. While Roald Dahl Plass is a formal space for official events, it needs to be defined how to use this public realm differently. Recent social activities suggest that all social actions were considered informal and criminal. However, recent public gatherings resulted from an extended lockdown due to the COVID-19 pandemic. Although the public realm played a significant role in self-organised collective meetings and night parties, it shows that the only facilities people could do there were alcohol and drug abuse.

Consequently, the public realm was not safe for children. However, the significant problem for locals was unacceptable behaviour, such as constant rubbishing by visitors (fig. 15). There was a lack of facilities to motivate society to act another way. It leads to the point that the public realm is designed without considering the daily performative

role. For example, what if Roald Dahl Plass was not cleaned for one month? How would society react to it? Would they self-organise to fix it? Therefore, this current reality and complicated incidents demand more conscious and radical strategies to solve them.

South Wales Police Cardiff (2020) believes that the council's response to prevent mass gatherings on Roald Dahl Plass was "radical", considering that Cardiff Bay is a safe and vibrant area, and people of all ages come and safely enjoy themselves in the open space. However, cordoning the plaza is not an issue to prevent informal social acts (fig. 16). Observation of the public realm demonstrates that cordoned area is only a waste of such an ample space. This conventional approach must make more sense in increasing social cohesion (Inam, 2019).

Analysis of existing temporary businesses illustrates that all three cases are licensed, including the charity shop vendor who has an exemption from local authorities (fig. 17). Cardiff Country Council (2008) strictly regulates street trading in Cardiff. It requires licensing for all types of temporary businesses, including street food and goods trading, depending on the area to trade. Otherwise, "a person who engages in street trading in a prohibited street or who

в этом месте было употребление алкоголя и наркотиков. Следовательно, общественное пространство было небезопасным для детей. Серьезной проблемой для местных жителей стал и постоянный выброс мусора посетителями (рис. 15). Не хватало средств, чтобы побудить общество действовать по-другому. Это указывает на то, что общественное пространство проектируется без учета повседневной перформативной роли. Например, что если площадь Роальда Даля не чистить в течение одного месяца? Как бы на это отреагировало общество? Будут ли они самоорганизовываться, чтобы исправить это? Таким образом, нынешняя реальность и недавние инциденты требуют более сознательных и радикальных архитектурно-градостроительных стратегий для их решения.

Полиция Кардиффа (South Wales Police Cardiff, 2020) считает, что предотвращение массовых скоплений людей на площади Роальда Даля было «радикальным». Имеется в виду то, что Кардиффский залив должен быть безопасным и оживленным районом, чтобы люди всех возрастов приезжали сюда и безопасно проводили время на открытом пространстве. Однако оцепление площади не является решением для предотвращения неформальных массовых скоплений (рис. 16). Натурное обследование показывает, что оцепленная территория – это лишь неразумное использование такого пространства. Традиционный подход решения городских проблем должен иметь больше смысла для повышения социальной сплоченности (Inam, 2019).

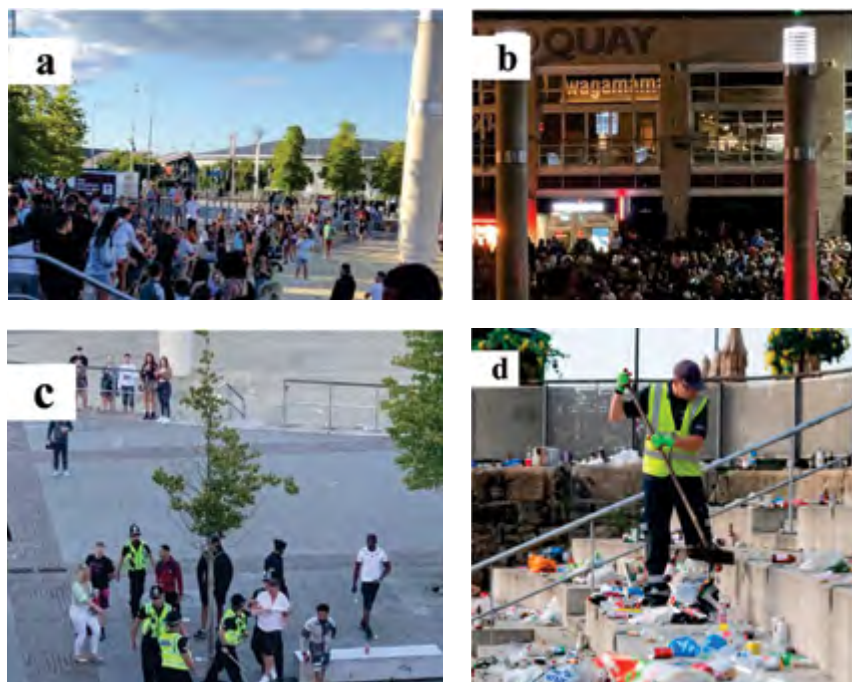
^ < Рис. 14. Натурное обследование восприятия детей в центральной части Кардиффского залива: а – водопад на площади Роальда Даля; б – скульптуры в районе гавани; с – набережная в гавани; д – сквер перед Миллениум-центром; е – площадь Роальда Даля (источник: авторы, 2021) / Fig. 14. Analysis of children's perception in Cardiff Bay core area: а – Waterfall on Roald Dahl Plass; б – Sculptures on the harbour area; с – Waterfront in the harbour; д – A square in front of the Wales Millennium Centre; е – A hardscape on Roald Dahl Plass (source: authors, 2021)

> Рис. 16. Реакция муниципалитета на массовые скопления в общественном пространстве: а – оцепленная площадь Роальда Даля (источник: карты Google, 2021); б – контроль за счет присутствия; с – контроль барьерами; д – непригодная площадь Роальда Даля (источник: авторы, 2021) / Fig. 16. Formal response to informal actions: a – Cordoned Roald Dahl Plass (source: illustrated on Google Maps 2021); b – Control by presence; c – Control with fences; d – Useless Roald Dahl Plass (source: authors 2020)

v Рис. 15. Неформальные действия на площади Роальда Даля: а – массовые скопления людей (источник: Walesonline.co.uk); б – ночные гуляния (источник: авторы, 2021); с – неформальные действия (источник: Walesonline.co.uk); д – результат массовых скоплений людей (источник: Walesonline.co.uk) / Fig. 15. Informal actions on Roald Dahl Plass: a – Mass gatherings (source: Website Walesonline.co.uk – URL: <https://www.walesonline.co.uk/news/wales-news/police-put-dispersal-order-place-20315728>); b – Night parties (source: authors, 2021); c – During social acts (source: Website Walesonline.co.uk – URL: <https://www.walesonline.co.uk/news/wales-news/violent-behaviour-cardiff-bay-coronavirus-18587479>); d – After the social acts (source: Website Walesonline.co.uk – URL: <https://www.walesonline.co.uk/news/wales-news/gallery/cardiff-bay-hottest-day-rubbish-18491419>)

Фотофиксация уличных бизнесов показывает, что все три случая лицензированы, включая благотворительный магазин, у продавца которого есть разрешение местных властей на освобождение от арендной платы (рис. 17). Совет Кардиффа (Cardiff Country Council, 2008) строго регулирует уличную торговлю в городе. Уличный бизнес требует лицензирования для всех видов, включая уличную торговлю едой и товарами, в зависимости от района размещения. В противном случае «лицо, которое занимается уличной торговлей <...> не имея на это разрешения, или нарушает любое из основных условий лицензии на уличную торговлю, виновно в правонарушении» (Cardiff Country Council, 2008, с. 11). На большинство улиц Кардиффа уличная торговля запрещена. В районе есть несколько улиц для согласованной торговли, в том числе

улица Роальда Даля. Однако они должны быть юридически одобрены властями. Это означает, что контроль в первую очередь находится в руках государства. В результате Кардиффский залив контролируется иерархической структурой, а не самоуправляется гражданами Кардиффа. В результате общественное пространство предлагает ограниченный ассортимент из дорогих ресторанов и международных сетевых закусочных, расположенных в торговом центре на набережной Мермейд, где нет места для малого бизнеса и уличных торговцев.

Согласно исследованиям, одна градостроительная проблема усугубилась другой. Постепенно несогласованные с обществом архитектурно-градостроительные решения, принимаемые без участия общества, привели к негативным последствиям. Например, низкая плотность населения, плохая пешеходно-транспортная связь с центром Кардиффа, а также отсутствие функционального микса и ограниченный график работы в вечернее и ночное время привели к отсутствию социальной активности. Несмотря на значимость общественного пространства как места проведения мероприятий мирового класса, оно некомфортно для ежедневных посещений. Отсутствие повседневной перформативной роли делает это пространство менее привлекательным для малого бизнеса, который мог бы поддерживать доступность района для всех социальных слоев населения. Более того, такие действия официальных лиц, как оцепление площади, указывают на то, что площадь Роальда Даля становится проблематичной с точки зрения общественного контроля.

Стратегии для перспективных городских трансформаций

Несмотря на то, что в районе регенерации Кардиффского залива существуют проблемы, негативно влияющие на функционирование общественных пространств, численность населения там высокая. Жители Кардиффа могут сделать общественные пространства более справедливыми и удобными для всех. Район Кардиффского залива может стать моделью справедливого общественного пространства. Через несколько десятилетий доступность его для всех граждан, разного возраста, достатка и физических возможностей, способна увеличиться. Городские

engages in street trading in a licenced street or a consent street without being authorised to do so or who contravenes any of the principal terms of a street trading licence is guilty of an offence” (Cardiff Country Council, 2008, p.11). Most of Cardiff’s streets are ‘prohibited’ for street trading. There are some streets in the Cardiff Bay regeneration area for consented trading, including Roald Dahl Plass. However, they must be legally approved by the authorities. It means that control is firstly in the hands of the council with a strong form of right on it. As a result, Cardiff Bay is controlled by a hierarchical structure rather than self-governed by Cardiff citizens. Thus, the public realm does not offer a wide range of affordable street food but more restaurants and international chain takeaways located in the shopping centre Mermaid Quay.

According to the investigation, one urban issue has been intensified by another problem. Gradually, minor material urban problems solved regardless of community involvement caused a negative effect in the long term. For instance, low density, poor connectivity with Cardiff city centre and lack of functional mix and night-time economy makes it less equitable for everyday use, particularly night-time. While the public realm is designed to satisfy

“world-class” events, it is not comfortable for daily visits. The lack of everyday attractiveness makes the public realm less inviting for informal businesses that could have sustained the area’s affordability. Moreover, the recent spatial intervention of the officials, such as cordoning the plaza, indicates that Roald Dahl Plass is becoming problematic in terms of non-spatial control.

Framework for perspective design strategies

Even though the Cardiff Bay regeneration area has existing urban issues that negatively influence its public realm, there is a considerable urban legacy. The urban heritage could be improved further by Cardiff citizens to make the public realm more equitable and comfortable for all. The legacy of the regenerated waterfront offers existing spatial networks, such as the plaza, streets and buildings.

Moreover, the Cardiff Bay regeneration area can potentially become a future model for the equitable public realm. Within a few decades, it could be even more accessible to all citizens, including different ages, incomes and physical limitations. Urban transformations should consider the flexibility of a spatial space that could allow for various types of non-spatial activities, including informal expressions. Flux contemporary cities require adaptiveness of a

в Рис. 17. Неформальные малые бизнесы: а – продавец благотворительного магазина; б – минивэн с мороженым; с – точка продажи билетов на карусель (источник: авторы, 2021) / Fig. 17. Informal businesses: a – Charity shop vendor; b – Ice cream van; c –Carousel (source: authors 2020)

преобразования должны учитывать гибкость пространства, которое может допускать различные виды непространственной деятельности, включая неформальное самовыражение. Современные города требуют адаптивности общественного пространства к изменениям. Однако радикальные городские преобразования требуют участия всех горожан. Нужны новые механизмы управления процессом городских преобразований.

Таким образом, концепция предлагает альтернативные стратегии пространственного и непространственного проектирования. Они должны выходить за рамки традиционных подходов к урбанистике. Хотя демократические подходы к городскому проектированию требуют больше времени для реализации, они вовлекают многих участников и являются более сознательными и привлекательными для всех сообществ. Это потому, что справедливое общественное пространство создается на основе

противоречий между различными интересами, идеями и выгодами.

«Повседневное общественное пространство» в районе мирового класса – это основная пространственная стратегия для создания равноправной и в то же время притягательной среды, свободной для политического самовыражения и социальных действий, а также для уличной торговли. Стратегия включает три основных архитектурно-градостроительных вмешательства. Во-первых, это трансформация автомобильной дороги на Ллойд-Джордж-авеню (рис. 18а) в зеленый коридор между центром города и заливом, включая пешеходную часть улиц Бьют-стрит и Хейс-Бридж-стрит до Центральной библиотеки. Во-вторых, строительство застройки средней этажности для социального жилья с активными интерфейсами первых этажей, в том числе и в ночное время суток (рис. 18б). В-третьих, преобразование площади Роальда Даля (рис. 19а) в парк (рис. 19б), что включает

< Рис. 18. Трансформация улицы в социально активное общественное пространство: а – проспект, соединяющий площадь Роальда Даля с центром города (источник: авторы, 2021); б – создание пешеходной и велосипедной связи с центром Кардиффа, увеличение функционального микса и плотности вдоль зеленого коридора (источник: авторы, 2022) / Fig. 18. Transforming the street to a socially active public realm:

a – The avenue connecting the Roald Dahl Plass with the city centre (source: authors, 2021); b – Improving walkability and cycling connectivity with the Cardiff City Centre, increasing functional mix and density along the greenway (source: authors, 2022)

public realm for changes. However, radical urban transformations need community involvement and the active participation of all citizens. It demands new mechanisms to control the process of urban transformations.

Therefore, the concept proposes alternative spatial and non-spatial design strategies for the Cardiff Bay regeneration area. They should be beyond conventional urbanism approaches. Although democratic urban design approaches require more time to implement, they involve many participants and are more conscious and engaging to all communities. It is because the truly equitable public realm is designed through tensions of interests, ideas and benefits.

“Everyday Public Realm” in the world-class destination is the primary spatial strategy to create an equitable meanwhile magnetic public realm that is lively, free for political expressions and social actions, as well as for informal flexible businesses. The strategy includes three primary spatial interventions. Firstly, transforming a car road on Lloyd George Avenue (fig. 18a) to the greenway link between Cardiff City Centre and Cardiff Bay, including pedestrianisation of part of Bute Street and Hayes Bridge Street up to The Central Library. Secondly, erecting a functional mix of middle-rise

social housing with active ground-level interfaces that could support the night-time economy (fig. 18b). Thirdly, transforming Roald Dahl Plass (fig. 19a) to Roald Dahl Park (fig. 19b), which includes upgrading of the Water Tower fountain to an artificial river, and improvement of illuminated pillars with a function of street umbrellas (fig. 20a). The spatial public realm interventions might allow creating equitable for everyone and everyday use world-class waterfront destination. It could make the area attractive for different types of social activities. All material interventions are designed for Cardiff citizens to discuss and implement gradually by self-organised and initiative groups within informal design strategies (fig. 20b).

Proposed design strategies include material interventions to streets, plazas, urban forms and informal non-physical interventions such as collective control, self-organised movements, and social acts. All design strategies could work in three scales systematically, from an urban scale of Cardiff to a neighbourhood scale of the Cardiff Bay regeneration area, including Roald Dahl Plass for the design outcome. However, these components have the flexibility to be initiated and implemented independently.

в Рис. 19. Преобразование площади Роальда Даля в комфортный район мирового класса для всех и повседневного пользования: а – существующая площадь с бетонным покрытием (источник: карты Google, 2021); б – преобразование площади в мягкий и естественный ландшафт, повышение доступности (источник: авторы, 2022) / Fig. 19. Transforming Roald Dahl Plass to an equitable world-class destination for everyone and everyday use: а – The existing concrete and stony paved plaza (source: illustrated on Google Maps, 2021); б – Transforming the plaza to a soft and natural landscape, increasing accessibility and permeability through creating soft edges (source: authors, 2022)

преобразование фонтана Водонапорной башни в искусственную реку и усовершенствование световых столбов с функцией уличных зонтов (рис. 20a). Интервенции в общественное пространство позволяют создать равноправное для всех пространство повседневного использования – набережную мирового класса. Это может сделать район привлекательным для различных видов социальной деятельности. Все архитектурно-градостроительные вмешательства предназначены для обсуждения и постепенной реализации жителями Кардиффа самоорганизованными и инициативными группами в рамках неформальных стратегий проектирования (рис. 20b).

Предлагаемые стратегии включают трансформации улиц и площади, а также коллективный контроль, самоорганизованные движения. Все стратегии могут работать в трех масштабах – от городского масштаба Кардиффа до района Кардиффского залива, включая площадь Роальда Даля. Однако они могут быть инициированы

и реализованы независимо друг от друга. Предлагаемые стратегии трансформации отражают три аспекта общественного пространства, такие как пространственный и непространственный контроль, социальная справедливость и городская неформальность. Основная идея трансформации состоит в том, чтобы создать для жителей Кардиффа механизм для будущих преобразований района. Эти стратегии проектирования могут повысить уровень социальной справедливости и улучшить повседневное использование общественного пространства за счет участия жителей Кардиффа в контроле, самоуправлении и мобилизации общества. Эти подходы разработаны так, чтобы быть открытыми и гибкими для дальнейших городских преобразований.

Заключение

Общественные пространства в городах создают архитектурно-градостроительные связи, которые поддерживают

> Рис. 20. Перформативная роль общественного пространства: а – расширение возможностей для самоорганизованной общественной деятельности; б – проведение общественных мероприятий для всех жителей (источник: авторы, 2022) / Fig. 20. Performative role of the public realm: а – Increasing possibilities to organise self-organised social activities; б – Alternative social events equitable for everyone to attend, act and enjoy (source: authors, 2022)

Proposed design strategies respond to three critical aspects of the public realm, such as spatial and non-spatial control, social equity, and urban informality. The primary idea of the interventions is to create a framework for Cardiff citizens to transform the area. These design strategies could improve social equity and daily use of the public realm through Cardiff citizens' involvement in control, self-governance and community mobilisation. These approaches are designed to be open-ended and flexible for further urban transformations.

Conclusion

The public realm is vital in cities as spatial networks that sustain non-spatial relations and social interactions. Therefore, the performative role of the public realm in contemporary cities is essential. It is because of how and for whom it is controlled, who it is equitable and what kind of informality is allowed. All three critical aspects of a public realm overlap and directly or indirectly influence each other. The study reveals that an equitable public realm is possible not only with the right form of control but who and how controls it. For example, even simple non-spatial urban problems, such as mass gathering and littering, were reflected physically in Roald Dahl

внепространственные отношения между разными социальными группами и людьми. Таким образом, перформативная роль общественного пространства в городе имеет важнейшее значение. Это связано с тем, как и для кого оно контролируется, в отношении для кого социально справедливо и какой вид неформальной деятельности там допускается. Все эти три аспекта накладываются и прямо или косвенно влияют друг на друга. Исследование показывает, что социально справедливое общественное пространство возможно не только при правильной форме общественного контроля, но и при том, кто и как его контролирует. Например, даже элементарные городские проблемы, такие как массовые скопления людей и загромождение, были решены физическим вмешательством на площади Роальда Даля. Несмотря на то что это общественное ядро было разработано для формирования социальной сплоченности и повседневного использования, результаты исследования показывают, как оно превратилось в социально несправедливое и некомфортное общественное пространство.

Характер общественных и частных пространств в районе Кардиффского залива указывает на то, что район рассчитан на финансовое обогащение нескольких владельцев развлекательных и торговых корпораций. В настоящее время оно работает на удовлетворение потребностей собственников общественных пространств и правительства Уэльса, являясь одним из ключевых мест проведения международных форумов и саммитов. Изначально основная концепция состояла в том, чтобы превратить зону регенерации в морское направление мирового класса. На самом деле это пространство в первую очередь ориентировано на потребителя, туристов и на проведение «глобальных» мероприятий. В настоящее время эта зона не используется в повседневной жизни горожан. Несмотря на то что она обладает огромным потенциалом стать привлекательным и социально равноправным местом для всех, тем не менее это пространство в значительной степени контролируется государством и частными интересами, чтобы приносить выгоду с точки зрения капитализации и популяризации.

Район регенерации Кардиффского залива – один из наиболее имиджевых градостроительных проектов

Plas. Even though it was designed to improve social cohesion and everyday use, it shows how it turned into an inequitable and useless public realm.

The study shows that given the nature of public and private realms in Cardiff Bay regeneration core area, it is designed to satisfy several entertainment and retail corporation landlords. Currently, the public realm works to satisfy wealthy landlords and the Welsh Government, which is also one of the key destinations for “international” forums and summits. Initially, the main concept was transforming the regeneration area into a “world-class maritime destination”. It is primarily for consumer-oriented minds, tourists and “global” events. Despite the possibility that the public realm has enormous potential to be an attractive and equitable destination for all, the public realm is still highly controlled by the state and private interests to benefit them regarding capitalisation and glorification.

Although the Cardiff Bay regeneration area is one of the UK's most significant state-initiated development projects, the site is unique and attractive for further urban transformations. Despite the adverse outcomes of conventional design approaches, the public realm has the potential to become equitable for all. However, these urban interventions should consider Cardiff citizens' design involvement before implementing any fixed spatial intervention. These processes involve tensions between different ideas and even struggles of interests. Consequently, genuinely radical urban changes require more time and energy than conventional urbanism, which is used to visualise fixed outcomes. Therefore, progressive urban transformations could be more effective when it involves more citizens as possible to satisfy all with a long-term perspective.

Великобритании, в то же время это место является уникальным с точки зрения дальнейших городских преобразований. Несмотря на неблагоприятные последствия традиционных подходов к архитектурно-градостроительному проектированию, общественное пространство обладает значительным потенциалом для того, чтобы стать социально равноправным для всех граждан. Городские программы по регенерации должны реализовываться с участием самих жителей Кардиффа, прежде чем осуществлять какие-либо архитектурно-градостроительные трансформации. Эти процессы сопряжены с напряженностью между сторонниками различных идей и даже с конфликтом интересов. Следовательно, по-настоящему радикальные городские изменения требуют больше времени и энергетических затрат, чем традиционный урбанизм, который используется для визуализации финального продукта.

Литература / References

- Brenner, N., & Theodore, N. (2002). Cities and the geographies of “actually existing neoliberalism.” *Antipode*, 34(3), 349–379. <https://doi.org/10.1111/1467-8330.00246>
- Cardiff Country Council. (2007). *City centre strategy 2007-2010*. Cardiff Country Council.
- Cardiff Country Council. (2011). *Local development plan: vision and objectives*. Cardiff County Council.
- Cardiff Country Council. (2018). *Control of street trading*. Cardiff County Council.
- EDINA Digimap Service. (2021). *Projection: British National Grid*. In Cardiff Bay. Retrieved from <https://digimap.edina.ac.uk/roam/map/os>
- Google Maps. (2021). Cardiff Bay regeneration area, Cardiff. Retrieved from <https://www.google.ru/maps/place/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%B8%D1%84%D1%84%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%B7%D0%B0%D0%BB./@51.4537265,-3.1914056,4199m/data=!3m2!1e3!4b1!4m5!3m4!1s0x-486e1815b6750763:0x599bee84ff6f9149!8m2!3d51.453877!4d-3.1693551>
- Inam, A. (2019). Designing new practices of transformative urbanism: an experiment in Toronto. *Urban Design International*, 24, 60–74. <https://doi.org/10.1057/s41289-018-0058-z>
- Kamalipour, H., & Peimani, N. (2019). Negotiating space and visibility: forms of informality in public space. *Sustainability*, 11, 1–19. <https://doi.org/10.3390/su11174807>
- Lynch, K. (2001). *The Image of the City*. Massachusetts: The M.I.T. Press.
- O'Brien, M., Jones, D., Sloan, D., & Rustin, M. (2000). Children's Independent Spatial Mobility in the Urban Public Realm. *Childhood*, 7(3), 257–277. <https://doi.org/10.1177/0907568200007003002>
- Punter, J. (2006). Cardiff Bay: an exemplar of design-led regeneration? In A. Hooper & J. Punter, *Capital Cardiff 1975-2020: regeneration, competitiveness and the urban environment* (pp. 149–178). Cardiff: University of Wales Press.
- Sennett, R. (2010). The public realm. In G. Bridge & S. Watson (Eds.), *The Blackwell City Reader* (pp. 261–272). Chichester: Blackwell Publishing.
- South Wales Police Cardiff. (2020). The steps of the oval basin are off limits and have been cordoned off by @cardiffcouncil, however, the rest of the area is free to be enjoyed by everyone [Twitter]. Retrieved December 10, 2020, from A beautiful day down Cardiff Bay website: <https://twitter.com/SWPCardiff/status/1291735148040458240>

Объемно-пространственная композиция Ани, некогда являвшегося большим средневековым городом и столицей Армении, проанализирована в контексте общих принципов средневекового градостроительства, что позволило раскрыть пространственную взаимосвязь городских доминант, поставить вопрос о первоначальной идее зодчего Трдата и ее преемственности в последующие периоды истории города.

Ключевые слова: Ани; архитектура; Трдат; средневековый город; история градостроительства. /

The spatial composition of Ani, which used to be a large medieval town and the capital of Armenia, is analysed in the context of the general principles of medieval urban planning. The analysis made it possible to reveal the spatial relationship of urban dominants, to raise a question of the original idea of the architect Trdat and its continuity in subsequent periods of the city's history.

Keywords: Ani; architecture; Trdat; medieval city; history of urban planning.

Ани: градостроительная идея Нового города и ее преемственность / Ani: An urban planning idea for the New City and its continuity

текст

Ольга Баева

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет /

text

Olga Baeva

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Введение

К проблеме градостроительства Ани исследователи обращаются с конца XIX – начала XX века. В этот период на городище работали экспедиции под руководством Н. Я. Марра. Сведения об этих исследованиях и Анийском археологическом институте есть в публикациях [1]. Археологические раскопки и изучение письменных источников позволили участникам экспедиций осветить многие вопросы истории Ани, в том числе выявить этапы его пространственного развития. Они показали, что город вырос у подножия древней крепости с дворцом, когда в 964 году были построены стены царя Ашота III, защищавшие узкий участок земли к северу от старой крепости. Так появился Старый город. В 989 году на значительном удалении от Ашотовых (более 700 м) были возведены стены Смбага II. Территория между стенами Ашота и Смбага получила название Новый город. Вместе Старый и Новый город в литературе часто именуются шахастан (более 80 га), а дворец с крепостью – Цитаделью, Вышгородом или Мичнабердом (Миджнаберд) (около 3 га), за ней на полуострове Кыз-Кале – самой южной точке Ани – находилась крепость, получившая название Нижней или Девичьей (Ахчка Берд).

Кроме того, было установлено, что город переживал периоды расцвета и упадка, связанные с завоеваниями. Первый период яркого развития продолжался от провозглашения Ани столицей в 961 году до завоевания сельджуками в 1064 году. Как показали археологические раскопки, после разгрома отдельные кварталы Ани долго не восстанавливались, разрушенные постройки заносило землей. Второй расцвет города, когда были построены известные нам жилища богатых анийцев и значительная часть рядовой жилой застройки, был подорван завоеванием монголов, последующих захватчиков, землетрясениями и экономическим кризисом. После этого Ани уже не смог восстановить своего бывшего величия, хотя еще длительное время жизнь здесь продолжалась. Материалы археологических раскопок пласта XIV – XV веков свидетельствуют об обнищании и запустении [2].

После перехода Карсской области под власть Турции археологические работы на городище были прекращены на многие десятилетия. Однако в этот период были

изданы обобщающие работы участников экспедиции Н. Я. Марра. Эти и ранее опубликованные материалы были осмыслены историками архитектуры в контексте общих знаний об архитектурно-градостроительном наследии городов средневековой Армении. Самыми плодотворными с этой точки зрения стали 1960–1980-е годы, когда вышли труды Н. М. Токарского, О. Х. Халпахчьяна, В. Арутюняна.

Частичное возобновление раскопок на городище турецкими специалистами с привлечением исследователей из других стран, музеефикация и открытие Ани для посещений активизировали его изучение. Историография архитектурного наследия города изложена в предшествующих публикациях [3], поэтому подробно этот вопрос не освещаем. Отметим только, что в последнее время заметен интерес специалистов и к градостроительной истории Ани [4, 5].

Основные черты планировки и архитектуры города хорошо известны и описаны, повторять эти сведения не имеет смысла. Главная задача данного исследования видится в решении вопросов, связанных с раскрытием принципов объемно-пространственной композиции, заложенных в начальный период градостроительной истории Ани и выявления ее преемственности в последующем. Такая проблема в явном виде не ставилась исследователями, а имеющиеся данные позволяют осветить некоторые ее аспекты.

Объемно-планировочная структура и иерархия городского пространства Ани будет проанализирована в контексте общих принципов средневекового градостроительства, обобщенных и описанных А. В. Иконниковым, а также с опорой на работы А. Я. Гуревича, М. М. Бахтина и др., в которых изучены особенности мышления людей той эпохи. Авторы показали каким было восприятие мира и городского пространства, а раскрыть идеи, положенные в основу градостроительной организации Ани, на наш взгляд, можно только через призму средневекового мировоззрения и общие принципы градостроительства.

Ани в контексте градостроительных принципов эпохи Средневековья

Средневековые города с системой фортификаций по характеру градостроительных условий можно разделить

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00354 (<https://rscf.ru/project/22-18-00354/>) в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете / Acknowledgements: The research was supported by Russian Science Foundation Grant No. 22-18-00354 (<https://rscf.ru/project/22-18-00354/>) at the National Research Moscow State University of Civil Engineering

на две большие группы: основанные на равнинной местности и на территории с естественной защитой. Сложный рельеф влиял на особенности пространственно-планировочной структуры. Форма плана и крепостных стен городов этой группы обуславливались естественными барьерами: очертаниями полуострова, плато или мыса. Наличие природной защиты зачастую диктовало вытянутую конфигурацию плана, близкую по форме к треугольнику.

Очевидно, что при сходстве градостроительных условий и принципов планировки городов каждый из них имел свои особенности и неповторимый облик, проявлявшиеся в композиции плана, выявлении центра, зонировании и иерархии городских центров. Зачастую эти особенности определялись вполне естественными причинами и зависели от конкретных условий.

Вместе с тем утвердившиеся в эпоху Средневековья градостроительные принципы основывались прежде всего на особенностях восприятия действительности и окружающей среды людьми той эпохи. Известно стремление повторить топографию или копировать символы значимых для данного региона или конкретной религии городов. При этом, как пишет А. В. Иконников, средневековое мышление выделяло только существенные признаки абстрактной модели, наделяя ее символическим или сакральным смыслом, который «считывался» всеми [6]. Так, например, образы Рима, Константинополя и Иерусалима вошли в топографию многих христианских городов, что не означало утраты последними своего неповторимого облика.

Высшим идеалом стала идея Небесного Иерусалима, в соотнесении с которой складывалась иерархия и сакрализация пространства христианских городов. Как известно, Иоанн Богослов (Откр. 21), помимо формы и размеров святого города, подчеркивавших его совершенство, уделил внимание всего трем градостроительным элементам: городским стенам с воротами, улице и храму, которого он не видел, «ибо Господь Бог Вседержитель – храм его...» (Откр. 21, 22). Самым подробным образом Иоанн описывает стены и ворота, они наделяются аллегорическим смыслом, символическим значением и знаковой ролью. А. Я. Гуревич отмечает, что каждое явление людьми Средневековья помещалось одновременно в мир земного и божественного, при этом первое понимание становилось символом второго, а мир символов был неисчерпаем [7]. Поскольку «христианский символизм «удваивал» мир, придавая пространству новое, дополнительное измерение, невидимое глазу, но постигаемое посредством целой серии интерпретаций» [7, с. 49–50], то и крепостные стены с воротами земных городов имели важнейшее значение, складывавшееся из их сакрального смысла и роли в физическом мире, где они выступали символом и знаком городского общества и защиты его территории.

В сознании людей образ земного города формировался из многих и разных по своему смыслу элементов: «Пространство средневекового мира представляет собой замкнутую систему со священными центрами и мирской периферией. Космос неоплатонического христианства градуирован и иерархизирован» [6, с. 200]. Торговые площади, постоянные дворы и бани были важны для повседневной жизни и являлись свидетельствами благоустроенности городов. Разумеется, что небесный город выше всего профанного, и в средневековом сознании эти черты небесного и земного существовали параллельно, определяя функциональное зонирование города, который при этом оставался иерархично организованным целым. Так, например, А. В. Иконников отмечает, что торговая площадь и площадь городского собора часто находились рядом, выявляя архитектурный центр города,

связывались между собой посредством переходов или примыкания, образуя «эффективную связку городских пространств», но они не объединялись, ведь городское пространство структурировалось исключительно «содержательно» [6, с. 204].

Таким образом, средневековый город представлял собой единое целое, которое очерчивалось «замкнутым периметром внешних укреплений... Пояс внешних укреплений всегда был продуманной единой системой», для которой разрабатывался предварительный замысел [6, с. 200]. По мнению исследователей, городская структура складывалась из отношения между церквями и чтимыми в них святыми, из расположения церквей по отношению к стенам, т. е. представление средневекового человека о городе опиралось «на символы и отношения в системе символов» [6, с. 201]. В связи с этими обозначенными градостроительными принципами эпохи интересным представляется наблюдение, сделанное А. Ю. Казаряном, о чертах сходства Ани и Константинополя. Он отмечает близость между стенами Смба и Феодосия, особенности архитектуры церквей Григория Просветителя, Апостолов и Спасителя, а также символическое значение, которым строители Ани наделяли эти храмы [4].

Элементы объемно-планировочной структуры Ани

Известно, что Ани складывался из нескольких ядер, которые повлияли на пространственную организацию города и определили его полицентричность. Согласно данным археологии, постройки на территории Нового города появились задолго до возведения Ашотовых и Смбатовых стен. Н. Я. Марр сообщает, что обнаруженные остатки зданий у церкви Апостолов могут быть датированы V–VII веками [2]. Д. Кертменджян, ссылаясь на мнение Т. Тораманяна, считает, что на месте Ани было раннесредневековое поселение, расположенное в районе возведения этой церкви [5]. Также очевидно, что еще до основания города существовала дорога, ведущая к цитадели, впоследствии ставшая его главной улицей. На территории будущего Нового города находились культовые здания, а строительство новых рядовых храмов определило сложную мозаику второстепенных центров и акцентов. На южной оконечности города была древняя крепость с расположенным там царским дворцом возвышавшаяся над городом, но отгороженная от шумной жизни его центра. Такими же замкнутыми элементами единой структуры города стали территории монастырей, появившиеся позже на восточной окраине города и в Нижней крепости. Их значимость как в культуре города, так и в его градостроительной иерархии была велика.

Известные нам сегодня здания, доминирующие на территории Нового города и определившие его образ и пространственно-планировочную организацию, построены в разные периоды истории. Однако анализ их расположения и пространственной связи не оставляет сомнений, что они объединены единым градостроительным замыслом. Еще раз сошлемся на авторитет Иконникова, который отмечал, что средневековые города строились если и не плану, то сообразно какой-то общей идее. Она не обязательно реализовывалась сразу, но сохраняла свое значение на протяжении длительного времени [6, с. 200]. Для последующих поколений эта идея была очевидной, что способствовало преемственности градостроительного развития, а какие-то коррективы могли вноситься в связи с конкретной целесообразностью момента.

Доминантами, посредством которых формировался образ Ани, были церкви Гагика (св. Григория Просветителя), Апостолов, Спасителя и Собор (рис. 1) и, конечно, стены Смба, укрепления, возведенные вдоль

> Рис. 1. Ани. Фото автора, 2022

северной границы города, которая не имела естественной защиты (рис. 2). О крепостных стенах и символической роли храмов написал, как отмечалось, А. Ю. Казарян [4]. С учетом замечаний исследователя попробуем проанализировать место указанных церквей в градостроительной структуре Ани.

Смбатовы стены и указанные храмы были построены с конца X до середины XI века. То, что крепость, Собор и церковь Гагикашен были возведены в период правления Смбата II (977–989) и его преемника Гагика I (989–1017), подтверждается источниками. О строительстве церкви Апостолов точных сведений нет, однако многие исследователи склонны видеть ее автором Трдата, архитектора Собора и церкви св. Григория Просветителя, а дату строительства определить в пределах правления царя Гагика I. Высказывалось даже мнение о том, что церковь Спасителя (1036) также построена Трдатом. О. Х. Халпахчян приводит данные С. Г. Бархударяна, который, изучив все надписи, собранные в Ани, выяснил, что имя Трдата было высечено на церкви, на южной грани стены [8]. Опираясь на эту надпись, архитектуру Трдату приписывал церковь Спасителя и М. М. Асратян, но А. Ю. Казарян полагает, что имя относится к священнику Трдату, который вместе со своей супругой Хушуш, согласно другой надписи на храме, «вновь отстроил», т. е. восстановил его в 1192 году [9, с. 59–60]. Однако для понимания роли Трдата в градостроительной организации Ани ответ на этот вопрос принципиального значения не имеет, ниже будет показано, что идея композиции была заложена именно им, а затем город продолжил развиваться в соответствии с ней.

К сожалению, источники не оставили нам подробных сведений о строительстве Ани. Однако здесь уместно будет провести параллели со строительством в городе Востан и на о. Ахтамар. В «Истории дома Арцруни» дается достаточно подробное описание строительной деятельности «великого государя» Гагика Арцруни (879–943). Восхваляя великолепие построек и деятельность самого царя как строителя, историк пишет, что Гагик сам принимал участие в планировке и намечал места будущих зданий. Архитектором, который возглавил это строительство, был Мануэл, «великий

искусник в своем деле». Эти сведения заставляют думать, что Смбат и Гагик Багратуни вместе с Трдатом тоже должны были определить основные градостроительные оси и узлы. А. Ю. Казарян пишет, что, очевидно, был разработан проект, который преследовал идеологические цели по созданию образа столицы, выражающего идею объединения светской и религиозной власти, сосредоточенных в этом городе [4].

Церкви Гагика и Апостолов расположены на северо-западе от Собора, который смещен от географического центра к восточной окраине городской территории. Три храма лежат на одной линии (рис. 3). В XII веке на этой линии была построена мечеть Абул Муамрана. Раскопки Н. Я. Марра открыли под ней остатки древних построек [2], однако о них ничего не известно. На северо-востоке от Собора расположена церковь Спасителя, которая с храмом Гагика находится на одной оси. Таким образом четыре храма образуют воображаемый треугольник, вершинами которого являются Собор, церкви Гагика и Спасителя, а его южная сторона проходит через церковь Апостолов и мечеть. Если проследить на запад ось, связывающую церковь Гагика и Спасителя, то его конечной точкой станет Дворец парона, примыкающий к городским стенам. Известно, что он построен не раньше XIII века. Заметим, что в то время Гагикашен, скорее всего, еще не был разрушен. Н. Я. Марр писал, что храм имеет следы укрепления, призванные предотвратить его обрушение [2]. О том, что храм обрушился внезапно, свидетельствуют найденные при раскопках люстра, кадило, светильник [2]. Н. Я. Марр склонен был считать, что оно произошло во время землетрясения, не указывая его дату [2]. Очевидно, речь идет о 1319 году. Вместе с тем построенные у церкви бедные жилища, в которых были использованы ее материалы, он датировал XIII – XIV веками, «быть может и древнее» [2, с. 66]. Н. М. Токарский высказывал мнение, что Дворец парона был построен в первые десятилетия XIII века, примерно в то же время, когда строилась церковь Тиграна Оненца (1215) [10]. Поскольку сведения о древних зданиях на месте Дворца или каких-либо его перестройках отсутствуют, можно допустить, что он был вписан в уже сложившуюся градостроительную композицию.

< Рис. 2. Крепостные стены Ани. Главные ворота. Фото автора, 2022

Предположение о неслучайном положении Дворца парона может быть поддержано еще одной наблюдаемой пространственной связью. Ряд зданий формируют другой треугольник, большей площади, чем описанный выше. Точками его вершин являются светское здание, первоначальная функция которого неизвестна, позже перестроенное в мечеть Мануче, расположенное за границей Нового города у Ашотовых стен, Дворец парона и церковь Спасителя, а стороны проходят через церковь Аbugамренц, Гагика и Собор (рис. 3).

Церкви Гагика, Апостолов и Собор имеют закономерное расположение относительно ворот Смбатовых стен, что является подтверждением единого градостроительного замысла зодчего. Церковь Гагика расположена напротив Карсских, Апостолов – Львиных, Собор – Шахматных ворот (ил. 3). Кроме того, если продолжить линию церковь Гагика – Собор, то ее конечной точкой станут ворота Багарата Аркайуни.

Неслучайны и расстояния между ключевыми элементами города. Хотя данная проблема требует отдельного обоснования и должна стать темой самостоятельного исследования, основанного на точных обмерах, все же отметим предварительные наблюдения. Церкви Спасителя и Апостолов примерно одинаково удалены от Собора на северо-восток и северо-запад соответственно; расстояние от Шахматных ворот до Собора соответствует расстоянию от Собора до церкви Гагика; расстояние от Главных ворот до церкви Апостолов – расстоянию от этой церкви до светского здания (мечеть Мануче); расстояние от Карсских ворот до церкви Гагика – расстоянию от этой церкви до Аbugамренц; равноудалены от мечети Мануче на северо-запад церковь Аbugамренц, на северо-восток – Собор. Трудно сказать, какие из этих соотношений задумывались изначально, какие учитывались на следующих этапах развития города, а какие сложились случайно.

Таким образом, мы видим наличие первоначального градостроительного замысла, соотношенного с пространственным природным и архитектурным контекстом. Крайнее размещение Собора требовало создания дополнительных композиционных центров, какими стали церкви Гагикашен и Апостолов, что сформиро-

вало сложное асимметричное равновесие, в которое были включены уже существовавшие здания. Очевидна и градостроительная преемственность последующих периодов.

Эти ведущие композиционные элементы соединялись между собой кривыми, узкими улочками. Подобно многим средневековым городам Ани не имел регулярной планировки. Н. Я. Марр писал: «Ани был изрезан про-

< Рис. 3. Спутниковый снимок Ани. Цифрами обозначены:
 1 – Карсские ворота;
 2 – Львиные ворота;
 3 – Шахматные ворота;
 4 – Дворец парона;
 5 – церковь Спасителя;
 6 – церковь Гагика;
 7 – церковь Апостолов;
 8 – мечеть Абул Муамрана;
 9 – Собор;
 10 – мечеть Мануче;
 11 – церковь Аbugамренц;
 12 – главная улица;
 13 – ворота Багарата Аркайуни, так называемые Саргиса Циленца (все названия даны по [14]).

улками и улицами. Проулки были тесные, годные лишь для пешеходов» [2, с. 34].

Исследователи считают, что для средневекового человека улицы не были важны. Смысл имели только символические значения пространственной формы и иерархические отношения между ними. Между двумя точками искали не самой короткой, а самой удобной связи [6]. Городские доминанты обычно выделялись в планировочной структуре тем, что к ним сходились пучки улиц. Такую картину видим и в Ани. О. Х. Халпахья писал, что устройство входов в Собор в виде больших объемно-выступающих порталов определило наличие улиц, пучками сходящихся к нему [11]. Действительно, в эпоху Средневековья образ парадной площади практически сходит на нет, а роль портиков теперь переходит к торжественно оформленным входным группам церквей и дворцов. «Порталы соборов и церквей... входы во дворцы воспринимались как "небесные врата", а сами эти величественные здания – как "дом божий" или "град божий"» [7, с. 89]. Это было повторением целого – города с его воротами – в его отдельных элементах.

Улицы, с градостроительной точки зрения не имели большого значения, об этом свидетельствует архитектурная практика Средневековья, но сама идея движения и перемещения в пространстве оставалась одной из ключевых категорий средневекового мышления и восприятия пространства. А. Я. Гуревич писал: «Путь понимался как духовное искание <...> Нравственное совершенствование принимало форму топографического перемещения (уход в пустынь или монастырь из "мира")». Достижение святости также осознавалось как движение в пространстве – святой мог быть взят в рай, а грешник ниспровергался в преисподнюю. Локальное положение человека должно было соответствовать его нравственному статусу <...>» [7, с. 98]. Не случайно Иоанн Богослов наряду с открытыми воротами указывает еще и улицу, а анализ городов этой эпохи показывает, что в них выделялась главная улица, которая не обязательно была прямой или широкой, но вовлекала в движение от главных городских ворот к центру.

В Ани была такая главная улица. Первоначально она раскопана Н. Я. Марром и сегодня частично раскрыта. Ее положение в структуре города не оставляет сомнений, что она стала важным градостроительным элементом, который наряду с крепостными стенами повлиял на его объемно-пространственную композицию. Все известные сегодня доминанты и композиционные акценты Нового города помещались в одной его половине, которая находилась в южной части, удаленной от крепостных стен. Часть их располагалась по периметру города, другие – внутри условного треугольника, очерчивающего эту центральную часть. Все здания находились в сложном динамическом равновесии, и в том числе относительно этого протяженного центра. Живописно тянувшаяся от главных ворот Смбатовых стен через ворота Ашотовых стен к цитадели главная улица делила город примерно на две одинаковые половины, а по обе ее стороны в центральной части Нового города были асимметрично расположены важнейшие его доминанты, формирующие как силуэт города, так и сложные видовые связи внутри.

Непосредственно на этой улице и примыкая к ней располагались лавки, мастерские, гостиницы. Она была благоустроена: имела каменное мощение, по ней проходил водопровод, были устроены фонтаны, поилки для животных, каменные скамейки для сидения. Отмечается, что отдельные лавки и мастерские перестраивались и достраивались [12] на протяжении всей истории Ани. Лавки располагались по обе ее стороны и были устроены по характерному для средневековых базаров принципу – состояли из небольших ячеек разного

размера (самые маленькие занимали площадь примерно 3 × 3 м), называвшихся на востоке «дуккан» [13, с. 54]. Торговля изысканными товарами, по общим для средневековых городов правилам, должна была вестись на отрезке улицы в пределах его центральной части, очерченной треугольником мечеть Мануче – Дворец парона – церковь Спасителя. Здесь же располагалось большинство важнейших светских построек, о которых нам известно сегодня: гостиницы, большая баня. Еще раз отметим, что эти здания были построены в разное время, но их размещение внутри указанного треугольника подчеркивает значимость этой части городской территории, сохранявшей свое значение.

В этом наполненном разными функциональными и смысловыми значениями целостном и полицентрическом пространстве можно предполагать, помимо протяженного торгового центра, наличие торговой площади. Раскопками под руководством Н. Я. Марра была обнаружена площадь: «У Ашотовых стен снаружи, откуда начинается <...> часть главной улицы, первоначально была площадь; она оказалась занятой позднейшими застройками. Часть этих построек мы сняли у башни налево <...>» [2, с. 83]. Больше об этой площади Марр не упоминает, однако важность ее открытия подчеркивает запись Орбели о том, что в 1910 г. открыта первая в Ани площадь [14, с. 25]. Аналогии с другими средневековыми городами, в которых были торговые площади, показывают, что обычно они примыкали к соборной или располагалась недалеко от нее, и так или иначе были связаны с главной улицей. Д. Кертменджян считает, что главная площадь города могла находиться между зданием таможи и собором с восточной стороны от главной улицы [5]. Возможно, это и так. Все площади, которые, предположительно, могли быть в городе, точно не были большими и имели искривленные очертания, скорее всего «карманами» примыкая к улицам.

Об изменениях в градостроительстве Ани

Выше представлен анализ расположения и связей группы ведущих композиционных акцентов и доминант, построенных, как отмечалось, в разные века. Такой подход, на наш взгляд, не является ошибочным, поскольку позволил выявить основную идею, объемно-пространственный каркас города, заложенный Трдатом, и показать его преемственность в последующие периоды истории. Вместе с тем город был гораздо разнообразнее и сложнее, выделялись местные центры, формируемые небольшими церквями, улицы со сплошной застройкой жилыми домами, общественные здания и производственные постройки. Часть церквей, которых было много в городе, не имеют датировки, они полностью разрушены, и их фундаменты едва угадываются под землей. Они приходили в запустение в периоды упадка и перестраивались в периоды расцвета. Появлялись мечети с минаретами. Застройка города претерпевала скачкообразные изменения.

Отчасти понять масштабы изменений поможет замечание Н. Я. Марра о том, что в Ани сохранились преимущественно развалины позднейших памятников и по ним нельзя судить о древнеанийском стиле [2]. При этом необходимо учитывать такую особенность: многочисленные свидетельства одновременной новой застройки целых кварталов [10], что, возможно, приводило к изменению их формы и меняло уличную сеть.

Н. Я. Марр писал, что в 1217 году «госпожой Оромой, дочерью Иоанна», была возобновлена небольшая церковь Богоматери, находившаяся в Новом городе недалеко от Ашотовой стены. При реставрировании церкви запущенная площадь не была расчищена, и была обращена в кладбище часть ее, прилегающая к церкви. Раскопки обнаружили, что покойников хо-

ронили в развалинах древних построек, незамеченных под толстым слоем наносной земли [2]. Таким образом, мы имеем свидетельство появления в XIII веке площади при церкви на том месте, где в ранний период были какие-то постройки.

Еще больше находим свидетельств о застройке площадей. Так, площадь у Ашотовых стен, существовавшая в первый период истории города, была занята позднейшими постройками. Вокруг храма Гагика появился целый квартал бедных жилищ [2], была застроена площадь церкви Апостолов. В так называемом квартале с церковью, широко известном в литературе, дома были плотно пристроены к храму. Со временем к некоторым церквям пристраивали гавиты, колокольни, что также сокращало размер площадей перед ними. Это еще раз свидетельствует о том, что значение площадей в средневековом городе снижается и повышается значение земли, которую можно использовать под новое строительство.

Заключение

Город свободной планировки с кварталами различных форм и размеров, ветвистым строением улиц, с выявленной магистральной улицей и центральной частью представлял собой полицентрическую систему, состоящую из взаимосвязанных зданий разного назначения. Сложно организованное пространство Нового города, заложенное Трдатом и поддержанное его преемниками, с асимметрично расположенными композиционными элементами воспринималось в динамическом равновесии из множества видовых точек. Представляется, что средневековое понимание исторического движения и пути, о котором мы писали, оказало влияние на композиционный замысел. Оно не выявлено через организацию уличной сети, поскольку улицы утратили значение как средство выражения идеи. Теперь достаточно было смысловой и зрительной связи объектов, а храмов – с воротами. Кроме того, расположение церквей напротив городских ворот было еще одним градостроительным принципом Средневековья, поскольку считалось, что они защищают город и формируют священное пространство.

Таким образом, город имел функциональное зонирование. Центры, наполненные разным смысловым содержанием, занимали определенное место в его структуре. Значимость торговой улицы определялась ее центральным положением, она являлась главной осью города, четко выявленной в его планировочной структуре.

Литература

1. Казарян, А. Ю. Анийский археологический институт. Диапазон деятельности и основы достижения успеха // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2016. – № 2 (7). – С. 9–27.
2. Марр, Н. Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. – Москва ; Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – 133 с.
3. Казарян, А. Ю. К изучению архитектурного наследия Ани. Актуальная проблематика и публикации последних лет // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2022. – Т. 12. – С. 110–122.
4. Kazaryan, A. The City of Ani Constructing a Medieval Capital in the Christian Orient // Architecture and Visual Culture in the Late Antique and Medieval Mediterranean. Studies in Honor of Robert G. Ousterhout. Architectura Medii Aevi. – 2020. – Vol. 14. – P. 241–252.
5. Кертменджян, Д. Комплекс городского центра Ани (Միջին բաղադրամասի կենտրոնի համալիրը) // International conference "Ani as Political and Civilizational Centre of Medieval Armenia". – Yerevan : Gitutiun, 2012. – P. 218–228.
6. Иконников, А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. – Москва : КомКнига, 2006. – 352 с.

7. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры. – Москва : Искусство, 1984. – 352 с.
8. Халпахчян, О. Х. О Трдате // Архитектура. Материалы конференции «Запад – Восток: личность в истории архитектуры». – 1995. – Вып. 4. – С. 97–103.
9. Казарян, А. Ю. Новые данные о куполах храмов Ани. Ч. 3: Стратиграфия барабана церкви Спасителя // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2020. – Вып. 1 (14). – С. 57–80. – DOI: 10.25995/NIITIAG.2020.45.38.004
10. Токарский, Н. М. Архитектура Армении IV–XIV вв. – Ереван : Армгосиздат, 1961. – 381 с.
11. Халпахчян, О. Х. Гражданское зодчество Армении. – Москва : Издательство литературы по строительству, 1971. – 248 с.
12. Belli, O. Ani in Everi Aspect. – Istanbul, 2021. – 406 p.
13. Зивилинская, Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 2: Гражданское зодчество. – Казань : Отечество, 2018. – 353 с.
14. Орбели, И. Развалины Ани. История. Современное состояние. Раскопки. – Санкт-Петербург, 1911. – 55 с.

References

- Belli, O. (2021). Ani in Everi Aspect. Istanbul.
- Gurevich, A.Ya. (1984). Kategorii srednevekovoj kul'tury [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo.
- Ikonnikov, A.V. (2006). Prostranstvo i forma v arkhitekture i gradostroitel'stve [Space and form in architecture and urban planning]. Moscow: KomKnina.
- Kazaryan, A. Yu. (2016). Anijskij arxeologicheskij institut. Diapazon deyatel'nosti i osnovy dostizheniya uspekha [Ani Archaeological Institute. Range of Activity and What Achieving Headway is Based On]. Questions of the history of world architecture, 2(7), 9–27.
- Kazaryan, A. Yu. (2020a). Novye dannye o kupolakh khramov Ani. Chast' tret'ya. Stratigrafiya barabana tserkvi Spasitelya [New Data on the Cupolas of Ani's Churches. Part Three. Stratigraphy of the Tholobate of the Redeemer Church]. Questions of the history of world architecture, 14, 57–80. DOI 10.25995/NIITIAG.2020.45.38.004.
- Kazaryan, A. (2020b). The City of Ani Constructing a Medieval Capital in the Christian Orient. In V. Marinis, A. Papalexandrou, J. Pickett (Eds.), Architecture and Visual Culture in the Late Antique and Medieval Mediterranean. Studies in Honor of Robert G. Ousterhout. Architectura Medii Aevi, vol. XIV, 241–252. Belgium: Brepols Publishers.
- Kazaryan, A. Yu. (2022). K izucheniyu arkhitekturnogo naslediya Ani. Aktual'naya problematika i publikatsii poslednix let [To the Study of the Architectural Heritage of Ani: Current Issues and Recent Publications]. Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva, 12, 110–122. DOI: 10.18688/aa2212-01-06.
- Kertmenjyan, D. (2012). Ani City Center Complex. Proceedings of the international conference "Ani as Political and Civilizational Centre of Medieval Armenia" (pp. 218–228). Yerevan: Gitutiun,.
- Khalpakhch'yan, O. Kh. (1971). Grazhdanskoe zodchestvo Armenii [Civil architecture of Armenia]. Moscow: Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu.
- Khalpakhch'yan, O. Kh. (1995). O Trdate [About Trdat]. Architecture. Proceedings of the conference "East-West: Personality in the history of architecture", 4, 97–103.
- Marr, N. Ya. (1934). Ani. Knizhnaya istoriya goroda i raskopki na meste gorodishcha [Ani. Book history of the city and excavations at the site of the ancient settlement]. Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
- Orbeli, I. (1911). Razvaliny Ani. Istoriya. Sovremennoe sostoyanie. Raskopki [Ruins of Ani. History. Current state. Excavations]. St. Petersburg.
- Tokarskij, N. M. (1961). Arkhitektura Armenii IV – XIV veka [Architecture of Armenia of IV–XIV centuries]. Yerevan; Armgosisdat.
- Zivilinskaya, E. D. (2018). Arkhitektura Zolotoj Ordy. Ch. II. Grazhdanskoe zodchestvo [Architecture of the Golden Horde. Part II. Civil architecture]. Kazan: Otechestvo.

Городские сервитуты как часть римского права стали законодательной необходимостью для решения споров, регулирования сложных взаимоотношений. Сыграв большую роль в сокращения конфликтов между жителями городов, пережив падение Римской империи и средневековый передел земли, сервитуты прочно вошли в систему европейского градостроительства.

Ключевые слова: Древний Рим; сервитуты; городские сервитуты; горожане и городские власти; республиканский Рим; Римская империя; история градостроительства. /

Urban servitudes, as part of Roman law, became a legislative necessity for resolving disputes and regulating complex relationships. Urban servitudes were of great importance in reducing conflicts between city residents. After the fall of the Roman Empire and the medieval redistribution of land, servitudes have firmly entered the system of European urban planning.

Keywords: Ancient Rome; servitudes; easements; city residents and city authorities; Republican Rome; Roman Empire; history of urban planning.

Городские сервитуты Древнего Рима и их влияние на развитие города / Urban servitudes in Ancient Rome and their influence on the city development

текст

Ирина Грин

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет /

text

Irina Grin

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Рим как город и как особая эпоха всегда вызывал пристальное внимание исследователей. За несколько тысяч лет существования этот город оказал огромное влияние на все аспекты жизни современного человека – оставил следы в нескольких языках и терминах, градостроительстве и архитектуре, юриспруденции и культуре. Римский порядок и правила жизни стали основой правовой культуры европейской цивилизации, веками отшлифовывая идеи правосудия и справедливости, которые менялись вместе с обществом. Городские сервитуты как часть римского права стали законодательной необходимостью для решения споров, регулирования сложных взаимоотношений. Городские сервитуты сыграли большую роль в снижении напряженности и разрешении конфликтов между жителями городов. Пережив падение Римской империи и период средневекового передела земли начала тысячелетия, сервитуты вернулись и прочно вошли в систему европейского градостроительства.

Правила жизни Рима царского периода и первые реформы города

Преобразование Рима в середине VIII века до н. э. из нескольких самостоятельных деревень в небольшой город было сложным процессом, основой которого стало не столько выделение сакральных мест и появлением крупных общественных построек, сколько необходимость людей объединиться, способность сформировать сообщество, готовое жить по единым правилам и вместе решать сложные вопросы повседневности. С самого начала форма управления Римом как городом была уникальна, поскольку жители сами избирали своих царей во время городских собраний, а потом сами же в 509 г. до н. э. отменили царскую власть и особые царские привилегии, объявив Рим республикой. За относительно небольшой отрезок времени царского периода – в 150 лет – поселение смогло превратиться в сравнительно небольшой, но настоящий город, у которого сложились ритуалы и правила не только религиозной жизни, но и повседневной.

К концу VI века до н. э. количество жителей Рима, привлекательного для окрестного населения понятными нормами жизни и обещанием защиты, достигало

30 тыс. человек, что немало для античного мира, но в несколько раз меньше, чем о Риме этого периода писали древние авторы, увеличивавшие городское население до 200 тысяч человек и больше [1]. Стремительный рост населения заставил городские власти не только быстро находить решения возникающих проблем, но и переводить эти резолюции в статус законов. Невзирая на то, что новые правила жизни поначалу не записывались, а традиционно устно передавались от поколения к поколению в виде непрерываемых обычаев, работали довольно слаженно, что позволило сформировать городской центр как особое статусное пространство с общественными зданиями и храмами, рынками и площадями. Именно так, влияя друг на друга, развивались вместе Рим его законы и горожане.

Уже в царский период перед городом встал вопрос о необходимости расширения границ, пытаясь справиться с ростом населения. Так правителем Сервием Туллем при поддержке жрецов была обозначена новая линия Рима, позже закреплённая рвом и оборонительными стенами. С Сервием Туллем связаны важнейшие городские реформы, разделившие жителей по имущественному цензу и территории проживания, направленные прежде всего на укрепление царской власти: с одной стороны, по новому закону плебеи получили те же права, что и аристократы, но с другой стороны, будучи внесёнными в единый список римских граждан, все малоимущие и даже неимущие стали частью общей налоговой системы. По новым городским законам «большой» Рим с пригородами был разделён на 30 частей, из них 4 – районы самого города, остальные 26 – окрестности и сельские участки [2]. Вслед за городской землёй Сервий Туллий поделил и самих римлян по имущественному признаку – цензу, напрямую связанному с размерами площади имеющейся земли, то есть по состоятельности и платежеспособности. Теперь римское население делилось не по родовой принадлежности, а по пяти разрядам (классам), четко прописанным размерами земельных участков. Вне всякого разряда оставались пролетарии – безземельные горожане [3], которых некоторые исследователи выделяют в особый 6-й класс. Они официально имели право не платить городу

^ Рис. 1. Формирование Рима как города. Макет. Музей римской цивилизации. Jean-Pierre Dalbéra. Photo Annie Dalbéra. (<https://www.flickr.com/photos/dalbera/5891253903/in/album-72157627012487237/>)

< Рис. 2. Рим эпохи империи. Изменение структуры города после пожара при Нероне. Макет. Музей римской цивилизации. Jean-Pierre Dalbéra. Photo Annie Dalbéra. (<https://www.flickr.com/photos/dalbera/5891253903/in/album-72157627012487237/>)

налоги и освобождались от обязательной воинской повинности, но, становясь таким образом людьми «второго сорта», вычеркивались из участников народных собраний и списков голосования. Разделение горожан на классы пересматривалось каждые пять лет – специальные городские комиссии заново описывали и оценивали имущество каждого жителя-мужчины, назначая владельцу земли его разряд-статус в зависимости от размера надела [4].

Деньги как валюта и ресурс, настоящие монеты с чеканкой (протомонеты не в счет) появились в Древнем Риме в IV веке до н. э. только при республике [5]. До этого власть земли была несравнимо выше, чем власть денег. Поэтому именно земля долгое время считалась главным мерилем благосостояния. Городские реформы, разделившие горожан не только по классовому, но и по территориальному принципу – по округам. Эта система позволила, с одной стороны, сохранить старые племенные связи, а с другой – объединять всех горожан, проживавших по соседству на одной территории, независимо от размеров недвижимости и статуса. Теперь жителей, приписанных к своим округам, гораздо легче было контролировать, отслеживать уплату налогов, составлять списки для голосования. Таким образом, новые городские законы опирались на имущественный ценз и топографию. Эта структура города по округам и районам, давно ставшая привычной для современного жителя, на самом деле ведет свое начало с реформ римского правителя Сервия Туллия.

Законы «XII таблиц» как один из древнейших правовых документов внутригородской жизни

Риму было чуть больше 200 лет, когда его законы стали переноситься и на другие подчиненные ему города. Утверждая жесткие критерии социального статуса для жителей и городской территории, римские города все больше расслаивались по социальному-доходному принципу, и как бы ни старались законы выглядеть равными для всех, правила жизни для патрициев и плебеев становились все различнее. В этих условиях необходимостью стало появление законов, которые пользовались бы авторитетом у каждого, независимо

от происхождения и достатка, – законы «XII таблиц». Неизбежно сохраняя разницу между разрядами горожан, законы сыграли огромную роль в становлении не только самого Рима как города, но и Рима как государства в середине V века до н. э. Поддерживая древние принципы италийцев, «XII таблиц» адаптировали юридические наработки греческих полисов, а также более древних городских сообществ Месопотамии и Египта.

Появление законов «XII таблиц» позволило четко прописать общие требования, формально известные и раньше, но или не выполнявшиеся, или трактовавшиеся по-разному, в зависимости от ситуации. Поэтому законы «XII таблиц», одни из древнейших правовых документов, стали основой римского права и подробной информации о частной жизни внутри города [6]. Более того, они оказались прочным фундаментом юридических систем разных европейских государств, неслучайно сохраняясь на протяжении тысячелетий. В Германии, например, римское право вступило в силу при Карле Великом в VIII веке, самом начале Средневековья, и действовало вплоть до объединения территорий немецких княжеств в единую Германию в 1902 году. В других странах Европы городские правила тоже строились на основе римского права до конца XIX века, настолько прочно оно вошло в общественное сознание как обязательное, хотя имело в разных землях свои особенности. До сих пор, сохраняя актуальность, многие нюансы нашего современного градостроительного законодательства имеют корни в древнем римском праве.

Роль городских сервитутов в урегулировании соседских взаимоотношений

Внутри «XII таблиц» скрыт своеобразный шифр повседневной жизни древнего римского города, который выстраивал взаимоотношения внутри дома и семьи, между соседями, между властью и горожанами. Земля вообще и размеры земельного участка в частности были главным ресурсом и определяли в римском обществе статус и власть. Поэтому отношение между людьми, владеющими или не обладающими землей, прописывались максимально подробно, насколько это было возможно римскому гражданину. Одним из важных правил

^ Рис. 3. Рим эпохи империи. Соседство аристократических городских villas и арендуемых insulae. Макет. Музей римской цивилизации. Jean-Pierre Dalbéra. Photo Annie Dalbéra. (<https://www.flickr.com/photos/dalbera/5891253903/in/album-72157627012487237/>)

^ Рис. 4. Рим эпохи империи. Колизей и прилегающие кварталы. Макет. Музей римской цивилизации. Jean-Pierre Dalbéra. Photo Annie Dalbéra. (<https://www.flickr.com/photos/dalbera/5891253903/in/album-72157627012487237/>)

«XII таблиц» были и сервитуты (лат. «подчиненное положение») – договоры, четко оговаривающие права пользования чужой территорией, позволяя или ограничивая эти права при необходимости. Древнейшие сервитуты, пока еще неписанные, появились намного раньше самого Рима – в цивилизациях Месопотамии и Древнем Египте, позже в Греции. Эти договоры назывались по-разному, но позволяли договариваться между собственником земли и другими людьми, когда необходимо было пройти к водопое или другому источнику воды по чужому участку, проехать по частной дороге и прочее. Несмотря на трепетное отношение римлян к недвижимости и ее границам, сервитуты, проверенные многовековым опытом, давали возможность регулировать сложные поземельные отношения.

Поначалу сервитуты были востребованы только владельцами соседствующих загородных владений, но с ростом городов и их населения сервитуты стали видом римского городского вещного права, зафиксированного в законе «XII таблиц», то есть не просто четко прописанного, но и позволяющего любому горожанину свободно ознакомиться с ними. Теперь болезненное право пользования чужой собственностью, и прежде всего землей, строго фиксировалось и оговаривалось. В ситуации, когда люди все плотнее заполняли городские территории, необходимо было не просто договариваться, но иметь юридическое обоснование, чтобы урегулировать сложные взаимоотношения между собственниками соседних участков. Городские сервитуты служили одновременно своеобразной «охранной грамотой» для собственников и договором о взаимопомощи с соседями, который устанавливался или бесплатно, или за деньги, или за какую-то услугу, когда деньги в расчетах имели меньшую выгоду [7]. Условия хорошо населенного города требовали постоянного вмешательства в границы чужого участка, если он, например, перегораживал путь к общему источнику воды и необходимо было ежедневно проводить к водопое скот и лошадей. Ничейной земли в Риме не было с самого начала, поэтому важно было договориться с собственником на законном основании.

Сервитуты в законах «XII таблиц» устанавливали правила на разные случаи жизни, в том числе оговари-

валось качество дорог, многие из которых даже внутри города были частными, их ширина и содержание, износ и ремонт от применения тяжелых груженых повозок. В некоторых случаях разрешалось двигаться в определенное время суток, иногда только справа или только слева, или по определенной полосе, если дорога вымощена камнем и хозяин берег эти дорогие вложения от тяжелых грузовых перевозок, а мог вообще разрешить только пеший проход или на носилках. Сервитуты предусматривали и ограничения пользования водой, если пройти к ней можно было только через чужую территорию или приходилось использовать частные источники – устанавливалось право черпать или отводить воду только в определенное время года или даже суток [7]. Договор сервитута объявлялся очень торжественно, обязательно со свидетелями и на том месте, который прописывался в документе, чтобы не было недопонимания. Такой заранее оговоренный взаимовыгодный порядок позволял собственнику по возможности мирно сосуществовать с соседями и с городом в целом, несмотря на разницу интересов. Современное законодательство с установлением личных и общественных сервитутов решает те же городские проблемы, хотя транспортная система и техника кардинально изменились.

Любая недвижимость, в том числе и городская, наследовалась по непростому римскому закону в зависимости от того, кому и что можно было получить или нельзя. Сервитуты тоже имели права наследования и передавались новым владельцам. Если участок, имеющий сервитут, продавался, то покупатель получал права этого договора, но его нужно было заново утвердить. Заключенные договоры сервитутов считались настолько важными, что сохранялись и в том случае, если какой-то потребитель не смог вовремя оплатить владельцу, например, право использования чужой воды или частной дороги. Эти ресурсы были жизненно необходимы, поэтому даже с должниками старались сохранять важные нормы соседства и добиваться по возможности мирного разрешения проблемы, соблюдая установленное соглашение.

Законы «XII таблиц» четко оговаривали все подробности, начиная от размера межи как незабываемой границы

между участками и заканчивая подробными правилами, что можно или нельзя делать на собственном участке. Например, хозяйственная постройка не могла появиться рядом с межевой линией, а жилой дом строился обязательно на расстоянии от межи в два раза больше. Детально оговаривалось и рытье колодца, выгребной ямы, могилы для частного захоронения и т. д. Если на участке высаживали оливковые или другие деревья, то это следовало делать на расстоянии в три метра (в современном пересчете) от соседских деревьев. Если же ветки дерева нависали над чужой территорией, их необходимо было подрезать или срубить. Плоды, упавшие на землю соседа, хозяин имел право забрать, и сосед был обязан пустить его на участок. Если же хозяин вовремя не собрал урожай, то сосед мог использовать по своему усмотрению [7].

Расширение полномочий городских сервитутов в Императорском Риме

Несмотря на то, что римские города разрастались и обозначали новые границы своих территорий, население увеличивалось так быстро, что жителям приходилось все плотнее соседствовать друг с другом. Поначалу городские сервитуты опирались на правила, заложенные «XII таблицами», и больше внимания уделяли самой земле и ее границам, а не постройкам, хотя и сохраняли обязательную межу, чтобы уберечь городские здания от пожаров. Однако очень быстро городские сервитуты обросли и собственными нормами жизни.

Дорожа добрососедскими отношениями, городские сервитуты оговаривали самые разные вопросы повседневной жизни, в том числе правила распространения дыма не только во время сжигания мусора, но и дыма из трубы дома или бани, неприятных запахов, шума или других беспокойств. Особые правила запрещали пристраивать здание вплотную к стене городского водопровода или общественной ванны, чтобы стены этих построек не отсыревали и не покрывались плесенью, заботясь о пользе и безопасности недвижимости обоих хозяев. Бурное строительство частных домов и крупных общественных зданий потребовало новых сервитутов, способных решать новые проблемы. Близкое расположение домов и участков заставляло римлян до мелочей прописывать такие варианты, как отведение дождевой воды с одной крыши на соседский водосток или чужой двор, и правильно оформить договор. В Риме, где водопроводная система была очень развита, такой ценный ресурс, как питьевая вода, требовал особых сервитутов, касающихся частных и общественных колодцев, многочисленных фонтанов, терм, а также городских воздухоприемных устройств – водой можно было пользоваться всем, но соблюдая особые условия публичных сервитутов.

Городские сервитуты не забыли и канализацию, и необходимость выводить городские и личные отходы. В тесном городе совсем непросто было договориться, чтобы чужой сточный канал мог пройти через участок соседа или даже присоединиться к его канализации, чтобы дальше соединиться с общегородской клоакой-канализацией, появившейся очень давно и постоянно добавлявшей новые ответвления.

Строительные нормы и правила в Императорском Риме устанавливались на основе имеющихся прецедентов и примеров умелого решения сложившихся проблем. С I в. до н. э. в многонациональном городе-миллионнике [8] необходимо было вносить законы и ограничения на строительство, стараясь предотвратить конфликтные ситуации, которые неизбежно нарастали в плотно сосуществующих кварталах. Добрососедские отношения требовали соблюдать достаточно для всех воздуха и света, поэтому вопросы инсоляции решались на уровне документов: построенные рядом дома должны были обеспе-

чивать свет друг другу, не загораживать солнце соседю стеной, крышей или высаженными деревьями. Особо прописывался запрет на строительство такого здания, которое загораживало бы хороший вид тем, кто жил рядом – это считалось большой ценностью, и нарушать ее было недопустимо. Специально оговаривалось, можно или нельзя прорубать окно в стене, если она общая, и тем более если она чужая, и многое другое [9]. Особые правила «городской хирургии» действовали в случае пожаров: если огонь разрастался и угрожал не только пылающему зданию, но и соседнему, тогда разрешалось сломать здание, соседствовавшее с горевшим, чтобы огонь не перекинулся дальше [7].

Рим начала империи кардинально отличался от города, известного нам сегодня: вместо широких проспектов и структурированных кварталов были узкие, изредка мощеные кривые улицы, в противовес знаменитым загородным дорогам, соединявшим обширные римские территории и обеспечивавшим прежде всего возможность быстро перемещаться войскам и грузам. Во многих поселениях такая роскошь, как мостовые, была редкостью. Застройка рядовых зданий, разномасштабная, иногда откровенно плохого качества и зачастую ветхая, вплотную соседствовала с дорожными домами аристократов и нобилей. В этих условиях, когда правила жизни в городе для собственников богатых домов и крупных наделов стали все сильнее отличаться от прав тех горожан, кто владел очень маленькими участками или не имел их вовсе, городская структура требовала кардинальной трансформации.

Законы о сервитутах, принятые еще при республике, не только соблюдались в эпоху империи, но расширились новыми деталями, основываясь на разных возникавших ситуациях, становились обязательными не только в миллионном Риме, но и в других быстро росших городах. Решая насущные проблемы, сервитуты теперь позволяли владельцу пристроить к своей квартире балкон, а иногда и целую комнату, нависавшие над чужим участком, но при этом и сосед на тех же правах мог отстаивать свой хороший вид из окон, достаточность солнечного света

< Рис. 5. Арка Азимеля в Риме. Худ. Р. Ф. Этторе, XIX в. Инсулы на окраинах Рима. (<https://www.ettoreoeslerfranz.com/>)

^ Рис. 6. Инсула Дом Дианы в Остии, предместье Рима. Рек. И. Джисмонди. (http://opac.sba.uniroma3.it:8991/araardeco/1923/23_I/Art1/I1P5.html)

^ Рис. 7. Инсула на ул. Фортуна в Остии. Рек. И. Джисмонди. (http://opac.sba.uniroma3.it:8991/araardeco/1923/23_I/Art1/I1P5.html)

и даже воздуха [7]. Несмотря на многолетний опыт действия городских сервитутов, вопросы общих санитарных норм для города пока не рассматривались на законодательном уровне и потому устанавливались как исключительно частные, не повсеместные, и такие ограниченные нормы оказывались недостаточными.

Особенности и проблемы многоэтажного жилья

Вопросы о городском жилье для малоимущих и пролетариев остро вставали уже в период республиканского Рима. Спасительным вариантом стали многоквартирные инсулы (от лат. «острова»). Но первыми обитателями подобных «общежитий» стали весталки – и молодые, и уже вышедшие на пенсию жрицы, жилье для них возводилось в один-два этажа рядом с храмом в самом центре города. Для других категорий горожан такое жилье строили выше этажами. Историки считают, что многоэтажные дома появились в Риме не раньше III в. до н. э., но археологи подтвердили, что уже в IV в. до н. э., на столетие раньше, жилые помещения могли надстраиваться на три этажа [10].

В миллионном Риме инсулы как многоэтажные доходные дома стали самым востребованным жильем. Цены на жилье росли пропорционально стоимости земли и количеству безземельных жителей, приезжавших из разных мест империи, поэтому инсулы выгодно стало строить максимально близко, стена к стене, заполняя участок застройки многоквартирным жильем. Название «инсула» очень быстро стало синонимом целого плотно застроенного квартала, ставшего своеобразным довольно закрытым «островом» со своими законами и правилами. Этот новый тип застройки стал образцом массового жилья не только в столице, но и в других крупных городах империи. Новизна состояла в том, что жилье предоставлялось поквартирно и даже покомнатно. В аренду могла сдаваться только кровать, иногда всего на несколько часов, чтобы отдохнуть, затем постель занимал следующий постоялец с почасовой оплатой.

К концу республиканского периода в Риме уже нарушился порядок заселения кварталов по принципу «свои к своим», сохраняя родственные и другие связи, но в императорском Риме сохранять их было уже невозможно.

Теперь на одном небольшом участке соседствовали семьи, не только не связанные родовыми узами, но и зачастую отличавшиеся национальными и религиозными обычаями. Совсем рядом жили люди, не совпадавшие календарями праздников, нормами поведения и даже предпочтениями в еде, что неизбежно приводило к сложным ситуациям и непониманию. Усугубляло проблему совместимости и то, что хозяйкам приходилось готовить вместе на общей кухне, располагавшейся во дворе, так как отдельные кухни с печами были довольно редки и зачастую только на первых этажах в богатых многокомнатных квартирах, имевших помещения и для рабов. Большинство инсул представляли собой древнеримский вариант коммуналки с общей кухней, единственным туалетом, усложненные разноплеменными правилами жизни.

Самый известный пожар 64 года н. э. в Риме не оставил историкам инсулы, сделанные из таких материалов, как дерево, туфовые блоки, кирпич-сырец. Сохранились единичные образцы, и то в виде развалин, выложенные из обожженного кирпича в самом центре города. Но старые кварталы Остии – главной гавани на окраине Рима – позволяют подробно изучать многоквартирные дома как подобие римских во всех деталях [11]. Сдаваемое в аренду жилье приносило владельцам настолько хороший и надежный доход, что некоторые предприимчивые богатые римляне перестраивали под инсулы с мелкими квартирами свои городские особняки. Такой выгодный бизнес многоквартирных домов, достигавших четырех этажей и выше, позволил разместить более 90% населения Остии [12]. Как подтверждают исследователи, инсулы занимали абсолютное большинство и столичных кварталов не только на окраинах, но и в центре, только выше и дороже, обеспечивая жильем основную массу городского населения.

Римские инсулы, как типичные доходные дома, на первых этажах размещали дорогие многокомнатные квартиры, но позже нижний ярус заняли магазины, таверны, мастерские и разнообразные услуги, необходимые горожанину в повседневной жизни, а квартиры владельцев этих бизнесов переместились на вторые этажи. Со времени республики городские власти пытались регу-

лизовать высотность стремительно росшего вверх жилья, но законы, ограничившие этажность, появились только в императорском Риме. Октавиан Август потребовал строить инсулы не выше 20 метров, что соответствовало зданию в семь этажей! Но этот закон касался только новых построек, а на те, которые были уже возведены, это правило не распространялось. Поэтому многоэтажные инсулы, сделанные из материалов и конструкций плохого качества, а также неправильно эксплуатируемые, регулярно загорались и обваливались, погребая под обломками жителей и прохожих. Неслучайно в IV веке н. э. император Валентиниан запретил пристраивать в Риме деревянные балконы к многоэтажным домам и приказал безжалостно сносить уже имевшиеся балконы. К сожалению, эти законы действовали только для инсул, располагавшихся на красных линиях улиц, а внутри кварталов, во дворах, все оставалось по-прежнему – и завышенная высотность, и ветхие лестницы, и старые непрочные балконы [13].

В русской дореволюционной системе тоже были прописаны городские сервитуты, называемые «право участия частного». В советских городах сервитуты как норма права исчезли, вслед за частной собственностью, и градостроительные нормы стали формироваться по-другому. Понятие сервитута – публичного и частного – вернулось в новое российское законодательство вместе с понятием собственности, прежде всего на землю. Нормы проживания на городских территориях, которые были прописаны в новом Градостроительном кодексе РФ, – это отголоски древних правил взаимоотношений между городом, горожанами, властью и городской землей как особым ресурсом, воспроизведенные в новых исторических условиях.

В плотно застроенном римском городе со стремительно увеличивавшимся населением, этнически и религиозно разрозненным, вопросы соседства обострялись, и утверждение единых законов стало необходимостью, но потребовало многолетней шлифовки. Поэтому именно городские сервитуты, пытаясь узаконить общие для всех правила жизни, развивались особенно стремительно и позволили мирным путем разрешить конфликтные ситуации и снизить напряженность между жителями городов.

Первые римские императоры старались сохранить городские правила, в том числе и законы «XII таблиц», как фундамент, доставшийся от предков и полисной системы. Тем не менее, внесение поправок было необходимо, так как республиканские нормы жизни перестали существовать в I веке до н. э., и состав городского населения стал стремительно меняться, все более отличавшийся этническими и религиозными особенностями, привнесившими свои нормы жизни.

Сервитуты являются необходимой частью современного градостроительного законодательства разных стран, в том числе в ГК РФ, и занимают несколько статей, устанавливая ограничения на использование чужого участка или проезда. Эти важные нормы совместного проживания на единой территории, проработанные многовековым опытом законодательства Древнего Рима и полученные нами в наследство, внимательно рассматриваются в каждом городе и оговариваются в каждой конкретной ситуации, особенно в плотно застроенных исторических кварталах.

Литература

- Бирд, М. SPQR: История Древнего Рима. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2020. – 604 с.
- Кузищин, В. И., Маяк, И. Л., Гвоздева, И. А., Ершова, Г. Г. История Древнего Рима. – Москва : Высшая школа, 2002. – 383 с. – URL: http://yanko.lib.ru/books/hist/hist_anc_roma-kuz-2002-a.htm
- Ирмшер, Й., Йоне, Р. Словарь античности / Пер. с нем. – Москва : Прогресс, 1989. – 704 с.
- Рубаник, В. Е. Проблемы истории права и государства: В трех книгах. Книга 2. Проблемы истории права и государства античного мира и Средних веков. Часть 1. Античный мир и раннее Средневековье. – Москва : Прометей, 2020. – 390 с.
- Мэттингл, Г. Монеты Рима. – Москва : Любимая книга, IP MEDIA Inc., Collector's Book, 2010. – 576 с.
- Бирюков, Ю. М. Правовые памятники древнего мира. – Москва : Изд-во ВПА, 1969. – 87 с.
- Муромцев, С. А. Гражданское право Древнего Рима. – Москва : Лань, 2013. – 726 с.
- Бирд, М. SPQR: История Древнего Рима. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2020. – 604 с.
- Покровский, И. А. Лекции по истории римского права. – Москва : URSS, ЛЕНАНД, 2021. – 248 с.
- Boëthius, A. Das Stadtbild im spätrepublikanischen Rom. – *Opuscula Archeologica*, 1935. – P. 164-192.
- Packer, J. E. The insulae of imperial Ostia // *Memoirs of the American Academy in Rome*, vol. XXXI (MAAR 31). – January 1, 1971. – P. 78-79. – URL: <https://www.amazon.com/insulae-imperial-Memoirs-American-Academy/dp/B0006E0ZEQ>
- Frier, B. W. The Rental Market in Early Imperial Rome // *The Journal of Roman Studies*. — Volume 67, November 1977. – P. 27-37. – Published online by Cambridge University Press: 24 September 2012. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-roman-studies/article/abs/rental-market-in-early-imperial-rome/81ACAE358446ADBEB194FC2EC6C3A20F>
- Kolb, F. Rom. Die Geschichte der Stadt in der Antike. — München: C. H. Beck Verlag, 2002. – 783 p.

References

- Beard, M. (2020). *SPQR: A history of Ancient Rome*. Moscow: Alpina non-fikshn.
- Biryukov, U. M. (1969). *Pravovye pamyatniki drevnego mira* [Legislative monuments of the ancient world]. Moscow: VPA.
- Boëthius, A. (1935). *Das Stadtbild im sp trepublikanischen Rom*. *Opuscula Archeologica*.
- Irmsher, Y., & Yone, P. (1989). *Slovar antichnosti* [Dictionary of antiquity]. Moscow: Progress.
- Frier, B. W. (1977). The Rental Market in Early Imperial Rome. *The Journal of Roman Studies*, 67, 27-37. DOI: 10.2307/299916. Retrieved from <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-roman-studies/article/abs/rental-market-in-early-imperial-rome/81ACAE358446ADBEB194FC2EC6C3A20F>
- Kolb, F. (2002). *Rom. Die Geschichte der Stadt in der Antike*. München: C. H. Beck Verlag.
- Kuzishchin, V. I., Mayak, I. L., Gvozdeva, I. A., & Ershova, G. G. (2002). *Istoriya Drevnego Rima* [A History of Ancient Rome] (V. I. Kuzishchin, Ed.). Moscow: Visshaya shkola. Retrieved from http://yanko.lib.ru/books/hist/hist_anc_roma-kuz-2002-a.htm
- Mattling, G. (2010). *Monety Rima* [Coins of Rome]. Moscow: Lyubimaya kniga, IP MEDIA Inc., Collector's Book.
- Muromtsev, S. A. (2013). *Grazhdanskoe pravo drevnego Rima* [Civil law of Ancient Rome]. Moscow: Lan.
- Packer, J. E. (1971). The insulae of imperial Ostia. *Memoirs of the American Academy in Rome*, vol. XXXI (MAAR 31), 78-79. Retrieved from <https://www.amazon.com/insulae-imperial-Memoirs-American-Academy/dp/B0006E0ZEQ>
- Pokrovskiy, I. A. (2021). *Lektsii po istorii rimskogo prava* [Lectures on the History of Roman Law]. Moscow: URSS, Lenand.
- Rubanik, V. E. (2020). *Antichnyi mir i rannee Srednevekove* [The ancient world and the early Middle Ages]. In *Problemy istorii prava i gosudarstva* [Problems of the History of Law and the State] (Book 2). Moscow: Prometey.

авторы

Абилов Алексей Жаилханович – доктор архитектуры, профессор Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева (Алма-Ата, Казахстан)

Аль-Адайех Майсолин – кандидат архитектуры, преподаватель кафедры архитектуры Университета Габриэле д'Аннунцио (Италия)

Али Салем Альшурман – доцент Колледжа Технического университета Luminous (Амман, Иордания)

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Баева Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры основ архитектуры и художественных коммуникаций Института архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ)

Базилевич Михаил Евгеньевич – кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры и урбанистики Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ, Хабаровск)

Бодэ Андрей Борисович – кандидат архитектуры, советник РААСН, сотрудник НИУ МГСУ, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИПМинстроя России») (НИИТИАГ)

Боков Андрей Владимирович – доктор архитектуры, академик РААСН, президент МААМ, народный архитектор России (Москва)

Бражникова Инесса Борисовна – ведущий редактор Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (Иркутск)

Буш Дмитрий Вильямович – академик РААСН, член-корреспондент МААМ, народный архитектор России (Москва)

Воличенко Ольга Владимировна – доктор архитектуры, профессор кафедры архитектуры, градостроительства и графики Юго-Западного государственного университета (ЮЗГУ, Курск)

Гандах Фирас – доктор архитектуры, доцент кафедры архитектуры Прикладного университета Аль-Балка (Иордания)

Гимельштейн Александр Владимирович – кандидат исторических наук, профессор, руководитель Высшей школы журналистики и медиаменеджмента Иркутского государственного университета, главный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда»

Глатоленкова Екатерина Викторовна – старший преподаватель кафедры дизайна архитектурной среды Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (ИАИД ТОГУ) (Хабаровск)

Головчанская Ольга Германовна – архитектор (Иркутск)

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент РААСН, вице-президент СА России, заслуженный архитектор России (Иркутск)

Грин Ирина Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент кафедры основ архитектуры и художественных коммуникаций НИУ МГСУ

Гулев Сергей Константинович – доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН (Москва)

Евсеева Елена Владимировна – архитектор (Томск)

Иванова Алина Павловна – кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна архитектурной среды ИАИД ТОГУ (Хабаровск)

Инам Асим – доктор градостроительства, профессор Университета Кардиффа (Уэльская школа архитектуры) (Великобритания)

Какиш Раед – доцент факультета архитектуры и дизайна интерьеров Канадского университета Дубая (ОАЭ)

Камалова Клавдия Владимировна – старший преподаватель кафедры градостроительства Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета (Красноярск)

Капустин Петр Васильевич – кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой теории и практики архитектурного проектирования Воронежского государственного технического университета

Ким Антон Андреевич – кандидат архитектуры, старший преподаватель кафедры архитектуры и урбанистики ТОГУ (Хабаровск)

Кожаметов Адилет Ерболулы – магистр искусств, старший преподаватель Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева (Алма-Ата, Казахстан)

Козлов Валерий Васильевич – кандидат архитектуры, профессор кафедры архитектурного проектирования ИАИСД Иркутского национального исследовательского университета (ИРНТУ)

Копылова Лариса Васильевна – искусствовед, историк архитектуры, заместитель заведующего творческой мастерской архитектуры Российской академии, живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, эксперт по экологической архитектуре (BREEAM) (Москва)

Кукина Ирина Валериевна – кандидат архитектуры, советник РААСН, старший научный сотрудник НИИТИАГ, профессор кафедры градостроительства ИАИД СФУ (Красноярск)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, член Федерации «Союз соотечественников» (София, Болгария)

Логунова Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры градостроительства ИАИД СФУ (Красноярск)

Макаров Андрей Юрьевич – академик МААМ, директор Института города ИРНТУ (Иркутск)

Малинович Роман Дмитриевич – руководитель АНО «Клуб молодых архитекторов», член Союза архитекторов России (Иркутск)

Маяренков Сергей Юрьевич – член Общественной палаты г. Иркутска, руководитель АНО «Иркутские кварталы»

Петрова Светлана Витальевна – сотрудник Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения (Латвия)

Салимов Алексей Маратович – доктор искусствоведения, профессор НИУ МГСУ, член-корреспондент РААСН

Салимова Марина Анатольевна – руководитель отдела историко-культурных исследований ООО «Научно-реставрационное объединение» (Москва)

Салмин Леонид Юрьевич – кандидат искусствоведения, профессор кафедры графического дизайна Уральского государственного архитектурно-художественного университета, член Союза дизайнеров России (Екатеринбург)

Соловьев Дмитрий Александрович – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН (Москва)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент ВАК, культуролог, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва (Иркутск)

Хамза Моайяд Шафик – сотрудник Школы креативных медиа Колледжа Технического университета Luminous (Амман, Иордания)

Хомутинников Иван Владимирович – доцент кафедры архитектуры и строительства ИАИСД ИРНТУ

Цой Валерий Викторович – член правления Новокузнецкой организации СА России, директор ООО «АБ Проект»

Цурик Татьяна Олеговна – кандидат культурологии, доцент кафедры архитектуры, градостроительства и графики ЮЗГУ (Курск)

Чичкань Александра Павловна – студентка ИРНТУ

Чуй Яна Владимировна – доцент кафедры градостроительства ИАИД СФУ (Красноярск)

Швидковский Дмитрий Олегович – президент РААСН, вице-президент РАХ, академик Академии архитектурного наследия, ректор МАРХИ, заведующий кафедрой истории архитектуры и градостроительства МАРХИ

Шейха Омния – магистр архитектуры, сотрудник кафедры архитектуры Университета Дамаска (Сирия)

Шилова Любовь Андреевна – кандидат технических наук, доцент кафедры информационных систем технологий и автоматизации в строительстве НИУ МГСУ

Ямалетдинов Сергей Федорович – доцент кафедры архитектурного проектирования ИАИД СФУ (Красноярск)

authors

Alexey Abilov – Doctor of Architecture, Professor at Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satbayev (Almaty, Kazakhstan).

Maysoleen Al-Adayleh – Ph.D. Candidate of Architecture, Department of Architecture, Gabriele d'Annunzio University (Italy)

Ali Salem Alshurman – Doctor, Luminous Technical University College (LTUC-SAE) (Amman, Jordan)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Olga Baeva – Ph.D. in History, Ass. Professor of the Department of Basics of Architecture and Artistic Communication, Institute of Architecture and Urban Planning, National Research Moscow State University of Civil Engineering (MGSU)

Mikhail Bazilevich – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Architecture and Urbanistics Department, Institute of Architecture and Design, Pacific National University (PNU, Khabarovsk)

Andrey Bode – Ph.D. in Architecture, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), MGSU, leading researcher of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (Department of Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation)

Andrey Bokov – Doctor of Architecture, full member of the RAACS, president of IAAM, people's architect of Russia (Moscow)

Inessa Brazhnikova – senior editor, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk)

Dmitry Bush – academician of the RAACS, people's architect of Russia (Moscow)

Olga Volichenko – Doctor of Architecture, Professor at the Department of Architecture, Town Planning and Graphics, Southwest State University (SWSU, Kursk)

Firas Gandah – Doctor of Architecture, Ass. Professor, Department of Architecture, Al-Balqa Applied University (Jordan)

Alexander Gimelshteyn – Ph.D. in Historical Sciences, professor, head of the Higher School of Journalism and Management, Irkutsk State University, editor-in-chief of the newspaper "Vostochno-Sibirskaya Pravda"

Ekaterina Glatolenkova – senior Lecturer of the Design of the Architectural Environment Department, PNU (Khabarovsk)

Olga Golovchanskaya – architect (Irkutsk)

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostok-sib-academcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the RAACS, vice president of the Union of Architects of Russia (UAR), honored architect of the RF (Irkutsk)

Irina Grin – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Department of Basics of Architecture and Artistic Communication, MGSU

Sergey Gulev – Doctor of Sciences in Physics and Mathematics, chief researcher, P. P. Shirshov Institute of Oceanology RAS (Moscow)

Elena Evseeva – architect (Tomsk)

Alina Ivanova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Design of the Architectural Environment Department, PNU (Khabarovsk)

Aseem Inam – Doctor of Urban Planning, Professor at Cardiff University (Welsh School of Architecture) (the United Kingdom)

RaEd Qaqish – Ass. Professor, faculty of Architecture and Interior Design, Canadian University Dubai (UAE)

Klavdia Kamalova – Assistant at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, Siberian Federal University (SibFU, Krasnoyarsk)

Petr Kapustin – Ph.D. in Architecture, professor, head of the Department of Theory and Practice of Architectural Design at Voronezh State Technical University

Anton Kim – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Architecture and Urbanistics Department, Institute of Architecture and Design, PNU (Khabarovsk)

Adilet Kozhakhmetov – MA in Urban Design, Senior Lecturer at Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satbayev (Almaty, Kazakhstan)

Valery Kozlov – Ph.D. in Architecture, Professor of the Department of Architectural Design, Institute of Architecture, Construction and Design, Irkutsk National Research Technical University (IACD INRTU)

Larisa Kopylova – art historian, architectural historian, deputy director of the creative architectural studio at Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, BREEAM expert (Moscow)

Irina Kukina – Ph.D. in Architecture, adviser of the RAACS, senior researcher, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the RF, Professor at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, member of the Federation of Fellow Citizens (Sofia, Bulgaria)

Elena Logunova – Assistant at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Andrey Makarov – academician of IAAM, director of the INRTU Institute of the City (Irkutsk)

Roman Malinovich – head of the ANO Club of Young Architects, member of the Union of Architects of Russia (Irkutsk)

Sergey Mayarenkov – member of the Civic Chamber of Irkutsk, director of the ANO "Irkutsk Quarters"

Svetlana Petrova – Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History (Latvia)

Alexey Salimov – Doctor of Art History, professor, MGSU, corresponding member of the RAACS

Marina Salimova – head of the Department of Historical and Cultural Research, Scientific and Restoration Association LLC (Moscow)

Leonid Salmin – Ph.D. in Art History, professor of the Department of Graphical Design at Ural State University of Architecture and Art, member of the Union of Designers of Russia (Yekaterinburg)

Dmitry Solovyev – Ph.D. in Physics and Mathematics, senior researcher, P. P. Shirshov Institute of Oceanology RAS (Moscow)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor, culturologist, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts (Irkutsk)

Moayyad Shafeeq Hamza – School of Creative Media – SAE, Luminus Technical University College (Amman, Jordan)

Ivan Khomutinnikov – Ass. Professor of the Department of Architecture and Construction, IACD INRTU

Valery Tsoy – member of the Board of the Novokuznetsk Organization of the Union of Architects of Russia, director of OOO AB Project

Tatiana Tsurik – Ph.D. in Cultural Studies, Ass. Professor at the Department of Architecture, Town Planning and Graphics, SWSU (Kursk)

Alexandra Chichkan – student, INRTU

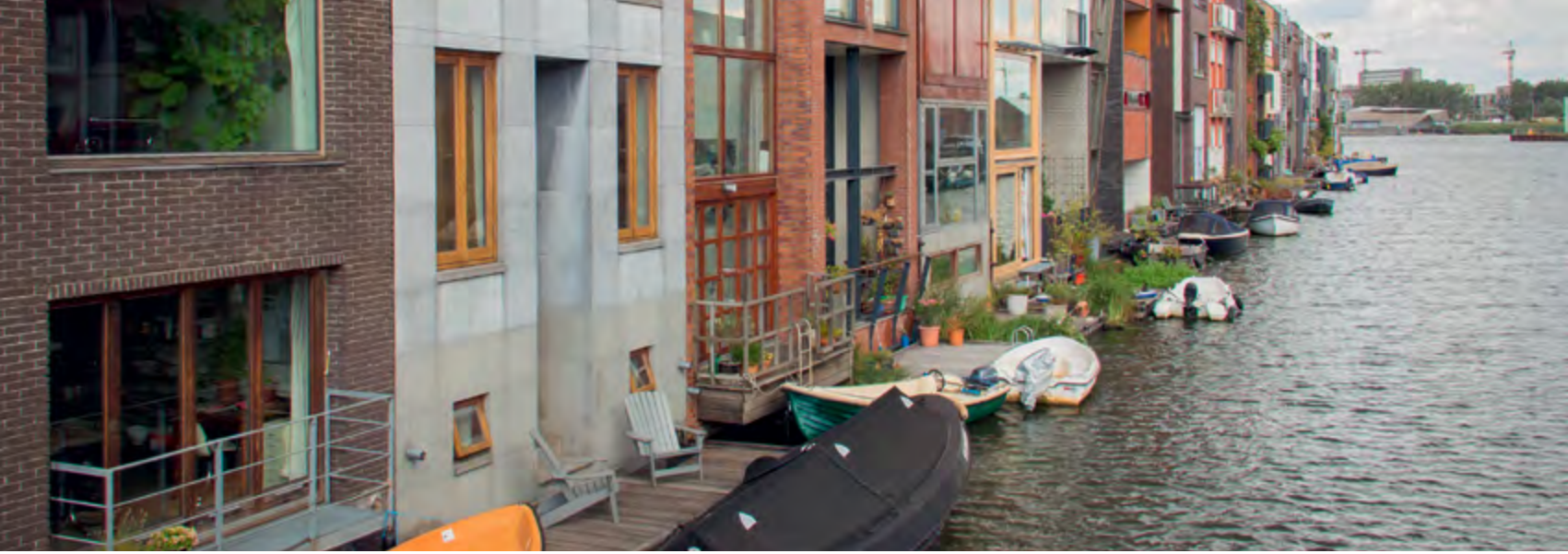
Yana Chui – Ass. Professor at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Dmitry Shvidkovsky – president of the RAACS; vice-president of the Russian Academy of Arts, academician of the Academy of Architectural Heritage, rector of MARKHI, head of the Department of History of Architecture and Urban Planning, MARKHI

Omnia Sheikha – Master of Architecture, Department of Architecture, Damascus University (Syria)

Lyubov Shilova – Ph.D. in Engineering, Ass. Professor of the Department of Information Systems, Technologies and Automation in Construction, MGSU

Sergey Yamaletdinov – Ass. Professor of the Architectural Design Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism

